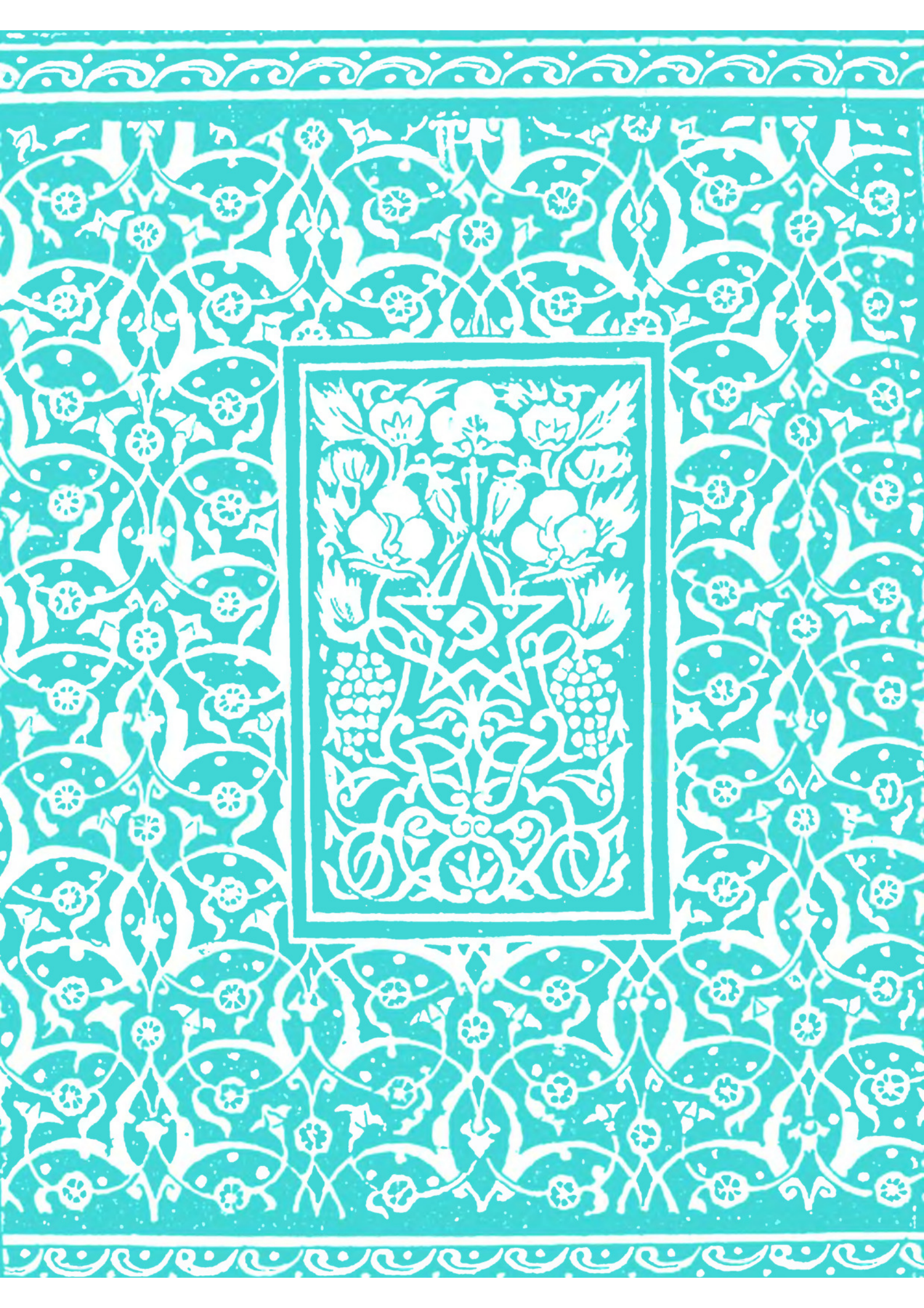

Путешествие
по
Советскому
УЗБЕКИСТАНУ

Географическая
научно-художественная
с е р и я

Н А Ш А Р О Д И Н А

И з д а т е л с т в о
Ц К В Л К С М
«Молодая гвардия»
Москва — 1953

ВИКТОР ВИТКОВИЧ

Путешествие
по
Советскому
Узбекистану

В Ц С П С
Профессиональный Союз
Работников
Торговле-Снабжения
Торгово-Финансовый Комитет
Торгово-регистрация
БОУНЦОР
№ 2788
С. БОУНЦОР

Издание второе,
переработанное и дополненное

„Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза.“

Из писем молодежи А. М. ГОРЬКОМУ

ОТ АВТОРА

Эта книга — итог многих путешествий многих людей или, еще точнее, — это твое путешествие, читатель!

Каждый год большое количество людей приезжает в Узбекистан. Делегации рабочих и колхозников Закавказья и Крайнего Севера, Дальнего Востока и соседнего Таджикистана сделались частыми гостями в узбекских городах и кишлаках. А сколько научных экспедиций москвичей, ленинградцев, тбилисцев, киевлян ежегодно работает в узбекистанских оазисах, городах и пустынях! Сколько туристов каждый день выходит из прибывающих в Ташкент самолетов и поездов!

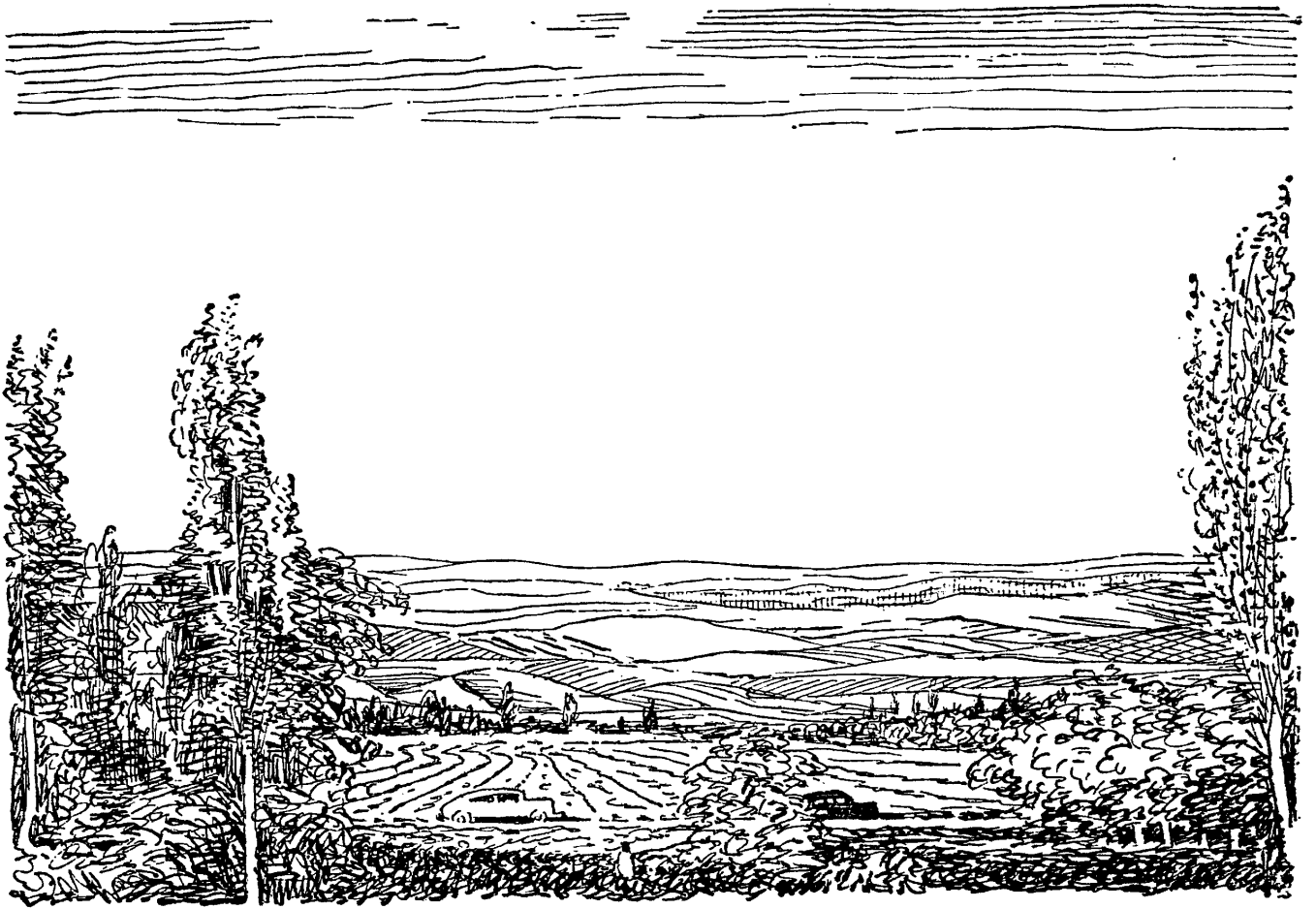
Велик интерес к Узбекистану — одной из свободных советских республик — и у трудящихся зарубежных стран. Еще в 1925 году, на XIV съезде партии, товарищ Сталин говорил: «Любой китаец, любой египтянин, любой индус, приехавший в нашу страну и побывший полгода в ней, имеет возможность убедиться, что наша страна является единственной страной, которая понимает душу угнетённых народов и которая умеет наладить сотрудничество пролетариев бывшей господствующей национальности с пролетариями бывших угнетённых национальностей» Больше четверти века назад были сказаны эти слова. За это время еще сильнее окрепла и вошла глубоко в быт и сознание советских людей дружба народов. Опираясь на эту великую дружбу, партия коммунистов превратила Узбекистан, как и другие советские республики, в цветущую социалистическую страну.

Дать читателю цельную картину жизни Узбекской республики, дать ему в руки своего рода путеводитель, с которым читатель мог бы словно проехать по всему Узбекистану, проехать, по возможности, так, как оно бывает в жизни, когда путешественник осматривает завод, и любитесь природой, и проводит день в колхозе, и вдыхает горький запах степных трав, и слушает рассказы об интересных жизненных случаях, и, наконец, знакомится с тем, как люди, живущие в Узбекистане, строят коммунизм, — вот задача, которую поставил перед собой автор.

Конечно, жизнь в нашей Советской стране развивается так быстро, столько каждый день происходит значительных событий — пускаются новые заводы, и вступают в строй новые электростанции, и рождаются новые машины и растения, и отвоевываются у пустыни новые земли, — что за жизнью не угонишься: написанное сегодня становится завтра уже вчерашним днем. Конечно, в книге нельзя охватить и всего многообразия жизни. Автор будет счастлив, если читатель увидит в книге хотя бы общие очертания и вместе с тем живой отблеск той действительной жизни — разнообразной, полнокровной и творческой, какую живет сегодняшний Узбекистан.

МЫ ЕДЕМ
В ТАШКЕНТ

Двое суток, от Чкалова и до Ташкента, поезд идет казахскою степью. Двое суток за окном вагона степь, степь... Степь бескрайная, кое-где испещренная желтыми песками пустыни, кое-где в белых пятнах солончаков. Время от времени впереди на горизонте появляется плоское селение — группа домиков и деревьев. Его замечаешь так далеко, что кажется потом — поезд идет к нему бесконечно. Но вот, наконец, селение проплывает мимо и долго еще виднеется позади, прежде чем окончательно растаять в степи. Железная дорога в Ташкент проложена по самым безводным и поэтому самым пустынным, малолюдным районам Казахской республики.

Только пять больших городов — пять новых крупных промышленных центров социалистического Казахстана, каждый в зеленом кольце

орошенных полей и садов, — минует поезд за двое суток, пять городов да еще несколько узловых станций, с их водонапорными башнями, многочисленными путями, сутолокой маневровых паровозов и запахом горячего мазута, расплывшегося пятнами между шпал. Города и станции эти исчезают позади поезда, еще больше подчеркивая громадность, беспредельность и первозданность степи.

Едешь степью ранней весной: она вся словно цветной шелк, вся в алых маках, белых ирисах, пламенных тюльпанах, яркозсленной полыни. Едешь летом ли, осенью: за окнами вагона лишь бурые травы, равнодушными взорами провожают поезд одинокие орлы, сидящие на телеграфных столбах, да изредка с проводов взлетит голубая сойка или золотистая шурка, и тогда в клубах паровозного дыма секунду горят желтые, синие, зеленые перья — единственные яркие краски в выжженной солнцем степи.

Пересекая сыпучие пески Мугоджар — невысоких гор в Кызыл-Кумах, поезд минует несколько сосен: они растут прямо в песке у железной дороги. Челкарская опытная станция по освоению песчаных пустынь сумела вырастить в песках яблоневый сад, виноградник, поле пшеницы, бахчу с дынями и арбузами, огород, где растут картофель, и капуста, и помидоры, и огурцы. Целая сосновая роща появилась в пустыне недалеко от Челкара. А несколько сосен ученые вырастили и у самой рельсовой колеи, чтобы пассажир, утомленный однообразием степи, мог помечтать о будущем, когда советские люди оденут зеленую рощ и садов всю необъятную западноказахстанскую степь.

В районе Кызыл-Орды поезд некоторое время мчится рисовыми полями; это поля, недавно орошенные, отвоеванные казахским народом у безводной земли. В местах этих, справа от линии железной дороги, кое-где поблескивают излучины Сыр-Дарьи. А слева, вдали, будто бы из-за кулис, вырастают горы Кара-Тау. Несколько часов они сопровождают поезд подобно далекому каравану. Потом цепь их лиловых горбов опять растворяется, исчезает в однообразной, растрескавшейся от солнца, бурой степи¹.

К исходу вторых суток горы слева вновь вырастают. Но теперь их лиловая гряда превращается и сама в кулисы, из-за которых выдвигается еще более далекий синий хребет, увенчанный снеговыми вершинами. И хотя вокруг все те же редкие кустики солянок, усыпанные мелкими крылатыми семенами, путешественник, завидев белую цепь гор, чувствует, что скоро конец степи и он въедет в иные, полные влаги, цветущие земли. Поезд вступает в полосу дальних отрогов Тяньшанских

¹ Географы делят пустыни Средней Азии на песчаные, глинистые, солонцовые и каменистые. Однако жители Средней Азии в просторечии называют глинистые пустыни не пустынями, а степями, например: Голодная степь, Каршинская степь и т. д. Дело в том, что глинистые пустыни и по внешнему виду и по жизни в них резко отличаются от песчаных пустынь. Мы будем придерживаться народной традиции и именовать глинистую пустыню не пустыней, а степью.

гор, мчится среди песчаных холмов. Тут-то возвращающиеся из странствий узбекистанцы не спеша принимаются за бритье, укладывают чемоданы, надевают свежие воротнички.

Приодевшись, они возобновляют разговоры. Как обычно в пути, говорят и о серьезном, говорят и о пустяках — о тех случайностях, которыми так богата жизнь человека. Еще час назад разговоры эти вызвали оживление, и горячие споры, и взрывы смеха, — сейчас лица озабоченны и рассеянны. Города впереди не видно, но в вагоне он уже незримо присутствует, мысли всех там. И, как всегда, немного грустно бывает, что людей, которые в дороге сходятся так, что им кажется, будто знакомы они вечность, начинает разделять теперь едва приметный холодок отчужденности. Невзначай бросают они в окна короткие взгляды. За окнами все те же бурые травы, та же холмистая степь, степь...

Но вот проносится мимо столбик, отделяющий Казахскую республику от Узбекской. И поезд въезжает — нет, не въезжает, а влетает, так резок переход от степи к сплошной зелени, — влетает в Ташкентский оазис, в необъятный сад, расцвеченный всеми красками юга. Пассажиры поезда сразу же тесно обступают окна вагонов. Как весело смотреть в них после двух суток пути по степям!

Глаз не может вдоволь налюбоваться игрой солнечных пятен в прохладной тени деревьев и виноградниками, в полумраке которых розовеют виноградные гроздья. Под сенью деревьев курятся дымки очагов, разостланы ковры и паласы; на них возятся ребятишки или отдыхают за обедом семьи узбекских колхозников. Ветви деревьев подперты шестами, — сами они не выдержали бы тяжести зреющих на солнце плодов: румяных яблок, мохнатых персиков, прозрачных груш, замшевых слив.

Дым паровоза, цепляясь за древесные сучья, опадает прозрачными хлопьями то на склоненные шапки подсолнухов, то на расшитую тюбетейку маленькой девочки, что у переезда машет ручонкой вслед поезду, то на простершуюся по земле зелень бахчей, из-под которой выглядывает золото зреющих дынь. Но чаще всего хлопья дыма, разлетевшись вширь, обнажают хлопковое поле; и тогда кажется, что это они, эти хлопья паровозного дыма, а не волокно, усеяли кусты хлопчатника своей белоснежной подпушью.

В дорожной пыли проселков, разбегающихся от переездов, виднеются отпечатки тракторных гусениц, на полях множество разных машин. Ослики с перекинутыми через спины расшитыми переметными сумами трусят вдоль глинобитных заборов, сторонясь от грузовиков, проносющихся по дорогам. Пестрые горлинки взлетают с кровель жилищ. И над всем этим обилием красок и движения — над бабочками, неловко порхающими в воздушном вихре поезда, над яркими одеждами работающих в поле колхозников, над бесчисленными цепями пирамидальных тополей, — раскинувшись величавым полукругом, дымят трубы заводов.

И вода, всюду вода! Она блестит сквозь листву в маленьких водоемах. Она коричневыми потоками стремится по руслам бесчисленных

арыков. Она отражает в себе голубизну неба, застаиваясь в прямоугольниках рисовых полей, где, засучив штаны, работают по колено в воде колхозники-рисоводы. Она пенящейся массой проносится глубоко под железнодорожным мостом в обрывистых берегах Бозсу — одного из древних каналов, орошающих узбекскую столицу. И уже совсем крошечными потоками она катится высоко над Бозсу по узеньким желобам, перекинутым с одного берега на другой.

Даже в шуме поезда звучит вода; двое суток колеса под вагонами стучали размеренно и монотонно, теперь под ними то мост прогудит, то прогремит акведук, то звук колес отзовется эхом в стенках сифона: только на последнем двадцати одном километре пути перед Ташкентом поезд пересекает сто тринадцать гидротехнических сооружений.

Странно, очень странно думать, глядя на этот цветущий и разнообразный пейзаж, что вы еще не распрощались с пустыней, что географически вокруг вас «зона пустынь». Ведь все, что видите вы на подъезде к Ташкенту: хлопковые поля и солнечные кровли селений, проглядывающие сквозь зелень листвы, да и сам Ташкент, — все это лишь громадный оазис в пустыне. У порогов здешних жилищ цветут розы, а не ползают черепахи меж редких кустиков верблюжьих колючек только потому, что многими поколениями здесь сооружались каналы, по которым струящейся сетью широко разбегалась вода.

«Капля воды, поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет», — гласит узбекская поговорка. Чтобы объехать Узбекистан, путешественнику надо воспользоваться железной дорогой, и паромом, и самолетом. Но путеводными нитями для него должны стать русла рек и крупнейших ирригационных каналов. Ключ к географии Узбекистана — вода.

Ведь таких причудливых границ не знает ни одно государство мира: узбеки живут в древних оазисах, которые образовались вокруг рек, стекающих с разных горных хребтов и разбегающихся в разные стороны. Разбросанные на громадной территории, оазисы эти — Ташкентский, Ферганский, Зарафшанский, Кашка-Дарьинский, Сурхан-Дарьинский и Хорезмский — отделены друг от друга сухими степями, пустынями и горными хребтами, а связаны лишь колеями шоссейных и железных дорог да кое-где цепочками крошечных оазисов, сады которых тесно жмутся к берегам небольших ручейков.

Узбеки говорят о своих оазисах: «Алмазы в песчаной оправе». Почти все население республики живет в оазисах. В Ферганской долине плотность населения на орошенных землях доходит до двухсот семидесяти, а в некоторых местах и до четырехсот человек на квадратный километр, — больше, чем в такой густонаселенной стране, как Бельгия. Но в узбекистанских степях и пустынях плотность населения меньше одного человека на квадратный километр, а существуют здесь и обширные земли, где населения почти совсем нет.

Чем больше всего славятся оазисы Узбекистана? «Белым золотом» — хлопком. Почти две трети советского хлопка выращивает на своих полях узбекский народ. И хотя сельское хозяйство Узбекистана знаменито еще и другим: оно дает две трети советского каракуля, половину советского шелка, больше половины советского риса, больше половины советского джута, огромное количество фруктов, главную массу всесоюзного сбора семян люцерны, которые тоже славятся на весь мир, однако по своему значению все это меркнет перед белоснежным хлопком.

Почти двадцатилетие назад академик А. Е. Ферсман писал: «...тот, кто часто бывал в Средней Азии, знает, что, в сущности, все внимание ее во все времена года связано с хлопком: или с его посевом, или с его поливом, или с его сбором. Когда осенью начинается хлопковая кампания, когда яркими красочными пятнами рассеиваются по полям группы рабочих совхозов, колхозниц и колхозников и сверкают новые машины по обработке хлопчатника, — тогда начинаешь понимать то громадное значение, которое имеет Средняя Азия в легкой индустрии нашей страны, и то, что в Средней Азии и в самом деле все должно быть брошено для хлопка и ради хлопка.

Но именно для хлопка и ради хлопка необходима индустриализация Средней Азии, потому что для больших урожаев нужны химические удобрения — фосфорные, азотные и калиевые. Нужна добыча фосфора, калия и азота, нужна химическая промышленность, которая добывала бы серную и азотную кислоты, нужны подсобные химические материалы, нужны строительные, огнеупорные, кислотоупорные и дорожные камни. Нужна нефть для силовых установок, нужен уголь для транспорта, нужны асфальты для асфальтирования и гудронирования дорог, нужна сера для опыления садов, нужен металл, чтобы не возить каждый гвоздь из Сибири или Москвы».

Теперь все это в Узбекистане есть. За годы сталинских пятилеток громадный исторический путь под руководством коммунистов проделал узбекский народ.

Путь от кузнечной мастерской, где мастера возле примитивных горнов подковывали лошадей, подвешенных на ремнях над специальными ямами, до узбекского металлургического завода с его мартеновским и прокатным цехами, выстроенными по последнему слову техники;

путь от первобытного вращающегося гончарного круга, на котором горшечники лепили свои кувшины, до крупных машиностроительных заводов, вырабатывающих гидротурбины, компрессоры, вакуум-насосы, экскаваторы, дизель-моторы, подъемные краны, машины для обработки хлопковых плантаций, прядильные, пухоотделительные, волокноотделительные и еще множество других машин и станков;

путь от кустарной ткацкой мастерской, где на допотопных станках, к которым вместо грузил подвешены камни, выделывались грубые ткани, до крупнейших в Союзе шелковых и текстильных комбинатов; среди

них, например, только на одном Ташкентском текстилькомбинате работает в семь раз больше веретен, чем во всей хлопчатобумажной промышленности Ирана;

путь от уличной пыли, которой дехканин бывало удобрял свое поле, до продукции крупнейшего в Союзе Чирчикского электрохимкомбината; благодаря ему в Узбекистане на каждый гектар хлопковых полей сейчас вносится удобрений в четыре-пять раз больше, чем в США;

путь от чирака, мигающего масляного светильника, до третьей в Союзе по величине электростанции — Фархадской — и десятков других мощных электростанций, которые дают теперь больше энергии, чем давали перед революцией все электростанции царской России;

путь от единоличного крестьянского хозяйства с его деревянным омачом (азиатским собратом русской сохи) и малой (первобытной выравнивательной доской) до крупного коллективного хозяйства с тракторами, комбайнами, хлопкоуборочными и другими машинами;

путь от мектеба — низшей духовной школы, где байский сынок затверживал наизусть непонятные ему арабские слова, до Академии наук Узбекистана; от бродячих певцов и музыкантов до оперного театра, лучшие артисты которого пользуются успехом не только в Узбекистане, но и в Москве, Будапеште, Пекине...

Узбекистан занимает «сердцевинное» положение в советской Средней Азии. Он граничит с Туркменской, Казахской, Киргизской и Таджикской союзными республиками, а на юге — и с Афганистаном. По территории (407,5 тысячи квадратных километров) Узбекистан значительно больше Италии, населения в нем примерно столько же, сколько в Австралии, — словом, это большое государство.

У каждого крупного узбекского оазиса своя история. Каждый в разные исторические времена был самостоятельным государством. В каждом своя природа, свои хозяйственные особенности, свои обычаи. И когда со всех концов республики съезжаются колхозники на прославившие узбеков скоростные народные стройки каналов, опытный глаз сразу различает по узору халата, по тюбетейке, откуда они — из солнечного Хорезма, из благодатной Ферганы или из маленьких кашкадарьинских селений, где птицы поют в гранатовых рощах.

Путешествие из оазиса в оазис — путь этой книги, шесть крупнейших оазисов и седьмая автономная Кара-Калпакия, входящая в Узбекскую союзную республику, — семь ее главных маршрутов.

Тянулось от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,
Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

Когда начинаешь путешествие по сегодняшнему Советскому Узбекистану, невольно вспоминаешь эти строки великого узбекского поэта Алишера Навои из поэмы «Семь планет», в которой поэт, в ком «серд-

це жаждет света и добра», мечтая во мраке средневековья о счастье народа, нарисовал нам пригрезившуюся ему дивную страну; о ней повествуют семь чудесных путников, пришедших по семи дорогам из «семи частей земли». Тот же, кто сам объедет все семь частей узбекской земли ныне, когда повсюду у нас, в великой стране социализма свершаются тысячелетние надежды лучших умов человечества, кто, путешествуя, увидит все собственными глазами и услышит все собственными ушами, сможет потом сказать о себе словами той же поэмы:

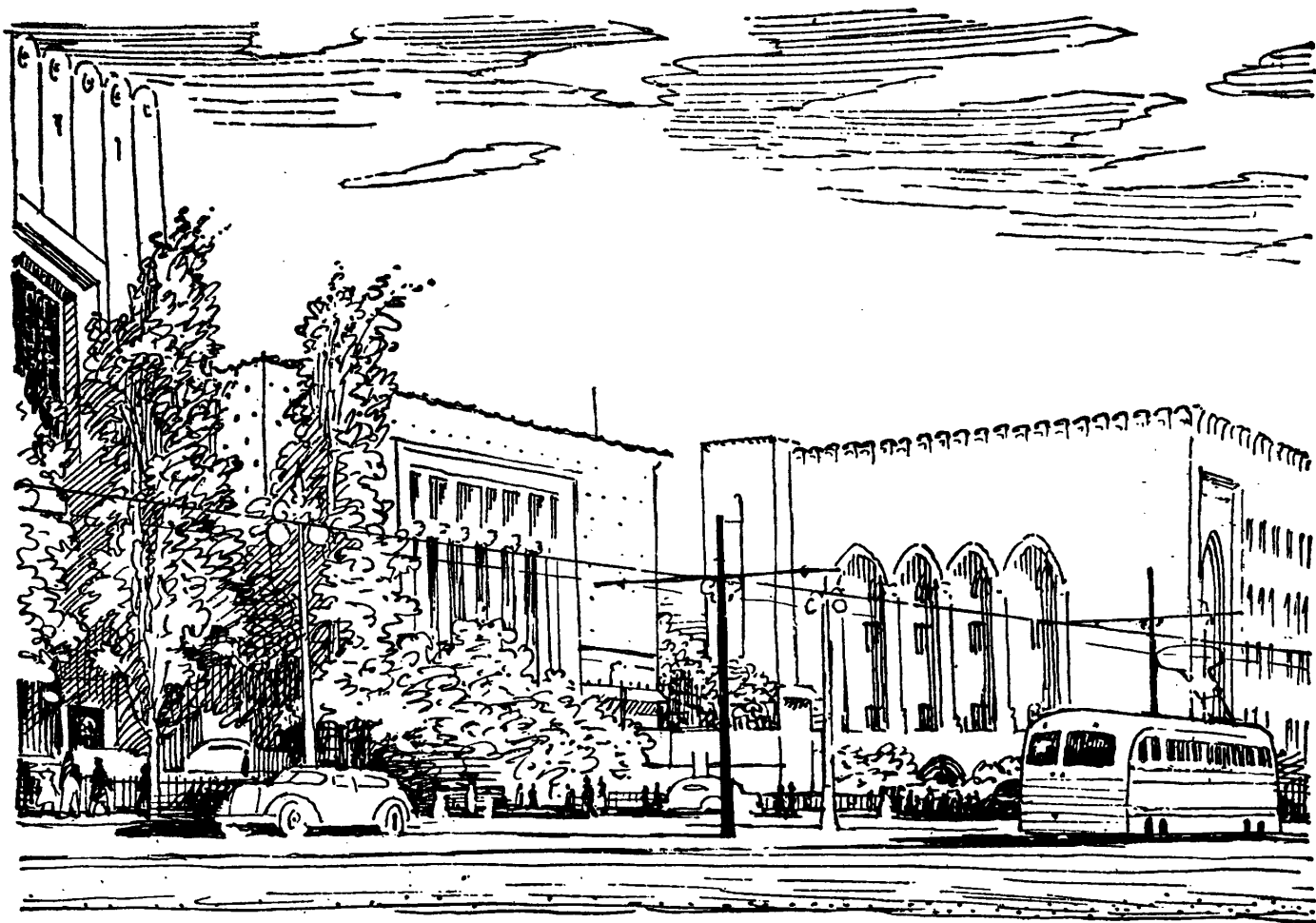
Скитаясь, обошел я семь планет,
 Блуждал под всеми небесами я,
 Знаком со всеми чудесами я!

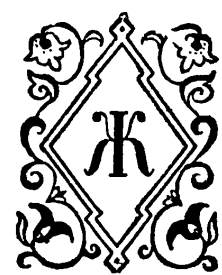
В Ц С П
 Профсоюзный союз
 электротехнической промышленности
 Торфяной комбинат
 Торфяной комбинат
 «БСДЗ»
 № 2788
 1966 г.
 Ст. Молодинский сельсовет, ж. д.
 Владимирской области

В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

1. ДЕНЬ ПРИЕЗДА

Жизнь сильнее воспоминаний. Все тускнеет в памяти: черты близкого человека, улица, на которой прожил несколько лет, знакомые картины природы. Но первое впечатление от них сохраняется в памяти дольше других. Бывает и так: природа вокруг та же, что и раньше, живешь все на той же улице, близкий человек рядом, а первое впечатление от них живет в памяти отдельно — иное, совсем не похожее на тот образ, что сложился потом.

Счастлив, кто приезжает в Узбекистан впервые! Со всею свежестью чувства он увидит нынешний, социалистический Ташкент — город своеобразный, прекрасный, полный кипения жизни, город великих замыслов, свершающихся надежд, а значит, и ежедневных, ежечасных перемен.

Казалось бы, только самим строителям узбекской столицы — ташкентцам — не суждено увидеть свой родной город со всею силою первого впечатления. Они родились, выросли здесь, потом не покладая рук тру-

дились, и работа приносила им столько забот, что только изредка они имели возможность взглянуть на целое — и тогда испускали восхищенный вздох: «Кажется, получается хорошо!» Некоторые из них были полны нетерпения. Все, по сравнению с деятельностью, которой они наполняли каждый свой день, представлялось им медленным. Если, ложась спать, они видели против своих окон строящееся здание, а проснувшись, не обнаруживали на нем еще одного этажа, они приходили в отчаяние, им чудилось: ничто с места не сдвинулось! Казалось бы, где тут говорить о свежести чувства, — каждое здание было им знакомо, каждое окно, каждый камень.

Казалось бы... И, однако, на самом деле это не так. Благодаря всеобщему порыву к учебе, что захватил советских людей, почти нет взрослого ташкентца, который время от времени не уезжал бы: интеллигенты — в Москву и Ленинград учиться в аспирантуре или для докторантской работы, а то и просто на курсы повышения квалификации; рабочие — в стахановские школы машиностроительных заводов Свердловска или Днепропетровска, шахт Донбасса, фабрик Иванова, Калинина и многих других прославленных городов.

Проучившись месяцев шесть, год или два, ташкентец возвращается домой и не узнает города — так стремительно меняется облик узбекской столицы. Сколько нового за время его отсутствия воздвигнуто здесь! Вместо того чтобы сразу вернуться в привычную колею (как это бывало раньше, когда Ташкент менялся едва заметно), такой человек в первые дни с жадностью бросается осматривать город: его только что завершенные здания, украшенные тончайшей резьбой и мозаикой, его вновь открытые парки, его новые нарядные магистрали.

Хорошо вернуться в Ташкент после долгой отлучки! Но еще лучше быть спутником любознательного человека, приехавшего сюда впервые. Каждый знает, какое большое удовольствие показывать свои родные места человеку, умеющему видеть и слушать. Сколько интереснейших мест, мимо которых привычно проходишь, не замечая, вновь оживают перед тобой, вновь обретают всю свою первоначальную свежесть!

Вот выходишь с ним, с этим приезжим, на привокзальную площадь Ташкента. Сверкает лак на вереницах автомобилей, особенно яркими кажутся краски троллейбусов и автобусов на фоне зеленых деревьев, обрамляющих площадь, звонки трамваев вплетаются в слитный шум людских голосов, — все полно движения, во всем чувствуешь пульс жизни огромного города. И в то же время все здесь свое, особое, неповторимое.

Оно в чуть белесоватом, как бы подсушенном солнцем небе. Оно в двух длинных черных косах женщины-узбечки, прошедшей мимо. Оно в белых шелковых мужских костюмах, в тубетейках, в мелькающих кое-где полотняных белых фуражках, по которым даже далеко от Узбекистана безошибочно узнаешь жителя Средней Азии. Оно в запахе

плавающего под солнцем асфальта, в журчании арычка, проложенного вдоль тротуара в каменной узкой щели... Да мало ли еще в чем!

Наблюдаешь уголком глаза за своим спутником: мол, все ли заметил он, все ли оценил. А в сердце ширится, растет то чувство гордости за свой город, тот гимн жизни, что с каждым годом все сильнее звучит в поэзии советских людей.

Вот он вновь предо мною возник,
Мой край родной, мой пышный цветник,
Солнцем и синевою осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша,
Тобой через край полна душа!
Солнцу здесь, как и людям, не лень
Трудиться над хлопком целый день,
Чтобы довольства и счастья полна
Была прекрасная наша страна.
Верен попрежнему розе своей,
Не стонет теперь над ней соловей:
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.
Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют,
Участь детей своих не клянут.
Счастливая на все времена —
Вот какая моя страна!..

Эти стихи Хамида Алимджана сами просятся на язык, когда сходишь со ступеней ташкентского вокзала, приветствуя город.

И вот уже мчишься в такси к центру Ташкента, мчишься по улице Тараса Шевченко меж двух рядов новых жилых комфортабельных трехэтажных домов. В скверах играют дети. Воздух пропитан солнцем и запахом деревьев, таким особенным, что если ташкентца привезти сюда с завязанными глазами на самолете, он по одному этому запаху безошибочно узнает свой родной город.

Ташкент! Гигантский клубок улиц. Прямые проспекты, где асфальт белеет сквозь зелень листвы. Светофоры на перекрестках. Над некоторыми улицами сплошной свод широколиственных лип и могучих дубов. В прохладном полумраке, под парусиновыми тентами зеркальные витрины спортивных и книжных магазинов, универмагов, ресторанов, кафе. На углах киоски с цветами, с мороженым, с газетами и журналами. Машина проносится мимо одной-двух разрытых улиц: это прокладывают водопровод, электрокабель или канализацию. А на остальных улицах чистота, которую начинаешь особенно ценить после того, как побываешь на захламленных улицах капиталистических городов.

Ташкент, столица Узбекистана! На некоторых старых домах белые мраморные мемориальные доски с золотом букв: память о том, что здесь был центр революции всей Средней Азии. У подъездов мини-

стерств ряды автомашин. В гостинице многоязычная речь людей, приехавших из разных республик. А в небе над узбекской столицей самолет; мгновенная тень его проносится поперек улицы. И горожане по направлению этого самолета знают, куда он летит: в Алма-Ату, Сталинабад или Москву.

Таким предстанет перед вами Ташкент в день приезда, если посетите вы его летом или осенью. Но это будет лишь первое впечатление. Для того чтобы увидеть узбекскую столицу по-настоящему, увидеть не только новые, социалистические магистрали, не только огненно-красные маки, неожиданно расцветающие на сухом глинобитном заборе, но и то, как живут здесь советские люди, чего под водительством коммунистов добились они, чего добиваются и как рисуют себе еще более счастливый завтрашний день, для того чтобы вместе с тем ощутить все могущественное обаяние ташкентской природы, услышать сквозь говор листвы многозвучный шум города, а в полночь и едва слышный, ни на что не похожий звук воды, наполняющей пересохшее русло арыка, — для этого следует задержаться в Ташкенте и прожить в нем хотя бы несколько дней.

2. НАСЛЕДСТВО ТАШКЕНТА

«Что местный житель разглядит и в глиняном черепке, приезжий увидит лишь в зеркале», — гласит узбекская поговорка. Чтобы увидеть все богатство, все величие работы советских людей по социалистической реконструкции Ташкента, нужно отчетливо представить себе, с чего она началась. Если вы ограничитесь прогулкой по новым магистралям и новым рабочим кварталам, ежели пройдете мимо уходящей старины, не познакомитесь с нею, вы и на красивейших улицах социалистического Ташкента многого не заметите, мимо многого пройдете, не оценив.

Характернейшая черта, доставшаяся Ташкенту, как и некоторым другим городам Узбекистана, в наследство от дореволюционных времен, — что он делился на так называемые «старый город» и «новый город», бывшую азиатскую и бывшую русскую части. Советские люди сделали и делают все, чтобы возможно быстрее стереть — не граць, грань уже стерта, — стереть окончательно разницу между этими двумя городскими районами. Однако Ташкент — шестой город в Советском Союзе по числу населения, а по территории — второй: по площади он почти равен Москве. Такой большой город сразу не перестроишь! Вот почему, несмотря на грандиозное строительство, «старый город» и «новый город» во внешнем облике Ташкента, как и в облике некоторых других крупнейших центров Узбекистана, пока еще существуют.

Углубитесь в кривые улочки «старого города», загляните и на захолустные улицы «нового города»: две прогулки эти дадут вам великолепный материал для сравнений, и тогда каждая черта нынешнего

Мост через Анхор.

нового станет для вас понятной, живой и вместе с тем делается ясным все своеобразие путей социалистической реконструкции узбекской столицы.

Поэтому прежде всего поезжайте до Ходры — центра бывшего «старого города» — и, не задерживаясь возле выросших вокруг красных зданий, углубитесь подальше в сторону, в лабиринт узеньких улиц. Постарайтесь найти такую улочку, где новых зданий еще нет.

Улочка эта похожа на русло высохшего арыка. Ни одно дерево не осеняет ее. Справа и слева тянутся серые глинобитные заборы, которые сливаются с глинобитными же, построенными вровень с ними, глухими стенами мазанок так, что угадать, где дом, а где забор, можно порой лишь по кустикам сухой травы, выросшей на плоской кровле мазанки. Только на некоторых домах в стене, под самой кровлей, прорублены на улицу недлинным рядком черные окошечки, каждое величиной с ученическую тетрадь. Только над некоторыми домами возвышается балахана — надстройка, обращенная к улице тоже глухой, задней стеной. В часы полдневного зноя улочка эта пустынна, ничто не нарушает ее тишины. И о жизни, что течет за заборами в прохладе маленьких двориков, можно догадаться лишь по голубоватым дымкам, а то и просто по прозрачным струям дрожащего воздуха, свидетельствующим, что где-то за забором в очаге разведен огонь.

Постучитесь в одну из двустворчатых резных деревянных калиток и загляните в нее: и здесь вы не увидите ничего, кроме двух стенок, замыкающих собой узкий проход. В трех шагах от калитки проход этот под прямым углом сворачивает вбок. Строители «старого города» предусмотрели все, чтобы оградить семейную жизнь от постороннего любопытного взора. И если бы из-за заборов не торчали шесты радиантенн, если бы над плоскими кровлями не поблескивали электрические провода с запутавшимся в них детским бумажным змеем, можно бы подумать, стоя на такой улочке, что вы шагнули в далекое прошлое.

Из таких кривых улочек, столь узких, что арба, проезжая по ним, порой задевала обоими колесами заборы, и состоял старый феодальный Ташкент. Из таких улочек да еще из азиатского базара с его крытыми рядами, ремесленными цехами, людными чайханами, выкриками торговцев, пением оборванных нищих, гудением пестрой, разноголосой толпы.

Поезжайте отсюда в противоположный конец Ташкента — в бывший «новый город» — и тоже уйдите в сторону, подальше от главных нарядных магистралей, куда-нибудь в район Обсерваторской улицы или Уездной.

Одноэтажные кирпичные, серого цвета особняки утопают в садах. Их парадные крылечки — это большей частью глубокие ниши, в которые поднимаешься по двум-трем каменным ступеням. Окна, выходящие на улицу, оплетены кружевом металлических белых решеток. В часы полдневного зноя они изнутри плотно прикрыты ставнями или тяжелыми шторами. Улицы хорошо распланированы, и вдоль них по обе стороны

в арычках безумолку журчит и струится вода. А над арыками вознесены в воздух зеленые стены листвы пирамидальных тополей, каштанов, айлантов, белой акации. Таким был весь «новый город», когда Ташкент служил резиденцией туркестанскому генерал-губернатору.

Со дня присоединения Туркестана к России, более полувека «старый» и «новый» город — эти два мира, разделенные лишь водою канала Анхор, жили рядом, почти не смешиваясь.

В «старом городе» узбек-ткач, у которого оборвалась нитка, дабы отвести несчастье, поспешно бормотал магический стих. Муэдзины с минаретов призывали правоверных на молитву протяжными криками. Женщина-узбечка бесшумной тенью скользила по улочке, плотно закутанная в паранджу, с опущенной на лицо черной волосяной сеткой. Когда узбечка тосковала по уехавшему мужу, она вместо письма, так как писать не умела, посылала мужу пучок соломы и кусочек угля, — она хотела этим сказать: «Я без тебя пожелтела, как солома, и почернела, как уголь».

А по другую сторону Анхора, у паперти Сергиевской православной церкви, в престольный праздник стояли рядком нищие, выпрашивая подаяние у нарядной толпы семей колониальных чиновников и купцов. Из городского сада, как и в каком-нибудь далеком Тамбове, доносились звуки духового оркестра, игравшего вальс «На сопках Маньчжурии». Да разомлевший от жары судейский писарь, так по незнанию языка и не уразумев, чего хотел от него, на кого жаловался только что ушедший торговец-узбек, и приняв все-таки от него взятку, — авось дальше все само собой объяснится, — бормотал, утомленно вздыхая: «Азиаты!..»

«Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д. — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента», — писал Щедрин в «Господах ташкентцах» — книге, благодаря которой имя Ташкента стало на несколько десятилетий нарицательным для обозначения дикости и произвола, казнокрадства и бесправия, царивших в старой России.

Однако, кроме «господ ташкентцев» — российских колонизаторов, в Ташкенте можно было встретить и приехавшего из России ученого-востоковеда (он сидел на старогородском базаре, жадно листая старинные узбекские рукописи); можно было встретить и других ученых-одиночек. Здесь появились и «политически неблагонадежные», сосланные царским правительством в этот отдаленный край; появились и первые русские рабочие, главным образом железнодорожники. О том, как благодаря русским рабочим революционные идеи начали проникать в толщу узбекских трудящихся, будет рассказано дальше.

Здесь же начинается рассказ об интереснейшем человеке конца прошлого века — просветителе, сыне узбекского народа, который сумел в мрачные времена царизма вырваться из рамок мусульманского фана-

тизма и замкнутости и смело перешагнул через Анхор, чтобы увидеть то новое, прогрессивное, что несет русский «новый город» его родному «старому городу».

Его звали Закирджаном Халмухаммедовым. Но узбекский народ знает его под именем Фурката — по поэтическому псевдониму. В 1889 году он переехал из Коканда в Ташкент. Тут Фуркат изучил русский язык, прочел стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и восхищался ими. Относясь резко отрицательно к колонизаторской царской администрации, Фуркат первый из узбеков понял великое значение русской культуры для судеб его родного народа:

О юноши! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке волшебство.
Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.

Восторженно Фуркат писал о плодотворности русской науки, о русском театре, гимназиях, выставках, о первых туркестанских типографиях, советовал узбекам путешествовать по России, учиться у русского народа. Вместе с другим известным публицистом, таджикским просветителем Ахмадом Махдумом Фуркат страстно боролся против мусульманского религиозного мракобесия, фанатизма, косности и невежества.

У Фурката были продолжатели, его идеи отзывались в произведениях Аваза, Хамзы, Айни и других передовых писателей. В начале нашего века в «старом городе» появились буквари для начальных школ, книжки с нравоучительными рассказами для детей, переводы басен Крылова. Не следует, однако, думать, что новые просветительные идеи имели широкое распространение. Деятельность Фурката и его последователей была лишь светлым лучом в темном царстве.

Взволнованные, мужественные голоса их были едва слышны, тонули в бешеном вое улемов и мударисов, заставивших эмира бухарского настоять, чтобы железная дорога русских была проложена в стороне от Бухары, «не осквернила ее священной земли», тех улемов и мударисов, которые, как и встарь, учили, что на Индийском океане есть остров, где живут люди «с собачьими головами».

Мусульманское духовенство имело поддержку и со стороны царских колонизаторов. Характеризуя политику царизма на окраинах России, товарищ Сталин писал: «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве... Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте». Удивительно ли, что в этих условиях глашатай новой культуры Фуркат вынужден был покинуть Ташкент и после долгих скитаний поселиться в Западном Китае, вдали от своей родины. А хивинского поэта Аваза Отара-оглы в 1912 году — всего за пять лет до Великой Октябрьской социалистической революции — подвергли в Хиве за

призыв учиться у русских жестокому телесному наказанию и объявили сумасшедшим.

Когда знаешь это, с особым волнением читаешь строки Фурката, полные веры в счастливое будущее его родного народа, строки, обращенные к молодежи:

Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев...
Когда же станешь ты и светел и богат,
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

И вот узбекский народ ныне стал и светел и богат. Это произошло после того, как над всею Российской империей пронеслась очистительная гроза Великой Октябрьской революции. Историю этого тоже можно прочесть на улицах нынешнего Ташкента. Однако, прежде чем продолжить путешествие по нему, я позволю себе рассказать о встрече, которая произошла у меня на одной из лучших улиц «нового города» — Пушкинской, и произошла не в столь уж отдаленные времена.

3. КАРАВАН АРСЛАНОВА

Было это летом 1924 года. Пушкинская улица в ту пору была так же широка, как и ныне, но многоэтажных зданий на ней не было. Нескончаемая лента цветников с распустившимися яркочерными индийскими каннами не окаймляла тогда ее мостовую. Сама мостовая на половине улицы — между Сергиевской церковью и Дархан-арыком — не была еще залита асфальтом. Лишь сбоку, вдоль колеи трамвая, улицу замостили булыжником. А посреди лежала вековая среднеазиатская пыль.

И вот однажды я увидел издалека, как на Пушкинскую улицу из Ниязбекской выплыло облако пыли. Оно поклубилось, наполнило собой улицу до вершин тополей и, повернув, быстро поплыло вдоль Пушкинской. Впереди этого облака ехал всадник в обычном хивинском красном халате.

По мере того как облако приближалось, стали слышны скрип колес, щелканье бичей, звон верблюжьего колокольчика, оживленные голоса, смех. Потом сквозь пыль начали проступать фигуры передних всадников, ехавших на лошадях, на верблюдах, и очертания арб, на которых, тесно сгрудившись, сидели люди.

— Мальчик! — окликнул меня по-узбекски всадник, ехавший впереди.

Я подошел. Хивинец, который вблизи оказался едва ли годом старше меня, протянул какую-то бумажку и спросил, как проехать в ирригационный техникум. Бумажка была направлением на учебу. Показывая дорогу, я пошел рядом с конем молодого хивинца.

Спустя полчаса, когда пыльное облако вслед за нами докатилось до ирригационного техникума и возле него растаяло; когда вздымавшие это облако юные узбеки, среди которых по одеждам угадывалось несколько туркмен и казахов, когда они и их кони, верблюды, арбы заполнили тесный дворик техникума, а непоместившиеся образовали за воротами пестрый табор; когда, наконец, прибежал, запыхавшись, директор техникума, разысканный испуганным сторожем, обнаружилось первое обстоятельство, достойное удивления: на двести двадцать шесть приехавших учиться юношей было всего одно направление. Это было направление на имя Арсланова — молодого хивинца, что ехал впереди.

Но еще удивительнее оказалась история рождения каравана, история, рассказанная мне позже, когда все приехавшие были размещены по разным ташкентским учебным заведениям.

Как-то раз в одно из селений существовавшей тогда Хорезмской народной республики пришло по разверстке направление в техникум. Сельский староста — аксакал — вручил его Арсланову, юноше, которого в селении считали смелым и передовым. В то время слово «передовой» означало там совсем не то, что оно значит теперь. Хорезм был самым далеким, самым глухим углом Средней Азии и не входил еще в Советский Союз. Здесь слабее, чем в других среднеазиатских оазисах, чувствовалась вся сила новых идей, что принесла узбекскому народу Коммунистическая партия. И предрассудки прошлого сильнее, чем где бы то ни было, имели здесь над людьми власть. Удивительно ли, что Арсланов, мечтая о подвигах, представлял их себе сквозь дымку сказаний о героях узбекского богатырского эпоса, но ехать учиться совсем не хотел. Ему казалось постыдным для мужчины делом, «подобно тощему писцу, сидеть, макая перо в чернильницу». Он попробовал от ученья откупиться. Это не удалось. Тогда — делать нечего! — Арсланов, как и следовало сказочному богатырю, оседлал коня, распрощался с родителями и, осыпая проклятиями аксакала, отправился в путь.

Доехав до Хивы, он остановился на ночлег в караван-сараяе и разговорился там с сыном хозяина, своим сверстником. На вопрос: «Куда едешь?» — Арсланов ответил, как в народном эпосе и подобало мужчине, что едет, «куда копыта коня приведут». Но тут новый знакомец поведал, что хочет ехать учиться: его уже захватила свежая струя новых идей. Обрадованный Арсланов тотчас же решил подарить ему свое направление в техникум и извлек его из пояса. Однако, поскольку фамилия Арсланова в бумажку была вписана, да и проехаться в Ташкент было не так уж худо, юноши рассудили, что направление можно будет прямо в Ташкенте обменять. Наутро они выехали из Хивы вдвоем.

В следующем селении к ним присоединилось еще двое юношей. Они поехали дальше, из селения в селение, из города в город. И по пути Арсланов, подобно комку снега, что, сорвавшись с горной вершины и катясь, обрастает новыми комьями, пока не превращается в лавину, увлекающую все за собой, стал обрастать новыми и новыми молодыми

дехканами, пастухами и ремесленниками, жаждавшими учиться. Ведь чем ближе был Ташкент, это окно в Советскую Россию, тем явственней людям был виден свет, идущий из этого города, тем большая в людях назрела потребность окунуться в этот свет, испытать себя в новом мире. Правда коммунистических идей уже овладела людьми. Многим, чтобы покинуть родной дом и поехать учиться, нужен был только внешний толчок. Таким толчком и служило для них появление группы Арсланова.

А сам Арсланов, причудливой игрой судьбы и случая вознесенный на положение сказочного богатыря — вожака, за которым следуют толпы, гордясь этим положением и ревниво оберегая его, начал в попутных селениях сперва робко, потом все более воспламеняясь, призывать людей ехать учиться. Убеждая других в великой пользе приобретения знаний, он, как бывает, убедил в этом и самого себя. Такова история рождения этого необычайного каравана.

4. МОСТ ЧЕРЕЗ АНХОР

Сколько лет прошло после появления в Ташкенте каравана Арсланова? Столетия. Поезжайте на Урду, к бывшей границе «старого» и «нового» города, и вступите на мост, переброшенный через русло Анхора. Тридцать с лишним лет назад люди тут запросто переходили (говоря языком европейской истории) из двадцатого в одиннадцатый век, в глубокое средневековье, а потом так же запросто, стуча каблуками по деревянному настилу моста, перешагивали обратно через века.

Осмотрите вокруг теперь. Новый мост, на котором вы стоите, совсем не грандиозен. Это обыкновенный каменный мост, небольшой, широкий и прочный. Набережная со стороны «старого города» застроена новыми зданиями, тоже отнюдь не колоссальными. Это обыкновенные светлооконные четырехэтажные дома со звонящими телефонами и поющими по вечерам роялями.

Улица Навои, что здесь начинается и прорезает «старый город», тоже не являет собой ничего из ряда вон выходящего. Это обыкновенная широкая столичная магистраль с двумя рядами фонарей, уходящими вдаль, с четырьмя рядами деревьев, еще молодых, не везде успевших своей тенью прикрыть от солнца тротуары, с двумя рядами зданий, среди которых есть и жилые дома с балконами, построенные в традициях национальной архитектуры, и красивые дворцы с лепными карнизами, колоннадами и обрамляющими все здание гранитными лестницами. Кое-где на улице Навои видны и незавершенные здания; вокруг них господствуют строительные леса, запах сырого цемента и стружек. Кое-где видны и следы «старого города»: глинобитный забор с резной калиткой, легкий навес чайханы и в его тени накрытый коврами помост.

Как и полагается столичной магистрали, по ней снуют, шелестя шинами по асфальту, автомобили, над дугами трамваев и троллейбусов вспыхивают синеватые молнии. И струящимся потоком движется по тротуарам толпа. Рядом с изящной шляпой здесь блеснет яркое шитье тюбетейки на голове девушки-узбечки; ее черные косы уложены венчиком поверх тюбетейки. С портфелями идут служащие; вприпрыжку бегут школьники, их учебники засунуты за ремни; мороженщики катят тележки. Машина поливает мостовую, и в пронизанных солнцем струях летящей воды загорается мгновенная радуга. Столько же движения в этой картине, столько же жизненного напряжения, сколько и на улице любой крупной советской столицы.

Но на эту улицу, на этот мост можно смотреть и иначе.

Вот хотя бы эта девушка в тюбетейке. Ведь даже не мать ее, а старшая сестра темной ночью пробиралась однажды по этой улице, тогда еще узенькой, называвшейся Шейхантаурской, и, оглядываясь, задыхаясь от страха, вступила на мост. Накануне она вместе с несколькими подругами сбросила с лица чачван, черную волосяную сетку, и с гордо поднятой головой вышла на улицу. В тот же вечер ее лучшую подругу зарезали фанатики. Тогда она ночью пошла в «новый город» искать защиты. Сколько таких женщин пробежало по этому мосту: ведь это была целая эра в истории узбекского народа!

Или вон тот узбек-инженер, что сейчас промчался в автомобиле, возвращаясь после работы домой в «старый город». Давно ли его брат провез на арбе свои пожитки через этот мост, перебираясь в один из жилых корпусов «нового города»? Давно ли он сам, этот узбек (тогда он еще не был инженером), приглядевшись к обстановке, которой обзавелся брат, и оценив ее удобство, купил себе в магазине шкаф, и письменный стол, и этажерку для книг и провез их на арбе к себе в «старый город»? И разве книги с этой этажерки не сыграли роли в том, что тогда же осенью этот человек написал заявление с просьбой принять его на курсы по подготовке в высшее учебное заведение? Спустя несколько лет он окончил текстильный институт и стал инженером крупнейшего текстильного комбината, построенного в Ташкенте за время, пока он учился.

Как же не вспомнить теперь, стоя на мосту, о потоке арб с узбекскими семьями, переселявшимися из старого в новый мир, в «новый город», и об обратном потоке арб, на которых этот новый мир двинулся в «старый город» сперва с предметами домашнего обихода, потом с кипами книг, напечатанных новым алфавитом, с радиоприемниками, чертежными досками и логарифмическими линейками. Ведь и это было эрой в истории узбекского народа!

Лет двадцать назад в журнальных фото «старого города» можно было увидеть верблюда, нюхающего трамвайные рельсы, ишака, на котором дехканин вез купленный в городе глобус, новое здание на улице Навои, подобно великану поднявшееся над морем плоских глиняных

крыш. Фотографы, снимавшие это, были наивны, но по-своему правы. Контрасты в то время здесь были характерны для жизни.

Ведь тут нужно было делать все сразу: строить завод по последнему слову техники, и писать первую оперу, и открывать первый родильный дом, и уговаривать женщин рожать в этом доме, не боясь того, что злая «аджинá» сглазит ребенка, и на первых порах стараться не замечать, если родственники роженицы, соблюдая древний обычай, клали у ее изголовья в родильном доме хлебную лепешку, а то приводили с собою и дою, повивальную бабку, и та, бормоча заклинания, окуривала в палате мать и ребенка дымом исыры́ка, особой травы.

Теперь все это стало далекой, очень далекой историей. Время контрастов безвозвратно прошло. Улица Навои превратилась в столичный проспект. Другие широкие магистрали прорезали «старый город»: улицы Кагановича, Хамзы, Полиграфическая, Педагогическая, Шота Руставели, Бешагачская. В «старом городе» появились водопровод и асфальт, парки и стадионы, детские сады и кинотеатры. Советские архитекторы возвели там не только многоэтажные красивые здания, но и небольшие дома, культурные, по-современному оборудованные; при этом национальное своеобразие двори́ков в них сохранено.

Такие прохладные жилые дворики узбекского типа появились и в «новом городе», по соседству с прекрасными общественными зданиями. Да и в самих общественных зданиях этих — в архитектуре их, в орнаментальной отделке — нетрудно разглядеть переплавленные советскими архитекторами в горниле творческих поисков черты национального своеобразия. Недаром в строительстве многих новых зданий участвовал плечом к плечу с советскими инженерами один из известнейших ташкентских народных художников-архитекторов лауреат Сталинской премии Ташпулат Асланкулов.

С каждым годом все больше стирается во внешнем облике узбекской столицы разница между «старым» и «новым» городом, все ярственнее проступают очертания единого социалистического Ташкента — города монументальных ансамблей, воды, зелени и солнца. Покинув мост через Анхор, пройдитесь по этому городу, и вы увидите нынешний Ташкент во всем блеске, величии и богатстве наполняющей его жизни.

5. ГОРОД УЧЕНЫХ

Когдаходишь в сквер Революции, не сразу замечаешь, что большой, почти круглый сквер этот — центр архитектурной планировки города. Сперва в глаза бросается лишь стена благоуханных деревьев и пышных кустов, меж которых виднеются павильоны с прохладительными напитками и тенистые дорожки с искрящимися пятнами солнца. Сквозь сквер, прорезая его, пролегла серая лента асфальта улицы Карла Маркса. По ней возле двух рядов фонтанов движутся людские пото-

Ташкентские куранты.

На улице Навои.

Ташкент. Дворец культуры железнодорожников.

ки. И может быть потому, что все кругом в движении: рассыпается вода фонтанов на тысячи сверкающих нитей, и трепещут тени деревьев, и, обгоняя прохожих, бесшумно проносятся велосипедисты, — может быть, поэтому кажется, что и весь сквер вращается, как огромное колесо, внутри которого, мелькая, поблескивают спицы.

Это ощущение превращается в ясную картину, восхищающую четкостью планировки, когда приходишь до центра сквера. Здесь перекрещиваются тротуары, и от сквера звездой расходятся во все стороны широкие зеленые улицы, концы которых теряются в туманной дали. Троллейбусы и легковые автомобили объезжают сквер вокруг, появляясь из одних радиальных улиц и уносясь по другим. А в самом центре сквера, на пьедестале из красного полированного гранита, возвышается монументальная бронзовая скульптура товарища Сталина. Она поднята высоко и видна со всех сходящихся сюда улиц.

Отдыхая в сквере на садовой скамье, прислушайтесь к утренней музыке города, к звукам узбекской столицы. Слитный шорох людских шагов, гул человеческих голосов, наплывающий волнами, и немолчное щебетанье птиц создают как бы фон, на котором четко рисуются сигналы автомобилей и троллейбусов, далекие гудки паровозов. Едва слышно вплетает в эту музыку свою певучую нить журчащий арык. На мгновение где-то у самого уха протрепетала крыльями стрекоза. И надо всем звучит из уличного репродуктора, словно бы вознесенная ввысь, тонкая, своеобразная узбекская народная песня.

Но вот на башне, что высится у сквера, начинают мелодично и мерно бить городские куранты. Тотчас же в противоположной стороне возникает долгий звонок, и из серого здания, занимающего квартал, на сквер высыпает толпа юношей и девушек, образуя возле дверей как бы кипящий водоворот. Это здание Среднеазиатского Государственного университета.

Тридцать пять, как и триста пятьдесят, лет назад единственными высшими учебными заведениями в Средней Азии были медресе — мусульманские духовные семинарии. Питомцы их жили в худжрах, крошечных каменных кельях, иссушали свой ум изучением речей Мухаммеда, «слышанных им от самого аллаха», затем — творений людей, которые «сами беседовали с Мухаммедом», потом — толкований этих бесед людьми, которые знали людей, беседовавших с Мухаммедом, и с ними беседовали по поводу их бесед с Мухаммедом, и, наконец, доходили до сочинений тех, которые не знали ни Мухаммеда, ни его собеседников, ни собеседников его собеседников, но жили не позже чем через четыреста лет после Мухаммеда.

Сейчас любому молодому узбеку такая учеба кажется дикостью, дыханьем давным-давно отошедших времен, сказкой, сочиненной историками. Но ведь люди, которым перевалило за сорок, сами были свидетелями этой «сказки». За тридцатилетие, прошедшее со времени каравана Арсланова, в Узбекистане произошла культурная революция.

Размах этой культурной революции станет ясным, если сказать, что в 1914 году среди узбеков было всего два процента грамотных, и то главным образом читавших религиозные книги. Теперь в Узбекистане, как и всюду в Советском Союзе, введено всеобщее обязательное семилетнее обучение, а в новой пятилетке начинается переход и ко всеобщему десятилетнему политехническому образованию.

Еще ярче виден грандиозный скачок в культуру, который совершил узбекский народ, если сказать, что, например, в Иране (где жителей в два с лишним раза больше, чем в Узбекистане) существует всего пять высших учебных заведений. В Голландии, европейской стране (где населения тоже больше, чем в Узбекистане), всего шесть высших учебных заведений. В Узбекистане же сейчас тридцать шесть высших учебных заведений, работающих в разных городах республики.

Ташкент — крупнейший в республике учебный центр. Каждый год тысячи юношей и девушек приезжают в столицу в поездах, автомобилях, а из далекого Хорезма прилетают и на самолетах — и спустя несколько лет уезжают отсюда историками, врачами, инженерами, биологами, агрономами. Уже давно узбекский народ стал одним из передовых и цивилизованных народов мира.

Переступите порог Среднеазиатского Государственного университета. Попадете ли вы на лекцию узбекского биолога профессора Т. З. Захидова «О фауне Кызыл-Кумов и Кара-Кумов» или на доклад доктора химических наук А. С. Садыкова о том, как ему удалось из итсыгека (одного из растений пустыни) получить никотиновую кислоту, спасающую десятки тысяч человеческих жизней, или, наконец, посетите ли вы просто очередное занятие со студентами узбекского математика, лауреата Сталинской премии Т. А. Сарымсакова, — повсюду вы ясно увидите: узбекский народ во всем многообразии жизни оправдал известные слова товарища Сталина о том, что «освобождённые неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперёд *действительно* передовую культуру и *действительно* передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские».

Пионерами науки в Средней Азии были русские ученые: Семенов-Тянь-Шанский, Северцов, Федченко, Мушкетов, Вяткин, Шредер, Берг, Бартольд, Обручев и другие. Они самоотверженно изучали край и издали много фундаментальных трудов с описанием малоизведанной в те времена страны, ее природных богатств, экономики, истории, культуры и быта, заложили основы селекционной работы в хлопководстве и садоводстве. В 1870 году была открыта Туркестанская публичная библиотека, в 1874 году — Ташкентская обсерватория.

После революции первыми учителями узбекских ученых тоже были русские ученые: Ферсман, Боровский, Корженевский, Романовский, Уклонский, Коровин, Аскоченский, Пославский и много других. В 1920 году Владимир Ильич Ленин подписал декрет об организации Среднеазиатского Государственного университета. Ленин обратился к ряду

московских и ленинградских ученых с призывом переехать в Ташкент, помочь новому университету. Ученые, откликнувшиеся на ленинский призыв, за время своей работы в Ташкенте вырастили тысячи местных ученых и — что всего знаменательнее — множество ученых-узбеков. Молодые же ученые эти — русские и узбеки — за каких-нибудь двадцать лет работы, благодаря энергичной помощи Коммунистической партии, успели совершить столько открытий, подняли науку на такую высоту, что в Узбекистане родилась своя Академия наук, со своими научно-исследовательскими институтами, библиотеками, музеями и научными станциями.

Чтобы представить себе размах работы в этой академии, достаточно сказать, что в четырех Академиях наук республик Средней Азии сейчас работает в два раза больше научных сотрудников, чем было научных работников во всей царской России. Сейчас в Узбекистане одними только вопросами хлопководства занято больше тысячи ученых.

Прежде чем переступить порог Академии наук Узбекистана, послушайте историю, которая произошла сравнительно недавно.

Было это в 1936 году в Москве, в лаборатории академика А. П. Орехова. Вместе с другими там работал молодой ученый-узбек Сабир Юнусов, сын ташкентского каменщика, выпускник химического факультета Среднеазиатского университета. К тому времени он открыл уже некоторые новые алкалоиды, а один из них кончал расшифровывать.

Расшифровать алкалоид — значит раскрыть его строение. Это очень трудное дело. За полтора века алкалоидной химии мировая наука из шестисот известных алкалоидов расшифровала пока лишь около полтора ста. Насколько это важное дело, станет ясным, если сказать, что, например, только благодаря знанию строения хинина химикам удалось искусственно создать акрихин, знание структуры кокаина позволило создать новокаин и т. д.

И вот однажды, когда Сабир Юнусов сидел за своей благородной работой, в лабораторию приехали иностранцы. Увидев Юнусова, один из них, англичанин, спросил Орехова:

— Этот человек из ваших колоний?

— У нас нет колоний, — ответил академик. — Это наш товарищ из братской Узбекской республики.

— А сколько он платит вам за обучение? — спросил англичанин.

— Не он платит, а ему государство платит за его работу, — сказал академик.

Иностранцы переглянулись и пожали плечами. Они не поверили в узбека-химика. Ведь на их родине до сих пор любят писать об «особых свойствах души мусульманских народов», о «столь родном для жителей Востока интуитивном прозрении и мистическом созерцании в соединении с аскетическим самоотречением», которые, мол, исключают способности к «индуктивному методу» европейской науки.

Как нелепа эта выдумка об «особых свойствах души», станет ясно всякому, кто переступит порог Академии наук Узбекистана. Сабира Юнусова вы встретите ныне в лаборатории алкалоидной химии академии. Он и его сотрудники уже определили алкалоидность трех тысяч растений Узбекистана, и за плечами у них — открытие тридцати пяти новых алкалоидов. Сам С. Юнусов теперь вице-президент академии.

Вы встретите в академии и ее президента, доктора биологических наук Т. З. Захидова, жизненная история которого, похожая на биографию Юнусова, типична для большинства ученых-узбеков. Сын бедняка, воспитанник детского дома, он окончил среднюю школу, потом Среднеазиатский университет и сделался крупнейшим знатоком животного мира пустынь Средней Азии.

Вы можете встретить в академии и математика Максуду Султанову, разработавшую один из труднейших разделов высшей математики — «цепи Маркова»; можете попасть и на доклад приехавшего из советской столицы замечательного советского физика Х. А. Рахматуллина, профессора Московского Государственного университета, награжденного Сталинской премией за работу в области теории волн.

Узбекские ученые — доктора и кандидаты наук — могут с гордостью сказать, что, завоевывая богатства Средней Азии, они прокладывают новые пути в науке и технике. В геологическом институте вы встретите инженеров, совещающихся с академиком Х. М. Абдуллаевым, доктором геологических наук, о постройке рудника на вновь открытом месторождении шеелита. В индустриальном институте услышите сообщение энергетика Г. Рахимова о новейших опытах высокочастотной сушки хлопка в заводских условиях. В конференц-зале Академии наук — доклад члена-корреспондента Академии наук УзССР С. С. Садыкова о новом способе внекорневого питания хлопчатника. В медицинском институте — лекцию члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР профессора Зульфийи Умидовой, написавшей замечательную работу о влиянии жаркого климата на деятельность сердца.

«Особые свойства души» мусульманских народов! Кем это выдумано? Да, конечно, теми же людьми, что и по сей день измеряют с помощью сантиметров черепа, дабы доказать миру, что есть народы способные, а есть-де и неспособные к цивилизации, предназначенные самой природою к рабству. Всякого рода американскими и европейскими расистами — вот кем это выдумано! Тридцать лет ленинско-сталинской национальной политики в Узбекистане, тридцать лет интернационального воспитания, и от тех «особых свойств души», о которых говорят и пишут расисты, не осталось и следа.

Нет в узбекской столице научного учреждения, где не велись бы горячие творческие споры: в туберкулезном институте — о мероприятиях, необходимых для окончательного уничтожения туберкулеза в Узбекистане; на конференции по освоению Голодной степи — о качествах выведенных мичуринцами солеустойчивых и морозоустойчивых сортов

фруктовых деревьев; в обсерватории — о новой комете, открытой ташкентским астрономом С. М. Қозиком и названной его именем; в институте языка и литературы — жаркие споры вокруг терминологического словаря, создаваемого на узбекском языке, в котором узбекский народ впервые творит свою техническую терминологию. И что характерно — все люди здесь работают для счастья не только нынешнего, но и грядущих поколений. В каждой лаборатории можно угадать контуры завтрашнего завода.

Четверть века назад, на заре культурной революции в республиках Средней Азии, Михаил Иванович Калинин, выступая на торжественном пленуме Советов Нового и Старого Ташкента, говорил: «Я думаю, что если где-либо требуется применение науки, техники, если где-либо требуется научный подход, изощренные мыслительные способности, изобретательное творчество, так это именно здесь. Здесь буквально непечатый угол возможностей, которыми может воспользоваться в будущем человечество. Но эти возможности голыми руками не возьмешь... Здесь с голыми руками, с кетменем, который существует, вероятно, с адама, далеко не уйдешь. Здесь особенно должно быть приложено самое последнее слово науки. Ташкент, я думаю, должен оставаться средоточием культуры народных знаний всей Средней Азии. Я думаю, он должен идти впереди в области завоевания богатых сил природы, которыми наделена Средняя Азия».

Среди сил природы есть одна, которая имеет особенное значение в Средней Азии: вода.

Наука об использовании воды едва ли не самая древняя из наук в Средней Азии. Доктор археологических наук Я. Т. Гулямов написал работу об истории ирригации в Узбекистане, полную интереснейших фактов. Но, несмотря на колоссальный исторический опыт среднеазиатских ирригаторов и громадный опыт ученых других стран мира, ирригаторы и энергетики Советского Узбекистана дали науке за последние годы столько нового, что изобретения их даже невозможно перечислить. Достаточно сказать, что ученые Узбекской республики составляют технические проекты не только для всех ирригационных и энергетических сооружений Узбекистана (а некоторые из этих сооружений — это признано всем миром — являются чудом техники), но проектируют многие ирригационные сооружения и для других республик. Широко известны стране имена ирригаторов-ученых Узбекистана лауреатов Сталинской премии С. Т. Алтунина и М. Т. Уразбаева, членов-корреспондентов Академии наук Узбекистана Б. Д. Қоржавина, М. С. Вызго, Р. А. Алимова и многих других.

А ташкентские почвоведы! Показывая свои кальки, не без удовольствия расскажут они вам, что им удалось «стереть» с почвенной карты Средней Азии последние «белые пятна». При этом во время экспедиций почвоведы сделали немало «находок», нашли неведомые доселе места с хорошими почвами, где — дай только воду, и земля оденется в зеленый

наряд. Сами почвоведы в научных отчетах о «находках» своих пишут, — и это звучит эпически, — что им удалось «расширить запасы плодородных земель».

Запасы земель! В Средней Азии говорят: «Капля воды — горсть хлопка». Но это на хорошей земле. Бесследно исчезает «капля воды» в песках или на такыре — плотной голой глинистой площадке, каких уйма в Узбекистане. Так было всегда. Однако советские люди, начинающие собою новую историю человечества, не могли с этим мириться. И ученые узбекской столицы показали всему миру, что стоит взяться за дело, и даже на бесплодном такыре можно вырастить хлопчатник и хлеб, виноградную лозу и то прекрасное дерево, про которое египтяне говорят, что оно любит держать ноги в воде, а голову в огне — финиковую пальму. Долинами благоденствия и благополучия делают советские люди самые гиблые места Центральной Ферганы, Голодной степи и других пустынных земель Узбекистана, где в течение веков свирепствовали лишь знойные «черные бури».

Запасы земель! Да они безграничны! Безграничны именно потому, что их все время «расширяют» люди советской науки, мечтающие скорее приблизить к нам коммунистическое завтра. В течение веков в Узбекистане о человеке говорили: «тугульды—ульды» («родился—умер») — так бесплодно проходила жизнь громадного большинства людей. Теперь жизнь большинства советских людей полна творчества и оставляет после себя вещественный след.

Мечтая о коммунистическом завтра, ташкентские селекционеры и садоводы выводят на опытных участках новые и улучшают старые сорта растений и виды деревьев. Сколько интересных, животрепещущих тем затрагивают они!..

Маленький частный пример. Известный узбекистанский ботаник, замечательный знаток пустынь Е. П. Корозин в одной из своих работ писал с воодушевлением: «Особенное внимание должен получить грецкий орех, конечно, не ради красного словца названный И. В. Мичуриным «хлебом будущего». Значение этого растения явно недооценивается: плоды грецкого ореха из категории лакомства должны быть перенесены в число важнейших пищевых продуктов, должны быть поставлены в один ряд с хлебом и мясом».

И садоводы Узбекистана планируют вырастить рощи грецкого ореха, миллионы деревьев, чтобы и впрямь в будущем коммунистическом обществе поставить необычайно урожайный, богатый жирами грецкий орех по хозяйственному значению «в один ряд» с хлебом и мясом.

Можно бы рассказать еще об узбекистанских энергетиках, разрабатывающих вопросы электрификации республики, проблемы использования энергии ветра. Можно рассказать о других ученых. Но это уже дело специальной статьи. Кроме того, с учеными многих специальностей мы встретимся и познакомимся ближе, путешествуя дальше по Узбекистану.

Пока же, осматривая Ташкент, отметим в заключение лишь работу архитекторов. Архитекторы Узбекистана накопили большой опыт развития национальных традиций в современной архитектуре и, кроме того, своеобразный технический опыт строительства зданий в условиях жаркого климата.

Как сделать в Средней Азии так, чтобы в солнечные летние дни люди в своих квартирах не задыхались от зноя? В какую сторону лучше всего повернуть окна жилых комнат? На север? На запад? На восток? Нет, ответят вам ташкентские архитекторы, на юг! Да, на юг, как это ни парадоксально. Если окна глядят на запад или на восток, лучи низкого утреннего или вечернего солнца пронизывают комнату насквозь и раскаляют воздух, это самые душные комнаты в летнюю пору. Окна на север — комнате недостает солнца зимой. Если же окна на юг, отвесные лучи солнца проникают летом в комнату неглубоко и разогревают ее лишь слегка, ибо днем солнце стоит здесь высоко, почти в зените; а зимой, когда нехватает тепла, невысокое солнце прогревает глядящую на юг комнату во всю ее глубину.

Это только одна подробность из многих, о которых можно бы рассказать, «путешествуя» по новым зданиям узбекской столицы. И все же, свидетельствую, в какую бы сторону ни были обращены окна комнаты, лучше всего в Ташкенте ученому, писателю, композитору летом садиться за свой письменный стол в те часы, когда опускается на город ночная прохлада. Вот почему особенно долго летом горит в окнах некоторых ташкентских квартир электрический свет. В эти часы сотни ташкентцев сидят за своими рукописями у распахнутых окон, в которых качаются занавески от свежего ветра, сидят далеко за полночь, иногда до зари.

6. ЦВЕТЫ И ДЕРЕВЬЯ

Широкие асфальтированные проспекты, расходящиеся от сквера радиусами, и поперечные улицы, от которых отходят еще улочки и переулочки, образуют как бы обширный центр города. В разных концах его среди каменных особнячков и новых многоэтажных зданий, кроме институтов, расположены и другие культурные и общественные учреждения: Государственная библиотека имени Алишера Навои, знаменитая своим богатейшим в мире фондом восточных рукописей, обсерватория — одна из трех обсерваторий в СССР, в подвалах которых «хранится точное время», сейсмическая станция, три музея, консерватория, зоологический сад, гостиницы, больничные городки, поликлиники, школы, парки и несколько рынков, которым придают своеобразие яркие груды фруктов и свежей зелени.

И единственное, что обычно не останавливает внимания, кажется ташкентцам обыкновенным, а на самом деле полно особого смысла, — масса садовых цветов, пестреющих в скверах, на улицах.

Цветы — старинная любовь узбекского народа. В Узбекистане нет двора, где под глинобитной стенкой не росли бы маргаритки, и розы, и осенние астры, и черные мальвы, и бархатки, и петуший гребешок. Во дворах всегда были цветы. Но улицы среднеазиатских городов цветов не знали. В течение веков улицы тут принадлежали мужчинам, дворники и цветы — женщинам. И когда женщины вышли с открытыми лицами на ташкентские улицы, вместе с ними вышли на улицу и цветы.

Сперва разнообразие их было невелико. Потом Ташкентский ботанический сад пришел на помощь женщинам и ребятишкам, засаживающим улицы цветами. С Украины привезли пионы и георгины, из Армении — гвоздики и разнообразные астры, с кавказского побережья — гладиолусы, гиацинты и вьющиеся розы. Из-за границы были выписаны розовый квамоклит, луноцвет, калифорнийские маки и мексиканские душистые юкки, яркокрасные индийские канны, японская каприфоль, африканская голубая ромашка, каирская ипомея, голубая агатея... Цветами всего земного шара украсили ташкентцы свой город.

Много гостей и среди ташкентских декоративных деревьев. Но о деревьях следует поговорить особо.

В 1922 году довелось мне быть свидетелем случая, который запомнил я на всю жизнь. Один обитавший на нашей улице почтенный узбек как-то раз срубил росший перед его домом тополь, понадобившийся ему для постройки амбара. Ну, срубил и срубил тополь, — кажется, что ж тут такого! И, однако, вся улица пришла в великое волнение и негодование. С того дня об этом человеке говорили не иначе, как «тот, кто срубил тополь», вкладывая в слова эти презрение, — мол, нестоящий человек.

Это казалось тем удивительнее, что ведь и другие время от времени валили росшие возле их жилищ тополя, используя их для хозяйственных нужд: иначе леса в Средней Азии не достанешь, и никто этих других не укорял. Я спросил в конце концов мирба Мухиддинова, самого уважаемого человека в нашем районе, в чем тут дело, — и тогда преступление срубившего тополь стало мне ясным. Согласно древнему узбекскому обычаю всякий мог срубить дерево лишь после того, как он посадит пять новых и убедится, что они принялись. Именно этот обычай и не был тут соблюден.

Деревья имеют в Узбекистане огромное, ни с чем не сравнимое значение. Больше восьми месяцев в году защищают они людей от палящих лучей солнца. Тень здесь такая же насущная потребность, как вода, как воздух. Деревья тут часть жилища, под ними отдыхают и спят.

Не только тротуары, многие улицы в Ташкенте перекрыты сплошным навесом листвы, Аллеи платанов, белой акации, пирамидальных и ширококронных тополей, каштанов, вязов, дубов, айлантов, ив, грецких орехов, гледичии, шелковичных деревьев и других придают городу вид огромного парка. Меж них разбросаны выбежавшие из садилов на улицы отдельные деревья урюка, миндаля, слив, яблонь и купы кустов: белой, желтой и лиловой сирени, жасмина, тамарикса, барбариса, лигустры,

форзиции, будлеи. Заборы и крылечки некоторых особняков увиты китайским декоративным виноградом. У входа в зоологический сад высится единственный в городе пирамидальный дуб. Появилась и стала широко расселяться по всему Ташкентскому оазису эвкоммия — дерево, дающее гуттаперчу и обладающее лекарственными свойствами.

Есть среди ташкентских озеленителей человек, о котором горожане всегда говорят с мягкой и доброй улыбкой. Это директор Ботанического сада Ф. Н. Русанов. Ученый, доктор биологических наук, он с неутомимой энергией работает, украшая родной город все новыми деревьями и цветами. Русанов не только знаток, но и художник своего дела, его вдохновенный поэт. Вот как, к примеру, в книге «Озеленение в архитектуре городов Узбекистана» пишет Русанов о цвете древесной листвы в городах Средней Азии:

«Колорит листовых масс деревьев в летнее время представляется зеленым, но оттенки зелени у различных деревьев разнообразны... У платана окраска зеленая с охристо-желтоватым оттенком; у ясеня американского — голубоватая; у клена серебристого — серо-голубая; у белой акации — желтовато-зеленая... Писсардова слива имеет бордовую листву, некоторые яворы имеют листья с сиренево-фиолетовой подоплекой, и потому на свету дерево воспринимается в фиолетовой дымке.

Игра света и тени... особенно разнообразна... у деревьев с гляцевитой листвой. У гледичии, дуба, серебристого клена на листьях всегда наблюдаются голубоватые блики от отражающегося в них неба».

С нежной заботой и любовью относятся горожане к деревьям в Ташкенте. Даже в названиях улиц отразилась эта любовь. Есть здесь улица Двенадцати тополей. Есть улица Кок-Терак, в переводе — Зеленый тополь, улица Катор-Тол, в переводе — Вереница ив. Есть район, именуемый Беш-Агач, что значит — Пять деревьев. На Беш-Агаче, подобно мосту на Урде, тоже встретились «старый» и «новый» город. Но встреча эта произошла по-особому, показав совсем с другой стороны, что значат для Средней Азии деревья.

В «новом городе», прямо напротив «старого», у Беш-Агача ташкентская молодежь вырыла озеро, названное Комсомольским. На берегах этого искусственного озера выросли водные стадионы, лодочные станции, пляжи, спортивные площадки, аттракционы, эстрада, рестораны, кафе. Настоящая миниатюрная железная дорога для ребятишек пролегла сквозь раскинувшийся вокруг озера парк. И из кривых улочек «старого города» толпы молодежи устремились сюда, в новый мир, просторный, тенистый и светлый.

Но и «старый город» не остался в долгу перед «новым». В дни Отечественной войны он, со своей стороны, на Беш-Агаче построил здание театра. Необыкновенное здание! Здание, стены и своды которого, выстроены из кирпича, без единого куска дерева!

Ведь своего строительного леса в Средней Азии нет. Его приходится привозить издалека. Когда началась война и железная дорога целиком

переключилась на ее нужды, в Ташкенте вспомнили о древнем искусстве узбекских мастеров, которые обходились без дерева, сооружая своды дворцов и мечетей. Своды эти держатся в Самарканде вот уже сотни лет. Советские архитекторы, изучив древнюю кладку, произвели инженерные расчеты, реконструировали, обновили древний свод, создали тонкостенный свод двойкой кривизны, и он прочно вошел в строительную технику под маркой «Свод Узбекистан». Им перекрывают теперь в Средней Азии огромные заводские цехи и маленькие коттеджи в рабочих поселках.

Этим сводом перекрыто и новое здание театра на Беш-Агаче. В его строительстве принимал участие Юсуф Али Мусаев, старый мастер сводов, построивший на своем веку не одну мечеть. Внутри здание украшал один из лучших мастеров народного лепного орнамента Усто-Ширин Мурадов. За эту работу обоим старым мастерам Академия наук Узбекистана присвоила звание почетных академиков.

7. ХЛОПКОВАЯ СТОЛИЦА

Случайному путешественнику, приехавшему на несколько дней, не сразу бросается в глаза, что Ташкент столица страны хлопка. Но проживите здесь год, и вы станете замечать это на каждом шагу.

Зимнее ташкентское утро. Ночью выпал снег, как всегда одев крыши и ветви деревьев пышным пушистым покровом. Снег, выпавший в прошлую ночь, вчерашнее щедрое солнце уже превратило в сосульки. Гирляндами свешиваются они с кровель, с подоконников, даже с сучьев деревьев. И вот встает новое солнце. Под его лучами снег обрывается с ветвей мокрыми хлопьями, сосульки вырастают на глазах и, не выдержав собственной тяжести, то одна, то другая со звоном обрушиваются, рассыпаясь на сверкающие осколки.

В один из таких зимних дней в Ташкент врываются яркие летние краски Узбекистана: это на улицах появились группы людей — многие, как и горожане, в обычных костюмах, но многие и в национальных одеждах. Горят на солнце зеленые, желтые и лиловые полосы халатов ферганцев, темнокрасным матовым блеском отливают халаты хорезмийцев, все разнообразие рисунков и красок переливается на халатах бухарцев, самаркандцев, ширабадцев, шахрисябзцев. И почти на всех халатах и костюмах поблескивают медали и ордена. Кто эти люди? Лучшие хлопкоробы республики, съехавшиеся на свой курултай.

Для работы курултая отводится самое большое и едва ли не красивейшее в Средней Азии, построенное по проекту академика Щусева новое здание — здание Узбекского оперного театра имени Алишера Навои. Его строители — архитекторы, художники и народные мастера — награждены Сталинской премией.

Делегаты проходят мимо фонтана, одного из крупнейших в стране: его сто двадцать шесть струй взлетают над огромной каменной хлопко-

вой коробочкой, расположенной в центре фонтана. Потом делегаты по гранитным ступеням поднимаются в вестибюль театра, украшенный тонкой резьбой по алебастру, проходят фойе, стены которого расписаны живописными панно художником Чингизом Ахмаровым, и вступают в зрительный зал. Здесь, в этом зале, хлопкоробы делятся друг с другом опытом, рассказывают о своих нововведениях, предъявляют претензии к промышленности сельхозмашин, советуются с учеными — специалистами хлопководства, подводят итоги году, планируют следующий год.

И, как бы входя в поэзию этого события, словно для того, чтобы подчеркнуть своеобразие одежд и речевых особенностей разных областей республики, в театре существуют шесть кулуарных фойе, оформленных прославленными народными мастерами всех узбекских оазисов.

Зеркальные стены бухарского зала покрыты белыми кружевами орнамента. Самаркандский зал заставляет вспомнить о чудесных памятниках времен Улугбека. В хивинском зале карнизы и кронштейны сделаны по древнему образцу хорезмийских домов, а в резьбе дверей показано изумительное искусство резчиков по дереву. Окна ферганского зала украшены строгим рисунком решеток из деревянных планочек, гармонирующих с решетчатым рисунком на белом алебастре карниза. Термезский зал отделан тончайшей резьбой по ганчу, выполненной по образцам древней резьбы, украшающей термезские памятники старины XII века. И, наконец, ташкентский зал, в котором как бы звучит непозторимая гамма орнаментов старинных ташкентских жилищ.

Но вот курултай окончился, хлопкоробы разъезжаются по домам. Конец февраля. На ташкентские улицы приходит весна. Арыки, вчера еще пустые и безмолвные, чуть слышно загрели под окнами. Продавцы раскладывают на перекрестках груды тюльпанов: вся степь за Ташкентским оазисом стала красной от них. Городские садики и огромные загородные сады покрываются сперва бело-розовой пеной, которая потом превращается в бурю цветения. Вот уже деревья одеваются робкой листвой. Вот уже голова кружится от пьянящего аромата цветущих акаций... Так день за днем, пока в одно майское утро ташкентец, купив на углу кулек клубники, не говорит: «Весна кончилась, началось лето».

Ничто как будто в этой смене пейзажа о хлопке не говорит. Приглядитесь внимательнее. Сколько в Ташкенте весною отсутствует горожан! Уехали партийные и общественные работники. Уехали актеры и художники обслуживать хлопкоробов. Уехали журналисты, операторы кинохроники, писатели. Половина ташкентцев так или иначе участвует в судьбе будущего урожая хлопка.

Да и как может быть иначе! Узбекистан производит две трети хлопка всего Советского Союза. В 1953 году одна только Узбекская республика должна дать волокна в два раза больше, чем Египет, на пятьдесят пять процентов больше Бразилии и лишь немногим меньше Индии и Пакистана, вместе взятых, с их четырехсотпятидесятиmillionным населением.

Удивительно ли, что борьба за хлопок могущественно подчиняет себе судьбы ташкентцев, направляет их мысль и энергию, становится содержанием жизни тысяч людей. Недаром среди изумительных подарков трудящихся мира товарищу Сталину есть куст хлопчатника, который подарили Иосифу Виссарионовичу узбекские хлопкоробы. На этом кусте больше ста крупных коробочек.

На Пушкинской улице в Ташкенте меж деревьев белеет здание, в котором находится научный центр советского хлопководства. Это здание СоюзНИХИ — Всесоюзного научно-исследовательского института хлопководства, общепризнанного мирового центра науки о хлопке.

Опытные поля и лаборатории селекционной станции СоюзНИХИ находятся среди загородных садов под Ташкентом. На этих полях мичуринскими методами выведены сорта с самым длинным в мире волокном и с наибольшим выходом волокна, самые холодоустойчивые и ультраскороспелые сорта, не боящиеся ни вилта, ни гоммоза — болезней хлопчатника. Тут выведены и первые в мире цветные сорта хлопчатника: с розовым, зеленым и коричневым волокном разных оттенков. Продолжается работа над выведением хлопчатника с синим и голубым волокном. Кроме того, выведены сорта с шерстистым волокном, которое может заменить натуральную шерсть.

Глубина и размах работы, проделанной учеными на этой и других станциях СоюзНИХИ — агротехнической, защиты растений, зональных станциях, — и гигантский творческий размах, с каким коммунисты тотчас же каждое из их открытий переносят на десятки тысяч колхозных полей, — и то и другое станет ясным, если сказать, что до революции Туркестан, расположенный в самой северной зоне хлопкового пояса земного шара, имел самую низкую урожайность в мире. Теперь урожайность хлопка в Индии в два с половиной раза ниже, чем в США, а в США в два с половиной раза ниже, чем в Узбекистане.

Первое место в мире занимает Узбекистан и по механизации обработки хлопковых плантаций. И это тоже можно увидеть, прочесть не только на полях республики, но и на ташкентских улицах.

Начало сентября. Солнце уже не так палит, как месяц назад. Листва на деревьях от пыли кажется неживой, словно она сделана из металла. На улицах мальчишки, идя в школу, сбивают камнями с деревьев орехи. В колхозных ларьках продают пахучие дыни, корзины винограда, персики, груши. И в эти дни осени на улицах мелькает все больше грузовиков, в которых, сидя на скамьях, едут люди, одетые по-дорожному, едут весело, с песнями. Кто они? Студенты высших учебных заведений и служащие столичных учреждений, отправившиеся на уборку хлопка.

Раньше горожане хлопка не убирали. Потом инженеры изобрели машины для обработки плантаций, которые позволили удвоить площадь хлопковых посевов. Но сконструировать тогда же сносную хлопкоуборочную машину, несмотря на деятельные усилия конструкторов, не удалось.

Надо было выбирать: либо ждать, когда инженеры разрешат и эту задачу, либо сейчас же, не откладывая, удвоить площадь посевов и хлопок убирать всенародно. И ташкентцы, самаркандцы, андижанцы — вся республика — выбрали второй путь.

Эй, друзья, на поля! Эй, друзья, на поля!
Эй, хирман заполняй, нагружай караван!..
Каждый грамм урожая, частица твоя,
Каплей белой вольется в большой океан.

Четверостишие это из стихотворения «Друзьям хлопкоробам» сделалось крылатым на полях республики. Само же стихотворение сложено коллективно двенадцатью поэтами во главе с лучшим современным узбекским поэтом Гафуром Гулямом в минуты короткого отдыха на поле подшефного колхоза, где хлопок собирали члены Союза советских писателей.

Люди всех профессий, какие только есть в городе, — врачи и актеры, бухгалтеры и мелиораторы, рабочие и домохозяйки — по призыву Коммунистической партии стали выезжать на уборку хлопка в колхозы. Движение это сделалось массовым и продемонстрировало размах и глубину советского патриотизма.

Тем временем большой коллектив советских конструкторов, пользуясь повседневной поддержкой и вниманием Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, настойчиво работал над созданием хлопкоуборочной машины. Инженерам пришли на помощь селекционеры, вырастившие новый вид хлопчатника со сжатой формой куста; агротехники, которые ввели новые способы обработки хлопковых плантаций; химики, добившиеся того, что кусты хлопчатника, едва их перед уборкой опрыскивают специальным составом, сбрасывают листья, мешавшие конструкторам.

И советским инженерам удалось, наконец, создать хлопкоуборочную машину, заменяющую сорок сборщиков хлопка. Машина эта пошла в серийное производство и в 1949 году впервые начала работать на хлопковых полях. Теперь хлопкоуборочные машины уже двинулись широким фронтом по колхозным полям республики. С каждым годом их все больше выходит с заводов. По плану, в 1955 году хлопкоуборочные машины должны будут убирать уже шестьдесят-семьдесят процентов всех хлопковых полей. Еще год-два, и грузовики с ташкентцами, едущими в колхозы на уборку хлопка, исчезнут. Люди будут тогда вспоминать об этом, как о прошлом, — том порою трудноватом, но зато так полно пережитом прошлом, память о котором, как и память о преодолении любой другой серьезной жизненной трудности, когда росло, мужало и закалялось наше сердце, всегда заставляет нас потом вспоминать это прошлое со счастливым волнением.

8. У ПОДЪЕЗДА ДОМА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Утро. На площади у подъезда громадного серого здания Дома правительства выстроились легковые автомобили. Это главная площадь узбекской столицы. Как и в Москве, она именуется Красной. Над площадью, на фоне здания правительства, высится на постаменте из красноватого гранита и черного лабрадора бронзовая литая фигура Ленина. Его рука простерта вперед — к нам, советским людям, населяющим город.

Под окнами Дома правительства, прямо на краю площади, растут гранатовые деревья. С другой стороны площади — два тюльпановых дерева, которые в мае покрываются крупными желто-зелеными цветами, сейчас, осенью, сливают свои кроны с кронами тополей и акаций. Удобные скамейки стоят на огибающей всю площадь зеленой аллее, посыпанной красным песком. Здесь, на этой площади, хочется рассказать о том, как узбекский народ обрел свое государство.

До революции на этой же площади стоял «белый дом» — резиденция генерал-губернатора. Царские чиновники тогда управляли всем Туркестанским краем, как называлась Средняя Азия. Генерал-губернатор был как бы наместником царя. Недаром узбеки называли его «ярим-пошшо» — полуцарь.

Кроме «русских владений», существовали в Туркестане два небольших феодальных государства — Бухара и Хива. В качестве великой милости даровал русский царь эмиру бухарскому титул «его высочества», хану хивинскому — титул «его светлости», словно бы подчеркивая этим, что оба они — слуги «его величества» царя. Они были и в самом деле верными слугами, послушными вассалами российского императора.

Разобщенность народов Туркестана, феодальная их раздробленность были выгодны и царизму и ханам. В одной дореволюционной песне, приписываемой «узбекскому соловью», знаменитому народному певцу Эргашу Джуман-буль-буль-оглы, говорится (в ней обыгрывается дословный перевод слова узбек: сам бек), что никогда не бывать узбеку узбеком (то-есть самому себе господином), пока узбека грабят три бека: русский, бухарский, хивинский. Так народ по-своему выразил ту же мысль, которая заключена в известных словах товарища Сталина о том, что Узбекистан и Туркменистан «были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих».

Все попытки трудящихся Туркестана освободиться от двойного гнета — русских помещиков и капиталистов и своих феодалов и баев — были бесплодны, пока рабочие и крестьяне России, руководимые коммунистами, не свергли царизм, а вслед за ним и буржуазное Временное правительство.

В каждом крупном городе Советского Союза есть завод или фабрика, имена которых произносят совершенно по-особому — с нежностью, с благоговением. Это заводы, овеванные славой революции, заводы,

где росла, мужала и крепла партия коммунистов. В царской колонии — Туркестане — крупных промышленных предприятий не существовало. Самым большим отрядом рабочих были железнодорожники, самым значительным предприятием на железной дороге — Главные железнодорожные мастерские в Ташкенте.

Именно рабочие этих мастерских и возглавили революционное движение в Туркестане. Начиная с 1905 года железнодорожники Средней Азии откликались на каждое крупное политическое событие в России. Стачки, забастовки и манифестации русских рабочих-железнодорожников оказывали глубокое влияние на трудящихся Туркестана, пробуждая их к политической борьбе. В маевках ташкентских железнодорожников стали принимать участие старгородские узбеки-ремесленники. Их приходило вначале немного — единицы, но будущее принадлежало им — трудящимся людям Узбекистана: ведь это был пусть еще непрочный, пусть шаткий, но первый мостик между «новым» и «старым» городом, переброшенный уже не через русло канала Анхор, а через бездну двух разных миров, первые ростки той великой дружбы, которой суждено было потрясти, а потом и перестроить весь край.

Особенно много сделали для того, чтобы эта великая дружба крепла и ширилась, узбеки, мобилизованные на тыловые работы в дни первой империалистической войны. В России, где они работали на лесозаготовках и на строительстве военных крепостей и железных дорог, узбеки, оказавшись в среде революционных рабочих, политически закалились. Вернувшись после Февральской революции 1917 года домой, они организовали бедноту: создали в крупнейших городах «советы мусульманских рабочих депутатов», «советы трудящихся мусульман» и всячески укрепляли союз узбекских трудящихся с русскими рабочими.

Насколько глубоким и прочным стал этот союз, показали сентябрьские события 1917 года в Ташкенте. 12 сентября в «новом городе» был созван большой митинг: вокруг трибуны, среди кипящей массы черных спецовок железнодорожников и защитных гимнастерок солдат, словно гигантские клумбы, меняющие все время форму и очертания, пестрели халаты и тюбетейки сотен узбеков, пришедших из «старого города». Участники митинга единодушно приняли большевистскую резолюцию, требовавшую немедленной национализации банков, конфискации помещичьих земель и, главное, передачи всей власти Советам. Для осуществления этого на митинге был избран революционный комитет. Товарищ Сталин в газете «Рабочий путь» (так называлась в ту пору запрещенная Временным правительством «Правда») приветствовал революционный почин ташкентских рабочих.

С этого дня туркестанские коммунисты Николай Шумилов, Александр Першин, Павел Полторацкий и другие начали готовить вооруженное восстание масс за победу советской власти в Узбекистане. Восстание это в Ташкенте началось после того, как было получено сообщение о начале Октябрьского восстания в Петрограде. Оно нача-

лось здесь 28 октября (старого стиля), в шесть часов утра, по гудку Главных железнодорожных мастерских.

Центром контрреволюционных сил были «белый дом» и военная крепость. Центром революционных сил — Главные железнодорожные мастерские или, как их тогда называли, «рабочая крепость». В разгар уличных боев 29 октября в Ташкент пришло известие о победе советской власти в Петрограде. Это еще больше подняло боевой наступательный дух ташкентских железнодорожников. Вместе с революционными солдатами и узбеками-ремесленниками они повели наступление на военную крепость. 1 ноября крепость пала. В Туркестане была провозглашена советская власть.

В телеграмме на имя V съезда Советов Туркестанского края в апреле 1918 года Ленин и Сталин писали: «Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах. Мы приветствуем ваши начинания и глубоко уверены, что вы покроете весь край сетью Советов, а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте». На этом съезде Туркестан был объявлен автономной республикой.

Наступили дни гражданской войны. Советская Россия оказалась в огненном кольце фронтов. Организаторы и вдохновители интервенции — американские и английские империалисты — решили в это время отторгнуть от России и захватить Туркестан. Для этого в Ташкент приехал американский консул Тредуэлл. Он стал руководителем всех контрреволюционных сил в Средней Азии. С его помощью начальник английской военной миссии в Мешхеде генерал Маллесон организовал цепь восстаний белоказацких гарнизонов в разных городах Туркестана, а потом и прямо ввел в Закаспий английские войска. Английский консул в Кашгаре Макартнэй стал снабжать деньгами и оружием басмачей Ферганской долины. Английский агент Бэйли заключил с подпольной белогвардейской организацией в Ташкенте секретный договор о свержении советской власти. Однако туркестанские отряды Красной гвардии и отряды вооруженных рабочих-железнодорожников в непрерывных боях с басмачами, белоказаками и английскими интервентами сумели в течение всей гражданской войны сохранить в Ташкенте и в значительной части Туркестана советскую власть.

Огромное значение имела помощь, которую оказывали молодой Туркестанской республике Советская Россия и ее Коммунистическая партия. В течение июня 1918 года товарищ Сталин, руководивший обороной Царицына, отправил в Туркестан сто пятнадцать вагонов зерна. Вслед за этим, в начале июля, в письме к прославленному бакинскому комиссару Степану Шаумяну, Иосиф Виссарионович просил бакинцев «всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку».

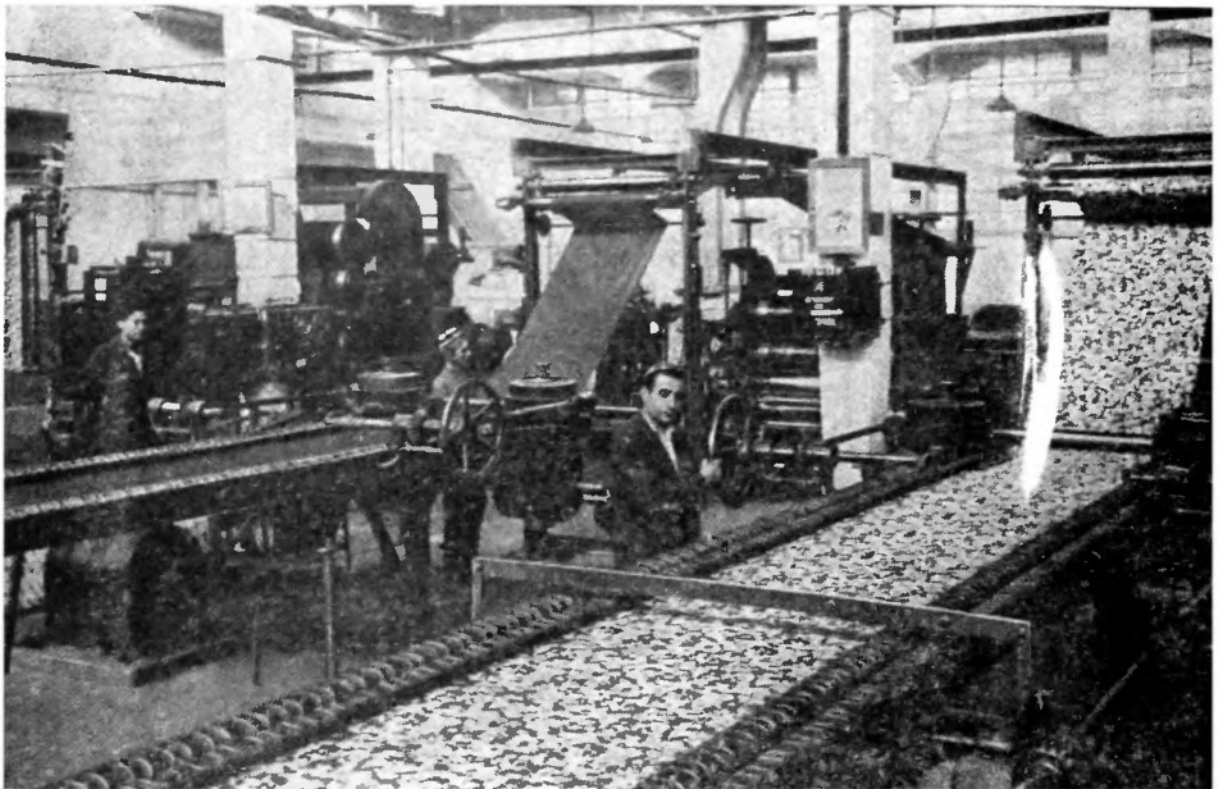
Но в это время англичане отрезали Туркестан от Каспийского

В библиотеке имени Алишера Навои.

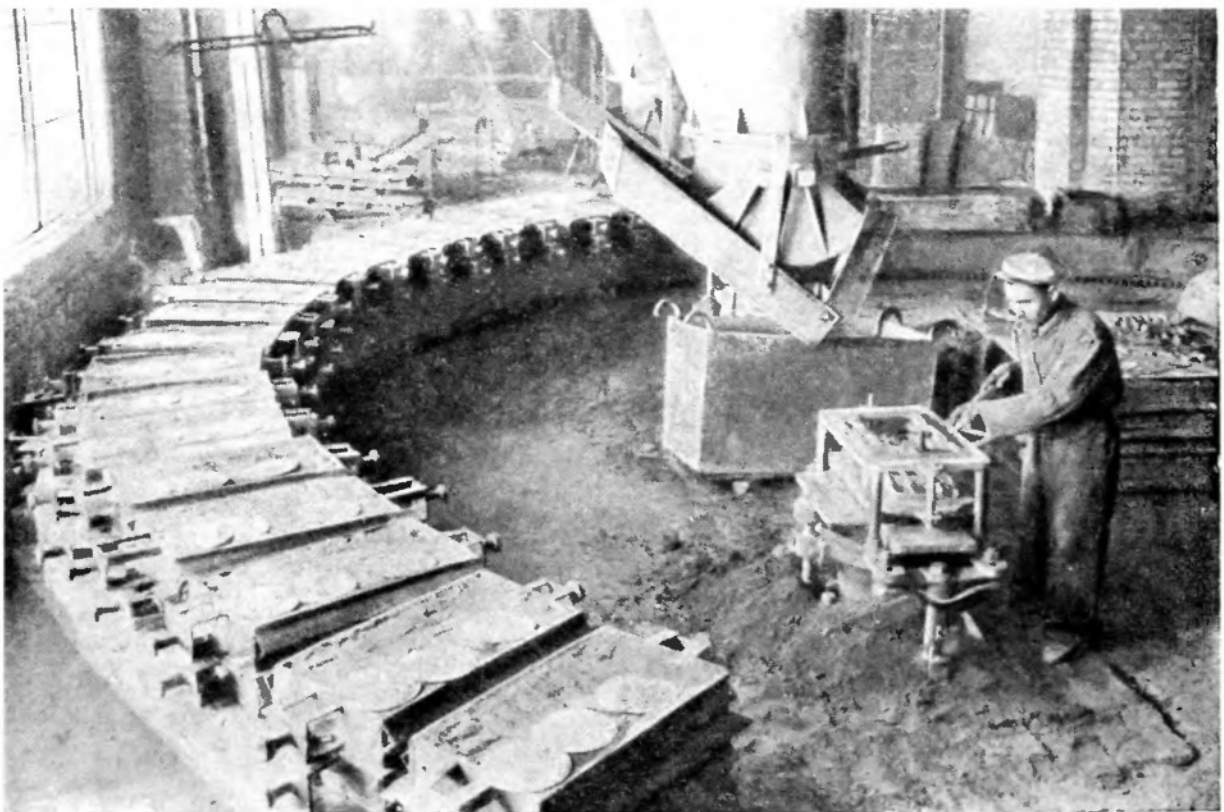
Ташкент. Социалистический городок текстильщиков.

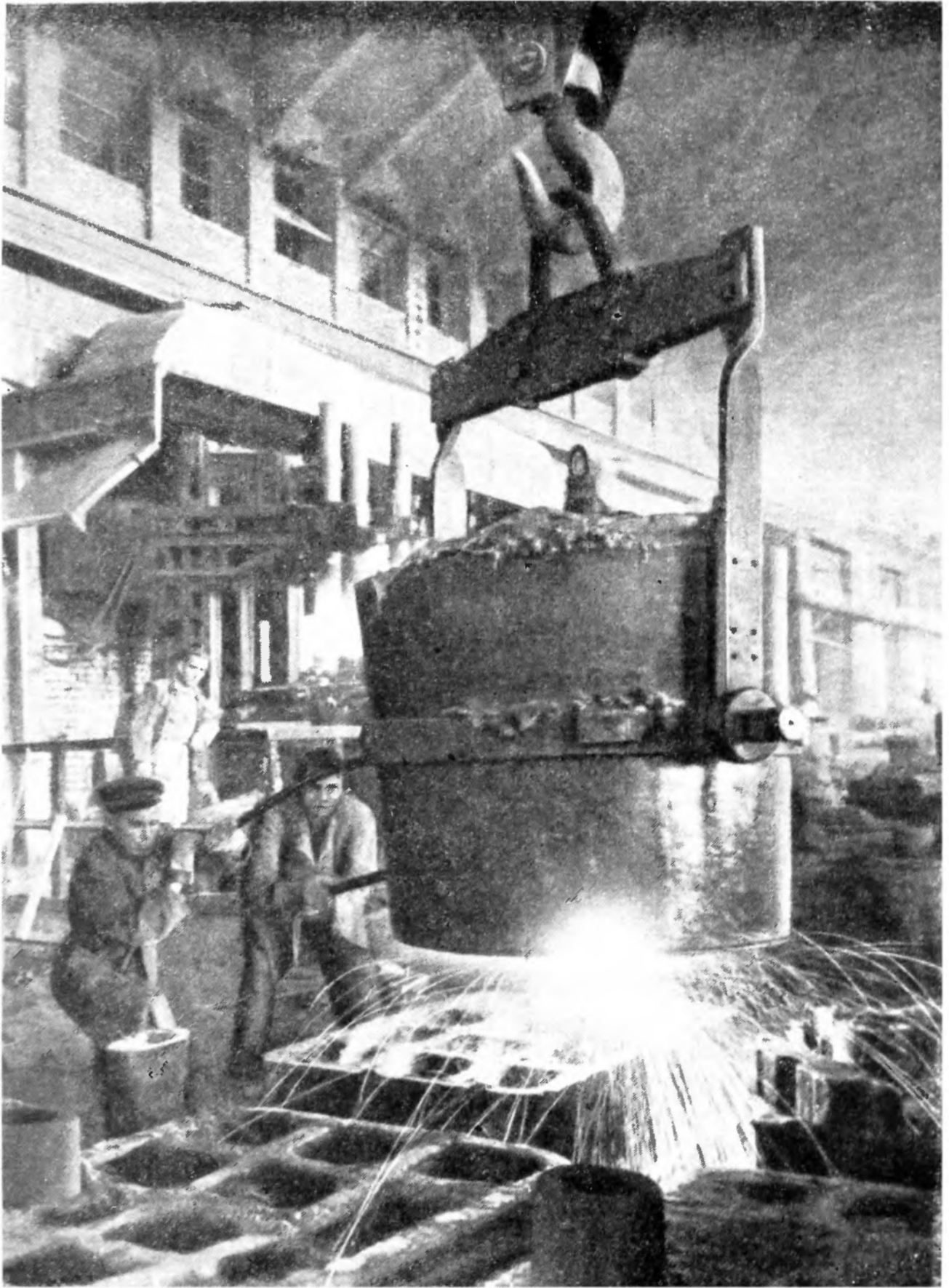
На ситцепечатной фабрике Ташкентского текстильного комбината.

Знатная ткачиха Нурия Максумова.

На Ташкентском экскаваторном заводе.

В литейном цехе Ташкентского экскаваторного завода.

моря, а банды генерала Дутова отрезали его с севера от Советской России. 15 июля в телеграмме на имя В. И. Ленина председатель Турксовнаркома Колесов писал: «Туркестанская республика во вражеских тисках... Ташкент отрезан. В момент смертельной опасности жаждем слышать Ваш голос. Ждем поддержки деньгами, снарядами, оружием и войсками». В ответ на эту телеграмму товарищ Сталин, посоветовавшись с Лениным, послал в Туркестан большой транспорт с оружием.

Маршрут, который Иосиф Виссарионович выбрал для этого, был необычаен и смел: из Царицына на Астрахань, потом через Каспийское море на форт Александровский и дальше по гигантскому безводному плато Устюрт и казахской степи до ближайшей станции Ташкентской железной дороги. Каждый, кто хоть раз летом побывал на Устюрте, ясно представит себе, до чего этот путь труден; но другого пути в то время не было.

В начале 1919 года, когда части Красной Армии, которыми командовал М. В. Фрунзе, начали на Оренбургском фронте громить банды Дутова, американцы и англичане решили одним ударом свалить в Туркестане советскую власть. Трэдвелл и Бэйли организовали в Ташкенте мятеж «левых» эсеров и белогвардейцев во главе с троцкистом Осиповым. В ночь с 18 на 19 января Осипов (он был в это время военным комиссаром республики) вызвал к себе будто бы для срочного совещания четырнадцать руководящих работников — четырнадцать туркестанских комиссаров. Все они были в штабе схвачены и тут же зверски убиты. Однако агенты англо-американских империалистов просчитались. Известие о гибели любимых комиссаров вызвало в Ташкенте бурю народного гнева, рабочие-железнодорожники сразу вооружились и повели наступление на «осиповцев» с такой яростью и энергией, что через три дня полностью ликвидировали мятеж.

В том же 1919 году части Красной Армии, разгромив южную армию Колчака, соединились с Туркестанским фронтом. И в Среднюю Азию из центра была послана облеченная широкими полномочиями Турккомиссия (Комиссия по делам Туркестана), которой руководили товарищи Фрунзе, Куйбышев и Каганович.

В связи с выездом Турккомиссии Ленин в письме к коммунистам Туркестана призывал «приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его». «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое», — писал Ленин.

Тем временем англичане спешно строили стратегические дороги от своих баз в Иране к советской границе. Генерал Маллесон укомплекто-

вал к декабрю 1919 года двадцатитысячную наемную армию для переброски ее в Среднюю Азию. Эмира бухарского он снабдил своими «советниками» и оружием. Но не пришлось больше империалистам топтать землю Советского Туркестана. Части Красной Армии под руководством Валерьяна Владимировича Куйбышева совершили вошедший в историю героический поход через пески Кара-Кумов.

В походе этом участвовали и узбекские национальные соединения. Популярная в то время среди узбеков-воинов песня, сложенная поэтом Хамзой, доносит до нас живое дыхание того времени:

Веками жданный, к нам пришел свободы час,
Свободу отстаять — долг совести для нас.
Будь англичанин то или другой чужак, —
Борясь, мы отступить не будем ни на шаг.

Рабочий, поднимись, оружие бери,
С лица родной земли врагов своих сотри.
Свободным край родной всегда пускай живет.
Шагай вперед, вперед, шагай вперед, вперед!

Эту песню пели молодые узбекские бойцы, когда вместе с русскими и туркменскими красноармейцами выгоняли из Закаспия англичан и белогвардейцев. Они ее пели и тогда, когда под командованием Михаила Васильевича Фрунзе уничтожали басмачей в своей родной Ферганской долине. И тогда ее пели, когда по зову народа, восставшего в Бухаре и Хиве, пришли к нему на помощь.

Вслед за «его величеством» императором народ в 1920 году прогнал «его высочество» — эмира бухарского и «его светлость» — хана хивинского. Разобщенные царским самодержавием, эмирами и ханами, народы Туркестана теперь могли впервые за свою историю объединиться как нации. Так была создана основа для размежевания Средней Азии по национальному признаку, основа для создания национальных узбекского, туркменского и других государств.

Товарищ Сталин писал, что «размежевание Туркестана есть, прежде всего, *воссоединение* разорванных частей этих стран в независимые государства».

Руководить национальным размежеванием в Средней Азии приехал всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. В конце декабря 1924 года была провозглашена Узбекская республика. И спустя полтора месяца, на I Всеузбекском съезде Советов было создано правительство Узбекистана. Председателем ЦИК Узбекской ССР съезд Советов избрал бывшего батрака, активного борца против англо-американских интервентов и басмаческих банд, пламенного коммуниста Юлдаша Ахунбабаева, который бессменно находился на посту всеузбекского аксакала в течение восемнадцати лет, до конца своей жизни.

Так родилось национальное узбекское государство. Узбекский народ окончательно сплотился в нацию и вступил в великое содружество советских народов.

9. В ТЕКСТИЛЬНОМ ГОРОДКЕ

Есть в Ташкенте район, не похожий ни на бывшую русскую, ни на бывшую азиатскую части столицы, — текстильный городок. Новые многоэтажные дома образовали здесь обширные кварталы со своими универмагами, рынком и поликлиниками, со своими садами, Дворцом культуры, бассейном для плавания и с уже установившимися местами встреч влюбленных.

Текстилькомбинат — гигант ташкентской промышленности. Чтобы представить себе его величину, достаточно сказать, что, например, в хлопчатобумажной промышленности всего Ирана занято в семь раз меньше веретен, чем на одном Ташкентском текстилькомбинате. Каждый день текстилькомбинат выпускает сотни тысяч метров шифона, майи, сатина, миткаля, зефира и других тканей красивых расцветок. Однако нас, узбекистанцев, когда осматриваем мы Ташкентский текстилькомбинат, захватывает не зрелище тканей (прекрасные ткани выпускают и другие текстильные предприятия страны), — нас больше волнует другое.

Выступая в 1925 году в Коммунистическом университете трудящихся Востока, товарищ Сталин говорил, что одна из важнейших задач — «создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса».

Накануне революции в Ташкенте насчитывалось сто десять крошечных промышленных предприятий: железнодорожные и механические мастерские, хлопкоочистительные, маслобойные, спиртокуренные и другие заводи. На всех этих ста десяти предприятиях работало в четыре раза меньше рабочих, чем сейчас на одном Ташкентском текстилькомбинате, вот до чего они были малы! А к 1941 году в Узбекистане — бывшей царской колонии, ставшей свободной советской республикой, — была создана мощная индустрия: перед Отечественной войной индустриальные отрасли (промышленность, строительство и железнодорожный транспорт) давали уже больше половины всего народного дохода Узбекистана. Все значительные города Узбекской республики превратились в очаги новой промышленности. И крупнейшим промышленным очагом стал Ташкент — столица Узбекистана, крупнейшим (из рожденных первыми пятилетками) предприятием и кузницей национальных рабочих кадров — Ташкентский текстильный комбинат имени Сталина.

Когда осматриваешь его, невольно приходит в голову: не комбинат, а дворец! Перед его главным, украшенным скульптурами корпусом бьет высокий фонтан, и фабрики белеют среди парка, меж цветников. Пройдитесь по светлым цехам, поговорите с рабочими, они вам расскажут, что текстилькомбинат и строился как дворец.

Алим Ахмеджанов, начальник ленторовничного цеха первой прядильной фабрики, рассказывает: шло лето 1932 года; по газетам было

задолго известно, что торжество закладки первого в Узбекистане крупного текстильного комбината состоится 20 июня на южной окраине Ташкента; горожане хорошо знали пустырь, раскинувшийся на несколько километров в этом районе; весной и осенью люди опасливо объезжали этот пустырь, так как даже высокие колеса арб увязали в жидкой глине.

— И вот, — рассказывает Ахмеджанов, — наступил долгожданный день. Рано проснулся город. К девяти часам утра улицы были запружены народом. Тысячи людей, надев праздничное платье, направлялись к южной окраине Ташкента. В колоннах рядом с молодежью шли старики-узбеки в пестрых халатах. Группами шли женщины. Многие из них еще прятали свое лицо. Бесконечный поток вынес меня на площадь, расчищенную для будущего строительства. «Да здесь весь Ташкент», — подумал я, оглядевшись кругом.

Над морем человеческих голов со всех сторон колыхались красные полотнища знамен. Говорились речи, играла музыка оркестров. И в заключение товарищ Ахунбабаев торжественно заложил в фундамент комбината первый кирпич, положив под него, согласно русским традициям, серебряную монету.

В строительстве этого первого крупного промышленного предприятия Узбекистана исключительная роль принадлежала русским рабочим, инженерам и техникам. У узбеков не было в ту пору ни опыта, ни знаний, ни своего рабочего класса, ни своей технической интеллигенции. Со всех концов России в годы первых пятилеток приезжали в Узбекистан монтировать предприятия, налаживать работу на них и учить людей прославленные русские мастера.

Михаил Андреевич Александров, ремонтник прядильной фабрики Ивановского меланжевого комбината, работал в 1935—1936 годах в Ташкенте, участвовал в монтаже прядильного оборудования на текстильном комбинате. В 1952 году он вновь посетил Узбекистан с делегацией рабочих, посланной для проверки хода социалистического соревнования между ташкентскими и ивановскими текстильщиками. Почти двадцать лет не видел Александров Ташкента.

— За такой срок, — говорил Александров, — воспоминания тускнеют, многое совсем уходит из памяти. Так случилось и со мной. Когда пришел я в Ташкенте на текстильный комбинат, такое сперва у меня чувство было, будто это совсем и не я тут работал, а кто-то мне только рассказывал об этом подробно. Ну потом, как водится, пошли новости: оказалось, погиб на фронте Мухаммед Санваров, мой ученик; Мурза Али Хайдаров, учившийся своему делу у нас в Иванове, тоже умер; встретились мы на первой ткацкой со старым другом Ибрагимом Сагдиевым, то то радости было! упорный, работающий, веселый человек, воспитанник детского дома; выросли за эти годы на Ташкентском текстильном комбинате корпуса новых фабрик, приятно смотреть; походил по цехам — есть чему поучиться, есть чему поучить. Но, по-

верите ли, все это сперва обычным казалось, как в других городах, где приходилось бывать. И вдруг вижу я во дворе комбината знакомую чайхану — стоит там, где и двадцать лет назад стояла. И сразу другими глазами я на все поглядел. Вспомнил: бывало загудит фабрика, пойдут толпами рабочие к проходной, и среди них женщины-узбечки, закутанные в паранджу, лиц из-под черных сеток не видно, а на головах узелки с хлебными лепешками. Как войдут на фабричный двор, паранджу долой, сунут ее под свою машину в цехе или на полку положат. В обеденный перерыв — со своими лепешками в чайхану, разговоры пойдут, шутки, смех. А кончится смена, опять паранджу на голову, выйдут из ворот комбината, и уже нет у них ни лиц, ни имен, где какая не разберешь. Идут по улицам сторонкой, уступают всем дорогу, молчат, будто смех свой и даже голос свой оставили на фабричном дворе. А теперь... Теперь идет узбечка на комбинат вместе с веселой толпой своих русских подруг, идет гордо, открыто, любо глядеть. А вечером с теми же подругами в кино, либо на курсы техминимума, а то и во Дворец текстильщиков на театральный кружок.

Свободная узбекская женщина-работница — вот самое сильное впечатление Александра от поездки в Ташкент. Узбекский народ теперь имеет свой рабочий класс. Выращено поколение людей передовых, технически грамотных, умелых — таких, о которых в Узбекистане с восхищением говорят: «У мастера в руках и снег горит».

Зайдите в гости к любому рабочему или работнице текстилькомбината, хотя бы к ткачихе Нурии Максумовой, и познакомьтесь с ее семьей.

Мать Нурии Максумовой была в юности, как и другие узбечки, неграмотна. Мироздание ей, как и другим, рисовалось так: в центре мира ее селение, вокруг ее селения соседние кишлаки, за ними знаменитые среднеазиатские города и где-то дальше в сплошном тумане Петербург; а за Петербургом с одной стороны, за Меккой с другой — край земли, пустота, небытие. Разве можно даже сравнивать юность матери с юностью дочери?! Юность матери прошла во тьме. Не об этом ли думала она, когда в 1922 году давала своей дочери имя? Ведь слово «нур» в переводе значит «свет».

Нурия Максумова родилась, когда на ее родной земле зажегся яркий, неугасающий свет. И для того чтобы рассказать, как рисуется ей мироздание и что она думает о жизни, что ее волнует, о чем мечтает она и чему сочувствует, можно, посетив квартиру Максумовой в одном из корпусов текстильного социалистического городка, и не описывать увиденные там, как и у других, письменный стол, этажерку с книгами и прочее. Достаточно рассказать, что Нурия Максумова работает на двадцати четырех ткацких станках, что она стала лучшей ткачихой текстильной промышленности Узбекистана и что ткачи, и прядильщицы, и ватерщицы — все рабочие и работницы комбината — дважды выбрали ее делегатом на Всесоюзные конференции сторонников мира.

Единодушно поручали они Нурии Максумовой защищать дело мира: так велика ее трудовая слава!

«Зажигающий светильник остается в темноте». Старинную узбекскую поговорку эту могут повторить, говоря о себе, шотландские шахтеры и машиностроители Детройта, мадрасские ткачи и рабочие индонезийских каучуковых плантаций. Но в самом Узбекистане поговорка эта уже не имеет смысла. Зажегший светильник здесь никоим образом не останется в темноте.

Портрет Нурии Максумовой, как и портреты ткачихи Евдокии Визгаловой, прядильщицы Турсун-ой Ермухамедовой, крутильщицы Насибы Бахадыровой и других стахановцев комбината, висит во Дворце культуры текстильщиков — одном из красивейших новых зданий Ташкента. Где, в какой буржуазной или колониальной стране такое возможно? Где, в какой буржуазной или колониальной стране возможно, чтобы после того как рабочий предложит какое-либо нововведение, его тотчас же подхватывали бы сотни рабочих, а имя зачинателя становилось бы известным десяткам тысяч людей?

Словом, где возможно то, что случилось, например, с известным кузнецом «Таштекстильмаша» Салихом Адиловым. От бедняка-деханина и возчика до кузнеца двухтонного парового молота и депутата Ташкентского городского Совета — таков его жизненный путь. Человек необычайно изобретательный и инициативный, Адилов внес в свою работу столько рационализаторских нововведений, что за первую послевоенную пятилетку сумел выполнить двадцать шесть с лишним годовых норм. Салих Адилов зажег лишь небольшой «светильник» — предложил ряд нововведений, имеющих отношение только к работе парового молота, но и этого света оказалось достаточно, чтобы о нем узнал его родной город, родная республика.

Не говоря о славе Адилова, даже самое существование завода, на котором он работает, невозможно ни в одной колониальной стране. Если до революции узбекский народ, выращивавший хлопок, не имел своей текстильной промышленности, конечно, он не мог и мечтать о своем текстильном машиностроении. Единственный крупный завод текстильного машиностроения находился в сердце императорской России — Петрограде. В резолюции X съезда РКП(б) по докладу товарища Сталина «Очередные задачи партии в национальном вопросе» говорилось: «...эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний или полукolonий, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов».

До революции в Тверь, Иваново, Орехово-Зуево хлопок привозили из Средней Азии, текстильные машины — из Петрограда. Теперь Узбекистан дает стране и текстиль и текстильные машины. Станки и маши-

ны высшего класса, с маркой «Таштекстильмаш» можно встретить на фабриках Сталинабада и Вышнего Волочка, Полтавы и Лодзи, Шанхая, Ханькоу и других городов великого братского народного Китая.

10. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЕЛЬМАША

В противоположном от текстильного городка конце Ташкента, за быстрой речкой Салар, несущей среди зеленых берегов свои мутные воды, за белеющими в огромном парке корпусами клинического городка Ташкентского медицинского института, за полосатыми шлагбаумами железнодорожного переезда находится завод «Ташсельмаш» имени Ворошилова. Завод этот, построенный тоже в первые сталинские пятилетки, может еще больше, чем текстилькомбинат, быть назван университетом народа. Это первый в Советском Союзе завод, на котором, кроме оборудования для хлопкоочистительных и маслобойных заводов, выпускаются разнообразнейшие машины для обработки хлопковых полей, и большинство этих машин изобретены, сконструированы в Узбекистане.

Когда идешь из цеха в цех по асфальтовым дорожкам, окаймленным яркими цветниками, всюду на «Ташсельмаше» сопровождает тебя мысль о братской помощи русского народа узбекам. На заводских станках видишь марки уральских, московских, ленинградских заводов. И почти каждый пожилой русский рабочий «Сельмаша» познакомит вас со своими учениками-узбеками, которым он помог овладеть мастерством.

В дореволюционном Узбекистане говорили: «Дружба чужеземца — как снег на спине собаки: она растает раньше, чем успеешь сказать слово друг». Всем известно, что англичане, американцы и другие колонизаторы всячески раздувают вражду между народами на Востоке, организуют среди них кровавые войны и резню. Удивительно ли, что до сих пор находятся по ту сторону рубежа люди, которые никак не могут поверить в реальность великой дружбы и братства советских народов? Ведь в СССР произошло то, что для нас, советских людей, стало привычным, естественным, но для народов всего капиталистического мира и сейчас представляется невероятным: большой, многомиллионный, сильный народ, вместо того чтобы грабить малые народы, пользуясь их слабостью, стал впервые в истории человечества оказывать помощь им и, стремясь обеспечить не на словах, а на деле равноправие этим народам, помог им создать даже свою собственную мощную индустрию.

Бесчисленны проявления братской дружбы народов в Советском Союзе. С яркостью проявилась дружба эта в дни Отечественной войны, когда узбекский народ писал в наказе своим воинам: «Помни, что твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца в твоём махалля» (квартале). И с не меньшей силою, чем на фронте, дружба эта в те

опаленные военной грозой дни проявилась в самом Узбекистане, в глубоком тылу. Именно тогда-то «Ташсельмаш» пережил незабываемую страницу своей истории.

В те дни в Ташкенте появились заводы необычайные — заводы, которые были сооружены не здесь, а за три-четыре тысячи километров отсюда. Освещенные заревом пылающих городов, под пушечным и пулеметным обстрелом вражеских самолетов, заводы эти по указанию Советского правительства вставали на колеса и уходили в глубокий тыл на восток. Здесь их нужно было снять с колес, прочно поставить на землю, набрать недостающих рабочих, обучить их, воздвигнуть мощные электростанции, чтобы дать промышленный ток. И все это нужно было сделать немедленно. Привезенные в Ташкент станки, — устанавливали их на одном из заводов в пролете между цехами или просто на открытом месте под лучами знойного солнца, — сейчас же вступали в строй и становились вначале как бы станками «Сельмаша». Производство в первые недели было организовано на принципе широкой кооперации заводов, и сердцем их производственного процесса, естественно, оказался «Сельмаш», крупнейший в Ташкенте, имевший свой литейный цех индустриальный завод.

На глазах горожан станки, работавшие под открытым небом, быстро обрастали стенами и обширными сводами новых цехов. На глазах горожан над Ташкентом возносились ввысь все новые фабричные трубы. И все знали: когда из такой трубы показывались первые клубы дыма, это означало, что завод переставал быть «цехом «Сельмаша», у него начинало биться собственное сердце. Поколения людей будут с благоговением возвращаться мыслью к этому времени. В невиданно тяжелых условиях, когда мужчины сражались на фронте, а в тылу работали женщины, старики, инвалиды и воспитанники ремесленных училищ, Коммунистическая партия сумела только в одном Узбекистане поставить на ноги около ста крупнейших эвакуированных заводов страны. А едва в Ташкенте прогремели первые за время войны пушечные залпы, залпы победы, заводы эти стали быстро переходить на мирные рельсы.

Вернулись с фронтов Отечественной войны к своим семьям и рабочие «Сельмаша». Русские матери, встречая своих сыновей, радостно их обнимали. Узбечки при встрече, по старинному обычаю, осыпали склоненные головы своих сыновей сладостями и пригоршнями монет, чтобы сыновья были счастливы. И хотя давно уже для них — рабочих, научившихся управлять сложными механизмами, потом солдат, опаленных огнем войны, — счастье заключалось не в сладостях, не в богатстве, хотя и для их матерей самым большим счастьем было то, что их сыновья вернулись живыми, и те и другие, кто с молчаливой серьезностью, кто с милой шутливостью, исполняли этот народный обряд и думали при этом об истинном счастье: мечтали, чтобы скорее наладилась трудовая мирная жизнь.

И вот это счастье пришло. На залитую солнцем асфальтированную площадку лучшие стахановцы «Сельмаша» выводят из сушильной камеры новенькие хлопкоуборочные машины голубовато-стального цвета. Щурясь, смотрит Талип Садыков, начальник сборочного цеха, как их грузят на железнодорожные платформы. О чем думает он? Быть может, о тех далеких азербайджанских, туркменских, киргизских колхозниках, что получают эти машины, встретят каждую на какой-нибудь маленькой станции, встретят оживленно, с речами, с красными флагами: в адрес восьми самых солнечных республик Союза отгружают сельмашцы Узбекистана машины для обработки хлопчатника.

Когда осматриваешь «Сельмаш» и идешь из цеха в цех, приметы мирного трудового счастья видишь повсюду. Подходя к пролету № 7, еще издали слышишь ни на что не похожий слитный, но так, что каждый звук в нем прорисован отдельно, ритмичный — нет, не звон, не гул, а скорее всего оркестр. Да, оркестр, — конечно, не имеющий яркости красок подлинного оркестра, куда более глуховатый, монотонный, с преобладанием сухих звуков, но такой же организованный, целостный и исполняющий свою собственную, если хотите, «симфонию». Это пролет скоростников токарей по металлу.

Здесь, в этом пролете, родилось в Узбекистане движение скоростников. Зачинателем его был русский рабочий Д. Судаков. Его почин подхватил молодой рабочий другого завода — прославившийся на всю Среднюю Азию токарь завода «Подъемник» Павловский. Он работает на огромных скоростях резания металла — свыше семисот сорока метров в минуту (это вместо прежних восьмидесяти метров!). Но и сельмашцы сумели сохранить свою славу: Судаков обучил новым методам десятки людей, среди них немало узбеков, и о пролете № 7 услышала вся республика. Кстати сказать, в пролете этом работает знаменитый мастер Мустахим Юсупов, имя которого, рядом с именем Бориса Павловского, золотыми буквами вписано на мраморной доске почета, установленной на улице Карла Маркса, в центре Ташкента.

Разговоритесь ли вы в цехе, либо на производственном совещании, или дома у них с другими узбеками-рабочими, зачинателями стахановского движения на «Сельмаше» — сталеваром Садыковым, формовщиком Исмаиловым, модельщиком Шакуровым, — у всех у них есть одна общая черта, которая бросается в глаза. Эти люди часами с жаром могут говорить о какой-нибудь технической тонкости. И готовность, с которой они объясняют тонкость эту вам, если вы мало смыслите в технике, поразительна. Русский народ открыл узбекскому народу дверь в новый, неведомый мир — мир современной техники.

На «Сельмаше» трудно найти станок или рабочее место, технологический процесс или приспособление, которые не были бы улучшены рационализаторами. При этом, — может быть это и мелочь, но характерная мелочь, — когда сидишь на производственном совещании, где сельмашцы обсуждают какое-либо нововведение, ни на секунду не

забываешь, что находишься в Узбекистане, так как речь выступающих узбеков, несмотря на обилие технических терминов, полна национального своеобразия.

К примеру, след широкой мозолистой ступни верблюда редко увидишь теперь на дорогах Ташкентской области, — этот след сменили следы автомобильных покрышек и гусениц тракторов. А верблюды остались разве лишь в пословицах и поговорках, которые так любит и так к месту умеет употреблять народ.

Идет ли разговор об отстающем рабочем, который сетует не на себя, а на несовершенство станка, и выступающий одной фразой его уничтожит: «Неловкий и в верблюда кулаком не попадет». Говорят ли о передовике, взявшемся внедрить новую технологию, но жалующемся на частные неполадки, и в его адрес летит гневное слово оратора: «Сев на верблюда, не прячься за козу». А раз довелось мне присутствовать на совещании, где один инженер, совершивший серьезную ошибку, долго и невразумительно пытался объяснить, как оно такое могло получиться, — и вдруг с места раздалась реплика, которая сразу всем все объяснила: «Да что тут говорить! Кто плетется в хвосте каравана, тому пыль застилает глаза!»

Интересно, что на производственном совещании на «Сельмаше» местную узбекскую поговорку случается услышать и из уст русского рабочего или инженера: дружба народов проявляет себя здесь в крупном и в мелочах.

Рабочие «Ташсельмаша» могут рассказать вам об одном факте, который совершенно по-особенному западает в сердце. Каждый год рабочие Сибири присылают детям ташкентских рабочих новогодний подарок — поезд с таежными елками. На вокзальной площади и на улицах рабочих кварталов в эти дни ощущаешь ароматный, необычный в Ташкенте запах хвои. А на новогодних елках ребят далекой Сибири висят подарки узбекских рабочих: яблоки, груши, гранаты, айва, пахнущие югом, солнцем, далеким Узбекистаном. Мы так привыкли думать о коммунизме как о будущем, завтрашнем дне, что порой не замечаем вокруг себя его живые, осязаемые черты. Между тем забота целых заводских коллективов о чужих далеких детях, внимание к ним как к родным — разве это трогательное проявление подлинной дружбы народов не черта коммунизма!

Запах хвои на ташкентских улицах — хоть и запоминающаяся, но частная, маленькая черта. Если же говорить о крупном, большом, то, пожалуй, великое братство советских народов как живая черта коммунизма ни в чем на «Ташсельмаше» не проявляется с такой волнующей силой, как в том поистине всеобщем внимании, интересе, жажде самим принять участие, какое проявляют сельмашцы, когда говорят, думают о своей главной задаче. Когда видишь своими глазами, сколько энергии, страсти, изобретательности, интереса вкладывают сельмашцы — рабочие и инженеры, узбеки и русские — в работу по освоению новой

модели хлопкоуборочной машины и других машин по обработке хлопчатника, машин, которые должны облегчить труд десятков тысяч советских людей, как сельмашцы гордятся своим участием в этом, — хочется, пользуясь выражением Маркса, сказать, что с их лиц глядит на нас вся красота человечества.

11. ПРОМЫШЛЕННОЕ КОЛЬЦО

Кто из ташкентцев не любит рабочее утро своего родного города! Чье сердце не сжимается от счастья в тот ранний рассветный час, когда остро пахнут деревья, солнце еще не успело разогреть воздух, ночная прохлада, заползая за воротник, заставляет вас сладко поеживаться, дворники метут и поливают тротуары, — и вдруг двери в домах распахиваются и из них на улицы выходят люди в рабочих блузах, спецовках, комбинезонах: это пошла на заводы рабочая смена.

Она заполняет город шумом своих шагов по асфальту. Она движется по магистралям в трамваях, троллейбусах и автобусах. Она молчалива, сосредоточенна, и в этом чувствуешь силу, ибо это сосредоточенность тысяч людей, отдохнувших, по-утреннему свежих, стремящихся донести нерастраченной свою бодрость к станкам, к рабочему месту.

Когда утренняя смена заступает в цехах место ночной, город на несколько минут пустеет. Вслед за этим на улицах начинают звучать торопливые шаги людей, идущих с работы. И навстречу им из дворов и распахнутых окон несетя приветливое позвякивание кастрюль и ножей: это женщины готовятся встретить с работы своих.

Бывший центр царской колонии, экономически отсталой и порабощенной, Ташкент превратился за годы советской власти в самый большой индустриальный город на всем Ближнем и Среднем Востоке. Фабрики и заводы образовали вокруг города мощное промышленное кольцо. Второе, еще более широкое промышленное кольцо опоясало и всю республику: почти все города Узбекистана стали индустриальными городами. В Узбекской республике насчитывается теперь тысяча крупных промышленных предприятий. Да, целая тысяча предприятий, воздвигнутых при помощи русского народа!

Что же это за предприятия? Над проходными будками большинства заводов и фабрик Узбекистана можно как символ нарисовать или изваять растение, о котором ботаники говорят, что оно принадлежит к семейству мальвовых, но общественные деятели говорят куда поэтичнее: что оно является выражением дружбы, той великой дружбы, которую носит в сердце узбекский народ к русскому народу и ко всем народам Союза. Растение это — хлопчатник.

«Все для непрерывного подъема хлопководства!» — вот лозунг, определяющий производственный профиль узбекской промышленности. Кроме «Ташсельмаша», теперь машины для механизации хлопковых

полей производят еще новые заводы сельскохозяйственного машиностроения — «Узбексельмаш» и «Чирчиксельмаш», запасные части для этих машин — завод «Автотрактородеталь», а ремонтируют эти машины воздвигнутые во всех концах республики мотороремонтные и ремонтно-механические заводы Министерства сельского хозяйства. Коробочку хлопка можно выгравировать на каждом станке этих заводов.

Ее можно выгравировать и на станках таких мощных индустриальных предприятий Узбекистана, как экскаваторный завод и некоторые другие машиностроительные заводы, выпускающие гидромониторы, землесосы, пропеллерные насосы, канавокопатели и еще многие машины для ирригационных работ: ясно, что орошение новых земель даст прежде всего миллиарды новых коробочек хлопка!

Коробочку хлопка можно выгравировать и на станках многочисленных химических заводов Узбекистана: азотно-туковых, суперфосфатных и гигантского электрохимкомбината, из ворот которых непрерывными потоками текут минеральные удобрения для колхозных полей, и на станках завода химикатов, предназначенных для борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Но самое интересное то, что здесь производится и оборудование для этих заводов на своем среднеазиатском заводе химического машиностроения.

Коммунистическая партия, стремясь обеспечить подлинное экономическое равноправие узбекскому народу, широко организовала на месте производство средств производства. В Узбекистане существуют теперь заводы «Красный двигатель», «Шарикоподшипник», «Подъемник», завод абразивов — точильных камней, инструментальные, чугунолитейные заводы и — гордость узбекского народа — первый металлургический завод. На заводе-гиганте «Электрокабель» и двух электротехнических заводах Узбекистана вырабатываются кабель, тончайшая проволока и аппараты для высокочастотной сушки хлопка и различное оборудование для всех строящихся в республике электростанций. Даже свои гидротурбины производятся в Узбекистане.

Кроме электроэнергии, новым предприятиям Узбекистана нужно топливо, много топлива. Чтобы не возить его за тысячи километров, в Узбекистане построены мощные угольные шахты и нефтепромыслы. А чтобы, в свою очередь, не возить для них издалека оборудование, тут же, под боком у шахт и промыслов, как и полагается в социалистическом государстве, существуют заводы, которые производят механизмы для горномеханических работ и для нефтяной промышленности.

Это только предприятия, главная конечная цель которых — миллиарды новых коробочек хлопка, сотни тысяч тонн хлопкового волокна. А сколько в Узбекистане выросло предприятий, само существование которых покоится на коробочке хлопка!

Выращенная узбеками коробочка хлопка дает сырье десяткам хлопкоочистительных заводов и заводов хлопкового масла. Узбекистан те-

перь вывозит ткани и во многие братские республики, одевает и там советских людей: кроме двух гигантских текстильных комбинатов, в Узбекистане есть еще несколько прядильных и ткацких фабрик, чулочный комбинат и почти во всех крупных городах — швейные фабрики. Коробочка хлопка дает сырье и гидролизному заводу, и фабрике тарных тканей, и, наконец, крупному бумажному комбинату, на бумаге которого печатаются узбекистанские газеты и книги. И, как и полагается в социалистическом государстве, тут же, под боком у этих предприятий, работает свой завод текстильного машиностроения и еще завод «Ташхлопкомаш», на котором производятся машины и станки для строящихся новых хлопкоочистительных заводов и заводов хлопкового масла.

Такую разностороннюю мощную, технически совершенную индустрию невозможно было создать без промышленности строительных материалов. И она создана. Здесь выросли крупные заводы — стекольные, кирпично-черепичные, битумный, шиферный, асботрубный, алебастровый и завод шлакоблоков.

Кроме заводов, так или иначе, прямо или косвенно связанных с коробочкой хлопка, в Узбекистане, разумеется, создана и мощная промышленность других отраслей народного хозяйства. Здесь работают два шелкокомбината и несколько шелкомотальных фабрик, люцерноочистительный завод и завод по выделке каракулевых шкурок, вязкозная и кенафная фабрики, кожевенные и обувные заводы. Здесь работают заводы киноаппаратуры и радиоаппаратуры, фабрика грампластинок, завод «Лакокраска», наконец новый фарфоровый завод, где делается красивая посуда, между прочим, пиалы — расписные круглые чашки, из которых в Средней Азии пьют чай.

Здесь работают четыре сахарных, двадцать консервных и фруктоперерабатывающих, несколько винодельческих заводов, чаеразвесочная, табачные, кондитерские фабрики, большие мясокомбинаты, пивные заводы и другие замечательные механизированные предприятия пищевой промышленности. Это тоже крупные предприятия: например, мощность одного только Ташкентского мельничного комбината с элеватором больше мощности всего дореволюционного мукомолья Узбекистана. И, как и полагается в социалистическом государстве, тут же, под боком у этих предприятий, оснащая их, работает свой завод продовольственного машиностроения.

Заводами и фабриками Узбекистана, построенными за годы советской власти, вырабатывается столько продукции, что для ее перевозки понадобилось бы около ста тысяч железнодорожных вагонов в год. Конечно, коренным образом реконструированы и железные дороги Узбекистана. На многих железнодорожных узлах выросли новые депо и ремонтно-механические мастерские. Железная дорога получила автоблокировку и другое новейшее механизированное оборудование. И оборудование это производится тут же, в Узбекистане, на Ташкентском машиностроительном заводе Министерства путей сообщения.

Есть в Ташкенте еще один завод железнодорожного транспорта. Гудок этого завода тридцать с лишним лет назад, вслед за выстрелом «Авроры», возвестил Средней Азии начало Октябрьской революции. Речь идет о паровозо-вагоноремонтном заводе имени Кагановича, выросшем из знаменитых Ташкентских Главных железнодорожных мастерских.

В маленьком музее завода имени Кагановича, где у входа стоит одно из шести орудий, с которыми железнодорожники начали бои в дни Октября, — в музее этом вы увидите бережно хранимые документы революционного подполья, рассказывающие о рождении первых ячеек Коммунистической партии в Узбекистане. Именно эта массовая политическая партия рабочего класса, партия, о которой Ленин говорил, что в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, превратила вчера еще отсталую, колониальную страну в свободную, мощную, индустриальную, цветущую социалистическую республику.

12. КОГДА НА ГОРОД ОПУСКАЕТСЯ ВЕЧЕР

Выйдите на ташкентские улицы в тот прохладный предвечерний час, когда тополя потемнели, окна в домах стали синими, в небе проступили первые звезды, меж кровель домов заскользили тени летучих мышей и тротуары наполняются нарядной толпой, растекающейся по паркам, кинематографам, театрам и клубам столицы. Остановитесь у рекламных щитов. Афиши девяти столичных театров, десяти парков, где работает эстрада, и множества кинематографов. Объявления о концертах в филармонии, консерватории, дворцах культуры. Афиша цирка, где, кроме обычной программы, объявлены выступления узбекских артистов, унаследовавших древнее искусство уличных циркачей и канатоходцев.

Если вы любитель узбекских народных мелодий во всей их первоюданной красоте, пойдите на спектакль Музыкального театра имени Муки-ми, этой своего рода народной оперетты, которая пользуется большой любовью в народе. Если вы хотите послушать современную узбекскую оперу, в которой стихия народной музыки, ее ритм, мелодика, тембр ее инструментов сплелись со всем богатством русской музыкальной культуры, посетите Узбекский Государственный театр оперы и балета имени Навои. Здесь вы услышите лучших певцов и певиц и увидите лучших танцовщиц Узбекистана. Но для того чтобы ощутить всю силу жизненного порыва узбекского искусства, лучше всего поехать на спектакль Государственного драматического театра имени Хамзы.

Оглядывая этот театр — лепные украшения его стен, кровлю, украшенную зубцами, — и оживленную толпу мужчин и женщин, устремляющуюся в распахнутые двери, трудно представить, что еще двадцать с лишним лет назад тут был азиатский базар, гадалышки раскидывали бобы, изредка мелькала фигура закутанной с ног до головы женщины и каждый мужчина носил на голове свой саван: ведь чалма — это саван

мусульманина, который он носит на случай, если умрет вдали от родного дома.

Мальчиком не раз бродил я по этому базару. Следил за боями перепелов. Слушал песни дервишей-каляндаров. И однажды мне довелось попасть на представление драматической труппы. В представлении высмеивались купцы, сидевшие здесь же, в первых рядах зрителей, рассказывалось о трагической судьбе девушки, проданной в гарем к богачу, пелись чуть наивные, но полные огня революционные песни. Женские роли исполнялись мужчинами. Когда по ходу действия надо было плакать, плакали по-настоящему, дрались до крови, до синяков. Это была как раз та труппа, из которой вырос театр имени Хамзы.

До революции узбеки не имели театра. В русской части города в те времена, случалось, гастролировали провинциальные труппы, но в них играли бледные, безликие актеры, от которых в памяти народной не осталось ни имен, ни воспоминаний. Лишь однажды на их унылом фоне сверкнуло в Ташкенте имя замечательной актрисы: о ней повествует скорбная мемориальная доска на Самаркандской улице. Здесь умерла приехавшая на гастроли и заразившаяся черной оспой великая русская актриса Вера Федоровна Комиссаржевская.

Первая узбекская театральная труппа начала выступать в дни революционных боев на ташкентском базаре. Представления этой труппы можно было во время гражданской войны увидеть и на Закаспийском фронте и в Ферганской долине, куда молодые узбекские артисты ездили со специальным агитпоездом.

На всю жизнь запомнили актеры театра имени Хамзы тот весенний вечер 1918 года, когда они выступали в центре города Намангана в набитой народом открытой чайхане, перед которой цвели сливовые деревья. Шла одна из пьес Хамзы. Зрители, привыкшие к исполнению мужчинами женских ролей, громко смеялись, глядя на сварливых старух, разговаривавших мужскими голосами. Вдруг «на сцене» появилась женщина в узбекском платье, говорящая на чистом узбекском языке. Толпа замерла. Актриса исполнила свой номер; взрыв смеха, шума, гневных возгласов, аплодисментов... Вслед за этим раздались дикие крики: «Басмачи!..» Чайхана мгновенно опустела. И через минуту, не успев снять грим, актеры вместе с молодой актрисой мчались прочь верхом на лошадях.

Таково было первое появление женщины на узбекской сцене. Актриса эта — ныне известная всей республике народная артистка Узбекистана Мария Кузнецова. Уроженка Намангана, дочь механика, русская, она с детства прекрасно знала узбекский язык. Вслед за нею на узбекской сцене появились и актрисы, для которых узбекский язык был родным. Первая из них, Максума Кариева, долго скрывала свое имя и после каждого представления тайком под паранджой убегала через окно.

Двадцать восемь лет назад в Москве, на Казанском вокзале, вышла из поезда четырнадцатилетняя девочка-узбечка. Она отбросила назад чачван — черную волосяную сетку паранджи. Никто из толпившихся на

перроне людей, кроме приехавшей с нею ближайшей подруги Турсун-ой, не знал, какая это торжественная минута в ее судьбе: она открыла свое лицо навсегда. Девочка эта — Сара Ишантураева, нынешняя народная артистка СССР.

Тяжелое детство было у Сары. «Помню себя в маленьком, тесном дворике, — вспоминает она, — обнесенном полуразвалившимся глиняным забором, за которым я часто видела лицо женщины в парандже с откинутым чачваном. Я удивлялась, что могло привлечь сюда эту женщину. А она подолгу стояла, смотрела на меня через забор, и на ее черных больших глазах блестели слезы. Потом она опускала на лицо сетку из конского волоса и куда-то уходила... Когда я выросла, я узнала, что эта была моя мать». Из-за крайней нужды матери Сары пришлось раздать своих детей чужим людям. Однако и ремесленники, принявшие в свою семью маленькую Сару, тоже жили бедно.

«Помню, мне было семь лет. Настал праздник. В домах богачей жарили в котлах тонкие лепешки на сале, слоеные пирожки, «птичьи язычки» и всякую снедь. Отовсюду так пахло вкусными вещами! А в нашем доме никакого праздника и никаких запахов. Приемный отец мой был тяжело болен и лежал в постели. Соседка, сжалившись надо мной, дала мне кусок маты. Приемная мать сшила мне к празднику платье из этой грубой кустарной ткани. Утром я нарядилась в свою обнову и с непокрытой головой, босиком вышла за ворота. По улице проходила толпа разряженных девочек. Это были байские дочки. Увидев мое платье, они подняли меня на смех. Я залилась слезами и побежала домой».

Когда Саре исполнилось девять лет, приемный отец однажды повел ее в мечеть.

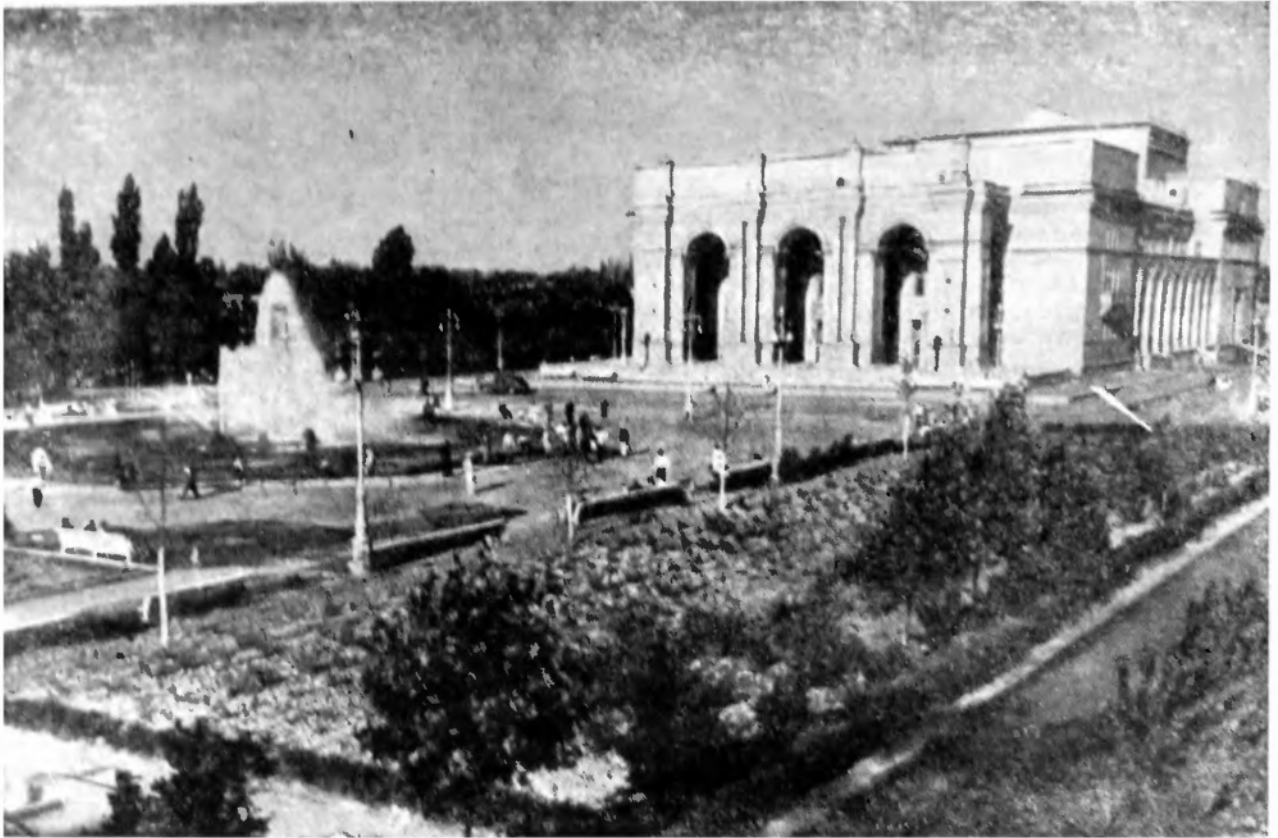
«Я не понимала, зачем отец повел меня в мечеть. Там сидели седобородые старики в чалмах. Отец просил стариков, чтобы покупатель Артык-бай взял какие-то пятьсот рублей обратно. Я знала Артык-бая. Это был богатый человек лет шестидесяти пяти, имевший четырех жен. Меня посылали к нему в дом, и он давал мне урюк. Оказалось, что меня посылали неспроста. Это были смотрины. Артык-бай купил меня в жены за пятьсот рублей. Но отец пожалел меня и просил со слезами стариков расторгнуть сделку». Приемный отец Сары вынужден был из-за бедности продать девочку баю. Но Сара не попала к баю, ей удалось спастись, она убежала в детский дом. Там она увлеклась работой в драмкружке и решила стать актрисой.

И вот четырнадцатилетняя девочка, прибавив себе годы, приехала в Москву на учебу в Узбекскую драматическую студию при Театре имени Вахтангова. Здесь она стала ученицей больших русских актеров: Р. Н. Симонова, Л. Н. Свердлина, О. Н. Басова и других. Какая характерная судьба для многих советских национальных актеров первого поколения: из глухого средневекового дворика — в мировой центр театральной культуры, к самым вершинам ее!

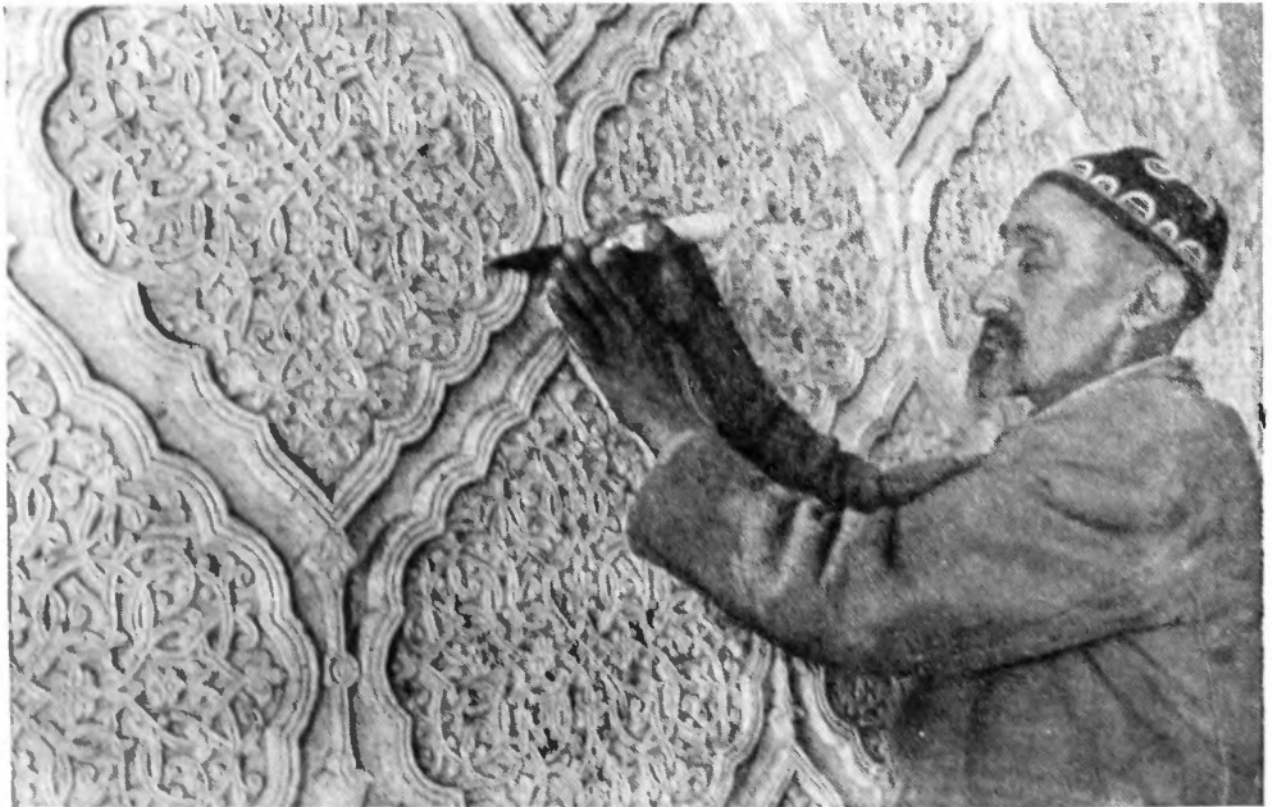
Окончив студию, Сара вернулась на родину. Это было время, когда

Народная артистка Узбекистана Галия Измаилова.

Государственный театр оперы и балета имени Алишера Навои.

Народный художник Усто Ширин отделывает Бухарский зал Государственного театра оперы и балета.

Ташкент. Консерватория.

В книжном магазине.

Ташкент. Комсомольское озеро.

На улице узбекской столицы.

узбекский театр переживал свою героическую пору. Руководимый пламенным революционером Хамзой, театр смело взрывал старые феодальные традиции, боролся за раскрепощение женщин, обличал баев и мусульманское духовенство. Именно в это время была зверски убита ближайшая подруга Сару, ее преданный друг — Турсун-ой. Она была убита за то, что осмелилась стать актрисой. Однако это не испугало Сару, как не испугало и других актрис. С бесстрашием продолжали молодые узбекские актеры сражаться против пережитков старого быта. В 1929 году в этой борьбе трагически погиб и Хамза. Но борьба, которую вела Коммунистическая партия, принесла узбекскому народу победу.

Чтобы охватить одним взглядом путь, который прошел узбекский народ от той совсем недавней и вместе с тем далекой поры, достаточно пойти на любой спектакль театра имени Хамзы: на «Янги-ер» (в русском переводе «Шелковое сюзанэ») Абдуллы Каххара, либо на другую пьесу узбекского или русского советского автора, либо, наконец, на пьесу писателя-классика. Вы обратите внимание на интересную, полную национального своеобразия режиссерскую работу Маннона Уйгура, режиссера, который вместе с Хамзой некогда создал этот театр, и увидите большую группу превосходных профессиональных актеров, которыми мог бы гордиться любой театр мира: Абрара Хидоятова, Сару Ишантураеву, Абида Джалилова, Шукура Бурханова, Лютфуллу Назруллаева, Наби Рахимова, Алима Ходжаева, Сагди Табибуллаева. Большинство из них — лауреаты Сталинской премии. Некоторых из них советский зритель хорошо знает по игре в кинофильмах производства Ташкентской киностудии: «Навои», «Тахир и Зухра», «Похождения Насреддина» и других.

Пойдите на «Отелло» — один из лучших спектаклей театра имени Хамзы. В роли Отелло и Дездемоны вы увидите народных артистов СССР Абрара Хидоятова и Сару Ишантураеву. И на спектакле вам даже в голову не придет фраза, которая частенько слышалась в первые десять-пятнадцать лет работы театра: «А узбекские актеры-то молодцы!» В похвале этой была хоть и искупаемая нежной заботой о развитии национальной культуры, но все же снисходительность к неопытности актеров, да и к недостаточной их образованности: мол, каково им перевоплощаться в героев совсем иного, далекого мира!

Теперь же, с первых минут захваченные пьесой и великолепной игрой актеров, вы забудете обо всем на свете, кроме спектакля. А после спектакля, когда в зрительном зале взметнется восторженная буря оваций, когда вы и сами, вызывая актеров, охрипнете не меньше других, очутившись на улице под небом, усыпанным крупными звездами, вы сможете подвести итог впечатлениям хотя бы такими словами: узбекский народ навсегда сбросил с головы свой саван, свою огромную чалму — ту чалму, о которой здесь говорили, что белизной она может соперничать с горной вершиной, но тяжесть ее такова, что у человека пригибается шея к земле и взор его видит лишь грязь, никогда не достигая горных вершин.

13. ОБ ОДНОМ ПРАЗДНИКЕ

Есть у узбеков праздник, который они справляют подряд десять дней и к которому начинают готовиться далеко загодя. Справляется праздник этот раз в несколько лет, и празднуют его узбеки не у себя дома. Последний раз справляли они его в 1951 году. Несколькими самолетами и целым специальным поездом выезжали из Ташкента сотни людей на этот праздник: декаду узбекской литературы и искусства в Москве.

Декады искусства стали прочной традицией в жизни советских народов. Торжественно, с цветами встречает гостей на перроне Москва. В дни последней узбекской декады в крупнейших кинотеатрах красной столицы шли узбекские фильмы; один из них — «Советский Узбекистан», выпущенный накануне декады, знакомил москвичей с природой и жизнью республики-именинницы. На арене Московского цирка узбекские артисты демонстрировали москвичам национальные формы циркового искусства. В залах Академии художеств открылась выставка узбекской живописи и кустарно-художественных изделий. На прилавках книжных магазинов Москвы появились переведенные на русский язык романы, повести, книги стихов и рассказов писателей и поэтов Узбекистана, сборники народных песен и эпических поэм, узбекские сказки: больше ста книг выпустили ташкентские издательства к декаде. Для делового товарищеского разбора книг узбекских писателей каждый день в Союзе писателей СССР собирались виднейшие мастера слова страны. А на столичных улицах пестрели яркие «ковровые» плакаты и афиши, извещающая о концертах узбекских артистов в лучших концертных залах Москвы.

Перенесемся мысленно на концерт декады. Вот Халима Насырова поет «Танавар» — ферганскую лирическую народную песню в великолепной симфонической редакции композитора Алексея Козловского. Можно слушать без конца эту песню, бисировать актрисе опять и опять, наслаждаясь тем, как искусно пользуется она народной техникой «авдж» и «ахс» (строением мелодии, основанном на восходящей и нисходящей линиях), как в голосе певицы звучит то нежное раздумье, то мольба, то страстный призыв. Самый тембр голоса Халимы Насыровой — красивого, такого сильного, что никакой оркестр его не заглушит, и в то же время своеобразного — не оставляет сомнений, что именно народные песни были колыбелью этого голоса. Быть может, поэтому так удаются Насыровой и русские народные песни, а исполнение ею русских частушек в дни декады вызвало у москвичей восторженные овации. Однако вернемся к «Танавару». Итак, Халима Насырова, народная артистка СССР и лауреат Сталинской премии, стоит в длинном шелковом платье на сцене Большого зала Московской консерватории и поет «Танавар». И мелодия этой песни возвращает актрису к одному жизненному случаю, о котором рассказывают так.

Дело было незадолго до декады. Халима Насырова поехала с очередным концертом в один из хлопковых колхозов Ташкентской области.

В Узбекистане передовые колхозы часто премируются за отличную работу концертами любимой певицы, и это неудивительно: приезд Насыровой — событие в жизни узбекских колхозников. Надо самому побывать на концерте Насыровой в колхозе, чтобы почувствовать всю силу страстного почитания, которым окружает свою любимую артистку узбекский народ. На этот раз ее тоже именно в качестве «поющей премии» послали в колхоз. Узнав о приезде артистки, колхозники повалили в клуб, быстро заполнили его, и так как здание клуба в этом колхозе невелико, многим, желавшим послушать Насырову, нехватило места. Тогда, коротко посоветовавшись, колхозники дружно разобрали заднюю стену клуба. Разумеется, они уговорились сразу же после концерта стену коллективно восстанавливать.

Наконец все расселись. В зале выключили свет. Артистка вышла на сцену, окинула взглядом зал, где даже полумрак не в силах был погасить краски одежд сидевших рядами колхозников и блеск их глаз, выделявшихся на загорелых лицах. Говор на скамьях смолк. И Халима Насырова заговорила.

— Пять минут назад, — негромко сказала она, — я узнала от вашего председателя, что вышла ошибка. Как видно, в районе перепутали сводки и получилось так, что ваш колхоз идет впереди. На самом деле ваш колхоз отстает. И вы это хорошо знаете. А Совет Министров направил меня сюда, чтобы поблагодарить вас за хорошую работу. Как быть?

Наступило молчание. Стало так тихо, что слышен был легкий трепет крыльев летучих мышей, влетающих из-под звездного неба сквозь пролом задней стены, пронесившихся под потолком зала и опять исчезающих в ночи. Помолчали. И тогда вышел из рядов низенький старичок, седобородый. Поверх его тюбетейки был повязан белый платок, по-старинному дехканскому обычаю туго затянутый на лбу. Старичок поднялся на сцену и, приложив к сердцу руку, степенно и вежливо обратился к артистке:

— Халима-хон, когда мы выходим весной в поле, колхоз дает нам аванс под трудодни. Раз мы все уже собрались слушать вас, дайте нам маленький аванс — спойте одну песню. А мы даем вам обещание честно отработать этот аванс и собрать осенью столько хлопка, чтобы заработать то, что нам дороже всего, — ваш концерт.

Артистка от души рассмеялась. И по желанию того же вежливого старичка, поддержанного всем залом, «авансом» спела колхозникам «Танавар». Случай этот пошел из уст в уста. Секретарь райкома партии того района, где это произошло, встретив потом ненароком артистку в Ташкенте, рассказывал ей, как было задето самолюбие колхозников, с какой энергией отработывали они свой «аванс», стараясь доказать соседям, посмеивавшимся над ними, что они достойны концерта Насыровой. А осенью, когда в Узбекистане на полях появились весы и недалеко от них стали вырастать белоснежные бунты хлопка, колхозники этой артели показали всем, что они на самом деле вышли в передовики. К знаменитой артистке они отправили специальную делегацию, изве-

щая ее о своих успехах. И Халима Насырова приехала к ним с большим концертом.

Сопоставляешь случай этот, один из многих, с праздничным днем выступления Халимы Насыровой перед народами всей страны в Москве на декаде, и ясно постигаешь смысл того, что вкладываем мы в два коротеньких слова: народное искусство. Да, это подлинно народное искусство! Оно родилось в народе и служит ему. Именно об этом думаешь и на выступлении другой замечательной узбекской артистки, любимицы ташкентского и московского студенчества, лауреата Сталинской премии балерины Галии Измаиловой.

В 1949 году она, тогда еще мало кому известная молодая танцовщица, приехала с советской делегацией в Будапешт на Международный фестиваль молодежи. Когда она исполняла на Фестивале «Занг» — народный таджикский танец с бубенцами, весь зрительный зал (это хорошо схвачено кинооператорами, снимавшими фильм о Фестивале — «Юность мира») начал привставать с кресел, чтобы лучше рассмотреть виртуозную «пляску рук» Измаиловой, полную такой экспрессии и красоты, что никакими словами о ней не дашь даже и отдаленного представления. Всякий, кто сам видел Галию Измаилову в «Занге», не раз ловил себя и соседей своих по креслу на том же: когда актриса, откинувшись назад всем телом, под звучание одного бубна да прикрепленных к кистям рук танцовщицы бубенцов, склоняется с каждым змеевидным всплеском своих «танцующих рук» все ниже и ниже,不由自主но начинаешь вместе со всеми в восхищенном порыве привставать, приподниматься, боясь упустить хотя бы одно движение. На Фестивале в Будапеште Галия Измаилова завоевала лауреатство.

Подобно чудесному ковру, вытканному искусными народными мастерами, разворачивался перед глазами зрителей каждый концерт декады в Москве. Кто из видевших эти концерты-ковры забудет массовые пляски, поставленные узбекской народной танцовщицей, лауреатом Сталинской премии Муккарам Тургунбаевой? С виртуозным искусством использованы в этих плясках костюмы: «танец костюмов» дает неожиданные красочные эффекты. Кто не унесет с собой на всю жизнь воспоминание о концертных выступлениях лауреата Сталинской премии Тамары Ханум, одной из лучших артисток советской эстрады: с одинаковым блеском она исполняет песни и танцы многих народов Союза. Кто на концертах декады не аплодировал лауреатам Всемирного фестиваля молодежи в Берлине танцорам Халиме Қамиловой и Иргашу Шукурлаеву: танец Шукурлаева с блюдом, которое то свободно лежит на голове, то, кружась, передвигается во время пляски танцора на спину, и опять, будто живое, переходит на голову, — этот танец возвращает нас в солнечную Фергану, к полнокровному веселью массовых народных шуток и игр. И еще, еще... Да разве все перечтешь! И разве передашь словами весь блеск, музыку, ритм этого незабываемого зрелища!..

Бубен повсюду считается ударным инструментом. В руках узбеков он «заиграл». Из глубины веков, из глубокой древности принес узбекский народ на свой всесоюзный праздник искусства мастерство игры на дойре — большом звучном бубне. И в концертных залах Москвы зазвучали необычные мелодии. В них певучие долгие звуки дойры, подчеркнутые глухими рыдающими ударами, составляют как бы музыкальный фон мелодии, состоящей из целой гаммы разных по звуку, быстрых, коротких ударов. При этом кажется, что не только бубен, но и самый воздух вокруг него поет, звучит, отвечает руке дойриста, которая то взлетает вместе с бубном высоко над головой, то возвращается плавно к человеческой груди, словно к резонатору.

Своеобразие узбекским концертам в Москве придавало и звучание народных струнных и духовых инструментов. Это те музыкальные инструменты, с какими узбекский народ прожил века, и в то же время не те, а другие, новые, реконструированные. Для того чтобы узбекские народные инструменты смогли войти в симфонический оркестр, расширив его музыкальную палитру, понадобилось их переделать, сохранив характерный тембр, но усилив звучность, иначе их заглушали бы другие инструменты оркестра. Целая группа мастеров и музыкантов несколько лет работала в Ташкенте над этим.

Лучшим «звучащим деревом» в Узбекистане считалась шелковица. Теперь, когда узбеки вошли в семью советских народов, они делают свои инструменты из дерева, которое «звучит» куда лучше: из ели и малосмолистой сосны — обитательниц далекого Севера. На некоторых инструментах, например на гиджаках, появились грифы, струны поднялись выше. Однако держат гиджак музыканты попрежнему — не как скрипку, а вертикально, уперев в колено. Это позволяет пользоваться гиджачным смычком со «свешивающимся» волосом, при котором сами пальцы исполнителя во время игры устанавливают важное для полноты звучания натяжение волоса и распластывание его лентой. Благодаря гиджачному смычку музыканту удается добиваться необычных эффектов звучания.

Музыкой, танцами, книгами запомнилась декада москвичам. Но ее участникам сильнее всего она врезалась в память другим — встречами! Работницы московской «Трехгорной мануфактуры», делающие из узбекского хлопка красивые ткани, радостно приветствовали у себя на фабрике приехавших с концертом узбекских артистов и писателей. Сердечно встретили гостей рабочие завода имени Сталина, студенты Московского университета, железнодорожники. О трагической жизни трудящихся зарубежного Востока напомнила узбекским писателям встреча с замечательным турецким поэтом-революционером Назымом Хикметом, только незадолго до того вышедшим из тюремных застенков Турции. Все заметили с сердечным волнением, как, пожимая руку старого узбекского народного сказителя Фазыла Юлдаша, Назым Хикмет по-сыновьи приложил свой лоб к его руке.

Но вот десять дней прошли, праздник окончен. И снова перрон, и шумные проводы. И снова родной Узбекистан. И у себя дома — отчетные концерты в Ташкенте, Самарканде, Фергане. И самолетами — в далекую Кара-Калпакию...

Однако чтобы представить себе эти концерты, представить ту близость артистов к народу, о которой в недавнем прошлом артист не мог и мечтать, представить и само зрелище, которое невольно заставляет вспомнить об эпосе, — для этого перенесемся мысленно на один такой концерт.

Это было вскоре после декады. Отчетный концерт народного артиста СССР, лауреата Сталинских премий композитора Мухтара Ашрафи решили проводить на территории Ташкентского текстильного комбината. Тысячные толпы работниц и рабочих, мастериц и мастеров ткани заполнили площадь, окруженную цветниками и громадными корпусами фабрик, чем-то напоминающими цветочные оранжереи — столько в них стекла и света. Одетые в черные костюмы, оркестранты симфонического оркестра поднялись на импровизированную эстраду и расселись на стульях перед своими пюпитрами. За ними двухъярусной стеной расположился объединенный хор филармонии и оперного театра. В фабричных корпусах отозвались эхом аплодисменты, что грянули на площади, когда Мухтар Ашрафи вышел к дирижерскому пульту и раскланялся. Так начался этот — хочется сказать «необыкновенный», но на самом деле уже давно ставший у нас в стране обычным, частым, и потому мы скажем о нем «обыкновенный» — концерт.

14. ЗА ГОРОДОМ

Летом, спасаясь от жары и пыли, ташкентцы выезжают на дачи. По обе стороны загородных дорог тянутся слепленные из крупных комьев глины заборы, поверх которых свешиваются ветви абрикосов, персиков, миндальных деревьев.

Войдите в любую калитку. Посреди сада — летний дом, а то и просто шипан — покрытое коврами глинобитное возвышение, под навесом кусты роз, прокопченный очаг, мерцающий в тени водоем. С деревьев стекают запахи разогретой солнцем листвы. Навстречу им от земли поднимаются прохладные ароматы цветов, упавших плодов и арычной воды.

Среди садов под Ташкентом много прекрасных домов отдыха, санаториев. В последние годы широкую известность получил новый бальнеологический курорт «Ташкентские минеральные воды», находящийся всего в двадцати километрах от узбекской столицы. Но наибольшей славой пользуется у отдыхающих горожан другое место. Чтобы увидеть его, стоит лишь поднять глаза в конец некоторых ташкентских улиц: они замыкаются на горизонте горным хребтом, сверкающим белизною вершин, меж которых, цепляясь за них, закручиваясь и сползая по

склонам, бродят рваные облака. Там, в глубине этого хребта, почти в сотне километров от Ташкента, на территории Казахстана, в прохладной живописной долине белеют среди рощ и садов корпуса горного курорта Чимган.

Из-под скалистой громады Большого Чимгана, вздымающейся позади курорта, бьют двенадцать ключей. Ручьи мчатся сквозь парк, образуя искусственные водопады, а на главной аллее — ступенчатый каскад, серебристый, прозрачный, словно бы кружевной. Из парка открываются широчайшие виды на изборожденные мглистыми ущельями горы, на солнечные пятна долин. А сколько чудесных прогулок совершают ташкентские рабочие, отдыхающие в Чимгане! По висячим мостам переходят они речки, вода в которых ярче кристаллов медного купороса. Они устраивают привалы в пещерах из розового туфа, причудливо поросших внутри папоротниками. А то затевают походы за крошечными, но сладчайшими яблочками, вишнями или урюком в дикие горные фруктовые леса.

В стороне от Чимгана на том же хребте простираются на двадцати тысячах гектаров девственные дебри Паркентского Государственного горно-лесного заповедника. Горные козлы, и кабаны, и медведи, и дикобразы, и красные лисы живут там, как жили до появления человека. В буреломе ореховых рощ и в зарослях диких плодовых деревьев — груш, яблонь, вишен, боярки, рябины, фисташки — никогда не слышен ни выстрел, ни стук топора. А за Паркентским заповедником, за Чимганским курортом, в глубине гор, на высоте 2 500 метров над уровнем моря, работает самая дальняя из окружающих узбекскую столицу научных станций: Чаткальская горномелиоративная опытная станция.

В течение тысячелетий, в некоторые годы по многу раз, вниз со склонов гор устремлялись так называемые сели, или, как их иначе именуют, селевые потоки. Это вода, которая после дождей в горах или вследствие чересчур жарких дней и слишком сильного таяния ледников вырывалась из русла горной реки в сторону и мчалась вниз, прямо по горному склону, причиняя неисчислимые бедствия, смывая и разрушая на своем пути все, унося с собой не только постройки людских поселений, но и плодородные почвы. Ученые Чаткальской станции разработали науку о борьбе с селями. Они создали на горных склонах оригинальную систему влагозадержательных террас, вырастив на них горные лесные полосы. Крымские сосны, дубы, ясени, клены, дикие плодовые деревья зазеленели высоко в горах, преградив путь воде и закрепляя почву на склонах гор. Опыт ученых Чаткальской горномелиоративной станции ныне широко применяется в горах Таджикистана и Киргизии, помогает и там бороться с разрушительной стихией селевых потоков.

Ученым Чаткальской станции пришлось заниматься вместе с учеными других научных учреждений Узбекистана изучением режима вод — тех вод, которые вершины горных громад отнимают у неба.

Ученые любят величать ледники Тянь-Шаня и Памиро-Алая «фабриками воды», а снега вокруг ледников — «гигантскими складами воды». Каждую зиму эти поднебесные склады пополняются новыми запасами. Каждое лето бессменный кладовщик этих складов — солнце — щедрой рукой отпускает воду оазисам, что окаймляют подошвы хребтов и по течению крупных рек выбегают далеко в пустыню. И чем жарче палит солнце, чем чернее тени под деревьями и кровлями людских поселений в оазисах, тем сильнее тает снег вокруг ледников, тем больше воды, прядая с каменного уступа на уступ, клокоча в узких теснинах горных рек, устремляется вниз.

Если вы прочтете в рассказе узбекского писателя фразу: «Это было в дни половодья...» — и вам представится караван диких гусей над широкой рекой, а на деревьях набухшие весенние почки, вы ошибетесь. Месяц наивысшего половодья у большинства узбекских рек не март, не апрель, а июль — месяц, когда начинает наливаться виноград и поля покрываются желто-палевым цветением хлопчатника. Время наибольшей воды совпадает в Узбекистане со временем наибольшей потребности в ней. Только благодаря этому возможно здесь земледелие.

Со снежных хребтов, бросаясь от берега к берегу, стремятся к теплой, согретой в пути Сыр-Дарье ее ледяные притоки — Чирчик и Ангрэн. В предгорьях от них расходятся магистральные каналы; подобно рекам, несут они свои крутящиеся мутные воды все дальше и дальше сквозь Ташкентский оазис.

На перекрестках дорог каналы перекрыты мостами. По ним движется другой поток: пройдет группа колхозников, промчится грузовик, пронесутся, сверкая на солнце спицами колес, велосипедисты, проедет большеколесная арба; раньше арб была масса, в последние годы их становится все меньше, это и на глаз видно. Как всегда, арбакеш сидит не на арбе, а верхом на лошади, в седле, поставив ноги на оглобли, и из-под тюбетейки на его висок свешивается тюльпан или алая роза.

У людей, впервые попадавших в Узбекистан, как правило, вызывали удивление колеса арбы — огромные, выше человеческого роста. В очерке одного заезжего журналиста мне как-то по этому поводу довелось прочесть, что арба-де происходит от старинных боевых колесниц. Как не вспомнить тут насмешливую узбекскую поговорку: «У торопящегося высказаться — восемь ног, если одна не попала, другая куда-нибудь да попадет». В Средней Азии на колесницах не сражались, а если и сражались, то в очень древние времена. Для того же, чтобы понять, почему на арбе большие колеса, журналисту, мчавшемуся по Узбекистану, надо было соскочить с восьми ног и встать на две ноги, — попросту остановиться в любом месте оазиса и осмотреться вокруг.

Куда бы ни упал его взгляд — под дерево ли, стоящее у пыльной дороги, или на табачное поле, ограниченное вереницами тополей, или вдоль высоких виноградных жердей, по которым прыгают воробьи, — всюду он увидел бы десятки арыков: больших, поменьше и совсем кро-

шечных. Так колеса арбы тоже нам говорят о воде. Ведь прежде мостиков через арыки в Узбекистане почти не существовало. А на большеколесой арбе можно было, не рискуя завязнуть в каждом арыке, подъехать к полю, нагрузить арбу горой пушистого хлопка или грудой дынь, а вечером после трудового дня свернуть и на свою улочку, поперек которой струятся арыки, выбегая из-под одного глинобитного забора и исчезая под забором напротив, въехать в свой сад и остановиться у своего дома, возле которого тоже звенит в арыке вода.

Взгляните на любое дерево в загородном саду, на любое растение в поле. Каждый вид, каждый сорт здесь изучается, над каждым работают ученые научных опытных станций, что разбросаны меж садов под Ташкентом, о каждом можно сказать словами поэта Гафура Гуляма:

Наше яблоко — символ великой любви,
В нем, прозрачном, грядущего зерна видны.

Совершая загородную прогулку, видишь возле Ташкента, как и возле любого другого промышленного центра, обширные огороды. Естественно, среди огородов этих выросла и своя республиканская овоще-картофельная научная станция. На опытном поле этой станции можно увидеть выведенные здесь сорта дынь «Кокча-558», «Ич-кзыл-узбекский»; они выращиваются теперь не только в Узбекистане, но и на бахчах Грузии. Можно увидеть и огурец «Телеграф» семидесятисантиметровой длины, весящий больше килограмма; отсюда он совершил путешествие под Ростов и начал расселяться на Дону. Можно увидеть новые сорта томата, фасоли, лука и многих других овощей.

Совершая прогулку под Ташкентом, видишь и залитые водою рисовые поля, среди них поля Узбекской рисовой опытной станции, где создано больше ста гибридных форм риса. Выведенный тут сорт «Узрос-237-11», самый скороспелый в мире, созревающий за восемьдесят-девятью днями (вместо обычных ста тридцати пяти — ста сорока), сумел благодаря этому качеству шагнуть далеко за границы Средней Азии. Он возделывается теперь под Курском. Здесь созданы и суходольные сорта риса «2741» и «2842», требующие крайне мало воды. Это имеет особое значение в условиях Средней Азии, где вода драгоценна.

В Ташкентском оазисе растут и технические растения: арахис — земляной орех, клещевина, из которой делается касторка, наконец кенаф, в высоких зарослях которого может укрыться с головой всадник.

Замечательна история кенафа. России приходилось в течение столетий завозить из Индии джут, из которого делались корабельные канаты, веревки, брезент и влагоустойчивые мешки для сахара, соли, соды, кофе, цемента и хлопка. В мировом производстве волокно джута занимает второе место после хлопка. Естественно, ученые Европы и России упорно работали над тем, чтобы приспособить джут к природным условиям их стран. Однако все попытки ученых выращивать джут вне тропической части Восточной Индии не имели успеха. Советское

правительство поставило перед нашими учеными задачу — найти заменитель джута. И такой заменитель был разыскан среди диких растений Средней Азии. Это и был кенаф. Кенаф освободил Советский Союз от завоза джута.

Большая часть советского кенафа выращивается теперь в Узбекистане, в чирчикских колхозах. Ученые Узбекской опытной станции новолубяных культур вывели под Ташкентом совершенно новые сорта кенафа, по качеству почти не уступающие джуту. Однако они на этом не остановились. Им удалось первым в мире добиться замечательного успеха. Они переделали природу джута, и на полях недалеко от узбекской столицы появился и свой отечественный джут «Первенец Узбекистана». Ученые Г. А. Переверзев и Н. В. Культиасов получили за эту работу Сталинскую премию.

«Человек может и должен создавать новые формы растений лучше природы». Эти слова Мичурина, высеченные на пьедестале его памятника, служат девизом работы Узбекской станции новолубяных культур и Плодово-ягодного института имени Шредера, где учеными-мичуринцами созданы новые сорта разнообразнейших фруктов, и среднеазиатской станции Всесоюзного института растениеводства, и среднеазиатского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института виноделия и виноградарства «Магарач», вина которого славятся на весь Советский Союз, и многих других институтов и опытных станций, работающих вокруг узбекской столицы.

Среди них центральное место занимают станции Всесоюзного научно-исследовательского института хлопководства: селекционная станция, о которой мы уже говорили, станция защиты растений и, наконец, Ак-Кавакская агротехническая станция — важнейший научный центр советского хлопководства.

На полях этой станции ученики и последователи Докучаева, Вильямса, Костычева создают наново землю узбекских оазисов. Работа эта грандиозна, и о ней написано множество книг. Здесь работают биологи мичуринского направления — мастера структурных почв, люди, разработавшие науку о том, как надо хлопчатник кормить, поить и воспитывать.

Арычная вода несет с собой много ила. От ила почва в оазисах Средней Азии сейчас, как и встарь, нарастает каждый год на целый миллиметр. В течение тысячелетий дехкане Средней Азии сами создали с помощью воды землю своих оазисов. Советские люди вмешались в этот процесс, начали коренным образом улучшать природу почв, создавать «кладовую высоких урожаев». Широким потоком хлынули на хлопковые поля удобрения — азотные туки и суперфосфат. Ученые Ак-Кавакской агротехнической станции ввели в «меню» питания хлопчатника и бактериальные удобрения — азотобактерии и нитрагин. Их производят близ Ташкента в республиканской лаборатории бактериальных удобрений.

Они изобрели, помимо того, и научно обосновали еще бесчисленное множество различных агротехнических приемов воспитания хлопчатника. И эти новые агротехнические приемы, вошедшие в практику хлопковых колхозов, подтвердили во всем богатстве жизни великое положение Мичурина, против которого яростно борются и которое не признают по сей день морганисты и менделисты, не признают, хотя оно уже стало явью на миллионах колхозных полей, — положение о том, что ни в природе растений, ни в почве не заложено никаких ограничений для получения все возрастающих урожаев.

Да и как могут буржуазные ученые-биологи это признать! Ведь они состоят на службе англо-американского империализма. Ведь их учение о неизменных генах — основа расовой теории, утверждающей неравноценность наций, и основа современного мальтузианства, утверждающего, что земля может прокормить только ограниченное количество людей; а раз так (делают выводы эти «ученые»), необходимо время от времени уменьшать население земного шара, неизбежна война.

Среди пестрого потока людей, в разные годы посетивших опытные хлопковые станции под Ташкентом, есть один человек, жизненная судьба которого представляет для нас особый интерес. На судьбе его ярко видно то первое, поистине всемирное место, которое ныне заняла по праву советская наука о хлопке; вместе с тем на его судьбе видно, какое большое значение имеет разгром морганистов-менделистов для защиты культуры и мира от фашистского варварства, от угрозы войны. Человек, о котором идет речь, — один из столпов морганистской генетики, известный английский специалист хлопководства доктор Харланд.

15. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОДНОГО УЧЕНОГО

Посетив в 1933 году Советский Союз, доктор Харланд подробно ознакомился с работой хлопковой селекционной станции под Ташкентом, побывал в Азербайджане. Вернувшись на родину, Харланд, как и положено оруженосцу империализма, выступил против советских мичуринцев-дарвинистов, пророчествуя, что ни из переноса египетского хлопчатника в Среднюю Азию, ни из других опытов советских хлопководов-мичуринцев ничего не выйдет.

Конечно, пророчества доктора Харланда не сбылись: опыты советских ученых принесли им победу. Что морганист оказался плохим пророком, неудивительно, и если бы дело ограничилось этим, о Харланде в настоящей книге не к чему было бы и упоминать. Но в жизни этого «почтенного» доктора произошло событие, которое, словно прожектор, осветило все темные углы.

Видный английский ученый, он, следуя влечению сердца, женился на «цветной» женщине. Несмотря на мировое имя, его сразу же после этого выгнали со всех должностей, и ему пришлось покинуть родину.

Где, когда это произошло? В нынешней Англии, в середине XX века. Но для любого советского человека, в частности для узбека, это поступок дикарский — поступок, который совершили дикари, не знающие и не желающие знать, что на земле существует культурное человечество, и продолжающие придерживаться своих диких обычаев.

Дальнейшая история доктора Харланда тоже характерна и тоже наглядно показывает, как далеко в культурном отношении продвинулся вперед узбекский народ: ведь с точки зрения нынешнего узбека, живущего в новом, социалистическом обществе, культура сегодняшних капиталистических стран — это уже культура прошлого.

В поисках заработка проштрафившийся морганист очутился в городе Лиме, столице южноамериканского государства Перу. В это время с перуанским хлопчатником случилась беда: знаменитый сорт «Тангуис» выродился, потерял свои качества — урожайность, исключительную белизну, сравнительно высокий выход волокна. Словом, с ним случилось то, что давно уже теоретически обосновали советские ученые: чистосортные посевы на сплошной территории вследствие принудительного самоопыления неизбежно вырождаются.

Между тем в перуанском экспорте хлопок занимает первое место. Естественно, перуанские плантаторы, не имевшие понятия о причине постигшей их беды (эту причину мог бы им объяснить каждый узбекский колхозник), бросились к знаменитому доктору Харланду с мольбой о спасении. Кабинетному ученому, чтобы не умереть с голоду, пришлось волей-неволей засучить рукава, сделаться практиком.

И так как плантаторы требовали от него быстрых практических результатов, грозя в ином случае лишить его последнего прибежища, Харланду не оставалось ничего другого, как вспомнить все, что видел он за несколько лет до того в Советском Союзе, в частности и на селекционной хлопковой станции под Ташкентом. Он-то лучше других знал, что морганистская наука не сулит ему на практике ничего!

Генетик, сторонник «чистых линий» в селекции, Харланд, едва дело дошло до практики, вынужден был одним махом зачеркнуть всю свою многолетнюю работу. Пользуясь мичуринским методом внутрисортного скрещивания, Харланду удалось возродить перуанский хлопок. В своей книге «Селекция перуанского хлопчатника тангуис», перевод которой вышел у нас в Издательстве иностранной литературы, Харланд сам признается, что «применяемые в настоящей работе методы существенно отличаются от применявшихся другими селекционерами и от методов, которыми пользовался автор... Совершенно не практикуется самоопыление и размножаются не чистые линии, а смеси».

Но при этом он ни единым словом не обмолвился, что методы, применяемые им, — это методы советских мичуринцев-хлопководов. Он промолчал об этом, подобно тому колдуну с островов Фиджи, который некогда, привезя впервые на острова европейский револьвер, сделал вид, что оружие это — результат его собственного колдовства. И англий-

ские морганисты начали прославлять своего колдуна, прославлять «новый метод доктора Харланда». К этому следует добавить, что морганисты, как сие ни удивительно, приписывают успех доктора Харланда именно морганистской науке. Впрочем, понятно, почему морганисты действуют так.

Больше всего в мире боятся англо-американские империалисты, что вместе с морганизмом-менделизмом рухнет и расовая теория, та теория дикарей, которая позволяет в середине XX века публиковать в газете «Таймс геральд» такие строки: «Мы пошлем самолеты с грузом атомных и бактериологических бомб... чтобы умертвить детей в их колыбелях, старух за их молитвами и работающих мужчин за их работой». Ясно, что эти строки написаны не просто дикарем, а к тому же и людоедом — людоедом не в переносном смысле, а в самом обычном, точном значении этого слова.

Всеми человечеству видно теперь, что борьба мичуринцев против морганистов — это борьба за мир, против войны, за культуру, против средневековья и дикости. В том грандиозном движении за мир, которое охватило весь земной шар, участвуют и ученые Узбекистана. Их чувства выразил член-корреспондент Академии наук Узбекистана поэт Гафур Гулям в своем известном стихотворении «Слово чести»:

...Но о чем бы врагам ни мечталось,
Чего б ни хотелось,
Хлопкороб не уронит кетмень,
Что держать он привык,
Мы угроз не боимся,
Мы заняты делом,
Хоть и слышим вдали
Поджигателей яростный крик.

Но не в силах их вой погасить
Беговатские топки,
И колеса турбин от него
Не замрут никогда.
Этот крик не заставит
Сомкнуться коробочки хлопка,
Всё мы видим,
Всё слышим
И не прерываем труда!

16. ЧИРЧИК

Нет в Советском Союзе крупной столицы без утренних паровозных гудков, без пригородных рабочих поездов, без железнодорожных веток, разбежавшихся в стороны, без семейства промышленных городов, толпящихся вокруг столицы. Ташкент — молодая столица. Он не успел еще обрасти большим семейством. Но пятеро сыновей — пять новых

городов, новых промышленных центров — возле него уже выросли; Чирчик, Ангрен, Янгиюль, Мирзачуль, Беговат.

Первенец узбекской столицы город Чирчик наречен в честь притока Сыр-Дарьи — Чирчика. Хотя чирчикская вода звенит в каждом ташкентском арыке, нынешние ташкентцы, услышав под окнами звон воды, никогда не вспоминают о Чирчике. Они вспоминают это имя, только когда включают в комнате свет, ибо слово «Чирчик» стало здесь синонимом слова «электричество».

Узбекистан необыкновенно богат гидроэнергией. По подсчетам академика Б. Е. Веденеева, если использовать полностью гидроресурсы всех рек, то в Узбекистане на душу населения окажется в три раза больше гидроэнергии, чем на Урале или в Поволжье, и в восемнадцать раз больше, чем на Украине или в центральных районах Союза. Потенциальная мощность гидроресурсов Узбекистана больше десяти миллионов киловатт. До революции эти богатства лежали под спудом. Царская Россия стояла на пятнадцатом месте в мире по размерам производства электроэнергии, а в Узбекистане на душу населения вырабатывалось в четырнадцать раз меньше электроэнергии, чем в среднем по России.

Еще четверть века назад в верхней части долины Чирчика вы увидели бы вдоль реки только узкую полосу тугаев — диких зарослей, в которых можно было наткнуться на кабана, а вокруг — выжженную холмистую степь, где глаз задерживался разве лишь на одинокой бедняцкой юрте, той ветхой юрте, о которой говорили, что «если бросить на нее тысячу камешков, ни один не останется наверху, все попадают внутрь через тысячу дыр». А о жизни в такой юрте была приписка: «Мы не видим в ней ничего, только звезды, если глянем вверх; если вниз — черную землю».

В ленинском плане электрификации страны, знаменитом плане ГОЭЛРО, предусматривалось сооружение двух гидроэлектростанций и в Узбекистане. В 1926 году была пущена Бозсуйская ГЭС — первая из чирчикских электростанций. Следом начали вырастать десятки электростанций и на других реках республики. Уже перед Великой Отечественной войной в Узбекистане вырабатывалось в четыре раза больше электроэнергии, чем в Египте, — стране с населением, вдвое большим. А соседний Афганистан по выработке электроэнергии Узбекская республика обогнала тогда в тридцать девять раз. Сейчас Узбекистан вышел по выработке электроэнергии на четвертое место в Союзе. В 1950 году его электростанции дали свыше двух миллиардов киловатт-часов энергии — больше, чем в 1913 году вырабатывали станции всей царской России.

Старейшая «электрическая река» в республике — Чирчик.

Интересно, что электростанции Чирчикского каскада в смысле техники передовые. Здесь впервые в Союзе была широко развернута работа по каскадированию, автоматизации и телемеханизации гидро-

станций. За работу эту ученые-энергетики Узбекистана были награждены Сталинской премией. Строители электростанций из многих республик Союза стали приезжать в Чирчик учиться, осваивать новый опыт.

Металлические провода, подвешенные к высоким мачтам, перерезают долину Чирчика во всех направлениях. По ним круглые сутки текут потоки электроэнергии. Она приводит в движение фабрики и заводы, несет свет в кишлаки и города. Один из этих городов — новый город Чирчик.

По ночам на многие километры над ним видно сплошное зарево электрических огней. На месте кочевий сказочно быстро протянулись улицы социалистического города с многоэтажными жилыми домами, светлооконными школами, коттеджами, Дворцом культуры, клубами, садами. На высоком горном увале расположился район Чирчика, называемый «Верхним городком». Великолепный оттуда открывается вид на соцгород: повсюду, насколько хватает глаз, среди зелени деревьев белеют стены домов, краснеют черепичные и железные крыши. Торчат мачты деррик-кранов там, где растут новые здания. И по мостовым, светлые ленты которых угадываются меж древесной листвы, мелькают многочисленные грузовые и легковые автомашины. Новизной своей Чирчик напоминает ташкентский текстильный городок. Но широта его магистралей, да гладь воды Зах-арыка, да утренний туман над этим широким каналом, да запах полыни, что доносит сюда ветер из степных предгорий, придают городу особый — суровый, мужественный колорит.

Ему придают свой особый — суровый, мужественный колорит еще и облицованные железобетоном каналы, громадные порталные краны, многочисленные железнодорожные подъездные пути, по которым движутся составы к гиганту третьей пятилетки — Чирчикскому электрохимкомбинату. Именно со строительства этого комбината началась история Чирчика.

Это было грандиозное строительство. Строители Чирчикстроя вынули в два раза больше грунта, чем строители Днепростроя. В чирчикском строительстве была заинтересована вся страна: воздвигался завод, продукция которого должна была произвести революцию в хлопководстве.

Ныне чирчикцы говорят о себе: «Мы — творцы земли», и это не фигуральное выражение. Они действительно заняты тем, что творят землю Узбекистана. На электрохимкомбинате они производят азот — азотные удобрения для хлопковых полей. Бесперывной вереницей из ворот комбината выезжают вагоны с удобрениями. Однако никто никогда не видал, чтобы в ворота въезжали вагоны с сырьем. Чирчикская ледяная вода и чистый воздух предгорий — вот единственное сырье этого гигантского комбината. С помощью электричества чирчикцы превращают воздух и воду в твердые азотные удобрения. Уже сейчас узбекские колхозники вносят на каждый гектар хлопковых полей в че-

тыре-пять раз больше химических удобрений, чем в США. А в ближайшие годы они и эту цифру перекроют в несколько раз.

Кроме высоких прямоугольных городских кварталов, вокруг Чирчикского электрохимкомбината выросли и другие крупные промышленные заводы, дающие стране хлопковые сеялки, культиваторы и гузокорчевалки, станки и машины для новых химических заводов, оборудование для электростанций, стекло, обувь, одежду и многое другое. Словом, Чирчик — большой промышленный город. Но место его в Узбекской республике прежде всего определяется тем, что он воплощает в себе ленинскую идею электрификации страны.

17. „КОЧЕГАРКА УЗБЕКИСТАНА“

Второй сын в семье молодых городов, выросших вокруг узбекской столицы, — Ангрэн. Чтобы попасть в Ангрэн, надо сесть на рабочий поезд в Ташкенте. В пути вам составят компанию шахтеры.

Поезд повезет вас по ветке в долину Ангрена. Он повезет вас по осыпанному угольной пылью железнодорожному полотну, извивающемуся подобно черной змее меж нежнозеленых рисовых полей. Справа и слева от поезда все чаще станут мелькать холмы и одинокие скалы, все ближе будет надвигаться темнеющая громада хребтов: с одной стороны — Чаткальского, с другой — Кураминского. Река Ангрэн, пропилившая за тысячелетия эти хребты и разделившая их, обнажила глубоко скрытый в земле каменный уголь и другие богатства.

Некогда здесь добывалось и железо. Само название Ангрэн — искаженное средневековое «Дарья-и-Ахангеран», что значит «Река железных дел мастеров». С названием этим связана интересная легенда.

Рассказывают, когда Искандер Зулкарнайн — Александр Македонский — шел сюда со своими войсками, у которых «зубы чесались от злости и жадности», в низовьях Ахангерана жил в красивом замке богатырь Хамра. Он только что взял в жены красавицу — у нее «брови были, как бобры», и Хамра так увлечен был любовью, что «уши его ко всему другому были закрыты». Напрасно придворный поэт обращал к нему пламенные слова: «Когда сыплются искры из мечей, время ли подбирать искры из глаз возлюбленной!» — Хамра ко всему был глух.

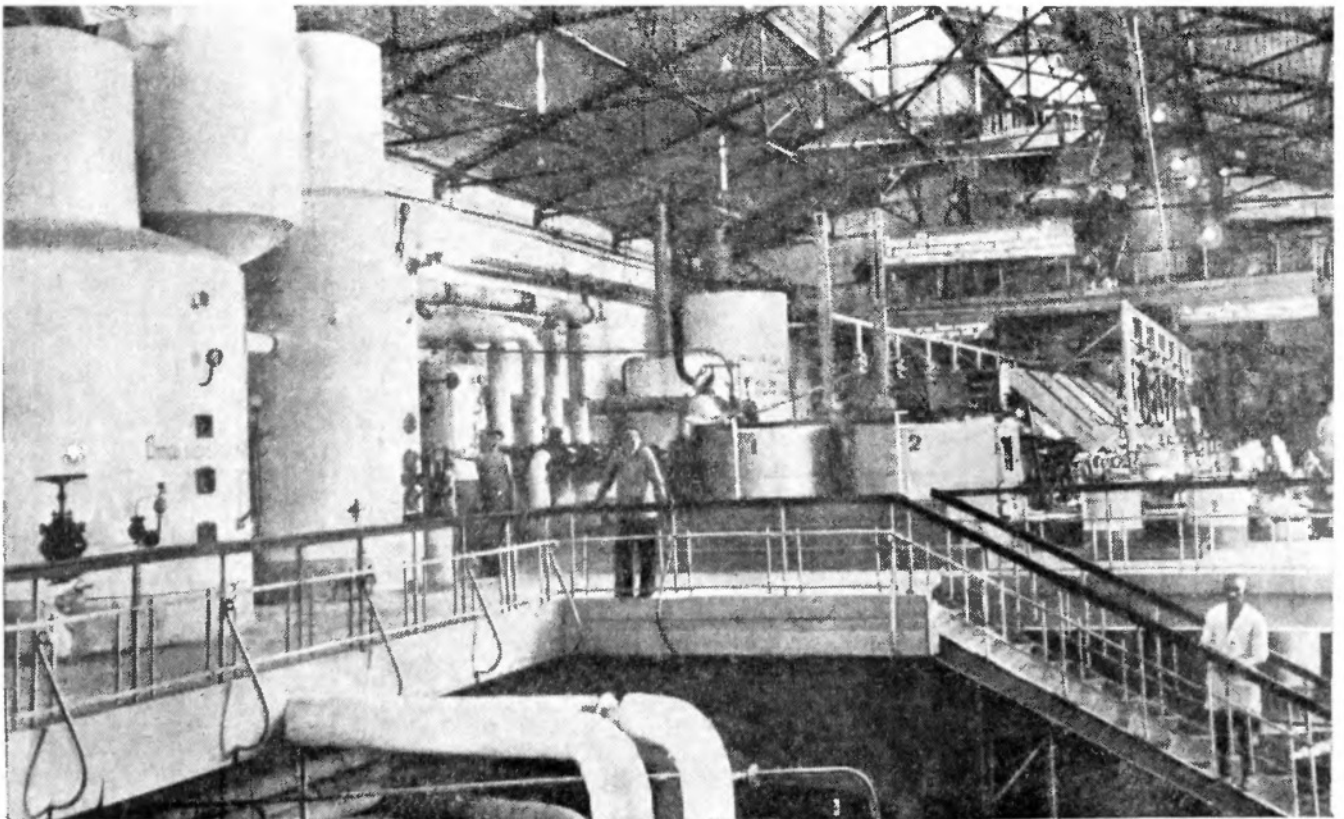
Тогда старый железных дел мастер Бобо-Камбар, собрав своих учеников, воскликнул: «Пусть погибнет бедность: плохо от нее бывает, но любовь еще хуже бедности!» — и повел учеников за собой в горы. Здесь он и его ученики тайно прорыли Ахангерану новое, подземное русло. И жители Ахангерана вдруг увидели, что иссякла вода в реке до последней капли. И все от жажды изнемогли и начали разбегаться. И в это время пришли воины Искандера и, узнав, что в Ахангеране свирепствует жажда, не решились вступить в эту местность и ушли прочь.

В угольном Ангрене. Машинист электровоза.

Город Янгиюль. Новая баня.

На Янгиюльском сахарном заводе.

Старейший колхозный мастер хлопководства Назарали Ниязов.

В колхозной лаборатории.

Так железных дел мастера спасли свою страну от пожаров и грабежей. Когда чужеземцы ушли, мастера вернули Ахангеран в его старое русло. Такова легенда. В ней народ выразил свою мечту о власти человека над природой. Эта мечта в Советском Узбекистане сделалась явью. Советские люди стали властителями рек. Об этом интересно рассказывает нам судьба самой реки Ангрена.

Еще недавно в ее низовьях остро нехватало оросительной воды, и советские ирригаторы решили перебросить в Ангрэн часть вод бурного Чирчика. Для этого незадолго до Отечественной войны был построен канал имени Молотова. И по полям Ак-Курганского района, где выращиваются исключительно цветные сорта хлопка, заструилась ангрэнская вода, смешанная с чирчикской.

А в другом месте Ангрена, в горах, советские инженеры прямо осуществили ту техническую задачу, ту мечту, что выражена в легенде о железных дел мастерах. Это случилось после того, как в Ангрэнском ущелье был обнаружен угольный пласт, построены мощные механизированные шахты и рядом вырос шахтерский городок. В городке этом жили геологи Д. Богданович и Г. Чекрызов (ныне лауреаты Сталинской премии). Продолжая изучать залегания ангрэнских углей, они обнаружили, что угольный пласт уходит под реку, — иными словами, что воды реки бегут по углю. Тогда у них родилась идея отодвинуть реку в сторону и брать уголь прямо с поверхности открытым способом.

Бывшая река железных дел мастеров, ныне река шахтеров, была советскими людьми перенесена в сторону, в отводное русло, и закована там в бетонные плиты и каменные уступы. А на том месте, где ревели и пенились воды Ангрена, вырос в узком ущелье второй в Советском Союзе механизированный угольный разрез.

Повсюду на угольном разрезе виднеются стрелы экскаваторов. Повсюду через глубокие траншеи плывут огромные ковши, наполненные ангрэнским углем. Экскаваторы грузят уголь в саморазгружающиеся вагоны. Шагающий экскаватор, перебираясь на новое место, выбрасывает вперед металлические лыжи и плавно перешагивает в сторону. Черное облако угольной пыли взлетает то в одном, то в другом месте: это отпальщики рыхлят уголь, взрывают его. Пейзаж угольного разреза был бы неполным, если не сказать еще о паровозах. Они снуют почти непрерывно, доставляя прямо в угольные траншеи порожняк, отвозя вертушки с породой, вытягивая на станционную магистраль тяжеловесные составы с углем.

А в стороне от разреза, на фоне гор видны терриконы ангрэнских шахт и ажурные переплеты стройных копров, непрерывным потоком выдающих из глубины земли на-гора «черное золото». В шахтах добыча и транспортировка угля от забоя до рудничного двора тоже механизированы: там работает мощный скребковый транспортер, ленточные транспортеры, электровозы. Эшелон за эшелон подходит к шахтам крепезный лес на вагонах-платформах.

Особенно поэтична эта картина, когда видишь ее с вершин горного хребта: на левом берегу голубой реки — панорама угольного разреза и шахт, на правом — озелененные кварталы социалистического города. А через реку перекинута мосты, по которым движутся людские потоки. Ангрэн гораздо моложе Чирчика, но это тоже город с населением уже в несколько десятков тысяч человек, город, в котором есть свой театр и два кино, свои три клуба, восемь библиотек, четыре больницы, больше десятка школ, стадионы, детские сады, электростанция, водопровод. На озере, построенном руками ангрэнских комсомольцев, можно попасть на соревнование пловцов ремесленных училищ с пловцами ангрэнского филиала горного техникума. До поздней ночи светятся в городе окна: в Ангрэне работает несколько шахтерских школ стахановского опыта. Город Ангрэн быстро идет «на-гора», на подъем.

18. НА НОВОМ ПУТИ

Чтобы попасть в гости к третьему сыну узбекской столицы — в Янгиюль, тоже можно сесть на поезд в Ташкенте. Но лучше в Янгиюль поехать по шоссе на машине, — не только потому, что это шоссе прорезает весь город, но и потому, что оно как раз и есть тот янги юль — тот новый путь, по которому двинулась культура в узбекский кишлак.

Сам Янгиюль, расположенный в центре Ташкентского оазиса, еще недавно тоже был простым кишлаком и славился лишь дынями. Он и именовался тогда Каунчи — Дынным.

Выехав в Янгиюль на автомобиле, по дороге видишь, как и в любом узбекском оазисе, сады и виноградники, обнесенные глинобитными заборами, и бахчи. Но чаще всего глаз останавливается здесь на хлопковых плантациях, которые осенью кажутся покрытыми стаями белых птиц. Хлопок на янгиюльских плантациях — не просто хлопок. Это новейшие сорта, выведенные селекционерами. По обе стороны шоссе на полях видишь множество всяких машин: это тоже новейшие машины. Автомобиль минует колхозные электростанции, построенные на широких арыках, минует большие и маленькие шлюзы, сооруженные, чтобы экономно и точно распределять воду в арыках, — раньше в Средней Азии шлюзов почти не было. Все это стало в жизни узбекских дехкан их янги юлем — новым путем.

Когда подъезжаешь в Янгиюле к заводу хлопкового масла, видишь, что телеграфные провода сделались пушистыми от осевшего на них хлопка: его заносит сюда ветер от работающих пухоотделительных машин. Но на сельских дорогах здесь ключев хлопка не увидишь: повсюду вдоль дорог, на телеграфных столбах, на стенах некоторых домов висят специальные ящики, куда прохожий считает своим долгом положить клочок хлопка, попавшийся ему на пути. Это заботливое, хозяйское отношение к народному добру тоже стало в жизни дехкан их янги юлем — новым путем.

У Янгиюля не похожий на другие города колорит. Большие жилые корпуса заводских поселков перемежаются глиняными дехканскими дворами. Ярко расписанные паласы и ковры чайханы мирно соседствуют со столиками ресторана. И вдоль асфальтовых тротуаров, прижимаясь к ним от пронсящих мимо машин, мелко перебирает тонкими ногами ослик, на котором возвращается с базара колхозник. Мерно покачиваясь, ослик идет мимо больничного городка и гостиницы, мимо парка культуры и отдыха, мимо музея. Янгиюль славится своими культурными учреждениями. Сюда, в музыкальную школу для колхозников, съезжаются учиться одаренные юноши и девушки со всех концов республики: на улицах города звучат песни всех узбекских оазисов. На главной улице Янгиюля высится здание театра и здание кино «Победа», такое большое, удобное и красивое, какого не найдешь нигде в Средней Азии, даже в Ташкенте. По вечерам возле здания этого видны у коновязей силуэты оседланных лошадей, стоят мотоциклы, поблескивает лак на веренице легковых автомобилей и грузовиков: это приехали из района колхозники посмотреть новый фильм.

Янгиюльский район — район колхозов-миллионеров, район сплошной механизации сельского хозяйства, район новых, социалистических кишлаков.

Есть в Янгиюльском районе колхоз «Сталинчи». Селение этого колхоза прежде лежало меж четырех холмов, оно так и называлось: «Турт-тепе» — «Четыре холма». Старики любят говорить, что в этом селении нищета одинаково была видна с любого холма. Кишлак представлял собой груды приземистых полуразвалившихся мазанок. Такой вид имели и другие янгиюльские кишлаки и сам Янгиюль.

Такой вид имело и селение колхоза «Брляшу», когда полтора десятка лет назад поздней осенью сюда приехали два человека. Один из них был всеузбекский староста Юлдаш Ахунбабаев, второго в те времена никто не знал. Журналист А. Канаев в очерке «На землях Шурали-сая» рассказывает, как в сопровождении председателя колхоза и бригадира эти два человека вышли на бугристое поле, где торчали хилые, редкие стебли хлопчатника.

— Смотри, Хамракул, — сказал Ахунбабаев приехавшему с ним. — На этой земле колхоз «Брляшу» собрал только по шесть центнеров хлопка. Вот он, — Ахунбабаев кивнул на председателя колхоза, — говорит, что на такой земле можно пасти лишь овец и собирать на топливо бурьян да верблюжью колючку.

— Земля не виновата, — сказал Хамракул: — земля любит заботу.

— Я тоже так думаю, а вот председатель, — продолжал Ахунбабаев улыбаясь, — наверное, скоро будет обвинять и чайхану за то, что в ней грязь, и колхозную конюшню за то, что она развалилась...

У всеузбекского старосты родилась мысль переселить на пустующие земли рядом с колхозом «Брляшу» сто семейств ферганцев, чтобы они показали всему Ташкентскому оазису, что и на этих землях можно выращивать такие же урожаи хлопчатника, как в Фергане. Разумеется, фер-

ганцы, решившие в ответ на призыв Ахунбабаева переселиться, нашлись. И председателем нового колхоза стал спутник Ахунбабаева, товарищ его по фронтам гражданской войны — Хамракул Турсункулов, который создал один из лучших в Узбекской республике хлопководческих колхозов — колхоз имени Кагановича.

Чтобы увидеть все разнообразие, все богатство нового в колхозе имени Кагановича, в него следует съездить несколько раз, и каждый раз выбирая себе нового спутника.

Хорошо поехать туда с архитектором А. Бабахановым. Здешний новый, социалистический поселок, называющийся «Мехнат рахат» («Благостный труд»), выстроен по его проекту. Архитектор сумеет вам показать каждый дом, как никто другой. Кажется, тут сделано все — от новых жилых коттеджей и общественных зданий вплоть до своей аптеки и автоматической телефонной станции, — и сделано прочно, удобно, красиво. Но поговорите с архитектором — окажется, это только начало, и он нарисует вам живую картину еще более прекрасного завтра; он расскажет о дальнейшем строительстве, которое проектируют архитекторы Долгов и Джанхангиров.

Хорошо поехать в колхоз имени Кагановича и с каким-либо ученым — специалистом по хлопку, например со знаменитым селекционером лауреатом Сталинской премии Сергеем Степановичем Канашем. Поездка с ним вас, естественно, приведет на хлопковые поля колхоза. И участок каждого звена заживет для вас своей особой жизнью, раскроется в своих неповторимых чертах.

К вечеру вместе с Сергеем Степановичем вы попадете в колхозное правление и услышите, как подводятся творческий итог впечатлениям дня в беседе Канаша с Хамракулом Турсункуловым. Турсункулов — прекрасный знаток хлопководства, он один из председателей колхозов, имеющих звание дважды Героя Социалистического Труда за высокую урожайность хлопка на всей колхозной земле. Он является вместе с тем членом Совета по делам колхозов при правительстве СССР, представляя всю Узбекскую республику. Кроме того, народ избрал его, так же как и С. С. Канаша, депутатом в Верховный Совет СССР.

Жестокий Тимур, предававший разрушению и опустошению иноземные города, кичась своим умом, любил говорить: «Правитель, который значит меньше, чем его плеть, недостоин быть начальником». Плети в этих словах отведено необычайно высокое место. Плеть Тимура, плеть феодалов, плеть царских чиновников столетиями свистела над головой узбекского дехканина, ремесленника, народного певца. И вот произошла величайшая из революций, русские революционные рабочие вырвали плеть из рук царизма и уничтожили «тюрьму народов» — Российскую империю. В одном из селений возле бывшей столицы Тимура, Самарканда, народ сложил песню, в которой есть такие слова: «Сказал Ленин — что угодно вы можете петь. И певцы все сразу запели о Ленине!» Народ выразил в этих словах понимание того, что благодаря Ленину, благодаря партии

коммунистов отныне и навеки он стал свободным. И управлять государством стали люди труда. Хамракул Турсункулов — один из них.

Несколько цифр, списанных с диаграмм, висящих в правлении колхоза имени Кагановича, человеку, умеющему видеть за цифрами жизнь, дадут ясное представление о жизни этого большого хозяйства. В нем бок о бок дружно работают представители одиннадцати национальностей. Артель насчитывает двести пятьдесят специалистов, людей сорока трех профессий. Многие колхозники имеют собственные легковые автомашины. В 1951 году общий доход колхоза превысил двадцать два миллиона рублей.

Зажиточная жизнь узбекских колхозников особенно поражает людей, приехавших из-за рубежа, быть может, по контрасту с жизнью крестьян в капиталистических странах. Вот что говорил, например, член делегации Датско-Советского общества Иб Норлюнд на пресс-конференции в Москве после возвращения из Узбекистана: «Когда мы были в Ташкенте, мы особенно часто думали о тех «благодетелях», которые империалисты распространяют на Корею, и сравнивали с благодетелями без кавычек, которые в Узбекистане народ создает сам для себя... В Дании считают, что колхозники живут бедно, а здесь мы видели настоящее богатство, которым колхозники очень щедро делились с нами».

На янги юль — новый путь — вслед за колхозом имени Кагановича вступили все колхозы района: колхоз имени Кагановича только старший в семье «миллионеров». Поезжайте в колхоз «Сталинчи» или в колхоз имени Ворошилова, или в любой другой янгиюльский колхоз — везде в крупном и в мелочах вы увидите явные черты коммунизма.

Есть в Янгиюльском районе колхоз имени Свердлова. Есть в колхозе этом Дом сельскохозяйственной культуры. Проведите день в этом доме, — не пожалеете.

Вы увидите в действии изобретенную здесь диспетчерскую службу поливов. Летом каждое утро Хасанали Ахмедов, заведующий этим колхозным научным учреждением, посылает во все бригады ящики, в которых рядами стоят сверкающие на солнце пробирки с раствором сахара. В самые жаркие часы дня бригадные учетчики берут на полях пробы листьев хлопчатника и опускают их в пробирки. Лаборантка Хасият Ахмедова делает в лаборатории Дома сельскохозяйственной культуры анализ проб, определяет сосущую силу листьев: чем больше нуждается хлопчатник в воде, тем с большей силой клетки листа всасывают влагу. Тут же лаборантка втыкает в карту колхозных полей, что висит на стене лаборатории, разноцветные флажки, отмечая желтыми флажками участки, требующие полива в первую голову. В полевых станах всех хлопковых бригад висят точные копии этой карты. Пользуясь ими, бригадиры планируют поливы полей.

Дом сельскохозяйственной культуры помогает колхозникам проводить и научные опыты на полях. Результаты этих опытов обсуждаются на колхозных научных конференциях, служат даже материалом для

дипломных работ студентов Ташкентского сельскохозяйственного института.

Летом в Доме сельскохозяйственной культуры артели имени Свердлова постоянно видишь студентов, приехавших сюда на производственную практику. Здесь, как и на любом янгиюльском поле, можно встретить хорезмийца, азербайджанца, туркмена, приехавшего учиться хлопководству. Можно увидеть профессора-академика, ведущего научную работу. Да и самих янгиюльцев можно встретить в Таджикистане, в Туркмении — везде, где сеют хлопок, ибо слово «янгиюлец» стало ныне речительством мастерства в хлопководстве, речительством сознательного, коммунистического отношения к труду.

Тысячью нитей связаны янгиюльские колхозники со всем Советским Союзом. То Герой Социалистического Труда Тилля Туранов из янгиюльского колхоза имени Ворошилова едет среди лета, в «месячник накопления урожая», с взаимопроверочной бригадой в Таджикистан, в колхоз имени Сталина, к прославленному мастеру хлопководства Пулату Бобоколонову. То старейший янгиюльский хлопкороб, звеньевой этого же колхоза, Герой Социалистического Труда Назарали Ниязов едет в Москву в гости к Е. В. Вучетичу: русский скульптор хочет оставить народу отлитый из бронзы облик замечательного узбекского хлопкороба.

Назарали Ниязов — один из самых прославленных колхозников Узбекистана. Он пользуется в республике всенародным уважением. Неутомимый опытник, он разработал оригинальную систему поливов хлопчатника на холмах и горных склонах, где раньше только пасли скот. По его системе теперь поливают хлопчатник в горных районах Средней Азии и Кавказа. За эту работу старый хлопкороб был награжден Сталинской премией.

Путем отбора семян хлопчатника сорта «108-Ф», широко распространенного в Узбекистане. Назарали Ниязов вывел хлопчатник со сдвоенными коробочками, куст которого имеет компактную форму. Коробочки на этом кусте располагаются у самого стебля. Такая форма куста необычайно удобна для работы хлопкоуборочной машины.

Назарали Ниязов получает массу писем от незнакомых людей со всех сторон Советского Союза. Однажды он получил письмо от Е. П. Шмурьевой, которая выращивает сады в Кемерове. В письме она, между прочим, писала: «Ваш портрет я заказала сделать сухими красками и повешу его у себя дома в ряд с портретами наших преобразователей природы».

О многих янгиюльцах можно теперь сказать «преобразователь природы». При этом, разговаривая с передовыми янгиюльскими колхозниками, всегда остро чувствуешь, что это не просто случайные собеседники, встретившиеся вам в пестром людском потоке, а что всех их роднит, объединяет одна общая цель — строительство коммунизма, и что янгиюльцы умеют бороться за это и на трибуне, и в быту, и на поле — словом, что это новые люди, населяющие землю труда.

19. ТВОРЦЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ

Два учреждения в Янгиюле, знаменитые на всю Среднюю Азию, тоже стали в жизни узбекских дехкан их янги юлем — новым путем. Мало того, они перестроили всю жизнь дехкан, сделались их генеральным путем. Однако, прежде чем назвать их, надо сказать о другом.

В 1939 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в павильоне Узбекской ССР демонстрировался с огромным успехом обыкновенный кетмень. Чем же заслужила примитивная ручная мотыга столь необычайное внимание? Почему вокруг нее толпились москвичи и запорожцы, ставропольцы и дальневосточники? Дело было в том, что в то время узбекский народ с помощью кетменя совершил героический подвиг: построил за полтора месяца Большой Ферганский канал. И демонстрировал работу кетменем на сельскохозяйственной выставке прославленный герой этого строительства, кетменщик Дунан Дусматов. За четыре тысячи лет своего существования кетмень, перед тем как начать уходить в прошлое, был вознесен на вершину славы.

Из века в век дехкане земледельческих оазисов Узбекистана не расставались с кетменем. Он был в их руках главным и универсальным орудием труда. Кетменем прорывали большие каналы и мельчайшую ирригационную сеть, кетменем пускали воду в арык, кетменем обрабатывали поле и сад. Ведь специальных машин для обработки хлопковых полей тогда не существовало.

Таких машин не существовало и на хлопковых плантациях США, сельское хозяйство которых четверть века назад было технически оснащенное, чем в других странах. Правда, там были опытные машины-одиночки. Но заводы не производили их, как не производят и по сей час: труд негров на хлопковых плантациях в южных штатах, — по сути дела, рабский труд — так дешево, что американские плантаторы не хотят «расходиться» на машины. Кроме того, выматывая хлопкороба физически, труд обедняет его и духовно. Неграмотность, забитость, суеверие, социальная пассивность — естественный результат рабского труда.

Так оно было и в дореволюционном Узбекистане. Российский хлебоборок, садовод или огородник, никогда не выдавший хлопкового поля, с трудом представит себе количество труда, какое вкладывал узбекский хлопкороб в свое поле. Хлопковое поле не отпускало дехкана круглый год. Ферганская долина и некоторые местности в Италии еще недавно занимали первое место в мире по количеству труда, который вкладывали крестьяне в каждый гектар возделанной пашни. И хотя у кетменя, которым работали узбекские хлопкоробы, была необычайно длинная рукоятка, спасительная в жарком климате (она позволяет работать, не сгибая спину, так что кровь не приливает к голове), каждый квадратный миллиметр этой рукоятки был пропитан потом.

Могли ли с таким положением мириться советские люди? Конечно, нет. Они должны были освободить дехканина от изнурительного ручного труда. Перед ними стояла и другая задача. Об этой задаче в 1931 году на совещании хозяйственников товарищ Сталин говорил: «...механизация процессов труда является той *новой* для нас и *решающей* силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства».

Советские люди взялись за механизацию хлопководства с настоящим размахом. Они начали изобретать, строить. Творческий центр этой работы как раз и находится в Янгиюле. Это Центральная станция механизации СоюзНИХИ, где испытываются и совершенствуются, перед тем как пойти в производство, все опытные машины для обработки хлопковых полей. Здесь работают десятки конструкторов. Машины, сконструированные ими, произвели подлинную революцию в жизни узбекских хлопкоробов, без них даже трудно представить себе узбекский кишлак. На каждой тысяче гектаров хлопчатника, где комплексная механизация уже полностью осуществлена, ныне работают в среднем 240 машин тридцати пяти разных названий.

Но чтобы все значение этих машин для судеб узбекского народа открылось с жизненной яркостью, мало побывать на станции механизации, следует посетить еще одно учреждение в Янгиюле — 2-ю Янгиюльскую МТС. Это опорно-показательная машинно-тракторная станция. На ее опыте учатся другие МТС Узбекской республики.

Когда вы приедете во 2-ю Янгиюльскую МТС, попросите директора связаться по радио с бригадиром Икрамом Ибрагимовым или знаменитым трактористом его бригады Рахматом Нишанбаевым. Связаться с ними не составит труда: в МТС Узбекской республики установлены радиостанции типа «Урожай», с бригадами организована постоянная двусторонняя диспетчерская связь.

На колхозном поле вы увидите механизированный труд. И ежели вы познакомитесь с годовым календарем работы бригады, вас (коль вы приезжий издалека) поразит одно обстоятельство.

Трактористы и комбайнеры какой-либо российской МТС проводят на хлебных полях пять основных видов работ: пашут под зябь, весной боронуют, потом вносят удобрения, сеют, наконец убирают. Хлопковое поле нельзя и сравнивать с хлебным по количеству обработок, — до того много их. Достаточно сказать, что на обработку одного гектара хлопчатника в Узбекистане затрачивается в шестнадцать раз больше человеко-дней, чем на возделывание гектара зерновых на Украине. Вот только главные процессы обработки хлопчатника.

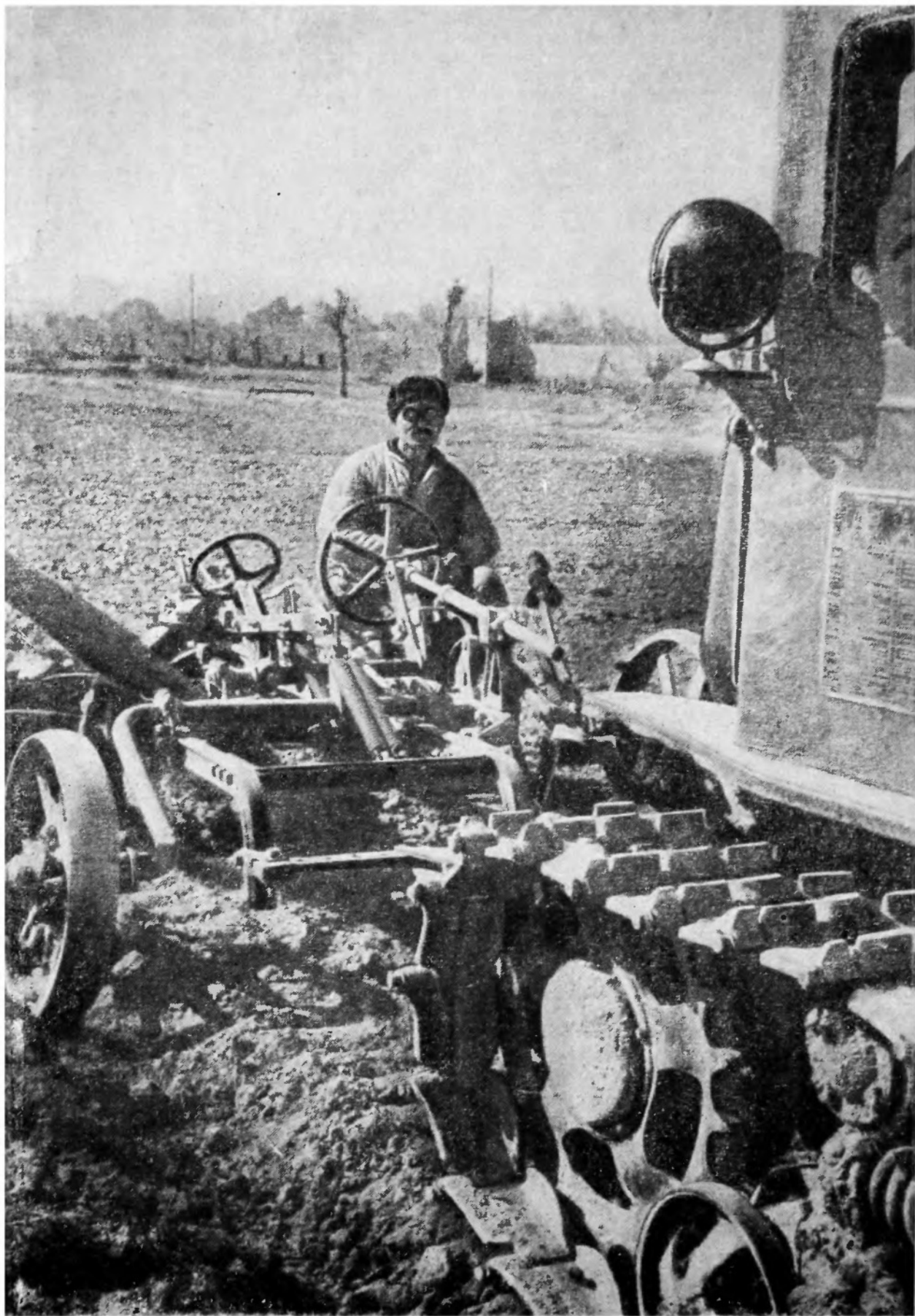
Начинается с того же: тракторы пашут под зябь. Вслед за этим на полях появляются экскаваторы и землесосы, они ремонтируют и очищают от ила крупную ирригационную сеть. Вперемежку с этой работой колхозники проводят зимние поливы для промывки почвы: на засоленных участках — до четырех раз. Затем одновременно с механизирован-

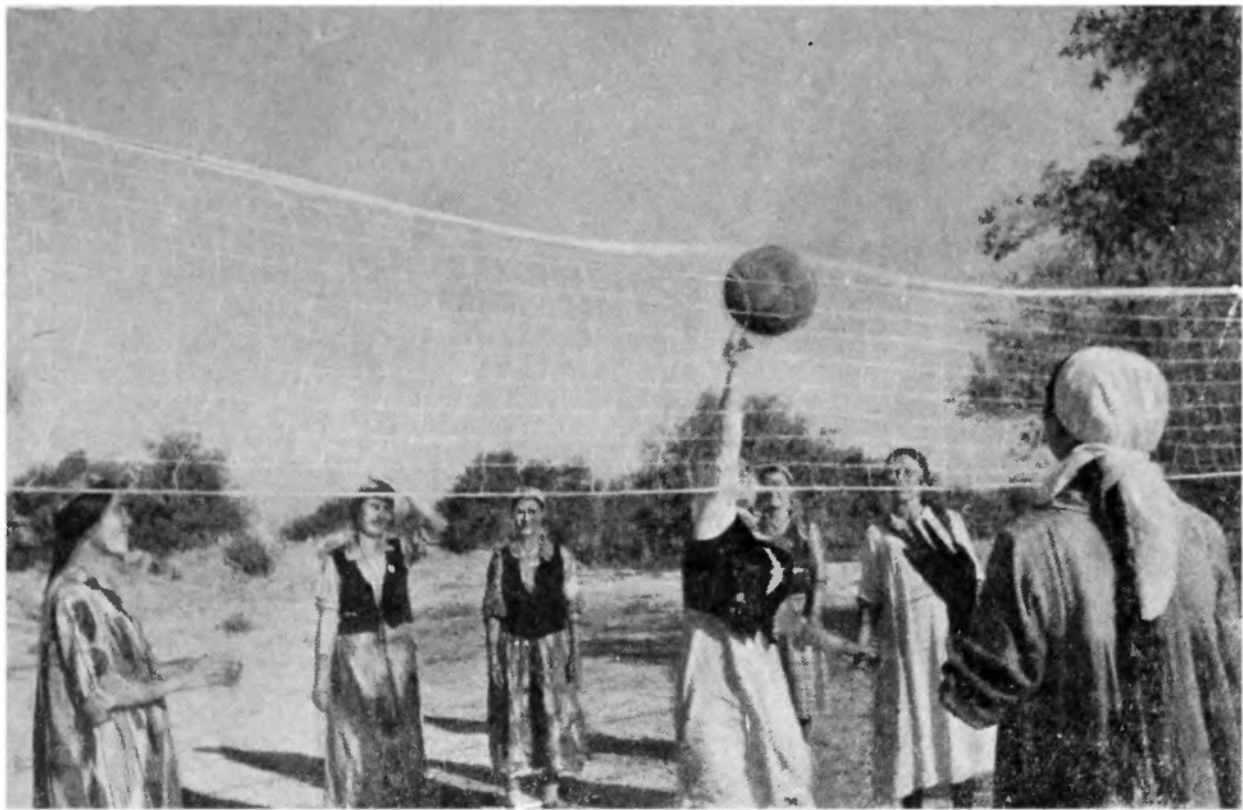
Колхозный перекресток.

Колхозная гидроэлектростанция.

Колхозная весна началась.

На колхозной спортивной площадке.

Пневматическая подача хлопка к бунтам.

ным боронованием трактористы вносят на поле туковыми сеялками лимические удобрения. После этого в работу вступают канавокопатели, нарезающие на самом поле мельчайшую ирригационную сеть. Следом специальными сеялками сеют хлопчатник. Спустя некоторое время, когда на полях появляются всходы, их прореживают особыми орудиями, прикрепляемыми к тракторам. Затем трактористы прикрепляют к тракторам культиваторы: начинается «воспитание» каждого куста хлопчатника. И вот уже приходит «месячник накопления урожая»; на каждом поле за лето проводится от шести до восьми механизированных рыхлений специальными машинами и одновременная подкормка хлопчатника удобрениями при помощи удобрителей, смонтированных в той же машине. За это же время колхозники проводят от трех до семи оросительных поливов. Они еще и чеканят хлопчатник¹. Наконец хлопок созрел. На поля выезжают универсальные опрыскиватели-опыливатели, они обрызгивают кусты специальным составом, чтобы листья хлопчатника перед машинным сбором опали. За ними выходят на поля хлопкоуборочные машины, — и белоснежный хлопок с кустов течет широким потоком в огромные бункеры. Кстати сказать, на хлопкоуборочных машинах теперь установлены сконструированные недавно пневматические подборщики хлопка, собирающие с земли весь сбитый и опавший хлопок-сырец. Хлопок убран, но на полях еще остался курак — нераскрывшиеся коробочки с хлопком; их убирают куракоуборочными машинами. В заключение гузокорчевальные машины очищают поле от гужапан — стеблей хлопчатника.

И вся работа эта четверть века назад проводилась вручную! Помимо этого, узбекский дехканин занимался еще шелководством, рисосеянием, садоводством, виноградарством, овощеводством, бахчеводством, скотоводством, птицеводством и многим другим. В эти отрасли хозяйства тоже пришли машины и механизмы. И управляют этими умными машинами и механизмами бывшие неграмотные дехкане, нынешние трактористы, слесари, механики — люди нового, социалистического кишлака.

Неудивительно, что машины эти сделались излюбленными образами узбекской поэзии. Их воспевают и поэты и народные певцы. Популярнейший в республике народный певец Фазыл Юлдаш, который постоянно живет в колхозе «Пахтаабад» и является его почетным членом, одну из лучших своих песен посвятил ташкентскому «Сельмашу». Вот строки из этой песни:

Серебряный насест приятен для орла, —
Из камня серого и ясного стекла

¹ Государственное специальное конструкторское бюро по хлопку, находящееся в Узбекистане, недавно создало первую машину для чеканки хлопчатника. Она может заменять 50—60 колхозников. В 1953 году началось государственное испытание новой машины. По предварительным сообщениям печати, машина удобна в работе. Созданием машины для чеканки хлопчатника советские конструкторы полностью завершили механизацию всех процессов обработки хлопковых полей.

Построен средь садов большой завод Сельмаш,
Построен и творит великие дела...

Сколь удивителен и сколь волшебен ты!
Преображаешь ты железные пласты
В машины умные. Искусник наш Сельмаш,
Осуществляешь ты колхозников мечты...

Салам, салам тому, кто создал счастье нам!
Ударникам труда, умелым их рукам,
По солнечным полям идущим тракторам,
Салам, салам тебе, великий наш Сельмаш!

Строки эти полны живого значения для каждого узбека. Ведь комплексная механизация освободила много времени у сотен тысяч людей, позволила превратить Узбекскую республику в гигантскую школу, повысила урожай, дала возможность оросить и освоить больше миллиона гектаров новых земель и дает возможность превращать еще большее количество земель из пустыни в цветущие оазисы.

20. НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВОДЕ

Поезд идет из Янгиюля на юг. Он пробегает по железнодорожному мосту через Сыр-Дарью, минует станцию Вревскую, известную своими племенными хозяйствами крупного рогатого скота и молочным заводом. В одном из этих племхозов ведется интересная работа по выведению новой породы скота от скрещивания остфризских коров с племенными производителями зебу. Вревская остается позади. Еще несколько станций, несколько крошечных оазисов, и начинается Голодная степь.

Ранней весной, едва сходит снег, большая, еще не освоенная часть Голодной степи покрывается пышной травой, зарослями гигантских зонтичных растений, тюльпанами и другими цветами. Легионы птиц прилетают сюда. Черепахи выползают из нор. Казахские пастухи пригоняют стада, и степь оглашается песней и шелканьем пастушьих бичей. Но к исходу мая блекнут краски, выгорает трава, улетают птицы, черепахи прячутся в норы, пастухи угоняют стада. Голодная степь и впрямь становится голодной — безжизненной и пустынной. На ее глинистой, потрескавшейся от солнца земле кое-где виднеются лишь кости животных да разметанные ветром высохшие стебли зонтичных, которые издали белеют тоже как кости.

Здесь, в плодородной, но безводной и поэтому бесплодной степи, особенно остро понимаешь, что значит в Узбекистане вода.

Только в Средней Азии могла родиться поговорка: «Если не можешь не плакать, хоть слезы свои собери», — так ценилась каждая капля воды. И чтобы воду в оазисах расходовать бережно, народ издревле имел специальных людей: арыкаксакалов и мирабов.

Я вспоминаю мираба Мухиддинова — одного из наставников моего отрочества. Честным распределением воды он снискал себе такое доверие, что люди обращались к нему за советом по самым разнообразным житейским делам. Нас, ребяташек, Мухиддинов неустанно обучал кодексу восточных приличий. Уважение к воде занимает в этом кодексе не последнее место. Я запомнил, например, что в Узбекистане дуть на чай неприлично, налить в пиалу чай до краев — значит проявить невоспитанность и неуважение к гостю. «Капля воды — драгоценный алмаз», — этой фразой, которая, видимо, была полна для него глубочайшего смысла, заканчивал обычно Мухиддинов с нами, ребяташками, свои беседы о воде. Но особенно запомнилось мне одно его выражение: «Сердце у сердца воду пьет». Так в образе воды он олицетворил самое святое в жизни — дружбу, любовь. Нам, ребяташкам, Мухиддинов казался справедливейшим человеком.

Но теперь, много лет спустя, когда на место романтических представлений юности пришли реальные представления жизни, когда самого Мухиддинова давно нет в живых, каюсь, я стал сомневаться, был ли Мухиддинов и впрямь так справедлив, как казалось. Не была ли его справедливость вынужденной? Ведь его земельный участок находился на самом хвосте оросительной сети. Вода приходила в его сад, когда все другие сады нашего района были уже ею напоены. Передай Мухиддинов кому-нибудь немного лишней воды, и его собственный огород и виноградник засохли бы. Раньше в Узбекистане нередко мирабами назначали людей, чья земля была на хвосте арычной системы. Так народ пытался оградить себя от злоупотреблений с водой при помощи той же воды.

И воевали здесь иногда тоже водой. Армия китайского императора, которая вторглась в Давань (Фергану) в первом веке до нашей эры, имела в своем составе специальный род войск: мастеров отвода воды. Осадив столицу Давани Гуй-Шань (древний Коканд), китайцы отвели от города воду, и гуйшаньцам не оставалось ничего иного, как запрашивать китайцев об условиях сдачи. Первобытная мотыга — кетмень — иногда оказывалась тут более грозным оружием, чем меч и копье.

Говоря о воде, узбекский дехканин обычно приводит старинную поговорку: «Вода — зеркало повелителей», — и с презрением поминает имя известного своей жестокостью бухарского эмира Шах-Мурада. Это тот самый Шах-Мурад, который при жизни отца ходил по базарам в одежде кающегося грешника, повесив на шею шашку, громко плача и прося у всех прощения за бедствия, причиненные народу его отцом Даниял-баем. Сделавшись эмиром, он первым делом захватил воду, начал назначать мирабов по своему произволу, и должность мираба стала едва ли не самой выгодной в государстве.

Рассказывают, что во времена Шах-Мурада был мираб, который продавал поливную воду необыкновенным способом. Множество кув-

шинов разного размера стояло у шлюза, где торговал водой этот мираб. Цена самого маленького кувшина равнялась барану, самого большого — косяку коней. В днище каждого кувшина было просверлено крошечное отверстие. Получив плату, мираб зачерпывал полный кувшин воды и одновременно открывал шлюз на канале. Он держал шлюз открытым, пока вода, сочившаяся тонкой струйкой из днища кувшина, не вытекала вся. Тогда он закрывал шлюз. Кувшины служили этому мирабу водяными часами и вместе с тем весами воды.

Воду в Средней Азии захватывали и продавали, из-за воды дрались, воду воровали, несмотря на то, что по шариату вода была объявлена даром аллаха, который не может принадлежать никому. Но в Средней Азии случалось даже, что калым за девушку уплачивали водой; воду давали в долг под проценты мирабы-ростовщики. И с боев за воду начала молодая советская власть социалистическое переустройство узбекских оазисов.

В 1929 году бродил я однажды в Ташкенте по одному из старых кладбищ. Мое внимание привлекло надгробие: оно отличалось от соседних новизной. Солнце и ветер не успели еще выщербить обожженных кирпичей, из которых оно было сложено. Как и на других, на нем была надпись, начертанная арабским шрифтом. Но слова этой надписи были неожиданны и удивительны. Они были освящены кровью, смертью и дыханием недавних событий, все величие которых только теперь, отступя, мы начинаем по-настоящему понимать.

На памятнике было написано: «Солнце — отец, а вода — мать урожая. Ты боролся, товарищ Юнусов, за то, чтобы вода принадлежала народу. Клянемся, мы отберем у твоих убийц и воду и солнце».

Тщетно расспрашивал я на следующий день о товарище Юнусове работников музея. Они ничего не могли о нем рассказать. Тогда я обратился к первому попавшемуся старику-узбеку. Он продавал черешни, сидя на улице возле резной калитки своего дома. Он сразу понял, о чем и о ком я спрашиваю: еще бы, у него был сад, значит всякое событие, связанное с водой, было для него интересным, кровно его касалось, запоминалось на всю жизнь.

Вот что поведал мне старик о смерти Юнусова, если коротко пересказать: жил-был на свете товарищ Юнусов; ему не исполнилось и двадцати трех лет, когда его в 1925 году назначили инструктором по проведению земельно-водной реформы; баи, фактически владевшие водой, пытались его подкупить; он возвращал присылаемые ими подарки обратно; тогда баи подстерегли его, застрелили, а сами ушли к басмачам.

Короткая жизнь. Трагическая, но по тому времени не такая уж необыкновенная смерть. Я помню, как в Ферганской долине в тот же год земельно-водной реформы баи утопили инструктора, умертвив его четырежды: они утопили его в магистральном канале, потом вытащили и откачали, вновь утопили, опять откачали — так четыре раза, пока не

утопили совсем. Баи эти были учениками придворных палачей Востока, горячая фантазия которых додумывалась и не до таких изуверств. Это было время ожесточенной классовой борьбы. А национализация магистральных каналов значила для судеб Узбекистана не меньше, чем национализация земли. Люди, державшие ключи от воды, были хозяевами жизни и смерти всех людей, живших вокруг. Добровольно, без боя, они никогда не отдали бы народу эти ключи. И народ в борьбе за воду повел против мирабов и баев решительные бои, увенчавшиеся полной победой.

Двадцать с лишним лет прошло со дня смерти Юнусова. Давным-давно его друзья отняли у его убийц воду. Надо думать, они отняли у них и солнце. И они сложили ему самый грандиозный памятник, о котором может мечтать человек.

Посмотрите на молодую, неокрепшую зелень деревьев над новыми каналами, прорезавшими пустыню. Вспомните острогрудых чаек, пронзительно кричащих над вспененными волнами Катта-Курганского моря — нового моря, построенного среди пустынных степей. Ведь отвоевывая землю себе у пустыни, узбеки прорыли сотни каналов и построили даже целое море, подобно тому как некогда голландцы, отвоевывая свою землю, уничтожали море, отодвигали его.

У пустыни отвоевать землю столь же трудно, как и у моря. В течение столетий вел борьбу с морем голландский народ, и весь мир начал славить его трудолюбие и упорство. Восславим же трудолюбие и упорство узбеков! Своим трудовым подвигом они уже давно затмили голландцев и оставили их позади. Населения в Голландии больше, чем в Узбекистане, и, однако, не за столетия — всего за четверть века узбеки отвоевали у пустыни больше земли, чем голландский народ отвоевал у моря за много веков. Свыше миллиона гектаров оросили узбеки со дня смерти Юнусова. Около трети всей территории Голландии — величина этой вновь орошенной земли.

И это только начало. Узбеки принялись теперь за сооружение новых каналов, в частности вместе с казахским народом взялись за орошение той пустынной степи, которая по площади почти в два раза больше Голландии, — Голодной степи.

21. В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

В 1949 году недалеко от города Мирзачуля, в уютной чайхане на развилке дорог, связывающих между собой новые селения Голодной степи, мне довелось увидеть такую картину. На паласе — расшитом толком ковре — тесным кругом сидели юноши и девушки, нынешние хозяева Голодной степи, отдыхая после работы, слушая с жадностью старика-чайханщика. Он исполнял популярную в Узбекистане поэму «Хасан-батрак», сложенную народным певцом Пулканом-Шаиром.

В поэме этой прозаический рассказ сменяется песнями. Вдохновенно блеснули глаза чайханщика, когда он, подыгрывая себе на сазе, пел:

Миновало время черных гроз,
В воздухе струится запах роз.
Погляди, какая жизнь у нас:
Стал миллионером наш колхоз!
Не узнать родного кишлака,
Юрты белые, как облака,
Овцы жирные, а шерсть тонка,
Много шерсти, много молока!..

Лицо чайханщика показалось мне удивительно знакомым, и я вспомнил, что видел его за несколько лет до того на Фархадском строительстве.

В Узбекистане чайхана всегда была средоточием общественной жизни. Быть может, поэтому так естественно вошло в быт чайханы радио и стало такой же неотъемлемой ее принадлежностью, как и поочередно кипящие самовары. Но тот чайханщик, которого увидел я в Голодной степи, окруженного молодежью, был не обычный чайханщик. Это был человек, который любил все молодое и не любил жить в тишине. Ему по сердцу был шум больших работ, скрежет экскаваторов. Получая всякий раз разрешение артели, он перевозил чайхану с места на место — на самые крупные стройки республики: побывал на строительстве Ляганского и Большого Ферганского каналов, на строительстве Катта-Курганского водохранилища, на Фархадстрое и, наконец, приехал в Голодную степь. Ведь Голодная степь стала в Узбекистане местом, куда стремятся тысячи людей, чтобы самим участвовать в работе по коренному изменению природы своей республики.

Вопрос об орошении Голодной степи имеет свою историю.

Первый оросительный канал в Голодной степи начал сооружаться еще в 1872 году под руководством царской администрации. За семь лет был прорыт тринадцатикилометровый арык, и потом «за неимением средств» работа брошена. С 1883 года за орошение Голодной степи взялся великий князь, «сосланный» в Среднюю Азию за kleптоманию. В мае 1891 года на открытии нового 27-километрового канала состоялся грандиозный молебен и была пущена вода. Через три дня после торжества воды Сыр-Дарьи прорвали дамбы и разрушили канал. Единственная память об этом событии — видная издалека длинная цепь холмов, меж которых можно угадать глазом остатки канала. Дехкане зовут эти холмы Бухар-арыком.

В начале нынешнего века концессию на орошение Голодной степи и Кара-Кумов пытался получить у царского правительства миллионер-американец Джон Гаммонд. К счастью для узбекского народа, царское правительство отказало американскому миллионеру, думая, впрочем, не о судьбе народов Средней Азии, а лишь о собственной выгоде. Так или иначе американским империалистам не удалось проникнуть в Среднюю

Азию и подчинить ее себе экономически, как это им удалось в некоторых других странах, ввергнутых из-за этого в пучину разрухи, бедствий и нищеты.

Перед первой мировой войной царской администрацией была закончена постройка еще одного, тоже небольшого, канала. И в Голодной степи появился, наконец, маленький оазис Мирзачульский. В оазисе этом выросли переселенческие села. Хозяйничали переселенцы по старинке: «после меня хоть трава не расти». Трава и впрямь не росла после их хозяйничания: грунтовые воды выносили на поверхность земли соли — пашня превращалась в бесплодный солончак, переселенец бросал ее и в следующем году пускал оросительную воду на новое поле.

По-настоящему, с размахом и с любовным, бережным отношением к земле, взялись за орошение Голодной степи лишь при советской власти. Сразу же после революции, весной 1918 года, Ленин подписал декрет «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». Декретом этим предусматривалось и орошение пятисот тысяч десятин в Голодной степи. Трудные условия гражданской войны несколько отодвинули эту работу. Погоня существующий в Голодной степи канал был во много раз удлинен, он носит теперь имя товарища Кирова. Мирзачульский оазис стал разрастаться. Посреди него выросли пакгаузы станции Голодная степь, около них — городок Мирзачуль. Отсюда, из этого оазиса, начало готовиться генеральное наступление на Голодную степь.

Осенью 1948 года колонны экскаваторов вышли на строительство Южного Голодностепского канала. И когда из Сыр-Дарьи, из Фархадской ирригационной системы в Голодную степь хлынула вода, весь Узбекистан услышал голос комсомольцев Андижана — родины знаменитых мастеров хлопка. Они обратились с призывом к молодежи Узбекистана переселиться в Голодную степь, навсегда стереть это название с географических карт. Десятки тысяч молодых колхозников откликнулись на призыв андижанцев.

Станция «Голодная степь» стала самой оживленной, самой молодой и веселой станцией в республике. Со всех концов Узбекистана начали прибывать сюда эшелоны с молодежью. Вся страна заботилась о переселенцах. С Алтайского тракторного завода русские рабочие прислали тракторы, из Иркутской области — лес, из Поволжья — вагоны с оконным стеклом, из Иванова — цветные платки. Молодежь Ташкентской обувной фабрики изготовила сверх плана 3 500 пар сапог для переселенцев. А комсомольцы Ташкентского экскаваторного завода во внеурочное время сделали экскаватор и послали его в дар новоселам Голодной степи.

Ведь тут надо было на пустом месте создавать все. Даже тень, и ту нужно было предусмотреть, запроектировать: тень в поселках, на полевых станах, вдоль дорог, чтобы люди могли отдыхать после работы в тени.

Романтика покорения Голодной степи комсомольцами хорошо передана в повести молодого писателя Рахмата Файзи. Участник событий, он написал о Голодной степи свою первую прозаическую повесть «В пустыню пришла весна». Той же теме покорения Мирзачуля посвящена и широкоизвестная комедия Абдуллы Каххара «Шелковое сюзанэ».

Мирзачуль — узбекское наименование Голодной степи. Происхождение этого слова не лишено интереса. «Чуль» по-узбекски значит «пустыня», но если перевести буквально — «безводье», или еще точнее — «жажда»: от глагола чулламок — жаждать. Как видно, и в древние времена, когда складывался язык, не пустота поражала в пустыне жителя Средней Азии, а именно отсутствие воды. На границе некоторых среднеазиатских оазисов можно и сейчас увидеть табличку с надписью: «Су ал» — «Не забудь взять воды». Не забудь, путник, взять воды, ибо здесь кончаются культурные земли, начинается жажда, жаждущая земля!

Итак, чуль — это пустыня, а мирза, в переводе — писец, грамотный человек. Значит, Мирзачуль — Пустыня Грамотного Человека. Почему ее называют так — сказать трудно. Одно ясно: в течение веков неграмотных людей, бороздивших пространства этой пустыни, было больше, чем грамотных, в несоизмеримое количество раз. И только теперь, в самые последние годы Голодная степь превратилась и впрямь в Пустыню Грамотного и к тому же Ученого Человека.

Когда приезжаешь в «столицу» Голодной степи, в новый город, который тоже называется Мирзачуль, и сходишь с поезда, прежде всего в глаза бросаются возле станции штабеля досок, бревен, кирпича, мешки с цементом, груды камня, гравия, извести. Их видишь и на грузовиках, что разбегаются от станции по улицам города. О стройке говорят всем видом своим и сверкающие шифером крыши новых домов, и нежная зелень парка, что мирзачульцы начали разбивать от центра города на большом пространстве до канала имени Кирова, и даже две-три прислоненные к стене столовой малярные кисти: возвращаясь с работы, маляры зашли в столовую отдохнуть, выпить чашку чаю.

Каждый приехавший в Мирзачуль, внимательно осматривая город, быстро составит себе картину жизни, что расцвела вокруг города в преобразенной степи. Степь ожила, и в Мирзачуле появилась машинно-дорожная станция; ее рабочие, управляя бульдозерами, грейдерами, катками и автомашинами-самосвалами, прокладывают дороги между новыми поселками в Голодной степи.

Но еще раньше — до того, как степь ожила, были созданы в Мирзачуле две станции, без которых нельзя было и думать, чтобы Голодную степь оживить, — машинно-экскаваторная станция и научно-исследовательская станция по борьбе с солончаками.

Прежде, когда в Средней Азии о человеке хотели сказать, что он занят заведомо бесполезным делом, о нем говорили «выращивает розы на

Знатная колхозница комсомолка Лола Ирбутаева на своем поле в Голодной степи.

Хлопкоуборочные машины вошли на поля.

Электрокультиватор на хлопковом поле.

В мартеновском цехе Узбекского металлургического завода.

солончаке». В Голодной степи эта фраза зазвучала по-иному. Здесь появилось много любителей выращивать розы на солончаке: вся Голодная степь доныне была в некотором роде большим солончаком, так засолены ее земли. Да и не только розы — много других цветов и плодовые деревья, хлопчатник, люцерну, овощи теперь «выращивают на солончаке» озеленители Мирзачуля.

Однако, чтобы самому вдохнуть аромат голодностепских роз там, где вчера белела лишь соль, следует поехать в Гюлистанский район. Района этого нет еще на географических картах. По мере того как узбекский народ оживляет пустынные земли, в республике появляются новые районы. Только в 1952 году в Узбекистане было образовано семь таких новых районов. Гюлистанский — один из них.

Гюлистан в переводе — Земля цветов, Розовый сад. Название это подсказал комсомольцам Саади, великий таджикский поэт XIII века, написавший «Гюлистан» — книгу, известную всему миру. О том, как он работал над «Гюлистаном», сам Саади писал так:

«И сказал ему я: «Для радости тех, кто читает меня, для развлечения тех, кто находится здесь, я соберу книгу — «Цветник роз» я составлю. На листы моей книги не подуют холодные вихри, не обратит смена времён её светлой весны в унылую осень... И вот, еще розы в саду не осыпались, а «Розовый сад» был уже мною написан».

Именем этой поэтической книги, «Землею роз», и назвала свою новую родину переселившаяся сюда молодежь.

Сурово встретила новоселов их новая родина. Вот какой увидел ее Рахмат Файзи, приехавший сюда впервые ранней весной: «В низинах влага растворила соль и почва была темной, зато на возвышенных местах соль лежала сплошным слоем, и издали казалось, что там вверх мездрой были наброшены невыделанные бараньи шкуры».

Солоно приходилось вначале людям на этой земле. Надо было прежде всего ее всю промыть — промыть не раз, не два, а изрядное количество раз, — чтобы вода растворила соль и до последней крупинки ее унесла. Войну с солью, грандиозную, достойную того, чтобы воспеть ее пламенными стихами, начала в Голодной степи советская молодежь. И с первого же дня у нее в войне этой были опытные и деятельные руководители.

Мирзачульцы — ученые, работники научно-исследовательской станции по борьбе с солончаками — обучили новоселов изобретенным ими новейшим методам промывки земли. Задрожала земля под экскаваторами, бульдозерами и скреперами мирзачульской машинно-экскаваторной станции, механизмы эти двинулись в глубь Голодной степи и начали прорывать дренажные каналы, дренажные колодцы, зауры, понижая уровень грунтовых вод, не давая им вновь выносить жгучие соли на поверхность земли. Научные сотрудники мирзачульского опорного пункта плодово-ягодного института Академии наук УзССР передали новоселам саженцы выведенных ими сортов фруктовых деревьев, таких, что не боятся соли и могут давать яблоки, и персики, и абрикосы на этой новой земле. Мирза-

чульские селекционеры передали новым колхозам солеустойчивые сорта хлопка, выведенные специально для Голодной степи.

И соль была побеждена. На весь Узбекистан прогремело имя девушки-узбечки Лолы Ирбутаевой из колхоза «Красная заря» Гюлистанского района, которая сумела вырастить в Голодной степи урожай в 102,6 центнера хлопка с гектара, и на груди ее заблестела звездочка Героя Социалистического Труда. В степи стали протягиваться коричневые нити все новых каналов. Поселились певчие птицы в рощах, посаженных комсомольцами. В голодностепские озера Урунбай и Чибантай была выпущена и акклиматизировалась там нутрия — ценный пушной зверек. По вечерам в степи стали загораться ожерелья электрических огней новых поселков, видные издали за много километров. И в ночной прохладе садов над розами, как и положено им на Востоке, запели, засвистели, защелкали соловьи, славя вседержительницу любовь.

«Мускус — то, что обладает ароматом, а не то, о чем москательщик утверждает, что это мускус». Эти слова из «Гюлистана» вспомнил и сказал Алазари Байтураев, комсомолец, звеньевой того же колхоза «Красная заря», когда в феврале 1953 года услышал в Ташкенте на курултае хлопкоробов, что прославленный своим хлопководством Янгиюльский район не выполнил плана по хлопку. И юноша вызвал на соревнование известного янгиюльского молодого колхозника Мелибая Мирзакаримова из колхоза имени Ленина. Для янгиюльцев это было величайшим стыдом. Каждый в Узбекистане понимает, насколько легче вырастить хлопок на плодородных, культурных землях Янгиюля по сравнению с просоленными землями Голодной степи! Осенью 1953 года вся республика с волнением следила за исходом этого соревнования.

Люди, живущие в Голодной степи, говорят что в последнее время здесь как-то особенно много играется свадеб. Вероятно, потому, что переселялась на земли эти главным образом молодежь, большей частью еще не женатая. Первые годы, когда нужно было делать все одновременно: рыть арыки, промывать землю от соли, превращать ее в хлопковые поля, сажать деревья, строить школы, дома, — свадеб было маловато. Но вот люди обстроились, земля зацвела. И, словно подчеркивая прочность новой жизни во вчерашней пустыне и праздничную устроенность этой жизни, вслед за повосельями в Голодной степи пошли свадьбы: тоже новые, комсомольские свадьбы, свободные от тягостных дедовских обычаев, от калыма, от нелепых обрядов.

В выходной день утром «свадебный посзд», состоящий из автомашин, мчится в загс в Мирзачуль. А вечером, у себя дома — веселая товарищеская пирушка, шутки, молодежные песни. И разве лишь из озорства кто-нибудь вспомнит да затянет посреди свадьбы, ко всеобщему веселью и смеху, старую свадебную песню-плач «Яр-яр» о слезах невесты, насильно увозимой из родимого дома:

Жеребенок ржет в горах,
Хочет быть конем, яр-яр!

А невеста слезы льет —
Покидает дом, яр-яр!

II молодежь, хохоча так, что стекла дрожат, подхватывает:

Эй, пой, запевай, душа!
Каждый миг лови, яр-яр!
Кто упустит миг, того
Ты глупцом зови, яр-яр!

В этих устах, на этой обласканной человеческим трудом, расцветшей земле и старая песня зазвучала по-молодому.

В ближайшие годы узбекский и казахский народы отвоюют у Голодной степи еще сотни тысяч гектаров. Однако строительство в Мирзачуле — Пустыне Грамотного и Ученого человека — это лишь часть другого строительства, которое началось раньше и имя которого в Узбекистане давно стало заветным, заставляя быстрее биться сердца.

22. У ОБАЛ ФАРХАДА

Оно развернулось. это строительство, там, где Сыр-Дарья, то коричневая, то мутножелтая, то пепельно-серая, прорвавшись сквозь хребты из Ферганской долины, выбегает в Голодную степь, на древнем перекрестке, вокруг которого в течение веков немолчно гремяли, стонали, звенели и переливались колокольцы верблюдов. Здесь некогда расходиться три караванных пути. Путь на север, в Ташкентский оазис, и оттуда ниточками троп во все концы безбрежной степи. Путь на восток, в благодатные города Ферганской долины. Путь на запад, в долину благословенного Зарафшана, откуда дороги расходились и в древний Мерв, и в Шахрисябз, «восхищающий сердце» и в «страну света» — Хорезм.

Говорят, что бродячие певцы, которые задерживались на этом перекрестке, слагая для проходящих караванов легенды и песни, не прикасались пальцами к струнам дутаров, ибо от верблюжьих колокольцев весь воздух над степью звучал, будто гигантский дутар. Именно здесь, в степи, у подножья голых скал, на берегу Сыр-Дарьи, вспененной и взъерошенной на порогах, сложена прекраснейшая из легенд узбекского народа — легенда о каменотесе Фархаде, который, чтобы завоевать сердце любимой Ширин, хотел оросить Голодную степь водой Сыр-Дарьи.

Легенду эту караваны разнесли по всему Востоку. В далеком Герате величайший из узбекских поэтов Алишер Навои написал на тему этой легенды свою знаменитую поэму «Фархад и Ширин». Переписанная рукою лучших каллиграфов и полуграмотною рукою любителей, его поэма дошла до нас во множестве списков. Почти пять столетий из оазиса в оазис кочевала она. Образ Фархада — сурового узбека-строителя —

возникал перед глазами слушателей, окружавших чтеца то в Хорезме, в широколиственной тени придорожных вязов, то в маленьком самаркандском дворике при свете тлеющих углей очага. Но всю свою силу, всю полноту, всю взволнованность страсти этот образ обрел только теперь у себя на родине. Недаром в музыкальной драме Уйгуна «Поступь веков» строители Фархадстроя поют: «Фархады мы, пришли сюда к стоящим здесь Ширин».

Когда немецко-фашистские полчища устремились в глубь Украины и захватили металлургические заводы юга, а на Днепрогэсе загремели взрывы, эти взрывы отозвались болью в сердце каждого советского человека. И Советское правительство именно в это время решило построить в Узбекистане электростанцию таких же масштабов и первый узбекский металлургический завод, а заодно осуществить и мечту Фархада — напоить водой Голодную степь.

Постановление о начале Фархадского строительства было подписано Иосифом Виссарионовичем Сталиным 18 ноября 1942 года, за день до начала грандиозного наступления Советской Армии под Сталинградом. Началась великая битва у стен Сталинграда, и одновременно началась трудовая битва у скал Фархада. Такова была уверенность вождя народов в победе в самые грозные для страны дни. Шестьдесят тысяч колхозников вступили первыми в фархадскую битву. Дальше, словно в грандиозной всенародной эстафете, их сменили вторые, третьи. Нет в Узбекистане колхозника, который хоть раз не побывал бы на Фархадском строительстве.

В управлении Фархадгэса поныне обычны телефонные возгласы: «Центральная, дайте Самарканд!.. Почему Кашка-Дарья молчит?.. Девушка, соедините с Наманганом!..» Человек несведущий может подумать: «Ого, со всей республикой разговаривают фархадцы!» Да, со всей республикой, ибо вся республика представлена в городе Беговате. Уж так повелось в годы строительства: убран на полях хлопок, колхозник торопится в Беговат. И каждый приезжал на свой участок строительства. Тогда-то в Беговате и родились районы, которые поныне называют Самарканд, Андижан, Наманган, Фергана...

Андижанцы построили бетонную плотину на Сыр-Дарье, сурхандарьинцы — головное сооружение деривационного канала, самаркандцы — деривационный канал и под руслом его проложили новый путь для реки Ширин-сай, заковав ее в бетонные трубы, наманганцы — котлован и здание Фархадгэса, кашкадарьинцы — бетонный завод, бухарцы — кольцевой вододелитель, гравийный завод. И все вместе трудились они над строительством земляной плотины, за которой разлилось чудесное озеро шестидесятикилометровой длины.

Строительное искусство этих колхозников раньше состояло лишь в умении лепить из земли гуалья — комки эллиптической формы. Смазывая их лоем — той же землей, смешанной с мелконарубленной соломой и смоченной, они возводили стены своих глинобитных жилищ. Когда на-

чали строить металлзавод, на нем было только двадцать девять квалифицированных рабочих-строителей. В Беговате их выросли тысячи. Их обучали украинские электросварщики и бетонщики, волжские слесари и экскаваторщики, уральские монтажники и металлурги.

Бывший пекарь Хафиз Ганиев стал учеником прославленных алапавских металлургов, сменил печь, в которой он пек хлебные лепешки, на печь, в которой варит высокосортную сталь, и сделался известным в Узбекистане мастером скоростных плавок. Колхозник Гулам Арзыкулов, ученик русских рабочих, прославился как лучший бурильщик Фархадстроя. Таких людей, овладевших новыми профессиями, в Беговате несчетное множество.

Недаром известный турецкий революционный поэт Назым Хикмет, написавший на сюжет Фархада и Ширин пьесу «Легенда о любви», предоставил право первой постановки этой пьесы на языках народов СССР народу, строившему Фархадгэс, — узбекам, Узбекскому Государственному драматическому театру имени Хамзы.

Поднимитесь на фархадские скалы. Грандиозный отсюда открывается вид. Как нарисовать это зрелище? Какими красками передать голубовато-золотистый тон среднеазиатского неба, отсвет которого ложится на реку, на постройки, раскинувшиеся гигантским полукольцом, на работающие в разных концах автомашины, деррик-краны, мотовозы, транспортеры, паровозы, на яркие одежды людей!

С фархадских высот вы видите простершийся среди железных и гравийных дорог новый город Беговат, слегка затуманенный дыханием многочисленных предприятий. Он не совсем освободился еще от временных бараков строителей, за которыми белеют новые здания со своеобразными сводчатыми куполами. В городе выросли целые кварталы таких новых зданий, разбросанные на громадном пространстве, и меж них, словно язычки зеленого пламени, виднеются молоденькие тополя, придавая пейзажу акварельную свежесть.

Молодые тополевые, карагачевые и кленовые рощи зеленеют огромным кольцом вокруг Беговата. Деревья здесь имеют особое значение. Беговат вырос в долине, которую в Узбекистане называют «долиной вечных ветров». Тут нередки и штормовые ветры. В дни строительства фархадцы шутили: «Это не ветер, а дыхание шестидесяти тысяч строителей!» Защищаясь от ветров, беговатцы окружили свой город кольцом новых рощ и садов.

С высоты фархадских скал вы видите и укрощенную Сыр-Дарью. Могучая река, выбегая на просторы Голодной степи, описывает полукруг. Она напоминает дугу необъятного лука, тетивой которого является четырнадцатикилометровый деривационный канал. Может быть, поэтому народные сказители и величают Беговат «луком Фархада».

Подобно стрелам, выпущенным из этого богатырского лука, прорежут Голодную степь еще десятки новых крупных каналов. И там, где пролетят эти волшебные стрелы, во вчерашней пустыне зазе-

ленеют сотни и тысячи новых хлопковых плантаций, закипят листвою деревья, возникнут кровли жилищ, зазвучит текущий говор тысяч людей.

Вдалеке вы видите и корпус Фархадгэса. Отсюда, с этого древнего перекрестка караванных путей, где в течение веков немолчно гремели, стонали, звенели и переливались колокольцы верблюдов, ныне бежит по проводам электрический ток. Линии фархадских высоковольтных передач даже в инженерных отчетах именуют тут «косичками Ширин».

С фархадских скал вы видите и корпуса первого узбекского металлургического завода, над которым время от времени взлетают белоснежные облачка пара. Мартеновский цех завода дает сталь, работает прокатный цех.

Хорошо описан узбекский металлургический завод в повести Аскада Мухтара «Там, где сливаются реки».

«А гул печей нарастал с каждым шагом. В конце концов он стал таким мощным, что гудок проходившего мимо паровоза показался Манзуре не громче обыкновенного свистка.

Через огромные ворота они вошли в цех, высокий и такой просторный, что люди, находившиеся у ковшей, издали казались маленькими, будто смотришь на них через обратную сторону бинокля.

Манзура с интересом оглядывала цех. Вот под потолком висячий мост — подвесной кран. Когда «мост» приходит в движение, кажется, что он тянет за собой половину потолка цеха и все вокруг начинает перемещаться. С многотонным ли ковшем, с формой ли передвигается кран, он заставляет дрожать весь цех. Если же подойдет время освободить канавы от только что отлитых стальных болванок, напоминающих огромной величины раскаленные угли, и заработает сразу несколько кранов, то от круговорота непрерывных движений механизмов, сопровождаемого шумом и грохотом, у непривычного человека может закружиться голова. Между тем, если не считать двух рабочих, помогавших подхватывать груз, со всей этой сложной богатырской работой справляется всего-навсего один крановщик.

Крановщиком этой смены была молоденькая девушка, обличьем похожая на казашку. Освободив незаметным снизу движением могучий железный крюк крана от тяжелого груза, девушка с десятиметровой высоты приветливо кивнула проходившим».

На всех сооружениях Беговата лежит печать современной технической мысли. Но Сыр-Дарья — не Днепр и не Волга. У нее бешеный нор. И укротить ее удалось, не только обучая людей современной инженерии, не только смело дерзая в технике, но используя и опыт народных мастеров, тот опыт, что накопился в Средней Азии за тысячелетия. Один такой эпизод интересно рассказать.

Случилось это зимой 1943/44 года. Очертания основных фархадских гидротехнических сооружений — гигантской плотины, дамбы и других —

тогда уже начали вырисовываться среди хаоса развороченной земли. Настала пора перекрыть старое русло Сыр-Дарьи. Но тут оказалось, что обычные опорные металлические конструкции, какие употребляли до этого на других реках, не годятся, чтобы преградить путь бешеной Сыр-Дарье.

Инженеры взялись было технически решать наново эту задачу; сроки затягивались. Тогда коммунисты — руководители стройки — решили испытать искусство работавших на Фархаде мастеров-сипайчи: поручили им перекрыть русло Дарьи народным способом — с помощью теревянных сипаев.

И вот однажды утром, в зимний день, когда хлестал ледяной ветер, на обоих берегах Сыр-Дарьи сгрудились тысячи фархадстроевцев. Все они держали наготове связки хвороста и огромные камни, ожидая сигнала мастеров-сипайчи. А сами мастера, Хамидов и Нишанов, на противоположных берегах реки взобрались на макушки двух обледенетых двенадцатиметровых сипаев.

Сипай — это попросту четыре высоких бревна, свободно связанных наверху и разведенных внизу так, что образуют форму тетраэдра. Меж верхних перекрещивающихся концов бревен каждого из сипаев и устроился мастер, упершись в эти концы спиной, руками, ногами, превратившись как бы в живой рычаг.

Никогда никому еще не приходилось устанавливать сипаи на такой мощной реке. Одежда на мастерах-сипайчи покрылась коркой льда. Мастера волновались не меньше, а может и больше, других. Они знали, что если Дарья опрокинет сипаи, их, мастеров, может с высоты ударить об воду и потом увлечь бешеными водоворотами в глубину.

Однако начало работы сравнительно безопасно. Помощники мастеров устанавливают в дно реки одну за другой ноги сипая. Люди пока еще сильнее реки, ибо она течет свободно меж ног этой древней деревянной конструкции. Сидя наверху, мастер-сипайчи по звуку бревен, по тому, как гудят они под напором воды, угадывает, насколько прочно стали в грунт бревна, угадывает шестым чувством, которое развивается у мастеров каждой профессии. Он командует с высоты:

— Еще-е! Чуть наза-ад! Ле-ве-ей!

Проходят минуты, иногда часы, прежде чем сипайчи, довольный звуком одной ноги, принимается устанавливать следующую.

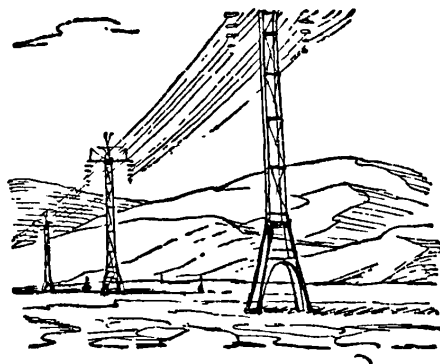
Но вот все четыре ноги установлены. Помощники мастера связали их над поверхностью воды прочной сеткой из проволоки. Оба сипайчи подали знак, и вся масса людей на обоих берегах закипела, зашевелилась. Из рук в руки стремительно потекли к сипаям связки хвороста и тяжелые камни.

Счет пошел на секунды. На проволочную сетку каждого из сипаев за девяносто секунд навалили горы хвороста и камней. Теперь сипаи стали весить по пятнадцати тонн. Но вся эта тяжесть, вся масса камней висела еще над водой. Дарья свободно текла вниз.

Наступили решающие мгновенья. Помощники мастеров обрубали проволоку и бросились в стороны. Тысячи людей затаили дыхание. Со скрежетом вдоль ног сипаев опустились проволочные сетки с грузом. Мощные струи реки забурлили, кинулись ревущей массой на сипай. На их макушках мастера уперлись в концы бревен руками, ногами, спиной: теперь они боролись один на один с могучей рекой. Сипай, на котором сидел Хамидов, покачнулся, — казалось, вот-вот опрокинется, упадет. Мгновенье длился поединок человека с Дарьёй. И Дарья сдалась: мутные водяные валы откатились назад и, разделившись надвое, с шумом бросились в стороны, понеслись мимо. Мастера выпрямились, отирая со лба пот, и жест этот был встречен на обоих берегах восторженным криком тысяч людей.

Вслед за этим мастера начали устанавливать еще и еще сипаи, связывая их между собой. Двенадцать сипаев образовали поперек реки как бы грубую решетку. Потом мастера установили второй ряд сипаев, еще больше решетку сгустив. Опорные конструкции были установлены, и специалисты могли их связать обычными инженерными сооружениями.

Как не вспомнить эту страничку из истории Фархадского строительства теперь, когда строительство давно завершено, когда через приподнятые заградительные щиты гигантской плотины рвутся белые от пены бешеные потоки и в облаках водяной пыли, окутывающей плотину, горит на солнце перекинувшаяся через реку радуга. И все это вместе — древняя легенда народа о Фархаде и Ширин, и красавица плотина, и здание электростанции, и новый город, и вознесшиеся ввысь трубы заводов, и яркие одежды людей, и эта радуга над рекой, — все так слилось в одну цельную сверкающую картину, что уже не скажешь, где тут кончается природа и где начинается творчество человека, где кончается творчество человека и где начинается легенда.

ФЕРГАНСКОЕ КОЛЬЦО

1. ВОРОТА В ФЕРГАНУ

орький аромат полыни и трав наплывает из Голодной степи на фархадские скалы, смешиваясь с запахом бетона, мазута, известки и дыма. Но бывает, из Ферганской долины сквозь ущелье дунет весенний ветер — и вдруг пахнёт благоуханием цветущих садов. Мутные струи Сыр-Дарьи приносят в водослив Фархадской плотины белые и розовые лепестки миндаля и урюка, они кружатся в воронках водоворотов. И это — вестники Ферганской долины. За хребтами, в кольце снежных вершин, лежит эта благодатная долина, о которой еще в X веке географ Макдиси писал: «Это прелестнейшая страна на земле аллаха, богатая деревьями, изобилующая реками, оглашаемая пением птиц».

Поезд идет на восток. Стороною проплывают темнеющие вдали фархадские скалы, трубы заводов. За ними, над ними, и справа, и слева вырастает, разворачивается приближающаяся громада горных хребтов. Почти у самых вершин хребты эти часто задернуты прозрачным туманом.

ном, отчего дальние скалы кажутся как бы висящими в воздухе, лишенными основания. Но и хребты и продуваемое ветрами ущелье, по которому несколько часов идет поезд, уже не узбекская земля. Чтобы попасть на поезде из Ташкента в Ферганскую долину, путешественнику надо пересечь территорию Таджикистана. Он проедет мимо каменистых, угрюмых, обожженных солнцем гор Могол-тау, под которыми несет свои крутящиеся воды Сыр-Дарья. Минует раскинувшийся под противоположным Туркестанским хребтом город Ленинабад и снова въедет на узбекскую землю.

Величественное зрелище открывается отсюда, из этих ворот в Ферганскую долину. С обеих сторон тянутся фиолетовые предгорья. Над ними кулисами высятся горные цепи: сумрачные скалы, похожие на развалившиеся башни и разрушенные стены, меж которых, подобно изваяниям, торчат красные утесы песчаников. И еще выше сверкает третий ряд величайших гор, увенчанных будто прозрачными, пронизанными светом, ледяными вершинами, среди которых свободно плавают облака. А впереди распахивается долина, озаренная солнцем, о которой тот же Макдиси писал, что в ней «не видишь селения, прежде чем в него не войдешь, ибо его заслоняют деревья», долина, которую русские дореволюционные путешественники именовали «жемчужиной Средней Азии», посвящая природе ее пылкие страницы поэтических описаний. Теперь ее обычно величают «долиной белого золота», ибо это основная хлопковая долина республики.

По правилам шарията, мусульманским законам, в течение столетий помогавшим насильнику скрываться под благочестивою маскою справедливости, — по правилам этим люди, живущие исключительно земледелием, лично обрабатывающие землю, именуется ашраф-уль-ашраф — благороднейшими из благородных — и имеют право сидеть по правую руку султана. Конечно же, на деле за полторы тысячи лет истории мусульманских народов дехкане считались недостойными подметать своими бородами пороги султанских и ханских дворцов. По правую руку султана сидели воины, иногда — везиры, муллы и купцы. Окруженная хребтами Фергана знала больше мирных дней, чем другие оазисы Узбекистана, и к мирному труду земледельца тут относились с большим почтением, чем где бы то ни было. Но никогда в Фергане даже люди с самой пылкой фантазией не могли себе и отдаленно представить, что труд земледельца может быть так почитаем, как его почитают теперь.

Спросите любого ташкентца: кого из знаменитых своих современников, жителей столицы, он знает? Он назовет имена крупных государственных деятелей, ученых, рабочих-стахановцев, писателей, артистов. Спросите того же ташкентца: кого знает он из ферганцев? Он назовет Алима Курбанова, Ибрагима Бакирова, Исаметдина Арабова, Ходичу Ахрарову, Нуритдина Абдуллаева и других прославленных хлеборобов, ибо именно они теперь стали тут благороднейшими из благородных.

2. О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ АРЫКИ

Взгляните на карту. Голубая ниточка Сыр-Дарьи окаймляет Ферганскую долину с севера, а полоса густонаселенных оазисов окаймляет ее с юга. Тысячелетия текла Сыр-Дарья по Ферганской долине, не орошая ни одной пашни, ни одного виноградника. Тысячелетия с заоблачных ледников Туркестанского и Алайского хребтов, бросаясь от берега к берегу, мчались к Дарье ее стремительные притоки Исфара, Сох, Шахимардан, Исфайрам. Но вот уже по крайней мере две тысячи лет они в Сыр Дарью не впадают. Куда же девались устья этих горных потоков и рек?

Поезд идет по Ферганской долине сплошным оазисом. Поле тут прилегает к полю, сад — к саду, без перерыва: обработан каждый клочок земли. На этих полях, в этих садах и виноградниках и скрываются устья рек, бывших некогда притоками Сыр-Дарьи. Чем поднимать воду из огромной реки, текущей по дну ферганской котловины, людям куда легче было высоко в предгорьях отвести каналы от ее притоков и пустить воду самотеком, развести ее веером к порогам своих жилищ, в сады и на пашни. Вода речек была до последней горсти разобрана на полив. Южная и восточная части долины превратились в сплошной зеленый пояс. И путешественник, едущий сквозь этот пояс, ни за что не угадает ныне какой арык, блеснувший у глинобитной стены, это все еще «устье» реки Исфары, а какой уже «устье» Соха.

Сох — классическая река Средней Азии. Ни один учебник ирригации не обходится без карты Соха. Крупным потоком сбегает Сох с Алайского хребта, распадается в предгорьях правильным веером на сотню речек-каналов; от них, в свою очередь, густую сеть разбегаются тысячи тысяч арыков. Больше любой другой реки Сох на карте похож на зимнее, свободное от листвы дерево: прямой ствол, от которого во все стороны расходится пышная крона густых тонких ветвей. Мельчайшие звенья этого веера, которых на карте даже и не увидишь — так они малы, тоже представляют собою веера, тысячи вееров. Каждое поле — своего рода веер арычных борозд и гряд. Именно здесь на полях работают люди древнейшей и едва ли не самой опозитизированной профессии в Узбекистане — поливальщики. Полив хлопковых полей — тончайшее мастерство.

Прежде этой работой, подобно тому как чеканкой по металлу или росписью гончарных кувшинов, занимались почти исключительно мужчины. Теперь, когда освобожденная узбекская женщина освоила все творческие профессии, в Узбекистане появились и прославленные колхозные поливальщицы. О них хорошо написал Айбек в романе «Ветер зологой долины». Картина ночного полива — одно из лучших мест этой книги:

«Фергана и ночью красива, когда, как чеканное золотое блюдо, большая луна выкатывается из-за гор и, словно прозрачные, тянутся в небо такие высокие тополя, что на их вершинах мерцают звезды. Тогда от арыков поднимаются шопоты, шелесты и прохлада.

Опершись на рукоятку кетменя, Тансык смотрит на тонкие серебристые струи, бегущие вдоль рядков хлопка. В знойные летние месяцы хлопок поливают по ночам. Растения за день жадно впитывают тепло и свет солнца. Прогретые, пронизанные светом, они хотят пить, и ночью, в прохладе, в тишине, им дают воду.

Вытекая на поле из головного канала, струи ворковали, как голуби, пробегая во тьме под низко поникшими, тяжелыми ветвями джиды. Вода струилась по арычкам, где, засучив штаны до колен, Тансык следила за ее течением. Шаловливый, своенравный поток постепенно подчинился воле умелой и расторопной девушки. Вода разлилась в десятки мелких канавок, а по ним на сотни тоненьких струй, утолявших жажду хлопчатника, истомленного зноем...

Тансык... иногда проходит по вязким междурядьям, и ноги ее скользят; девушка зорко следит, чтобы струи не размыли гребни гряд, не разлились бы, не затопили низин...

Веет ночная прохлада, касается девичьих волос, но Тансык еще вся прогрета дневным жаром, ей душно, время от времени она склоняется к голубым, пронизанным лунным сиянием, струям и плещет в лицо торопливой водой. И вода из ее маленьких крепких ладоней снова убегает в тень, в поле».

Мастер полива — это виртуоз своего дела, человек, который по цвету земли безошибочно угадывает, сколько в ней влаги, по цвету и положению листьев хлопчатника точно определяет, когда пора пускать на поле воду, по температуре воздуха, по влажности его, по направлению ветра, по сотням других признаков угадывает, сколько именно воды нужно сейчас хлопковым кустам. Мало того, мастер полива — это человек, умеющий экономить воду, ибо вода в Узбекистане драгоценней металла.

Летом 1950 года в гостях у колхозников Ферганской долины побывали делегации венгерских и румынских крестьян, побывали и азербайджанские колхозники-хлопкоробы, среди них знаменитая Басти Багирова. И если венгерских и румынских крестьян больше всего поразила здесь, как и в Азербайджане, в Грузии, на Украине — везде, где они путешествовали, новая, социалистическая культура колхозных селений и высокая механизация сельского хозяйства, то азербайджанцев сильнее всего в Фергане восхитило замечательное умение колхозных поливальщиков. Особенно заинтересовало их искусство поливов подгорных участков с разными уклонами, поливы по укороченным бороздам и трубчатые поливы медленной струей.

Каждый год лучшие ферганские поливальщики разъезжаются по оазисам Средней Азии, помогая колхозникам освоить передовую технику поливов. Именно ферганские поливальщики известны всему Союзу как признанные учителя этого мастерства.

Летом 1952 года глаза ферганцев, как и глаза народов всего мира, были обращены к донским степям. Там вступали в строй Волго-Донской

канал и Цимлянское море. И вот в эти волнующие дни к ферганцам неожиданно приехали гости: большая группа агрономов-ростовчан, жигелей районов, куда по каналам должна была хлынуть из нового моря вода. Ростовчане прежде не знали орошаемого земледелия и приехали учиться этому мастерству в братский Узбекистан.

В 1950 году, как раз в те дни, когда у ферганцев гостили азербайджанские хлопкоробы, одно событие заставило поливальщиков Ферганы тоже превратиться на некоторое время из учителей в прилежных учеников. Событием этим было постановление Совета Министров СССР о переходе на новую систему орошения, — постановление, которое открыло собой новый этап в мировой истории орошаемого земледелия.

Существо новой системы орошения, коротко говоря, заключается в следующем. Сильно укрупняются поливные участки на полях, а идущие вдоль полей мелкие постоянные оросительные арыки превращаются во временные, устраиваемые каждый год только на период полива: после этого они заравниваются в зависимости от требований механизации обработки полей и ухода за посевами. Укрупнение поливных участков намного повысило производительность работы сельскохозяйственных машин. Машина стала полной, всевластной хозяйкой на орошаемых полях.

Почти все колхозы Узбекистана перешли на новую систему орошения. И в первых рядах этого народного движения были ферганские поливальщики — признанные мастера. На обрамленной фруктовыми деревьями улице-аллее нового, социалистического поселка колхоза имени Юсупова Сохского района мне довелось увидеть стенную газету, посвященную переходу на новую систему орошения. Наверху этой стенгазеты в качестве эпиграфа были начертаны слова с пожеланием удачи колхозным мирабам и поливальщикам. Эпический смысл этих слов так величав, что их хочется обратить и ко всему узбекскому народу:

Пусть вас удача в пути сторожит,
Где ступит нога — там вода побежит!

3. В КОКАНДЕ

Когда подъезжаешь к Коканду, прежде всего в глаза бросаются плотно уложенные под кровлями железнодорожных навесов, а то возвышающиеся и прямо под небом, прикрытые сверху брезентом горы белоснежных кип хлопка. Осенью на улицах Коканда, как и на улицах других ферганских городов, повсюду видны грузовики с хлопком, они движутся к хлопкозаводам. Но даже если вы посетите Коканд весной, хлопок тоже будет неотступно мелькать перед вами, мелькать на тысячах тюбетеек ведь белые рисунки на черной ферганской тюбетейке очень похожи на стилизованный хлопок. Да и четырехстворчатая форма ферганской тюбетейки — форма широко раскрывшейся коробочки хлопчатника.

Есть посреди Коканда дворец бывшего кокандского хана Худояра — Урда. Его фасад облицован изразцами и украшен порталом с четырьмя башенками. Именно из Урды, с небольшой площади перед нею, лучше всего совершить путешествие по городу.

Прежде всего взгляните отсюда в ту сторону, где меж плоских кровель вырисовываются круглые купола кокандских мавзолеев, медресе и мечетей. Самые старинные из них — медресе Нарбута-Бия и Джума-мечеть, построенные в конце XVIII века, — были свидетелями рождения Кокандского ханства, того феодального княжества, в котором насилие было законом, убийство из-за угла — добродетелью, а система податей была доведена до виртуозности: не только продавец и покупатель, не только каждый входящий и выходящий из города, но даже бедняки, собиравшие на топливо хворост и колючки, должны были платить за это особую подать.

«Греми, слава, трубой, мы дралися за Дарьёй...» — пели на площади перед Урдой солдаты царской армии в 70-х годах прошлого века. Хотя царские власти перенесли административный центр Ферганской долины из Коканда во вновь построенный город Скобелев (нынешнюю Фергану), именно в Коканде с наибольшей ясностью можно увидеть, во имя чего царские войска пришли в Туркестан и за что они «дралися за Дарьёй».

Для этого с той же площади пойдите в противоположную от старинных мечетей и мавзолеев сторону. Вы вступите на широкие, как в Ташкенте, правильно распланированные улицы. Как и в Ташкенте, плотные шапки деревьев здесь осеняют тротуары. Но когда вы пройдёте по этим улицам, облик города предстанет перед вами иным. Своеобразие ему придают разбросанные среди обширных жилых кварталов, ныне уже немногочисленные, но характерные, приземистые кирпичные склады, небольшие гостиные двory, выбеленные известкой, и каменные купеческие дома, какие строились в Ярославле и Костроме, с деревянными резными наличниками, палисадником и цветущим в нем кустом лиловой сирени.

До революции Коканд был главным рынком торговли хлопком в Туркестане. На крытом кокандском базаре, где сквозь камышовые циновки в полумрак торговых рядов пробивались узкие, пыльные, яркие лучи полдня, где чалмы ферганские, бухарские, хивинские, подобно кружевной пене, плыли поверх людского потока, меж них все чаще мелькали соломенные шляпы-канотье и белые пробковые шлемы агентов лодзинских, московских и местных кокандских торговых фирм и компаний.

В те годы в Коканде расплодились люди совсем особой профессии. Это были те из узбеков, о которых выдающийся поэт прошлого века кокандец Гульхани писал: «пять частей он давал тому, кто имел право на двадцать, а пятнадцать прикарманивал», — люди, которых русские торговцы хлопком, даже крупные воротилы-оптовики, вежливо приветствовали «селям-алейкумом» на порогах своих жилищ, провожали в гостиные и предлагали им чашку кофе. О чем шли разговоры в гостиных, догадать-

Колхозный поливальщик.

Так сеют хлопок.

ся нетрудно, если сказать, что спустя несколько дней после такого разговора узбек — посетитель гостиной уезжал из Коканда в глубь Ферганской долины, и переметные сумы, перекинутые через седло его лошади, были туго набиты деньгами.

У каждого такого узбека — скупщика хлопка были свои излюбленные селения. Он знал, что в них делается: кто кому задолжал, кому срочно нужны деньги на свадьбу, на поминки или на обрезание сына, у кого развалился хлев, превосходно знал хозяйство каждого. Обобщающий сбраз дореволюционного ферганского кишлака дал другой знаменитый узбекский поэт прошлого века, кокандец Муками. В своем сатирическом стихотворении «Прощение хану» Муками пишет от имени жителей селения Хафалак:

Саранча кишлак объела, в кишлаке гнездовья змей,
Прямо посреди кибитки кучу строит муравей.
В Хафалаке клещ завелся, пожирающий людей.
Захватил шайтан деревню издевается над ней...

Скупщик хлопка появлялся возле мазанки бедняка-дехканина как раз тогда, когда тому дозарезу нужна была помощь, и давал деньги авансом под будущий урожай хлопка. Стоит ли говорить, что в этих обстоятельствах хлопок шел за бесценок. Дехканин все больше и больше увязал в долгах, пока не разорился, и продавал свой клочок земли баю-соседу. Тысячи дехкан превращались в чайрикеров, работающих за часть урожая на байском хлопковом поле, а то нанимались к баю и в мардекеры, в батраки. Это о мардекерах сложена известная всей Средней Азии пословица, звучащая подобно жалобной песне: «Ах, если бы у меня было пшено да соль, то я сварил бы кашу, да жаль нет масла».

Самые ловкие из кокандских скупщиков хлопка так богатели, что покупали у царской администрации выгоднейшие должности: должность волостного управителя или должность мираба. Русские купцы, скупая баснословно дешево хлопок, наживали миллионные барыши. Но еще больше наживались те, кто набивал переметные сумы скупщиков хлопком пачками денег, несколько кокандских банкиров и в особенности владельцы Русско-Азиатского банка. Именно они были некоронованными владыками Ферганской долины.

Хотя правление Русско-Азиатского банка помещалось в Петербурге, фактически он находился полностью под влиянием американского капитала. Все нити управления этим банком были сосредоточены в руках Герберта Гувера, управлявшего в ту пору вместе с британским капиталистом Лесли Урквартом Русско-Азиатским обществом. А за спиной Гувера стояла финансовая группа Моргана. Американские империалисты наложили уже было руку на узбекистанский хлопок.

И что времена эти тоже ушли в далекое прошлое, лучше всего вам расскажет та же Урда, в которой ныне помещается Кокандский музей. Пройдите по нему. Документы и фото поведают вам не только о про-

шлом, но и о событиях, совершившихся при жизни нашего поколения, событиях, с которых началась нынешняя, советская история Ферганской долины.

После революции, когда в Туркестане была провозглашена власть Советов рабочих, солдатских и дехканских депутатов, в Коканде вспыхнул организованный английской и американской разведкой мятеж. Вдохновителем этого мятежа был сам президент США Вильсон. В так называемых «14 пунктах» Вильсона, опубликованных в январе 1918 года и в официальном комментарии к ним, была сформулирована программа расчленения России, в частности установление иностранного протектората над Средней Азией. Американские империалисты, наложившие руку на узбекистанский хлопок, захотели наложить руку и на все богатства Средней Азии и окончательно поработить народы ее. Подстрекаемые международной реакцией, царские офицеры и купцы вкупе с узбекскими баями захватили Коканд и провозгласили его самостоятельным государством. Однако краснегвардейские отряды рабочих при широкой поддержке ферганских дехкан, железнодорожников и шахтеров сумели быстро ликвидировать «кокандскую автономию».

Руководители мятежа, разбитые наголову, сразу же обнаружили свою истинную сущность — они превратились в вожakov басмаческих шаяк. Шайки эти практически были организованы англичанами, снабжавшими ферганских басмачей оружием и деньгами. «Мы помним и не забудем о крови народной, пролитой в Средней Азии английскими захватчиками и их наймитами, — писал президент Академии наук Узбекистана Т. З. Захидов. — Мы знаем и помним, что даже в те времена, когда Советская страна вышвырнула интервентов с Кавказа и севера, с Дальнего Востока и юга России, английские империалисты еще продолжали засылать в Среднюю Азию убийц и диверсантов и проливали кровь советских людей». Любой человек, проживший в Туркестане те бурные годы, помнит налеты басмачей. Они спускались с гор, чтобы ночью напасть на мирный кишлак, вырезать коммунистов, поджечь дома дехкан, их амбары с хлопком и в зареве пожара вновь скрыться в горах.

Среди рядовых басмачей в ту пору были вчерашние бедняки — чайрикеры и мардекеры, не сумевшие сразу разобраться в событиях. Используя тогда еще живые в каждом сердце лозунги национально-освободительной борьбы, прибегая к обману и запугивая, басмаческие главари вовлекли этих бедняков в свои банды. Надо было раскрыть этим людям глаза, надо было убедить отсталых, темных дехкан, что новая, советская власть не имеет никакого отношения к старому, царскому правительству, что это власть трудящихся. Для этого, наряду с широкими хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями, М. В. Фрунзе, бывший в то время командующим войсками Туркестанского фронта, и В. В. Куйбышев, бывший членом Реввоенсовета, начали вооружать узбекский народ — создавать национальные части Красной Армии.

Событие это, означавшее, как говорил Фрунзе, «уравнение местного

коренного населения в деле защиты социалистического отечества с пришлым европейским населением», произвело глубочайшее впечатление в Средней Азии и нанесло басмачеству сильный удар. Когда Фрунзе объявил вместе с тем об амнистии басмачам, которые сложат оружие, бегство рядовых басмачей из банд приняло такие размеры, что даже крупнейший басмаческий главарь курбаши Мадамин-бек вынужден был прекратить борьбу. Многие помнят день, когда по улицам Ферганы, меж двух рядов столпившихся горожан, вереницей ехали верховые басмачи во главе с Мадамин-беком. Проезжая через площадь, где выстроились войска Красной Армии, басмачи складывали оружие в кучу возле группы всадников, впереди которых на коне, покрытом ковром, сидел Михаил Васильевич Фрунзе, приложив руку к козырьку.

Это было началом конца басмачества. Напрасно англичане, стремясь остановить разложение банд, убили Мадамин-бека, подослав к нему его бывшего помощника Курширмата, напрасно американцы вместе с англичанами пытались спасти басмачество деньгами, оружием: оно было обречено. Когда в Узбекистане были созданы узбекские национальные части Красной Армии, в басмаческих бандах остались лишь горстки людей, запятнавших себя несмыслимыми преступлениями, да бывшие феодальные князьки, да прямые наймиты английской и американской разведки. И плечом к плечу с русскими их окончательно разгромили, добились узбекские национальные части Красной Армии, борясь за грядущий день социализма.

И вот этот день, день социализма, пришел. Американские и английские империалисты, которые не смогли помешать этому, теперь всеми средствами пытаются помешать народам узнать правду о нашей великой Родине. Вот что пишет Абдер-Хаман Бухама, член Всемирного Совета Мира: «То немногое, что мы знали об Узбекистане, было запятнано ложью: редкие доходившие до нас сообщения из этой страны систематически искажались. А между тем там происходят большие события, знание которых было бы полезно, особенно для народов, задыхающихся под гнетом, подобным тому, которым был некогда для Узбекистана царский колониализм. Народы исламистской культуры проявляют исключительный интерес к поразительным преобразованиям, происшедшим в советских республиках с мусульманским населением, еще вчера страдавшим от рабства, нищеты и невежества».

Стоит пройти по Коканду, как образ сегодняшнего дня социализма раскроется перед вами. Хотя Коканд меньше Ташкента и не успевает угнаться за бурным ростом столицы, перемены здесь так же разительны. Не базарные лавчонки и не сохранившиеся с дореволюционных времен купеческие дома и лабазы определяют ныне облик города. Его определяет большая гроздь крупных индустриальных заводов, построенных в том величавом стиле, в каком строятся заводы Советской страны, — светлых, просторных, с обилием стекла, оборудованных великолепными станками-автоматами, окруженных цветниками, говорящих всем видом

своим, что воздвигнуты они для людей, человеческое достоинство ко-рых ценится высоко.

Нет в Коканде магистральной улицы, где глаз не задержался бы на строящемся большом доме, еще заслоненном забором, часто не доведенном до карниза: рабочий Коканд строится, благоустраивается, постепенно вытесняя, уничтожая старый глиняный и лабазный Коканд. Когда пройдешь по городу, запоминаешь уютные яркокрасные домики поселка текстильщиков, красивые коттеджи из серого камня в поселке рабочих суперфосфатного завода, новые двухэтажные дома нефтяников на улице Карла Маркса, построенные в традициях узбекской народной архитектуры — с тенистыми нишами балконов, с лепными орнаментами; как и заводские корпуса, эти жилые дома тоже всем видом своим говорят, что воздвигнуты они для людей, чье человеческое достоинство ценится высоко.

Сын бедного хлебопека, который сам говорил о себе, что он всю жизнь «чувствовал себя чужестранцем на родине» — так тяжело ему жилось, кокандец Муками стал ныне гордостью своего родного города. Томик его стихов можно увидеть почти в каждом кокандском доме, и рядом с ним — томик басен и сатирических стихов другого знаменитого кокандца, Гульхани, жившего на полстолетия раньше, — поэта, который добывал себе средства к жизни, работая банщиком, и, по свидетельству его современников, был так беден, что «в своей жизни ни разу не ломал целой лепешки и не сиживал за хорошим дастарханом».

Стихи этих мужественных певцов узбекского народа до революции ходили по рукам в редких списках. Великая Октябрьская социалистическая революция сделала творчество узбекских поэтов достоянием всех народов Союза. Стихи их переведены на русский, украинский, грузинский, таджикский и другие языки. Огромными тиражами книги их изданы в самом Узбекистане на родном языке.

В домах узбеков появились книжные полки, и на них, рядом с узбекскими классиками, стоят теперь классики мировой литературы: Данте, Шекспир и Руставели в переводе Гафура Гуляма; Пушкин и Гёте в переводе Айбека; Лермонтов и кара-калпакский эпос «Кырк-Кыз» в переводе Уйгуна; Гомер, Эврипид и Шевченко в переводе Миртемира; Щедрин, Мопассан и Алексей Толстой в переводе Парда Турсуна; наконец, «Война и мир» Льва Толстого в переводе Абдуллы Каххара, замечательного современного узбекского прозаика. На той же полке можно увидеть сборники рассказов самого Абдуллы Каххара и его роман «Огни Кошчи-нара», в котором дана широкая картина жизни одного из селений Ферганской долины в дни коллективизации.

И, конечно же, если не на книжной полке, так на письменном столе, на видном месте вы обязательно увидите в узбекских домах и книги величайших учителей человечества, которых чтут трудящиеся всего мира, — книги Ленина и Сталина. Том за томом выходят в свет их сочинения в переводе на узбекский язык.

Любое культурное учреждение Коканда — школы, театры, библиотеки, любое социалистическое предприятие Коканда являются ярким свидетельством того, как гениальные научные предвидения Ленина и Сталина находят свое воплощение в жизни. Но для того чтобы увидеть сегодняшний день социализма во всем могущественном разнообразии людских дел, профессий и творческих удач, мало побродить по Коканду, превратившемуся ныне из экономического центра всей Ферганской долины просто в один из пяти ее крупных социалистических городов. Нужно проехать еще и по всей Фергане, по другим ее городам, садам, полям и селениям.

4. ГОРОД ШЕЛКА

Ряды тутовых деревьев (шелковицы) ограничивают хлопковые плантации и под Кокандом, но там вперемежку с ними растут пирамидальные тополя. Когда покидаешь Сохский оазис и по непрерывным садам и пашням въезжаешь в тот древний оазис, который возник на водах Маргелан-сая, тополя оттесняются на улицы кишлаков, а тутовые деревья начинают господствовать на полях.

Шелковица — большое развесистое дерево. Но в Ферганской долине вы таких деревьев почти не увидите, а в Маргеланском оазисе не найдете ни одного. Тутовое дерево здесь — это короткий прямой ствол, наверху которого, подобно наконечнику богатырской булавы, причудливоросло покрытое корой узловатое, морщинистое утолщение. А из него метелкой расходится молодая поросль тонких ветвей. Каждую весну колхозники обрезают ветви на корм шелковичным червям. Но дыхание дерева от этого не может прерваться: сила жизни, заключенная в корнях и стволе, выбрасывает новую метелку ветвей и одевает их листьями, которые человек снова скармливает червям.

Чах-чух — звук шелка. Именно по звуку издревле на среднеазиатских базарах выбирали себе шелк покупатели. Однако самим мастерам раньше шелковая одежда, даже с самым неважным чах-чухом, была не по карману. Шелк покупали баи, беки и ханы.

Теперь маргеланскую шелковую тюбетейку вы увидите на голове любой девушки-узбечки, выйдя на перрон станции Горчаково. А когда двинетесь отсюда на автобусе в Маргелан по четырехкилометровой аллее, обсаженной восьмью рядами могучих деревьев, аллее, по обе стороны которой тянутся в один ряд коттеджи, купающиеся в садах, вам бросятся в глаза на мужчинах и женщинах яркие кустарные шелковые халаты и платья. И если в этот час дня солнечные лучи будут падать косо, вы угадаете и откуда маргеланские кустари взяли свой знаменитый рисунок шелковых тканей: длинные тени деревьев вперемежку со змеяющимися меж ними ярчайшими просветами солнца превращают тротуары и мостовую и текущие вдоль них арыки как бы в одно сплошное маргеланское шелковое покрывало.

До революции коконы из России вывозились на размотку в Италию и Францию. Теперь они разматываются у себя на родине. Шелкомотальные фабрики построены во многих городах Узбекской республики, в Самарканде работает шелкокомбинат, но крупнейший в Советском Союзе шелкокомбинат воздвигнут именно в Маргелане, древнем городе шелка.

На судьбах женщин — работниц комбината ярко видно, какой гигантский путь развития проделал при советской власти узбекский народ.

Большинство из них начинало выводить шелковичных червей с колыбели. Кто в Маргелане не помнит этой профессии ферганских женщин? Грону насыпают в мешочки, мешочки засовывают за пазуху, и под влиянием человеческого тепла из грены выводятся черви. За пазухой выводятся день на двенадцатый, а подмышками или в детской колыбели и на восьмой. Легко представить, что за весна была у девочек: ни побегать, ни порезвиться с подругами — знай высиживай червей.

Почти всех их лет десяти-тринадцати продавали замуж. И те из девочек-жен, у кого в хозяйстве не оказывалось хоть плохонького, но своего мотального станка, нанимались за гроши мотать шелк к местному баю. По многу лет от зари до зари стояли они над вонючим запарочным чаном для коконов, отыскивая палкой концы нитей и наматывая их на медленно вращающееся колесо.

Черная сетка из конского волоса, чачван, сквозь который мир представлялся покрытым серою дымкой, лишал узбечку возможности насладиться всей яркостью красок ее родной природы. Здесь говорили: «Под паранджой и солнце черное». Длинные рукава женской паранджи были сзади связаны у подола, эти рукава напоминали всем, что женщина — раба. Так некогда за триумфальным шествием завоевателя плелись побежденные, и так же были заломлены назад и связаны их руки.

Первых женщин, сбросивших паранджу, баи и реакционные муллы избивали камнями, травили собаками, убивали, закапывали живьем в землю. Но уже ничто не могло остановить худжума — наступления женщин. «Мы против того, чтобы тринадцатилетняя девочка носила на руках, кроме тряпичной куклы, и собственного ребенка! — говорила одна узбечка, выступая в 1925 году на митинге женщин. — Мы против того, чтобы женщину отдавали замуж десяти лет, а двадцати пяти относили на кладбище!»

Именно здесь, в Маргелане, была в дни худжума зверски убита Нурхон за то, что осмелилась сбросить паранджу и стать актрисой. О ее трагической судьбе вскоре после убийства узнал весь Узбекистан. Пьеса «Нурхон» известного узбекского драматурга Камиля Яшена несколько лет не сходила со сцены драматических театров республики и, в свою очередь, сыграла большую роль в борьбе узбечек за освобождение от рабства и затворничества. Борьбе этой посвящена и музыкальная драма «Гюльсара», созданная Камилем Яшеном совместно с композиторами Р. М. Глиэром и Т. Садыковым. «Гюльсара» стала одним из любимейших спектаклей народа. Его можно и сейчас услышать в Ташкенте в Го-

сударственном театре оперы и балета. За этот спектакль Яшен вместе с группой артистов был награжден Сталинской премией.

Путь Гюльсары из ичкари (женской половины дома) на фабрику — путь большинства маргеланских женщин. В дни коллективизации, когда с особой силой развернулась борьба с косностью и первобытной дикостью нравов, когда для узбечки край селения перестал быть границей мира, сотни женщин пришли на призывный гудок маргеланской шелкоткальной фабрики из окрестных селений и из внутренних дворики Маргелана. Они стекались сюда поодиночке, убегая от мужей, приходя иногда с грудными детьми на руках.

Первое время эти женщины, что ни шаг — чему-нибудь удивлялись. Однако передовое техническое оборудование — запарочные и мотальные агрегаты, калибровочные и пылеочистительные барабаны — не произвели на них почти никакого впечатления: о чудесах техники они слышали еще у себя дома и приняли их как вечный признак того нового мира, куда они пришли жить.

Их удивляло, что они имеют право называть по имени родственников мужа, что они могут ехать с ними на одной арбе, что на собраниях они могут сидеть не у дверей, а на почетных местах, даже в президиуме. Тех, которые вышли здесь замуж, восхищало, что они не обязаны скрываться от родственников мужа до рождения первого ребенка, а когда ребенок родится, могут произносить вслух даже такие «страшные» слова, как ключ, замок, наперсток, пирожок, и что ребенок от этого не заболит и не умрет. Они заразительно смеялись над новой подругой, которая, начав работать на фабрике, в первый же вторник работала, пугливо озираясь, боясь, как бы покровительница прях Биби-Се-Шамбе (госпожа Вторник) не истыкала ее своим веретеном за работу в неподобающий день. Словом, прежде всего женщины стали освобождаться от многочисленных предрассудков и запретов, связывавших каждый их шаг.

Мало-помалу они осваивали производство, овладевали грамотой. Новый, социалистический мир стал раскрываться для них, невиданный, чудесный: декретные отпуска, детские больницы и молочные кухни, детские ясли, сады и площадки, общественные столовые и клубы, пособия многодетным матерям, отпуска в домах отдыха и санаториях. И самый мир стал для них раздвигаться. Маргелан оказался частью Узбекистана, Узбекистан — частью Советского Союза. Величественная картина мира, картина его истории и борьбы за коммунизм озарила ярким светом и их место у станка. Женщины, вчерашние рабыни мельничного камня, почувствовали себя равными среди трудящихся Советской страны, труд перестал быть для них тяжелой обязанностью, стал радостью жизни.

Вслед за своими учительницами, прославленными мастерицами московской фабрики «Красная Роза», узбечки-ткачихи начинали вместо двух работать на четырех, пяти многоchelночных шелкоткацких станках. Горячо овладевали они и новыми специальностями: ведь, кроме постро-

енных вначале грензавода, шелкомотальной и шелкоткацкой фабрик, здесь были во вторую очередь воздвигнуты крутильная, пеняжно-прядельная и красильно-отделочная фабрики. В Маргелане родился шелкокомбинат.

И как раз на открытии комбината, как бы подводя итог величайшим переменам, какие произошли в жизни всего поколения работниц-узбечек, знатная ткачиха Шарапат Кадырова (та самая Кадырова, что в апреле 1949 года, управляя восемью многочелночными станками, уже работала в счет 1953 года) сказала об отстающих рабочих, о людях, которые живут день за днем без цели, без страстных исканий, без борьбы и побед, ту фразу, что потом облетела всю Фергану: «Червь не может считаться в родстве с солнцем только оттого, что солнечный луч скользнул и по нему»

5. В НОВОМ СЕЛЕНИИ

Полные света и солнца кварталы нового городка шелкокомбината лежат далеко в стороне от Маргелана. Их связывает с городом шоссе, по которому оживленно движутся грузовики, автобусы, велосипеды и арбы. Возле этого-то шоссе и белеют домики поселка известного всей Ферганской долине колхоза имени Фрунзе.

До революции селение, в котором жили дехкане, создавшие эту замечательную артель, называлось Тюя-гум — Потерялся верблюд. В его кривых улочках и тупичках не то что верблюд, даже человек мог легко потеряться, заблудиться. Когда на этих кривых улочках появлялась на свет девочка, семья бывала огорчена. Как не огорчиться — в те времена о девочках говорили: «Чем тебе родиться, лучше бы родился камень, он пригодился бы на постройке стены». Теперь все селение гордится своими женщинами — звеньевыми шелководческих бригад Халимой Халматовой, Угульхон Салиевой и другими. Внедряя новую технику, они так хорошо зарабатывают на выкормке тутового шелкопряда, что их родной колхоз давно стал миллионером, давно уже смог приобрести столько «каменей» — строительных материалов, чтобы для всех в селении воздвигнуть новые стены.

Кишлаков, целиком перестроенных по новому плану, в Узбекистане уже много. Почти в каждом можно увидеть, как национальные строительные и декоративные приемы народного искусства воплощаются по-новому в социалистической архитектуре селений. В архитектуре поселка колхоза имени Фрунзе хорошо видно это слияние советской культуры с лучшими традициями народного, национального, самобытного.

Начать с того, что заблудиться в этом поселке не сможет сейчас ни верблюд, ни трехгодовалый младенец, так как улицы его прямы, широки и по ночам освещены электрическими фонарями. В кишлачном центре, рядом с зеркальными витринами сельунивермага, красуется на-

висшая над прохладным каналом, опоясанная широкой террасой новая чайхана. Она искусно расписана народными мастерами: яркие, чистых тонов краски — синяя, красная, зеленая, желтая, коричневая, черная, контрастно выступая на белом фоне стены, образуют тончайший, излюбленный в Узбекистане растительный узор. В постройке двухэтажного клуба колхоза тоже принимали участие народные мастера; особенно хороши там лепные плафоны и сталактитовые карнизы с разноцветными ячейками. Неподалеку от клуба высится капитальное здание школы-семилетки, а в стороне — здание детского сада и яслей; в его верхнем этаже устроена гостиница для приезжающих с пятью комфортабельными номерами и читальня.

Во многих местах селения виднеются ажурные мосты, перекинутые через арыки. Около главной улицы темнеет колхозный общественный парк, раскинувшийся на тринадцати гектарах. В глубине его возвышается, тоже расписанная искусными мастерами, терраса на двести человек. Ее железную кровлю поддерживают с четырех сторон деревянные резные колонны. Летом на этой террасе проводятся собрания, выступают концертные бригады, а то и приезжий лектор, член Общества по распространению политических и научных знаний, читает лекцию об устройстве галактики.

Электростанция у колхоза, само собою, своя. И электричество не только в домах и на улицах, но и в конюшне, гараже, амбарах, мастерских и, что самое интересное, в колхозной черводне. Одетые в белые халаты колхозницы с помощью электропечей поддерживают здесь температуру, необходимую, чтобы вывести сильных, жизнеспособных червей.

Черви, которых выкармливают здесь, не простые шелковичные черви. Это новая, выведенная узбекистанскими селекционерами порода тутового шелкопряда — «Советская». Она дает шелка куда больше чем еще недавно широко распространенная в республике порода «Багдадская». Среднеазиатский научно-исследовательский институт шелководства вывел и новые сорта шелковицы. Темные шапки одного из этих сортов — шелковицы «Победа» — торчат из-за многих глинобитных заборов поселка колхоза имени Фрунзе. Специалисты говорят о шелковице «Победа», — и это в применении к деревьям звучит необычно, — что она обладает «высокой урожайностью листьев».

По обе стороны поселка колхоза имени Фрунзе проложены асфальтовые тротуары. Все жилые дома колхозников, а их две сотни, выстроены заново. Чистотой, а в жаркий день и прохладой веет от этих особнячков с парадным ходом и большими окнами на улицу. Войдите в любой дом и, не заходя в комнаты, проследуйте по коридору прямо во дворик. Здесь самобытное, национальное тоже нашло себя в новом, социалистическом быте.

Несколько абрикосовых и персиковых деревьев окаймляют дворик своей листвой. Их тонкие, выбеленные известкою стволы, одна-две

рядки цветов и всегда чисто выметенные дорожки придают ему необыкновенный уют. Под деревьями стоит деревянная супа — низкая, большая, почти квадратная кровать, покрытая расшитыми паласами или коврами. На супе летом спят, отдыхают, принимают гостей. Сбросив обувь, гости взбираются на супу и сидят, поджав под себя ноги.

У маленького водоема, сквозь который протекает арык, блестят кумганы — узкогорлые бронзовые кувшины чеканной работы. В углу двора чернеет очаг. Завершает дворик дом с большой открытой террасой — айваном. Потолок айвана бывает расписан ярким рельефным орнаментом, кровля покоится со стороны двора на точеных чинаровых колонках, — архитектура, пластически необычайно богатая формой в условиях освещения ярким солнцем Узбекистана.

С улицы протянулись к дворику электрические провода. На айване поет, подобно сверчку, свою песенку счетчик. По вечерам особенно густой кажется листва деревьев вокруг лампочки, что покачивается в центре двора над супой. И в руках у хозяйки дома здесь стали обычными электрический утюг, электрическая кастрюля.

Под окнами дома блестит темнокрасная листва райхона, его душистый запах наполняет весь дворик. Рядом растут тыквы-горлянки; из них хозяин дома делает сосуды: от маленьких табакерок для наса — жевательного табака — до огромных, двухведерных кувшинов для воды. А над двориком с утра до ночи, щебеча, носятся ласточки в стрельчатом полете и на распростертых крылышках стремительно опускаются к гнездам, вылепленным ими под кровлями дома, айвана, а иногда и внутри жилища.

Войдем в жилище. Пройдем из коридора в михманхану — зимнюю комнату для гостей. Раньше дверь в михманхану была, как и жалитка, чуть ниже человеческого роста, так что вход каждого всегда сопровождался легким поклоном. Узбекский быт почти не знал мебели, ее не надо было ни вносить, ни выносить: высокая дверь была ни к чему. В новых домах двери высоки: они рассчитаны на то, чтобы в комнату можно было внести шкаф и рояль.

Прежде и окна в дехканских домах были низенькие: свет из них падал на пол и супу, где протекала жизнь семьи. Теперь, когда в комнатах рядом с супой, цыновками и сундуками появились столы и стулья, вешалка и никелированные кровати, книжная полка и карта мира, — теперь в новых домах окна стали строить высокие, в комнатах сделалось солнечнее, светлее.

На стенках михманханы в традиционных, украшенных лепными решетками нишах красуются сосуды, кувшины и книги, пиалы, шкатулки и патефон, один два национальных музыкальных инструмента и швейная машина, чилим среднеазиатский кальян, сделанный из тыквы-горлянки, и новый многоламповый радиоприемник.

В тысячах мелочей видно, как свободно научились в селениях Узбекистана обращаться с народными традициями, обогащая их новым,

социалистическим содержанием. Еще недавно узбекский дом делился на две половины: ташкари — мужскую половину и ичкари — женскую половину, куда не имел права вступать ни один посторонний мужчина. В новом колхозном доме ичкари превратился просто в спальню и детскую. А михманхана превратилась в гостиную, где женщина в качестве полноправной хозяйки вместе с мужем принимает гостей.

На первый взгляд кажется, что в колхозе имени Фрунзе сделано все, чтобы жизнь стала удобной, красивой, культурной. Но если, сидя в гостях у Абдуллы Рахимова, председателя этого колхоза, известного в Ферганской долине человека, вы скажете ему об этом, он улыбнется: куда там все! Во-первых, еще далеко не на всех бригадных станах выстроены детские ясли, комнаты отдыха, медпункты и красные уголки. Во-вторых, разве бывает на свете когда-нибудь «все»! Новая, социалистическая жизнь каждый день рождает новые потребности. Колхозники собираются теперь построить собственный родильный дом, бытовой комбинат и прачечную, мастерскую по ремонту одежды и обуви, пошивочную мастерскую, поговаривают о своей авторемонтной мастерской, Доме физкультуры, хорошей библиотеке-читальне, большом театре. А там, глядишь, и газ проведут в Маргелан по трубам из Ленинска; значит, нужно подумать заранее о собственной маленькой газовой подстанции. А там родится еще и еще новое, ибо перспективы, которые открывает коммунизм перед народами и перед каждым отдельным человеком, безграничны.

6. „ЖИВАЯ КРАСАВИЦА“

Бывает так, сойдутся где-нибудь далеко от своих родных мест ферганцы — на слете ли хлопкоробов в Ташкенте, на сессии ли Верховного Совета СССР в Москве, и в часы перерыва попадет к ним в застольную компанию случайный москвич или горьковчанин. Ферганцы начнут с жаром рассказывать гостю о своей благодатной долине. И окажется, что нет на их родине города или селения, которое хоть чем-нибудь да не было бы знаменито.

Черная тюбетейка с изящным рисунком, которую один из ферганцев снимет с головы и покажет гостю, послужит поводом к рассказу о Чусте, знаменитом городе тюбетеечных мастеров. Вспомнив о Риштане, большом кишлаке невдалеке от Коканда, второй ферганец потащит нового знакомого к себе в номер гостиницы, чтобы похвастаться глиняным блюдом или кувшином, покрытым глазурью, расписанным орнаментом, — изделием прославленных риштанских гончаров. Даже такой маленький кишлачок, как Алмас Чустского района, и тот знаменит: знаменит самыми красивыми юношами и девушками во всей Фергане. Кувинец и наманганец заспорят, чьи гранаты крупней, ароматней, слаще на вкус.

Но если спросить их, какой город в Ферганской долине самый красивый, все сойдутся на том, что не только в их родной долине — во всем Узбекистане нет города красивее, чем город Фергана. Ни один среднеазиатский город не сравнится с Ферганой пышностью деревьев, роскошью и разнообразием листвы. Улицы здесь осенены четырьмя, восемью, кое-где двенадцатью рядами могучих деревьев, которые подобраны искусными садоводами так, что весной, и летом, и осенью кроны этих деревьев как бы озаряют каждую улицу своей гаммой красок, своим особым сочетанием света и тени.

В разных концах города воздвигнуто несколько зданий, где сквозь завесы деревьев на синем и желтом фоне стен белеют стройные колоннады. Много в Фергане новых зданий красивой архитектуры. А вокруг заводов и фабрик выросли целые рабочие городки. Кое-где на улицах виднеются и глинобитные заборы, поверх которых прямо из сухой белой глины весной щедро поднимаются и расцветают огненно-красные маки. А над заборами и крышами зданий, освежая дыханием ледяных вершин воздух на улицах, висится будто бы близкий, а на самом деле далекий, величественный Алайский хребет.

Дореволюционные русские путешественники любили величать Фергану «спящей красавицей». Это был город колониальных офицеров и их жен, которые разговаривали между собой предпочтительно по-французски и зачитывались уголовными романами. Тускло жили здесь люди, скучно.

Как не похожи на прежних нынешние обитатели города! Выйдите на его улицы ранним утром, когда в небе еще гуляют легкие перистые облака, и остановитесь возле самого красивого особняка. В этот час на окраинах Ферганы зазвучат басистые заводские гудки. Дверь особняка распахнется, из нее выбежит женщина в белой косынке — русская ли, узбечка ли — и, вступив в аллею деревьев, смешается с оживленной, разноголосой, спешащей к своим станкам толпой работниц и рабочих Ферганского текстилькомбината, текстильной фабрики «Большевик», самого мощного в СССР масложиркомбината, чугунолитейного завода и других, тоже новых ферганских заводов и фабрик.

Немного погодя из той же двери, на ходу дожевывая бутерброд, выскочит мальчик — сын этой женщины — и с книгами в руках вприпрыжку бросится догонять товарищей, только что прошедших в школу мимо его окон. Затем улица наполнится служащими, деловито расходящимися по областным учреждениям, потом студентами ферганских техникумов и институтов. И, наконец, в тот все еще ранний час, когда перистые облака в небе растают и небо станет чистым, бездонным, солнечно-голубым, дверь особняка вновь распахнется, в ней появится старушка с корзинкой и неторопливо пойдет в сторону рынка.

Нет, теперь о ней не скажешь «спящая», она стала живой красавицей, Фергана! Каждый из ее новых заводов словно сгусток творчества тысяч людей. Есть среди этих предприятий такое, как ферганская ТЭЦ

«Заря Востока», которая по мощности превосходит в три раза все электростанции дореволюционного Узбекистана. Есть среди них новый гидролизный завод, где впервые разработана технология получения спирта и других химических продуктов из шелухи хлопковых семян. Жизнь ферганцев пронизана творчеством. Поезжайте, например, на шелкомотальную фабрику, войдите в цех.

Перед глазами, на фоне шелкомотальных станков, мелькают тысячи нитей. В особых чанах, наполненных водой, прыгают легкие коконы. Проворные пальцы работниц находят на коконах концы нитей и направляют их к специальным ловителям. В смысле техническом это передовой цех (в мировой шелковой промышленности нет более механизированного оборудования, чем здесь), и в то же время это один из самых отсталых цехов во всей Фергане: здесь еще в работе участвуют руки.

Но скоро вы этот цех не узнаете. Работникам Узбекского научно-исследовательского института шелковой промышленности удалось сконструировать кокономотальный станок. Сколько раз за последние семьдесят лет пытались во всех странах, производящих шелк, автоматизировать кокономотание! Но ни у итальянцев, ни у японцев, ни у американцев ничего из этого не вышло. Такой станок создали советские люди в Узбекистане. Они сконструировали, кроме того, машину для централизованного запаривания коконов и нахождения у них концов шелковин. И та и другая машины уже начали изготавливаться на заводе в Ташкенте. Скоро из шелкомотальной промышленности будет окончательно изгнан ручной труд, как он изгнан с других заводов и фабрик. Механизация, автоматизация, химизация, электрификация процессов производства стали законом на социалистических предприятиях Узбекистана.

Взять любой хлопкоочистительный завод Ферганской долины. В техническом отношении все они оставили далеко позади не только заводы Индии (с этими их и сравнивать смешно), но даже и заводы Америки. Пневматическим путем подается по трубам сырец со склада и из бунтов на завод. Изобретенные в Узбекистане специальные механизмы — листочкоудалители и очистители — очищают хлопок от мусора. На новых, сконструированных ташкентскими инженерами первоклассных бесщеточных волокноотделительных машинах волокно отделяется струей воздуха. Мощные гидравлические прессы, механические шнеки и другие умные машины — все свидетельствует здесь, что советские люди постарались сделать труд человека по-настоящему человеческим.

Тяжелый физический труд — его тут уже нет. Ручной труд — шаг за шагом и он изгоняется. Не говоря о текстилькомбинате и масложиркомбинате, в которых все производственные процессы механизированы, это видишь даже на кирпичном заводе, где тяжелый труд формовщика заменен механической формовкой, даже на швейной фабрике, где у каждой машины есть электрический привод и раскрой материала производится электроножницами.

Технический размах и пути механизации социалистической промышленности ярко видны и на предприятиях города Кувасай, который находится недалеко от Ферганы. Кувасай — своеобразный город. Его беленькие, чистенькие корпуса и коттеджи, его красные и зеленые крыши, проглядывающие сквозь листву тополей, — тех стройных тополей, которые каждой веткой, каждым листком устремлены вверх, — особенно хорошо видны со склонов гор, что круто поднимаются на окраине города.

На горах этих, возле самого города, в карьерах работают мощные экскаваторы. Поворачиваясь, на первый взгляд, неуклюже, но на самом деле ритмично, они захватывают своими ковшами огромные массы извести. В самопрокидывающихся вагонетках и на транспортерных лентах движется она на известковый завод.

Кувасай — республиканский центр промышленности строительных материалов. Кроме известкового, здесь работают кирпичный и шиферный заводы. Кувасайская электростанция — крупнейшая в Ферганской долине. Существует тут еще один, совсем особый завод, пользующийся известностью у колхозников и у летчиков: завод, где вырабатываются специальные химикаты. Почему он у колхозников пользуется известностью, объяснения не требует: ведь он вырабатывает как раз те химикаты, что служат для борьбы с вредителями садов и полей. У летчиков же — потому, что именно им приходится вести эту борьбу.

Узбекские колхозники давно привыкли к тому, что стоит заметить им на всходах хлопчатника паутинки, свидетельство, что завелись смертельные враги хлопка — паутиные клещики (такие крошечные, что без лупы их и разглядеть невозможно), или стоит увидеть им в одном из знаменитых ферганских урюковых садов грозу садоводов — фиолетовую щитовку — и дать знать об этом по телефону в райцентр, как через час-два на горизонте появится самолет. Летчики с помощью кувасайских химикатов спасают колхозные урожаи от паутинового клещика, от тли, от карадрины и многих других сельскохозяйственных вредителей. Колхозники-сигнальщики стоят на зараженных полях, взмахивая флажками. А самолет над ними бреющим полетом пронесется вперед-назад, и из-за его хвоста прозрачным веерообразным облачком разлетаются химикаты. Благодаря разработанному в Узбекистане вихревому методу опыливания химикаты ложатся не только поверх листьев, но и с нижней стороны, на которой гнездятся гусеницы.

Поистине велики перемены в жизни трудящихся-ферганцев. Там, где еще недавно стоял дехканин, который, перед тем как уйти в город на работы, окидывал безнадежным взглядом свое поле, погубленное паутиным клещиком, — теперь самолет сельхозавиации работает над полем узбека-колхозника, а там, где грузчик (быть может, тот же разоренный дехканин) еще вчера, надрываясь, тащил на себе тяжелые тюки с хлопком, — сегодня умная машина работает под наблюдением высококвалифицированного узбека-стахановца.

7. НА АЛАЙСКОМ ХРЕБТЕ

Подобно другим городам долины, Фергана окружена кольцом виноградников и фруктовых садов. А за ними распаивается второе необъятное кольцо селений и хлопковых плантаций. Их орошают две речки: Шахимардан-сай и Исфайрам. Вдоль Шахимардан-сая, вверх по его течению вьется шоссе, около которого там, где еще недавно расстилалась каменистая степь, ныне зеленеет листва новой районной лесозащитной полосы. Когда едешь по этому шоссе, снежные вершины Алайского хребта сперва скрываются за предгорьями, чтобы вновь с еще большим величием возникнуть при въезде в обширный кишлак Вуадиль. Недалеко отсюда, в Чимионе, открыт бальнеологический курорт типа Мацесты. В самом Вуадиле находится один из лучших детских санаториев Узбекистана. А из Вуадилья дорога ведет в знаменитый на всю Среднюю Азию горный курорт Шахимардан.

В Вуадиле хлопковые плантации обрываются. Вместе с ними обрывается и узбекская земля. Начинаются горы Киргизии. И, однако, Шахимардан, расположенный в двадцати пяти километрах за границей Узбекистана, находится в то же время в Узбекистане. Нигде в мире нет такого рисунка государственных границ, как здесь. Нигде в мире, кроме Советского Союза, даже и невозможно, чтобы в глубине соседнего государства было выделено и на политической карте очерчено отдельным кружком одно большое селение, его сады и поля. Социализм исключает противоречия между соседними республиками. Шахимардан издавна населен узбеками. И при национальном размежевании Средней Азии его включили в узбекскую территорию. Так на географической карте Шахимардан ярко рассказывает нам о советской национальной политике.

Шахимардан, в переводе «царь мужей», раньше славился гробницей халифа Али — одной из бесчисленных на Востоке гробниц этого племянника Мухаммеда, который, если поверить могилам, умудрился умереть изрядное количество раз.

Теперь славу Шахимардану приносит санаторий, построенный недалеко от того места, где двадцать четыре года назад был зверски убит человек, который мечтал всю свою страну покрыть школами, пламенный глашатай революции, «царь поэтов» — Хамза, память о котором в Узбекистане стала священной.

Хамза Хакимзаде Ниязи был поэт, драматург, композитор. В 1911 году он открыл в Коканде бесплатную школу для детей узбекских бедняков. Он считал тогда, что причина бедствий народа — безграмотность: стоит просветить людей, и все станут счастливы. Он открыл школу, но реакционное духовенство обвинило его в безбожии и вольнодумстве, школу закрыло и изгнало Хамзу из Коканда.

В поисках правды скитался Хамза по Турции, Аравии, Афганистану, Индии и везде видел одно и то же: нечеловеческие страдания миллионов людей, которые ютились в глиняных лачугах и ветхих шалашах, хо-

тя воздвигали роскошные дворцы, ходили в лохмотьях, хотя и выделяли тончайший шелк и атлас.

Вернувшись в Коканд, Хамза снова открыл «школу для сирот» — ее опять закрыли. Тогда он открыл школу в Маргелане, но и ее закрыли. Поистине это его, Хамзу, можно было назвать «царем мужей». Распростившись с просветительскими иллюзиями и поняв, что у его трудового народа и у русских рабочих путь один — путь борьбы против российского царизма и местных феодалов и баев, Хамза вместе с русскими коммунистами пошел навстречу Великой Октябрьской социалистической революции: стал организовывать «советы трудящихся мусульман». А когда революция грянула, Хамза приветствовал ее пламенными стихами.

После революции кипучее дарование Хамзы развернулось вовсю. Он создал первую драматическую труппу, сам писал для нее пьесы и выступал с нею на среднеазиатских фронтах гражданской войны. Он открывал клубы, курсы по ликвидации неграмотности, школы и помог создавать первые учебники. По его инициативе строились новые каналы. Народный трибун и организатор, он по своему поэтическому облику едва ли не больше всех советских поэтов походил на Маяковского. За что бы ни принялся Хамза, во всем он был революционером, новатором.

Он смело ломал установившиеся традиции национального искусства не только в поэзии, но и в музыке. Почти в сорокалетнем возрасте он начал учиться в русской музыкальной школе. Первый из композиторов Узбекистана он стал пользоваться роялем, первый страстно выступил против старинной восточной манеры петь зажатым гортанным звуком, первый научил узбекских певцов петь стоя, первый начал работу над усовершенствованием чанга и гиджака. А главное, первый сочинил узбекские революционные песни, которые тотчас же подхватил, запел весь узбекский народ.

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Подымайтесь, ряды рабочих,
Чтобы вам не проспать века!..

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Пусть рабочим будет дорога
К просвещению широка!

Кто в Узбекистане не пел в годы гражданской войны этих строф из стихотворения Хамзы «Эй, эй, стреляем!». Каждый шаг Хамзы был выстрелом по старому — по баям, по мусульманским мракобесам, по всему, что нужно было убрать с пути, чтобы новая правда, которую принесли миру коммунисты, восторжествовала.

И, как всегда водится, все старое, прогнившее и отжившее ополчилось на Хамзу, пытаясь убрать его со своей дороги. Баи и духовенство начали бороться с ним клеветой. Буржуазные националисты, пробравшиеся к руководству в одной из партийных организаций, попробовали

На улице города Ферганы.

Дорога в Шахимардан.

исключить Хамзу из партии. Стихи его и пьесы они не печатали и «теряли». Большинство пьес Хамзы было «потеряно» буржуазными националистами, засевавшими в издательстве, и только после смерти Хамзы и разгрома буржуазных националистов актеры, вспоминая свои роли, коллективно восстановили их текст.

Но «на большой дороге кочки не страшны». У Хамзы была большая дорога. Посланный партией в кишлак Авваль, Хамза организовал здесь артель из бывших батраков и бедняков, открыл красную чайхану. Посреди кишлака Авваль по инициативе Хамзы был воздвигнут памятник Ленину. Потом Хамза переезжает в горный кишлак Шахимардан, где он провел свои детские годы, в кишлак, где в это время особенно неистовствовали мусульманские мракобесы. В Шахимардане Хамза открыл школу и курсы по ликвидации неграмотности, организовал посадку деревьев по склонам гор и постройку канала для орошения новых земель, мечтая благоустроить Шахимардан и превратить его в место отдыха для трудового народа. 8 марта 1929 года Хамза провел первое в Шахимардане собрание женщин: в этот день двадцать три женщины кишлака сбросили паранджу. Спустя десять дней кучка взбесившихся мулл, поощряемых буржуазными националистами, наймитами англо-американских империалистов, зверски убила Хамзу.

История эта произошла на памяти старшего поколения. Но когда люди, знавшие Хамзу, начинавшие работать с ним, рассказывают ее поколению, пришедшему вслед за ними, юноши и девушки слушают так, будто им повествуют о временах, которые ближе к временам Чингиз-хана, чем к нам. Каждый год жизни этих юношей и девушек переносил их на десятки лет вперед: так стремительно развивалась жизнь в социалистическом Узбекистане. Посетите в Шахимардане новое красивое здание школы-десятилетки. Учителями в ней работают люди, которые много лет назад учились тут в первой школе, открытой Хамзой. Глядя на школьников, что оживленной гурьбой заполняют классы, на их пионерские галстуки и веселые лица, ясно видишь, как много сделала для узбекских детей советская власть.

В часы кружковых и клубных занятий здесь, как и всюду в республике, видишь маленьких авиамоделлистов — подвижных, с живыми глазами и порывистыми движениями, видишь и узбекскую девочку с сорока косичками на голове, замершую в пытливом внимании перед аквариумом с рыбами. Видишь маленьких художников, успевших сразу же перепачкать краской носы. И тут же на стенах — их рисунки с то чересчур смелыми, то неуверенными линиями и яркими мазками красок, рисунки, где изображены фантастические дворцы, и пароходы, и краснозвездные танки. Видишь и юных конструкторов, и маленьких фотографов, скрипачей, шахматистов, спортсменов. Каждая школа в Узбекистане стала теперь памятником Хамзе.

Да и Шахимардан тоже сделался памятником узбекскому поэту-революционеру. Самый кишлак Шахимардан переименован в Хамзаабад.

Посреди селения, на том месте, где Хамза был убит, лучшие архитекторы Узбекистана воздвигли мавзолей поэту. Две шумные речки сливают свои прозрачные струи ниже нарядных корпусов санатория, который носит имя Хамзы. По генеральному плану реконструкции в ближайшие годы в Хамзабаде будут выстроены еще новые санатории, здание гостиницы, большая библиотека-читальня, где будут храниться рукописи Хамзы, каменная лестница, обрамленная фонтанами, курортные павильоны.

Хамзабад — излюбленное место отдыха узбекского трудового народа. Курортник, приехавший из Ташкента, Самарканда или Ургенча, исцеляясь под благотворным воздействием шахимарданского солнца, горного воздуха и внимания санаторных врачей, любит ныне, взяв в местной библиотечке томик стихов Хамзы, побродить с ним по окрестностям, полежать меж зарослей темнозеленой арчи на склоне гор, увенчанных причудливыми зубцами, а то совершить прогулку и на недалекое озеро Кули-Куббан, синеющее меж отшлифованных скал.

8. ОЗИРАЯ СВЕРХУ ДОЛИНУ

Следующий большой город на линии железной дороги — Андижан.

Уже в средние века андижанские металлические изделия и оружие славились на Востоке. «В окрестностях Минка и Марсманда добывается железо для оружия, которое в общем употреблении в Хорасане и вывозится в Багдад и Ирак. А само то железо подвергается обработке в Фергане», — писал средневековый географ Ибн-Хаукаль. На рубеже XV и XVI веков Андижан был столицей последнего тимурида султана Бабура, знаменитого узбекского поэта и историка, оставившего нам интереснейшую книгу воспоминаний «Бабурнамэ», того самого Бабура, который потом завоевал Индию и основал империю Великого Могола и который в 1527 году отправил послов в Москву к князю Василию III с предложением быть «в дружбе и братстве».

Хотя Андижан едва ли не древнейший город Ферганской долины, в нем, кроме минарета Махмуда-Али, совершенно нет памятников старины. Быть может, время и пощадило бы здесь некоторые старинные здания, как оно пощадило их в других городах, если бы в Андижане время от времени не происходили землетрясения. Землетрясение 1902 года разрушило в Андижане все, что можно было разрушить. Это было землетрясение громадной силы. По свидетельству русского академика Чернышева, специально приезжавшего в Андижан, чтобы изучить причины землетрясения, только в «старом городе» было уничтожено двадцать шесть тысяч домов, и под рухнувшими кровлями погибло более четырех с половиной тысяч людей.

В этот грозный день, который старики еще помнят, в день, когда оставшиеся в живых бродили среди развалин, раскапывая своих родных и свой скарб, над Андижаном попрежнему возносило в небо купол то уз-

кое и высокое строение, что, казалось, должно было рухнуть первым — минарет Махмуда-Али. Неудивительно, что андижанцы сочли это чудом, и когда спустя три часа после землетрясения, в полдень, с минарета зазвучал и поплыл над развалинами протяжный голос суфи, призывавший правоверных к молитве, андижанцы, каждый там, где застиг его этот призыв, вознесли в небо молитвы, в которых возблагодарили аллаха за то, что он удостоил их лицезрения чуда. Они не знали, что подлинным творцом этого чуда был неизвестный строитель минарета, один из цеха прославленных андижанских мастеров. Памятуя о прошлых еркимирлаши — землетрясениях, постигших город, он остроумно догадался подпереть для прочности основание минарета целой звездой расходящихся от него, лежащих под землей, длинных каменных упоров.

Стоит взобраться на этот минарет по вьющейся внутри крутой каменной лестнице, в которую едва проникает свет сквозь крошечные оконца, и вступить под купол на круглую площадку, обнесенную железной решеткой, чтобы увидеть сверху нынешний Андижан — самый большой город Ферганской долины и крупнейший ее промышленный центр.

Вокруг теснятся плоские кровли домов. Меж них, словно пчелиные соты, темнеют квадратные дворики, осененные купами зелени. Невдалеке, подобно кипящему озеру, бурлит, движется, переливается всеми красками колхозный базар. С другой стороны, чуть поодаль, обширным массивом простирается парк культуры и отдыха: сквозь зелень его листвы белеют статуи, движутся по дорожкам нарядные группы людей, взлетает мяч над волейбольной сеткой. В стороне блестят крыши центральной части города, рассеченной на кварталы рядами пирамидальных тополей: их макушки кажутся отсюда сверху, зелеными аллеями среди крыш. В разных концах города вспыхивают над стройками дрожащие огоньки электросварки, — огни эти ясно различимы отсюда даже при солнечном свете. И всюду виднеются корпуса заводов и фабрик.

Озирая сверху этот прекрасный город, вспоминаешь современную узбекскую песню, в которой об Андижане поется: «Над ним даже воздух не пролетает, смущенный его красотой». Особенно прекрасен он ранним утром, когда по дорогам, сходящимся к Андижану, бегут в город цепочки пружовиков с хлопком. Уголкем глаза следишь за этими грузовиками и с волнением думаешь: «Вот главный нерв жизни города!» Андижанская область дает стране больше «белого золота», чем другая любая область Союза. А сам Андижан — индустриальный центр ферганского хлопководства.

На крупных индустриальных заводах андижанские мастера производят мощные двигатели и насосы для орошения, игольчатые диски к культиваторам, запасные части для других сельскохозяйственных машин и для механических трамбовок и экскаваторов. А на мотороремонтном заводе андижанцы возвращают жизнь поврежденным тракторам и хлопкоуборочным машинам.

Порой внизу, под вами, по улице проезжает и грузовик с овощами,

а то и с фруктами, до того ароматными, что запах их спустя минуту после того, как грузовик проехал и скрылся, долетает и к вам, к вершине минарета. Быть может, грузовик этот остановится в одном из андижанских новых рабочих поселков, у фруктово-зеленого магазина, а может быть, въедет и в широкие ворота андижанского консервного завода. Есть в Андижане и другие крупные промышленные предприятия, строятся новые поликлиники, кинотеатры, клубы, новые кварталы жилых домов. Скоро по городским улицам Андижана, звеня, побегут трамваи. Каждый день становится богаче индустриальный пейзаж нашей страны.

За панорамой города с высоты минарета разворачивается грандиозная панорама Ферганской долины. С одной стороны долина уходит вдаль пестрым ковром цветущих полей и селений, с другой — вздыблена, будто глядишь на нее из кабины самолета в момент виража. А на горизонте и с той и с другой стороны угадываются глазом вершины далеких хребтов, окруживших долину. Вершины эти — словно белые комки снега, свободно брошенные поверх горизонта.

В бесконечно далекое время, когда наша Земля была еще молода, когда только складывался и формировался ее характер, когда Палеозойское море, покрывавшее Среднюю Азию, ушло, в Фергане море осталось. На берегах этого моря в юрский период росли леса: гигантские папоротники и хвощи, среди ветвей которых стоял горячий влажный туман. Тектонические процессы, те, что и сейчас вызывают землетрясения, поднимали горы вокруг Ферганского моря все выше и открывали глубины земли, обнажая скрытые в ней богатейшие руды. На память людям об этих юных днях нашей планеты и остались на склонах хребтов, опоясывающих ферганскую котловину, залежи руд и каменного угля, а там, где в древнетретичное время было море, — месторождения извести, нефти, серы и озокерита.

Некоторые из этих «подарков земли» люди начали прибирать к рукам очень давно. Еще две тысячи лет назад в индийской эпической поэме «Махабхарата» говорилось о саках, тохарах и канках — народах, населявших в ту пору Фергану и долину Ангрена: «У дверей его (царя Юдхистхиры) среди других народов ожидали саки, тохары и канки, косматые люди со лбами, украшенными рогами, и с руками, заполненными данью: ткани из шерсти, из волокон рангу, из шелковых нитей, из волокон дерева патта, ткани курчавые тысячами, ткани из редких нитей, из хлопка, из овечьего руна, шкурки, нежные на ощупь, длинные мечи с острым лезвием, сабли, железные копья, топоры, другие острые топоры, напитки, разные ароматы, тысячи драгоценных камней».

За два тысячелетия ферганские кузнецы и чеканщики, горшечники и ювелиры научились делать и кое-что новое: металлическую и фаянсовую посуду, бронзовые и серебряные блюда, браслеты и другое. Но кое-что было и позабыто людьми: тут разучились делать ткани из «волокон рангу» (ранга, среднеазиатской осоки), и из «волокон дерева патта» (особого тополя, растущего в тугаях); и только в наше время известный

узбекистанский археолог Массон, ссылаясь на «Махабхарату», поставил вопрос о техническом использовании этих растений.

Несколько заброшенных, старинных рудничков, где кустари плавил железо, да построенные до революции русскими предпринимателями два крошечных нефтепромысла и две допотопные угольные шахты с хищнической техникой — вот полный перечень промышленных разработок горных богатств Ферганы за два тысячелетия! А только за последние двадцать пять лет... Но раньше следует сказать о другом.

Пастухи-киргизы, пасущие скот на хребтах вокруг Ферганской долины, носят меховые широкополые шапки, под которые они, как правило, надевают узбекскую тюбетейку. Вместе с шапкой они снимают и тюбетейку. Как меховая оторочка лежащей на земле перевернутой киргизской шапки, высятся горы Киргизии. Как тюбетейка внутри шапки, лежит среди гор ферганская котловина. Те богатства, что подарили ферганцам горы, находятся в Киргизии, те, что оставило им в наследство море, — в Узбекистане. Однако двум советским республикам не к чему возводить между собою искусственные хозяйственные перегородки. Им целесообразнее и выгоднее в Ферганской долине хозяйствовать вместе. Поэтому киргизская и узбекская горнорудная промышленность здесь мирно уживаются и представляют единый хозяйственный комплекс, подобно тому как киргизская шапка и узбекская тюбетейка мирно уживаются на одной голове.

Ширококолейные и узкоколейные ветки расходятся от Ферганской железной дороги к раскинувшимся в предгорьях киргизским угольным районам: Ташкумыру, Кок-Янгаку, Қзылкия, и к таджикскому угольному району Шурабу. В этом же кольце на киргизской территории находятся еще и Қзылкийский завод каменнокерамических изделий, метлахских плиток и дорожного клинкера, а на узбекской территории Куvasай. Это только первые звенья того многоцветного ожерелья промышленных районов, что опоясывают долину.

Внутри этого ожерелья, словно разлившееся вширь зеленое море, одетое белыми гребешками волн, простираются хлопковые плантации Узбекистана. И в этом море, подобно островам, разбросаны, кроме промышленных городов, нефтяные промыслы Ферганской долины. Нефть есть не только в Ферганской долине, а и во многих других местах республики. Но главный центр добычи нефти в Узбекистане — Фергана. Рядом с нефтепромыслами в разных концах долины выросли десятки рабочих поселков.

В одном из этих поселков живет известный в Узбекистане буровой мастер Примкул Ташпулатов.

Мне довелось встретиться с Ташпулатовым у буровой скважины в летнюю ночь. Ярко светила луна, заливая вышки призрачным светом, особенно чист и мягок был воздух; запах нефти, которая днем от солнца пахивает чем-то жженым, ночью сделался пряным, приятным, а кругом звучно пели цикады, и песня их, сливаясь с едва слышным жужжа-

нием станков-качалок, служила как бы фоном, на котором особенно внятным казалось глухое бормотание ротора.

Ташпулатов оживленно рассказывал мне о совещании в Ленинске, в райкоме партии, откуда он перед тем только что приехал. Его вызывали туда вместе с Героем Социалистического Труда мастером Павлом Стримовым, вместе с известным всей республике буровым мастером промысла «Андижан» Артыком Халиловым помочь разработать мероприятия, которые должны были ускорить проходку скважин на всех промыслах. Он подробно рассказывал об этих мероприятиях, но вдруг замолчал и после недолгой паузы добавил, мягко улыбнувшись:

— Когда двадцать лет назад я попал на промысел и мне показали буровую скважину и сказали, что здесь пойдет нефть, я обиделся: решил — смеются надо мной. Как может знать человек, думал я, что находится там, внизу, под землей?! А теперь...

Ташпулатов развел руками и рассмеялся. Любой палванташский нефтяник мог бы продолжить недосказанное Ташпулатовым: теперь он, как и сотни других узбеков, молодых, но уже опытных мастеров бурения и мастеров подземного ремонта, научился «видеть сквозь землю», чуть-чуть распознает по звуку ротора, что делается на громадной глубине. Узбекский народ овладел всем богатством современной техники.

Прошло два года с тех пор, как я был в «Палванташе». И радио донесло весть, что на смену роторному на нефтепромыслах Ферганской долины пришло турбинное бурение — еще более высокая и совершенная техника. И этой новой техникой ныне тоже овладел узбекский народ.

На промыслах Ферганской долины есть и выходы обычного спутника нефти — газа. В квартирах рабочих Андижана, как и в квартирах рабочих Ленинска, давно уже загорелось пламя на газовых плитах. И не только в квартирах рабочих — в десятках окрестных колхозов газ вошел в быт: на газе работают колхозные кузницы, бани, хлопковые сушилки, печи для обжига кирпича. И на газовых плитах колхозники варят пищу.

9. КОЛХОЗНЫЙ БАЗАР

Тринадцать чайхан, связанных одной камышовой кровлей. На их ковровых помостах многоцветье людских одежд, полосатых халатов и тюбетеек, рабочих спецовок и комбинезонов. Расписанные цветами подносы, чайники и пиалы, над которыми поднимается легкий пар. Меж чайхан в прохладном сумраке той же обширной кровли на лотках пахучие горы винограда, персиков, яблок, груш, слив, гранатов, арбузов, дынь. Яркие груды помидоров, перца, баклажанов, огурцов, капусты, петрушки, горького желтого и сладкого белого лука, светложелтой моркови, нашинкованной тонкими ломтиками для плова. Корзины сухих фруктов: урюка, кураги, изюма, сушеных персиков и дынь, грецких орехов, миндаля и фисташек. Сосуды с молоком, кумысом, айраном, сюзьмой, катыком. Двена-

дцать сортов благоухающих белых лепешек разной формы и разного орнамента, с тмином и кунжутным семенем. Таков узум-базар — «виноградный базар» в Андижане.

Вблизи него на нескольких обнесенных глинобитными стенами площадях, застроенных рядами колхозных ларьков и навесами, раскинулся основной колхозный базар. Этот базар похож на все городские базары Узбекистана. Кроме таких же ярких груд фруктов и овощей на грузовиках, кроме сосудов с молоком и плоских корзин с лепешками, здесь ряды мешков с рисом, белым и розовым, с пшеницей, ячменем, пшеном, картофелем, бобами, фасолью, горохом, машем — особым горошком, по вкусу напоминающим чечевицу.

В «сладком» ряду не только фабричные конфеты, пирожные и леденцовые петушки на палочках, но и изготовленная в кустарных артелях целая галерея узбекских сладостей. Тут и бесчисленные сорта халвы: на виноградном соке, на меду, на бараньем сале с орехами, с миндалем. Тут и похожие на мотки суровых ниток мучные сладости. И знаменитая сахарная нишалда, которую продавцы вспенивают в черных котлах специальными палками. И прозрачные сплетения кристаллов леденца, напоминающие большие куски горного хрусталя. А рядом можно увидеть, и как делаются эти леденцы: внутри круглых котлов, стоящих над огнем, натягиваются в разных направлениях нити, заливаются растопленным сахаром, и сироп, остывая, кристаллизуется вокруг нитей.

Покрытые легким жиром, багровые туши коров и овец висят в мясном ряду. Охотник продает убитого им горного кеклика, фазана или маленького среднеазиатского зайца. Базарный букинист разложил на коврике книги; кроме учебников и современных повестей, у него можно найти и старинную восточную рукопись. Вокруг продавца патефонных пластинок — необычайное оживление. Красные пирамидки толченого перца соперничают по чистоте тона с синими пирамидами синьки, темнозелеными — жевательного табака, разноцветными — охры, сурьмы, хны, басмы и других красок. В ларьках кустарных артелей поблескивают узкогорлые кувшины и глазированные гончарные блюда, шелковые пояса и знаменитый колхозный аймский атлас, узбекские музыкальные инструменты и сбруя для лошадей. В государственных лавках на базаре все разнообразие фабричных изделий, от тканей и одежды до алюминиевой посуды, книг и ламповых радиоприемников, на которые колхозники предъявляют большой спрос. Затерявшись между кузовами многочисленных колхозных грузовиков, одинокий верблюд лежит посреди базара, наполняя воздух протяжными стонами. Теснятся кучки овец, связанные головами попарно, чтобы не разбежались. Среди пестрых толп колхозников и горожан то там, то здесь пробирается ослик с переметными сумами, или со снопами клевера и люцерны, или так нагруженный хворостом, что из-под него виднеются лишь переступающие копытца и конец морды.

Бурлящий людской поток образует водоворот у каждой ашханы — базарной столовой, от которой разносится острый запах кунжутного мас-

ла и бараньего сала. Перед ашханой на столиках в пиалах излюбленное блюдо узбекских ребятишек — вареный горох, посыпанный белыми кольцами лука и красным перцем. Рядом в тандыре (особой печи, сделанной из глины с примесью шерсти) пекутся прилепленные изнутри прямо к стенкам тандыра пирожки с бараниной и луком, так называемая самса. Помост ашханы накрыт, как и в чайханах, паласами или коврами. На краю помоста, меж деревянных колонок, подпирающих кровлю, шашлычник машет лопаткой над узкой жаровней, раздувая угли и поворачивая к огню то одной, то другой стороной палочки с зарумянивающимся шипящим шашлыком. В ашхане можно получить и большую чашку шурпы — золотистого супа с бараниной, овощами и горохом — и другие узбекские блюда, приправленные пахучими травами, и, наконец, прославленный плов, искусство приготовления которого ценится в Узбекистане столь высоко, что имена лучших мастеров плова известны далеко за пределами города, где мастер живет. Есть на андижанском базаре и столовые-харчевни уйгуров — выходцев из Синьцзяна, китайского Туркестана. Их национальная кухня напоминает китайскую богатством мучных блюд, резким контрастом пресных и острых блюд, особым вкусом приправ.

Красочен, своеобразен этот нынешний колхозный базар и в то же время совсем не похож на базары, какими они были здесь еще четверть века назад. Ведь базар раньше был «средоточием мира», главным нервом жизни среднеазиатского феодального города. По сути дела, и города-то возникали здесь не как города, а как огромные базары, обраставшие со всех сторон глинобитными мазанками, двориками, улочками.

Первыми, еще до революции, исчезли с базаров продавцы огня, разносившие в горшочках тлеющие угли: в продаже появились спички. Затем, уже после революции, исчезли продавцы знахарских лекарств, — вместо них в городе открылись современные аптеки, в витринах которых загорелись разноцветные стеклянные шары. Исчезли базарные зубодеры, ходившие с огромными клещами и дергавшие зубы прямо в лавчонках, базарные цирюльники, пускавшие при всяком недомогании людям кровь, базарные костоправы и знахари, — их сменили врачи, принимающие в бесплатных районных амбулаториях. Исчезли писцы, сидевшие на базарных перекрестках с чернильницами, висевшими на перекинутых через шею ремнях: народ стал грамотным, все пишут письма сами. Исчезли базарные глашатаи, оповещавшие о государственных и городских новостях: их заменили газеты, а потом и радио.

Еще тридцать лет назад по базарным рядам прожорливыми стаями бродили каляндары — странствующие монахи ордена нищих, с чашками для подаяний из скорлупы кокосовых орехов, в лоскутных халатах, в остроконечных шапках с меховой оторочкой. И они исчезли бесследно. Если бы хоть один из них появился вновь, его высмеял бы любой: студент, рабочий-инструментальщик или аскиябаз, народный импровизатор-острослов, любимый гость ферганских колхозников.

Невдалеке от пионерского лагеря «Заурак».

Так культивируют хлопок.

Элитно-семеноводческая работа на колхозном поле.

Колхозники выезжают в поле.

Подружки.

Новый урожай.

В старом ферганском кишлаке.

В базарной чайхане можно услышать народного певца, поющего под аккомпанемент дутара и бубна. Но певцы, кроме того, выступают ныне на концертах в театрах и клубах. В каждом городе работают узбекский и русский театры. Базар сжимался и сжимался, пока не превратился в то, чем он должен быть, — в место, где продают свои изделия и продукты узбекские колхозники, кустари и потчуют людей своими блюдами народные кулинары, находящиеся на службе у государства.

При этом колхозные базары заняли в новом, социалистическом городе свое хотя и скромное, но прочное положение. Советские люди о них заботятся, строят культурные ларьки, следят за чистотой, посылают сюда санитарных инспекторов. А андижанцы, жители крупного промышленного города, реконструировали, перестроили заново свой знаменитый узум-базар, в котором вся пышность и яркость плодов, какие дает благодатная ферганская природа, все чудесное многоцветье национальных одежд и народного орнамента в отделке чайхан сочетаются с прохладным сумраком, где играют на лицах, на одеждах солнечные пятна, просеивающиеся сквозь новую обширную камышовую кровлю.

10. РОДИНА ТВОРЦОВ ХЛОПКА

Когда осенью выезжаешь из Андижана за город, видишь в стороне от селений сотни людей, которые с утра до вечера поливают дороги арычной водой. Зачем это понадобилось? Ведь еще лет десять назад никто не поливал этих дорог. Ежели вам придет в голову, что поливальщики эти заботятся о вас, путешествующих, оберегают ваши легкие от пыли, поднятой встречной арбой, вы ошибетесь. Они заботятся о другом. Им важно, чтобы облака пыли от грузовиков и арб не садились на поля, не загрязняли свешивающееся из лопнувших коробочек белоснежное волокно хлопка. Такова культура отношения к своему делу нынешних колхозников-хлопкоробов Ферганской долины.

Поезжайте на автомобиле по любой из дорог, расходящихся от Андижана. Вот на окраине города дорога пересекает мост, переброшенный через пятнистую от камней, пенистую речонку, огибает корпуса индустриального завода и выбегает в поля. Мимо, подобно струям серебристого дыма, проплывают деревья джиды. Кое-где мелькают виноградники и улочки попутных селений. С кровли мазанки девочка машет ручонкой вслед вашей машине. И снова придорожные арыки, поля, главным образом поля хлопчатника, одетые темнозеленой листвой.

Летом по утрам среди этой листвы распускаются крупные палевые цветы. На их венчиках бабочки покачивают расписными крылышками, копошатся трудолюбивые пчелы, порой садится и шмель — яркий, полосатый, похожий на сельского франта в новеньком джемпере. К вечеру цветы розовеют, а спустя два-три дня свертываются в трубку и опадают. Яйцевидные коробочки из зеленых постепенно к осени становятся бурыми,

раскрываются четырьмя створками, и с них свешивается белоснежное волокно.

К какому бы знатному хлопкоробу ни приехали вы, не ищите его в селении, ищите на поле. Недаром в андижанских колхозах живет крылатая фраза: «Если любишь свое поле, выходи на него раньше, чем жаворонок начинает петь свою песню, и возвращайся, когда над головой уже кружит летучая мышь». Да и сама прогулка по полю с любимым из этих хлопкоробов будет для вас интересна.

Остановитесь посреди поля. Перед вами куст хлопчатника. Куст как куст: стебель, листья, цветы, коробочки с волокном. Как будто ничего особенного. Но если этот куст начнет рассказывать о себе, это будет удивительнейшая повесть.

Мало кому известно, что еще четыреста лет назад в Европе простой ситец стоил дороже льняных, шерстяных и даже шелковых тканей. Английская королева Елизавета в XVI веке наряжалась в ситцевое платье только по большим праздникам. Хлопок был заморской редкостью, и как раз в те времена англичане и окрестили его «белым золотом». Охотясь за «белым золотом», европейские государства снаряжали военные экспедиции. Охотясь за «белым золотом», англичане поработили народы Египта и Индии, двинули свои войска на китайский народ.

Тем временем хлопчатник начали культивировать в южных штатах Америки, и история «белого золота» тесно сплелась с историей «черного дерева». В Индии и Египте хватало колониальных рабов, чтобы выращивать хлопок; в Америке же, недавно открытой и только-только обжитой, этих рабов не было. Тогда ливерпульский купец Джон Гоукинс, славившийся набожностью, который даже кораблю своему дал имя «Иисус», отправился к берегам Африки. Там он совершил облаву на несколько негритянских селений, набил неграми-невольниками трюм «Иисуса» и на всех парусах поплыл в Америку. За каждого негра он получил с американских плантаторов по несколько тысяч рублей на наши деньги. С легкой руки Гоукинса все ливерпульские купцы повадились ездить в Африку за «черным деревом». Про город Ливерпуль и поныне говорят, что он построен на черепах негров.

Вы спросите, какое это имеет отношение к кусту хлопчатника, растущему посреди Ферганской долины? Кое-какое имеет. В середине прошлого века в Америке между южными, рабовладельческими, и северными штатами разгорелась война. Корабли северян блокировали корабли южных штатов, и покупавшие американский хлопок текстильные фабрики царской России остановились. Тогда фабриканты нажали на царское правительство, чтобы оно поскорее начало военные действия против Туркестана, войну за собственное «белое золото».

Почти пятьдесят лет хозяйничали в Средней Азии царские чиновники, фабриканты и агенты американских капиталистов, вывозившие отсюда хлопок. Всю землю Российской империи царские чиновники и фабриканты делили на «эту» и «ту». «Этой землей» были для них губернии Централь-

ной России, где стояли их заводы и фабрики, и с людьми кое-как еще приходилось считаться. «Ту землю» населяли «туземцы», с которыми можно было делать все что угодно. Потом русские рабочие и крестьяне, ведомые Коммунистической партией, совершили величайшую из революций, сбросили царских чиновников и фабрикантов и выгнали из своей страны агентов англо-американского империализма. Земля перестала быть «этой» и «той», стала общей, советской, народы на ней — равноправными, и позорное слово «туземец» было вычеркнуто из русского языка.

Но в узбекский кишлак революция пришла позже, чем в город.

В 1923 году довелось мне однажды заночевать в сельской чайхане неподалеку от Андижана. В глубине чайханы тесной кучкой сидели дехкане. В их кольце мертвым блеском, как гнилушка, светила керосиновая коптилка и какой-то человек, вероятно сельский мулла, читал нараспев одну из книг шариата. Шариат в переводе с арабского — правильный путь: «правильный путь к райскому счастью». В этой книге — «Рисоля ткачей» — говорилось о происхождении хлопка, рассказывалось, что архангел Гавриил научил Адама выращивать хлопок, прясть и ткать. Дехкане слушали эту басню с наивным доверием. Они в ту пору были неграмотны, пахали землю омачом — примитивной сохой, какой пахали их предки «со времен адама», собирали со своих хлопковых полей немного короткого, грубого волокна и верили в «правильный путь» — шариат.

Началась коллективизация. В кишлак ворвался свежий ветер новой, социалистической культуры. Узбекские хлопкоробы научились читать и писать. На поля пришли тракторы. Последний омач перекочевал в андижанский музей. Люди узбекского кишлака быстро росли. Перед ними открылся иной, правильный путь к счастью — счастьем земному, реальному. Правильный путь этот был изложен в тоненькой книжечке, но оказалась эта книжечка «тысячи томов тяжелей».

Можно и не рассказывать о том, какое огромное значение для социалистической революции в деревне имел Устав сельскохозяйственной артели, — это и так всем известно, всем памятно. Скажу лишь, что узбекские колхозники, как и все советские люди, стали понимать с каждым днем яснее, что они не только хозяева своих дворов, но и хозяева Советской страны. Это круто изменило их отношение к труду. И тогда-то в одном из ферганских колхозов родилось движение «стоцентнеровиков» — правильный путь хлопкоробов Узбекистана. В узбекском кишлаке появились ростки нового, коммунистического отношения к труду.

Чтобы эти ростки нового предстали перед вами не сухой газетной строкой, чтобы вы увидели их в биении подлинной жизни и ощутили все историческое значение того крутого перелома в жизни целого поколения узбекских дехкан, когда в сознании каждого из них свое собственное, частное, домашнее начало становится маленьким перед общим и всенародным, — для этого надо прежде сказать несколько слов об этом общем, всенародном. В 1927 году, в беседе с первой американской рабочей делегацией, товарищ Сталин говорил, что Советский Союз нуждается во ввозе

некоторых видов сырья, в том числе хлопка. В то время СССР ввозил хлопок, выращенный в Египте, Америке, Индии. В 1929 году Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии принял решение «О борьбе за хлопковую независимость». И в борьбе этой главная доля труда, естественно, легла на народ хлопкоробов — на узбеков.

Есть в Узбекистане старая поговорка: «Хозяин многого не утомим». Освобожденные революцией от колониального рабства, узбекские хлопкоробы сделались хозяевами многого. И какие гигантские силы это разбудило в народе, каким не утомимым его сделало, может поведать миру простая справка: спустя всего два года после решения Центрального Комитета узбекские дехкане вместе с туркменскими, таджикскими и другими хлопкоробами полностью завоевали Советскому Союзу хлопковую независимость. Ввоз хлопка из-за границы в 1931 году прекратился.

«Не уставайте!» — таким возгласом издревле в Узбекистане приветствуют работающих в поле дехкан. Но теперь в этот возглас народ стал вкладывать не только тот смысл, который точнее всего по-русски переводится словами «бог помочи!», а и новый, волнующий смысл: не уставайте, будьте всегда бодры, ибо от вашей бодрости, от вашего труда зависит счастье всего человечества. «Не уставайте!..» И как бы в ответ на это пожелание трудовой удачи родилось на хлопковых полях Узбекистана движение «стоцентнеровиков»: они повели борьбу за то, чтобы на каждом гектаре поля выращивать по сто центнеров хлопка-сырца.

«Не уставайте!..» И передовые узбекские колхозники стали проделывать на своих полях такое большое количество ссытов, что вся наука о хлопке пошла гигантскими шагами вперед. Почти на каждой странице научной книги о хлопководстве вы найдете теперь имена колхозников-опытников: их труд проложил для науки новые пути. Книги ученых о хлопке и брошюры об опыте хлопководческих колхозов, полные живого интереса для людей, понимающих в хлопководстве, вероятно, покажутся слишком специальными, скучными человеку, в хлопководстве несведущему. Но стоит ему приехать в колхоз и прожить в нем хотя бы несколько дней, чтобы борьба узбекского народа за хлопок раскрылась и для него: он увидит, как эта борьба пронизывает быт, увидит ее всюду в повседневном, житейском, его невольно захватит общая атмосфера волнения за свое дело — та атмосфера любви, которая властно покорит его сердце и запомнится надолго, на всю жизнь.

Хлопководство стало национальной гордостью Узбекистана. Куст хлопчатника, освещаемый щедрыми лучами встающего солнца, изображен на гербе Узбекской ССР. О коробочке хлопка — коробочке, одевающей мир, — народ слагает песни, и композиторы посвящают ей симфонии. Коробочку хлопка в Узбекистане встречаешь в орнаменте новых книг и в орнаменте новых зданий. Осенью ее видишь у многих колхозников там, где полагается быть розе — заткнутой возле уха под тюбетейку. На празднествах и демонстрациях школьники несут на шестах высоко над головами огромные коробочки хлопка, сделанные из разноцветной бу-

маги. В узбекских народных сказках клочок хлопка играет ту же роль что колобок в русских сказках. Люди любят здесь фотографироваться на хлопковом поле, ибо поле их гордость.

Осенью, в разгар уборки, в Узбекистане на полевых станах повсюду пестреют такие плакатики: «Помни! Из трех килограммов хлопка-сырца получается килограмм волокна. Из килограмма волокна может быть выработано 12 метров ситца или 14 метров коленкора, 20 метров бельевой ткани или 20 метров батиста, 55 носовых платков или 120 катушек ниток № 40». «Не забывай! Только одна коробочка, оставленная на каждом кусте хлопчатника, составит потерю урожая до 3 центнеров с гектара. Из этого можно получить: 2 тысячи метров бельевой ткани, 22,5 килограмма масла, 60 килограммов жмыха. Одна долька, оставленная в этой коробочке, составит на один гектар потерю в 40 килограммов: из этого можно получить 260 метров батиста, 3 килограмма масла, 8 килограммов жмыха». С необычайной конкретностью в плакатах этих, висящих на полях узбекских колхозов, выражено чувство своего места в семье советских народов.

Все, что говорится об узбекских хлопкоробах, относится к андижанским в особенности. Ведь именно тут наибольший размах получило движение «стоцентнеровиков». Ведь именно андижанцы были пионерами освоения новых земель в Ферганской долине. А в 1949 году по призыву андижанских комсомольцев узбекский народ начал наступление и на Голодную степь. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 — 1940 годов в павильоне «Хлопок», в зале стахановской агротехники, где были представлены лучшие колхозы всех советских республик, больше половины мест получили колхозы андижанские. Недаром даже на географической карте Андижанской области находишь слово «хлопок». Есть здесь Пахтаабадский район. В переводе Пахтаабад — Город хлопка, так много полей занято тут хлопчатником.

Сплошь массивы.
Ни меж, ни тропок.
И вокруг — далекó-далекó
Ослепительно - белый хлопок,
Как вскипевшее молоко.
Хлопок чистый,
Как солнечный воздух,
Что в открытое льется окно.
Не вмещается в жестких гнездах
Шелковистое волокно...

Кому из андижанцев незнакома картина эта, живо нарисованная молодым поэтом Рамз Бабаджаном, и кто из андижанцев, оглядывая бескрайные поля хлопчатника, не думает о том же, о чем думал, рисуя эту картину, поэт:

Волокно превратится в нитку
Тоньше волоса и прочней —
Знамя мира ткачихи выткут
Из нее для планеты всей.

Поля «стоцентнеровиков» — алтынкульской колхозницы Хадичи Ахраровой, избаскентского колхозника Умарали Нишанова и других передовых андижанских колхозников давно уже стали такими же знаменитыми местами в Узбекистане, как обсерватория Улугбека в Самарканде или санаторий в Хамзабаде. Но самое знаменитое андижанское хлопковое поле — не колхозное поле, а поле Ферганской зональной станции СоюзНИХИ. Находится оно на окраине города Ленинска. Здесь известный ферганский селекционер Л. В. Румшевич вывел сорт хлопчатника «108-Ф». За этот сорт он получил Сталинскую премию. Большинство узбекских колхозов выращивает в последние годы на своих полях именно этот сорт.

В 1949 году Академия наук УзССР провела в городе Фергане выездную научную сессию, посвященную изучению производительных сил Ферганской долины. На этой сессии за одним столом работали виднейшие ученые Узбекистана и знаменитые ферганские мастера хлопководства. На заседаниях сессии передовые узбекские хлопкоробы выступили с сообщениями о сорте «108-Ф». Опираясь фактами, цифрами, диаграммами, образцами волокна хлопчатника, выращенного на колхозном поле, колхозники, как подлинными учеными, говорили об изменении поливных норм и поправках к периодичности поливов, необходимых этому сорту.

Со своей стороны, знаменитый селекционер демонстрировал колхозникам новый, только что выведенный им сорт «137-Ф». (В 1952 году Румшевич вывел сорт хлопчатника «147-Ф», у которого выход волокна и урожайность еще выше.) Он знал, что одними из первых, кто начнет высевать этот сорт на больших площадях, будут андижанские колхозы, потому что ими руководят настоящие новаторы, — люди, с которыми Румшевич разговаривал на языке науки, как агроном с агрономами.

Общаясь все время с учеными, следя за новейшими достижениями науки, андижанские колхозники давно уже превратились в культурных специалистов, передовых носителей агрономической науки в своей богатой долине, стали теми людьми, появление которых еще сто лет назад предсказал, говоря о ликвидации противоположности между городом и деревней, и о которых мечтал Карл Маркс.

Каждый узбекский хлопкороб, как и любой советский человек, знает, что свободой и человеческим достоинством — всем он обязан великой партии коммунистов. Среди многих начинаний, которые в последние годы осуществила Коммунистическая партия в Узбекистане (и о которых написано в настоящей книге), мне хочется здесь рассказать об одном начинании, ярко раскрывающем замечательную особенность нашей партии: ее умение черпать свои силы и знания в народной жизни и возвращать их снова народу.

Много лет назад товарищ Сталин предложил обменивать на продукты часть хлопка, заготавливаемого государством в колхозах. За каждую тонну хлопка-сырца колхозы стали, кроме денег, получать пше-

ницу, масло, ткани, вату, жмых, чай и другое. Колхозам это было очень выгодно: недаром в хлопковом Узбекистане уже в 1952 году стало насчитываться тысяча восемьсот восемьдесят шесть колхозов-миллионеров. Советские руководители в республике быстро убедились, что так называемое «отоваривание» увеличило заинтересованность колхозов в выращивании хлопка.

Но товарищ Сталин увидел за этим гораздо большее. Основываясь на удачном опыте «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов, он прочертил путь в будущее всему человечеству.

В своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Иосиф Виссарионович, говоря о постепенной замене товарного обращения системой продуктообмена, как об одном из трех предварительных условий, какие нужно осуществить, чтобы подготовить в нашей стране переход от социализма к коммунизму, писал: «У нас нет ещё развитой системы продуктообмена, но есть зачатки продуктообмена в виде «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов. Как известно, продукция хлопководческих, льноводческих, свекловичных и других колхозов уже давно «отоваривается», правда, «отоваривается» неполностью, частично, но всё же «отоваривается»... Задача состоит в том, чтобы эти зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия».

Опубликование работы «Экономические проблемы социализма в СССР» стало событием для всего мира. В частности, колхозников Узбекистана — республики, где отоваривание хлопка получило наиболее широкое распространение, — эта работа заставила по-новому взглянуть на свою жизнь, дала возможность им явственно увидеть в своей жизни черты завтрашнего дня, зачатки новых, коммунистических общественных отношений.

11. „БЕЛОЕ ЗОЛОТО“

Человеку, чтобы совершенствоваться, необходимо мечтать. О чем раньше мог мечтать узбекский дехканин? В лучшем случае выстроить себе новый дом и, наняв батраков или купив вместо них двух-трех жен, предаться безделью. Труд был для него проклятьем, ибо он не был творчеством, его не освещала большая, ослепительная человеческая мечта. Работать нужно было, чтобы не умереть.

О чем мечтают ныне узбекские передовые колхозники-хлопкоробы? Они, как и все советские люди, мечтают о том, чтобы скорее приблизить в нашей стране наивысший расцвет производительных сил, когда, как говорил об этом Карл Маркс, «все источники общественного богатства польются полным потоком» и «общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»

Поезжайте в один из андижанских колхозов, в колхоз имени Сталина Андижанского района, к его председателю Ибрагиму Бакирову — Герою Социалистического Труда и великолепному организатору хлопководства; или в Алтынкульскую МТС к Нигмату Иргашеву — бригадиру одной из самых прославленных в республике тракторных бригад; или, наконец, в колхоз имени Сталина Пахтаабадского района, к его председателю Алиму Курбанову — замечательному опытнику-хлопкоробу, члену Всесоюзной сельскохозяйственной академии, человеку, имя которого широко известно в Советском Союзе.

Когда, согласно старинному обычаю гостеприимства, хозяин расстелет перед вами дастархан — скатерть с угощением, положит на блюда яблоки, груши, кишмиш, орехи, фисташки, миндаль, нарезанную ломтями дыню и белые хлебные лепешки, которые он своими руками, согласно тому же обычаю, разломит сам на куски, когда вам подадут в пиале ароматный чай и вслед за этим завяжется беседа, спросите хозяина: что дает советским людям хлопок? Любой узбекский колхозник знает это, ибо разнообразие того, что делается из хлопка, составляет предмет его гордости.

Быть может, прежде чем начать отвечать, он, как это часто бывает, достанет откуда-нибудь из угла своей комнаты куст хлопчатника, — выращенный им куст с сотней коробочек, который он хранит для торжественных случаев, водрузит его на край стола, привычным жестом вытащит из одной коробочки волокно, разотрет его пальцами и начнет рассказ.

Это будет рассказ о кусте хлопчатника.

Ничто не пропадает в кусте хлопчатника. Люди носят белье и верхнюю одежду из хлопчатобумажных тканей. Взмывают в небо легкие учебные самолеты, на крыльях которых натянуты хлопчатобумажные полотнища. Бегут по дорогам автомашины, — их корды, каркасы автопокрышек сделаны из хлопкового волокна. Мягко, почти бесшумно скользят в фабричных цехах транспортерные ленты — они сделаны из бейтинга, особой хлопчатобумажной материи. Из хлопка делают и плащ-палатки, и обмотку электромоторов, и фибру — искусственную кожу, и противогазные сумки, и конскую сбрую, и водолазные и пожарные костюмы, и воздухопроводные рукава. Ночью в непогоду стоит на посту у военного склада боец, закутавшись в брезентовый плащ, — и брезент этот из хлопка. Рыбаки ловят рыбу сетями из хлопка. Врач делает операцию, в щипцах у него марля и вата, — и это хлопковое волокно.

Но этого мало. При очистке хлопка-сырца только треть его превращается в волокно, две трети — семена и драгоценнейшие отходы — пух и подпушек. Миллионы повеньких, еще пахнущих свежей краской книг выходят из ворот типографий, — они напечатаны на бумаге, сделанной из этих отходов. По улице идет женщина в легком летнем платье из искусственного шелка, — и оно из этих отходов. Бритвенный станчик и гребенка из пластмассы, — и они из этих отходов. Из них сде-

В хлопковой Фергане.

лано даже сверкнувшее на солнце стекло проехавшего автомобиля, даже кинопленка и водонепроницаемые лаки.

Но и это еще не все. Белое, обросшее волокном хлопковое семечко тоже не пропадает.

Батареи бутылок с хлопковым маслом блестят на полках продовольственных магазинов. Масло это употребляется в пищу. С помощью хлопкового масла делают линолеум, клеевые водонепроницаемые ткани, разные красители и олифу. Из него готовят стеариновую кислоту и стеариновые смолы. В аптеках при свете электрических ламп мерцают огромные бутылки со спиртом, сделанным из шелухи хлопковых семян. Рядом лежит туалетное мыло, его варили на собостве — отходах хлопкового масла. В совхозных коровниках и свинарниках рабочие откармливают скотину хлопковым прессованным жмыхом. Даже гузапая, стебли хлопчатника, и те драгоценность. Они не только отличное топливо, из них тоже можно делать бумагу, пластмассу, искусственный шелк.

Теперь, читатель, вам ясно, почему Иосиф Виссарионович Сталин поставил хлопок по его значению рядом с металлом, топливом, хлебом. Только одни узбекские хлопкоробы, не считая хлопкоробов других республик, должны дать стране в 1953 году столько хлопка, что из него можно будет сделать пять с половиной миллиардов метров одних лишь хлопчатобумажных тканей: в полтора раза больше, чем изготовлялось во всем Советском Союзе накануне Отечественной войны, и, кроме того, триста миллионов пар чулок и носков, двести пятьдесят миллионов штук разного трикотажного белья, двести сорок тысяч тонн хлопкового масла, бесчисленное количество бумаги, искусственного шелка и других продуктов хлопчатника.

Куст хлопчатника! «Дитя солнца», как называют его американцы. Недавно еще считалось: чем дольше светит солнце, тем больше будет собрано хлопка, ибо хлопчатник погибает, как только приходит зима. Солнце покидает осенью Узбекистан гораздо раньше, чем покидает оно хлопковые южные штаты Америки. И все же узбекские колхозники в среднем с каждого гектара собирают теперь хлопка в два с половиной раза больше, чем американские плантаторы. А передовые андижанские колхозы, как и все передовые колхозы Узбекистана, на всей своей площади в среднем собирают хлопка с гектара в шесть раз больше американцев. А лучшие из лучших, Герои Социалистического Труда, собирают больше американцев в одиннадцать-двенадцать раз.

Несмотря на холодноватое для хлопчатника солнце Узбекистана, они уже давно «догнали Америку», перегнали ее и оставили далеко позади, ибо на помощь им пришла социалистическая наука, та правда социалистической жизни, при которой каждый колхозник сделался своего рода агрономом, тонким, культурным знатоком своего дела. Так по-новому зазвучала на хлопковых полях старинная ферганская поговорка: «Правда светлее солнца».

12. В НАМАНГАНЕ

Наманган — пятый большой город Ферганской долины и единственный, что раскинулся по другую, правую, сторону Сыр-Дарьи.

Над городом вытянулись стеною синеватые предгорья Чаткальского хребта. Из-за этой синей стены иногда летом на Наманган среди дня надвигаются черные грозовые тучи. Их дымные свисающие края озаряются вспышками молний, гром потрясает небо. Но наманганские петухи при этом не поют к перемене погоды: молнии погаснут, тучи рассеются, а ни одна капля дождя наземь не упадет. Всю влагу поглотят восходящие токи поднимающегося со дна котловины раскаленного воздуха.

Близость гор чувствуешь и во вкусах строителей города. Хотя Наманган стоит на ровном месте, кровли его домов кое-где поднимаются одна над другой, образуя в разных концах города как бы маленькие амфитеатрики. Толпятся домики вдоль обрыва над Наманган-саем, а с обрыва сбегает вниз крутые тропки. Неся на плече кувшин с водой, поднимается по такой тропке девушка, напоминая горянку Кавказа.

В центральной части Намангана безраздельно господствуют деревья. По величине деревьев, их красоте, пышности и великолепию здешние парки, скверы и улицы могут сравниться разве лишь с Ферганой. Но самый фон, на котором вырисовываются эти деревья, и особнячки, и корпуса многочисленных заводов, и здания новых школ и театров, и витрины магазинов, — фон города тут другой. Этот фон многие видели на всесоюзных физкультурных парадах в Москве. Как бы ни были разнообразны выступления узбекских физкультурников, каждый раз наступало мгновение, когда Красная площадь и стадион «Динамо» вдруг становились белоснежными от сотен невест откуда взявшихся гигантских коробочек с хлопком.

Потоки хлопка и обросших волокном таких же белоснежных хлопковых семян мчатся по наманганским улицам на грузовиках к воротам хлопкоочистительных заводов и заводов хлопкового масла. Над стенами хлопкозаводских дворов, что тянутся на кварталы, вздымаются белоснежные горы хлопка. Белизна этих гор в Намангане просвечивает сквозь кружевную зелень листвы, отражается в окнах особнячков, в маленьких водоемах. Она видна отовсюду. И кажется, что снежные вершины Чаткальского хребта, чуть выдвинутые из-за синих предгорий, — это только далекие отблески разбросанных по городу ослепительно-белых гор хлопка.

Гордятся наманганцы и своим «горным хлопком». Так величают тут коз породы «Узбекская длинношерстная» за их длинную белую шелковистую шерсть. Из шерсти этой выделяются отличные ковры, дорогие сорта бархата, прочные отделочные и обивочные ткани. Впервые ангорские козы были завезены в разные районы Узбекистана в 1937 году. Оказалось, что лучшее место для них в Узбекистане и одно из луч-

ших в Союзе — все та же синяя гряда предгорий за Наманганом. Здесь козы быстро акклиматизировались и стали давать шерсть, не уступающую высшим турецким сортам. Советские селекционеры — работники Узбекского научно-исследовательского института животноводства, — разумеется, этим не удовлетворились. Скрещивая ангорских коз с местными, советские животноводы создали совершенно новую породу, куда более крупную и плодовитую, чем ангорские козы. Больше двухсот тысяч узбекских длинношерстных коз пасется теперь на пастбищах Чаткальского и Кураминского хребтов.

Под Наманганом за зеленью его пригородных садов и виноградников простираются поля одного из интереснейших колхозов Ферганской долины — колхоза имени Сталина.

Любой путник, достигший придорожной чайханы вечером, знает, что под кровом ее он сможет обрести и ночлег. Так заведено в Узбекистане издревле. Но в колхозе имени Сталина чайханщик, заметив, что вы собираетесь расположиться на отдых, остановит вас и проведет наискосок, к воротам в обширный фруктовый сад для гостей. В саду стоит домик колхозной гостиницы, расписанный живописью. Вы найдете там чистую постель, мягкую подушку, стол с газетами и журналами, телефон.

От чайханы, от проезжей дороги уходит в сторону прямая мощеная улица. По ее обочинам аллеей выстроились пирамидальные тополя. Между ними поблескивают электрические провода; местные воробьи, как и их городские собратья, сразу же оценили это удобство для устройства «летучих совещаний».

Колхозные коттеджи на этой улице всем обликом своим повествуют о новом быте.

Таких светлых, глядящих на улицу окон, и фарфоровых изоляторов на стене, и высоких фундаментов, за которыми угадываются в доме деревянные полы, и парадных подъездов с каменными ступеньками, и печных труб над кровлями — ничего этого в старых мазанках не было и в помине. Лишь одно строение со сводчатыми куполами заставляет вспомнить о старинной азиатской архитектуре, но и это строение — колхозная баня — тоже новость в быту узбекских дехкан.

Зайдите в любой дом, хотя бы к Герою Социалистического Труда Шарифбаю Батырову. Узорные сюзанэ сочетаются с обычной мебелью, бронзовые кувшины чеканной работы — со всем богатством современных предметов культурного обихода. И что совсем необычайно: стены в комнатах покрыты яркой пейзажной живописью. Средняя Азия, если не считать древней узбекской миниатюры, живописи не знала. За изображение всего живого коран грозил правоверным тягчайшими загробными муками. Мир живописи только теперь открылся узбекскому народу. Колхозники Наманганской артели имени Сталина одни из первых среди ферганских дехкан пригласили к себе в дом живописцев. Следом и другие колхозники их благодатной долины стали расписывать комнаты.

Главная улица колхоза упирается в поперечную, такую же новую, прямую, уходящую вдаль, к хлопковым полям. Их перекресток обступили новые здания: колхозных детских яслей, школы-семилетки, сельского магазина. Рядом — новый хозяйственный двор колхоза. Невдалеке видны строения новых скотных дворов и амбаров. Читатель вправе меня упрекнуть, что слишком часто повторяю я слово «новое». Но что делать, если словарь наш отстал от стремительного роста нового в нашей стране, если нет еще в языке такого же богатства оттенков для слова «новое», какое есть для «старого»: устаревшее, отжившее, отмершее, реакционное, закоснелое, закоренелое, архаичное, патриархальное, ветхое, стародавнее, минувшее, невозвратное, древнее, первобытное, допотопное и еще множество слов.

Самые красивые новые здания в центре поселка — правление колхоза имени Сталина и клуб с пристроенной к нему будкой для кинемеханика. Они расписаны живописью даже снаружи. И, что всего интересней, в клубе остроумно разрешено архитектором соединение обычной клубной сцены с помостами-супами для зрителей. Широкой каймой эти накрытые коврами помосты опоясывают узенький ряд театральных кресел так, что колхозники могут смотреть спектакль, сидя на помостах, как в чайхане, привычно поджав под себя ноги.

В этом клубе на концерте я впервые услышал один из известнейших мухаммасов Машраба. Не только в Ферганской долине — во всем Узбекистане нет селения, где юноши и девушки не пели бы лирические песни Машраба. Люди постарше предпочитают его газали и мухаммасы, городские и сельские остряки — его сатирические стихи и шутки.

Бабарахим Машраб, прославленный узбекский поэт, родился в городе Андижане в 1657 году в семье бедняка. Вольнодумец, он всю жизнь бесстрашно изобличал феодальных правителей, ишанов и мулл. Гонимый «сильными мира сего», всю жизнь провел он в скитаниях и в 1711 году на площади города Балха был публично казнен как еретик.

Судьба Машраба, преследуемого, лишеного крова, разлученного с друзьями, всегда голодного, была в течение столетий судьбой всего узбекского трудового народа. Именно на эту тему написан услышанный мною в клубе колхоза имени Сталина знаменитый мухаммас Машраба, гневно обвиняющий «разъяренное небо»:

В горе я дни, небосвод разъяренный, влачу — по вине твоей!
Кровь из очей я ночами бессонно точу — по вине твоей!
Где я достаток мой, в прах разметенный, сыщу — по вине твоей?
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я, — «дод, дод» исступленно кричу по вине твоей!

Я — соловей средь пустынь. Ни гнезда, ни приюта — нет у меня!
Совы ютятся в развалинах зданий, руины — нет у меня!
Кров мой родимый! Тропинки туда ни единой — нет у меня!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я, — «дод, дод» исступленно кричу по вине твоей!

С верными прежде мне — духом и силой моей — разлучили меня!
С ясными веждами — другом и милой моей — разлучили меня!
С тем, что надеждами душу дарило мою, — разлучили меня!
В свежем саду я, как ствол оголенный, торчу — по вине твоей!
Где ни пройду я, — «дод, дод» исступленно кричу по вине твоей!

Сидишь в клубе, слушаешь эти стихи, глядишь на задорное лицо узбека-комсомольца, читающего их, на серьезные лица слушателей: бригадиров хлопководческих и садоводческих бригад, колхозных мирабов и поливальщиков, трактористов — людей нового, социалистического кишлака, думающих не о своем благополучии, а о счастье всего человечества, и думающих конкретно, деятельно, связывающих с человеческим счастьем свою жизнь, свое счастье, — глядишь на них, и особенно ощутимой становится вся глубина пропасти, из которой вывела Коммунистическая партия узбекский народ.

Мысль эта сопровождает вас всюду, когда осматриваешь колхоз имени Сталина.

Большая, солнечная, я сказал бы, даже необыкновенная комната, если бы такие комнаты не появились теперь во многих узбекских колхозах и не стали, таким образом, обычными, существует здесь в здании правления. На стенах в этой комнате мерцают лабораторные приборы, колбы, пробирки. Черноглазая девушка-колхозница быстро вертит ручку маленького барабанчика, перематывая белоснежное волокно. Другие колхозницы-лаборантки склонились над тетрадями с записями и цифрами. На стенах висят витрины с образцами хлопчатника, цветов, семян. Это сердце колхоза — лаборатория элитно-семеноводческого хозяйства.

Еще в первые годы коллективизации колхозники создали у себя хату-лабораторию. Когда в ту пору один привыкший работать по старинке колхозник сказал тогдашнему председателю: «Зачем нам возиться с хатой-лабораторией, и так проживем...», тот лишь отшутился народной пословицей: «Для плохой лошади и туча в тягость». А спустя три года самые отсталые колхозники, и те гордились своей хатой-лабораторией. Ведь благодаря ей из сезона в сезон собирали они со своих хлопковых полей все большие урожаи, и их родной колхоз стал колхозом-миллионером.

В 1952 году колхоз имени Сталина получил больше пятнадцати миллионов рублей дохода. В поселке этого колхоза работает сейчас тридцать пять учителей, сорок механизаторов, десять медицинских работников. Многие колхозники имеют свои легковые автомашины, у ста с лишним человек есть свои мотоциклы.

Три черты характерны для людей этого передового колхоза: хозяйственная расчетливость, смелая страсть к зачинательству и неустанная забота о том, чтобы все новое распространилось далеко вширь. Они построили электростанцию: в комнатках вспыхнул электрический свет, озарили темные углы, хозяйки увидели в них паутину, взялись за тряпки, — и этот житейский жест был для них началом революции в быту. И не

только хозяйки колхоза имени Сталина, — вместе с ними взялись за тряпки, а затем и принялись перестраивать свои дома и хозяйки окрестных кишлаков: ведь электростанция колхоза имени Сталина дала энергию многим селениям вокруг.

Ныне в колхозах Узбекистана электричество приводит в движение рисорушки, крупорушки, мельницы, тукодробилки, насосы, понижающие уровень грунтовых вод, и насосы, поднимающие воду для полива плантаций граната, вращает станки механических мастерских, движет молотилки, клеверорезки и сортировки, очищает семена, режет и прессует корма, применяется для сушки хлопка, для электрической дойки коров, для электросварки, для зарядки аккумуляторов, для отопления детских яслей и колхозной амбулатории, для лечения тех членов артели, кому нужен кварцевый свет или облучение лампами «солюкс». Электроэнергия в каждом колхозе заменила труд сотен людей.

Электрифицированных и заново перестроенных колхозов в Узбекистане теперь уже сотни. Особенно много их под Ташкентом. Но у тех селений рядом были столичные архитектурно-планировочные мастерские и повседневная помощь заводских шефов. Вслед за ними мало-помалу стали разрастаться всенародная электрификация и перестройка селений. Каков размах этой работы, станет ясно, если сказать, что по плану к 1955 году вся республика полностью завершит электрификацию сел.

В связи с этим грандиозным строительством мне вспоминается сценка, происшедшая в Самарканде задолго до Великой Отечественной войны, когда в Узбекистане только начали появляться первые электрифицированные и перестроенные по новому плану кишлаки.

Как-то раз в одно такое селение, в кишлак Боштоги-Боло, что под Самаркандом, приехали иностранные туристы. Из автомобиля вышла англичанка и стала фотографировать кривой плоскокрыший домик за полуразрушенным забором.

— Зачем она снимает его? — спросил подошедший старик. — Эта хибарка идет на слом. Здесь жил я. А теперь я живу вон там, — и старик кивнул на новый домик недалеко от колхозной электростанции.

Англичанка вздохнула:

— Да-а, большевики убивают экзотику...

— Что она говорит? — поинтересовался старик.

— Она жалеет, что вы уничтожаете старину, старинную красоту, — сказал переводчик.

Старик усмехнулся:

— Передайте госте, что я буду счастлив уступить ей этот красивый старинный домик. Пусть живет и радуется. А я уж как-нибудь «промучаюсь» в новом доме.

В Узбекистане нет больше «живописных» лохмотьев и «живописных» развалин. Только замечательные архитектурные памятники прошлого, даже если они в развалинах, благоговейно оберегает узбекский народ.

Но с «экзотикой» нищенской жизни он распрощался навеки. Забота о людях стала моралью и бытом советского общества. Об этом говорит нам каждый новый культурный дом в колхозе, сотни тысяч таких домов в республике. Об этом говорит и всенародный план перестройки всех колхозных селений Узбекистана.

13. ПУТЬ ВОДЫ

Если бы путешественнику, впервые попавшему в Ферганскую долину, пришлось, вместо того чтобы воспользоваться поездом, проехать в лодке по Сыр-Дарье и потом его спросили бы: «Ну, какова она, эта благодатнейшая долина?», он при слове «благодатная» только бы плечами пожал.

Он рассказал бы о море песков, то желтых, то серых, среди которых катит свои мутные воды Дарья, о сверкающих на солнце солончаках, о голых, потрескавшихся от солнца глинистых площадках — такырах. Местами Дарью отделяют от пустыни яркозеленые заросли чия (очень высокой среднеазиатской осоки) и густо переплетенных прибрежных кустарников, в которых гнездятся птицы, а порой поблескивают и янтарные глаза камышового кота. За этой зеленью сереют песчаные барханы. Они казались бы безжизненными, если бы кое-где из них не торчали высокие розетки зеленовато-розовых мясистых листьев ревеня или кустик верблюжьей колючки, из-под которого маслянистой струей выползает змея.

А между этой обрамляющей Сыр-Дарью песчаной пустыней и полосой культурных земель искони лежала еще Яз-Яванская степь. Каждую весну ребятишки бегали в эту степь нарвать букет ярких тюльпанов. Летом оборванные пастухи, которых баи не пускали на горные луга, бродили по этой выжженной солнцем степи с маленькими гуртами бедняцких овец. Выслеживая сусликов, парили над степью ястребы и орланы. И ее, эту плодородную, но бесплодную, безводную, безлюдную степь, можно было превратить в сплошной цветущий оазис. Но для того чтобы ее оросить, необходим был хашар.

Старинное слово, и вместе с тем слово живое, неумирающее, как бы символизирующее душу народа, — оно непереводаемо. Случается ли серьезное землетрясение, все жители стекаются на хашар, чтобы сообща восстановить стены и кровли обрушившихся жилищ. Нужно ли построить мост через реку или воздвигнуть над базаром камышовую кровлю, и тут выручает хашар. Хашар — это коллективная работа и вместе с тем взаимопомощь в беде. Хашар — это дружба: если есть у тебя недруг, забудь на время о своей вражде и плечом к плечу с ним делай общее дело. Есть в слове «хашар» и оттенок праздничного события. На хашары всегда съезжались народные певцы и музыканты. От зари до зари, чтобы работа спорилась веселей, тут звучал дробный пере-

бор нагарá — особого звонкого барабанчика, и певучий голос сурная — народного среднеазиатского гобоя, и мощный рев карнаев — огромных труб, своими звуками «потрясающих небо».

Случалось, однако, что некоторые ханы и беки использовали хашары и в своих корыстных целях. Они насильно сгоняли народ для выполнения какой-либо тяжелой феодальной повинности и прикрывали это священным для сердца каждого узбека словом «хашар». Из-за этого в некоторых местностях Узбекистана в слове «хашар» появился и мрачный оттенок. Советская власть сбросила с плеч дехканства ярмо феодальных повинностей и навсегда вернула слову «хашар» его первоначальный, народный, сияющий смысл.

В первые годы после революции ферганцы перестроили свои древние оросительные системы: соорудили современные шлюзы, коллекторы, всдосбросы. А в 1939 году по призыву Коммунистической партии они вышли на огромный, по масштабам никогда не виданный раньше хашар, чтобы прорыть новый канал и по нему перебросить часть избыточных вод Исфайрама в речку Шахимардан, в низовьях которой всегда остро нехватало воды. И в работу свою они вложили столько страсти, столько кипучей энергии, что совершили, казалось, невозможное: прорыли тридцатидвухкилометровый Ляганский канал всего за семнадцать дней. Весть об этом облетела республику и всколыхнула всю Фергану. Так родилась в нашей стране идея народных строек.

В том же 1939 году, вслед за Ляганским каналом, окрыленные успехом ферганцы решили, ни много ни мало, прорыть для могучей среднеазиатской реки новое русло, пустить по ней часть сыр-дарьинской воды и оросить ею степь. В августе, когда хлопкоробы сравнительно свободны от полевых работ, сто шестьдесят тысяч колхозников вышли на грандиозный хашар, чтобы прорыть Большой Ферганский канал. В городах и селениях Ферганы на улицах и площадях была вывешена в те дни карта трассы Большого Ферганского канала. А вдоль самой трассы, в степи и в предгорьях, забелели врытые в землю столбы, к которым были прибиты дощечки: химическим карандашом на них были написаны названия колхозов.

К этим столбам, к этим дощечкам со всех концов долины двинулся народ, вооруженный кетменями, лопатами, кирками, носилками и мешками, двинулся так густо и поднял такую пыль, что на следующий день после начала строительства во всех городах Узбекистана стали собирать автомобильные очки и доставлять их сюда тысячами на самолетах. В городах Ферганской долины засновало невиданное прежде количество грузовых машин: они везли на трассу канала лес, железо, цемент. Этих машин появилось тут так много, что в города Ферганы были срочно вызваны из Ташкента регулировщики уличного движения.

Яркую картину трудового подъема, которым были охвачены строители Большого Ферганского канала, нарисовал нам участник строительства и свидетель его писатель Эль-Регистан в своей книге очерков

В колхозном доме.

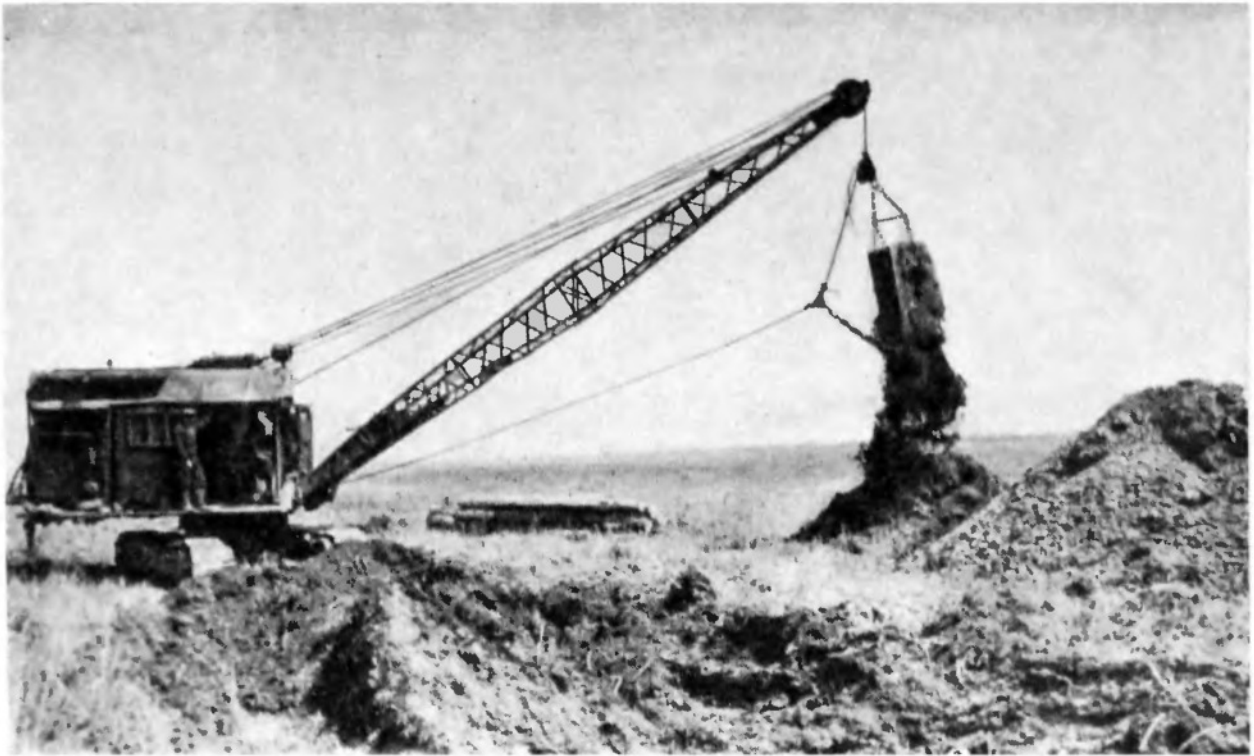
После трудового дня в кишлаке.

В колхозной читальне.

Передвижной книжный киоск в селении.

Началось наступление на пустыню в центральной Фергане.

Там, где недавно была лишь степь.

«Большой Ферганский канал имени Сталина». Вот страница, которая доносит до нас дыхание тех неповторимых дней:

«Избаскентцы, земляки богатырей Джурабая Бутаева штурмовали холмы Лагунбека. Им предстояло пробить насквозь через холмы Лагунбека ленту в пятьдесят метров шириной по верху будущего канала.

Выстроенные подряд, крытые камышовыми цыновками и брезентом чайханы избаскентцев, застланные дорогими коврами, охватывали фланги холмов, и по той чистоте, уюту и домовитости, которыми они отличались, видно было, что эти люди не уйдут отсюда, пока не пробьются сквозь холмы. Карнаи здесь ревели не умолкая с утра и до наступления темноты. В старом арыке плавали привязанные за горлышко кувшины с «яхной» — охлажденным зеленым чаем, прекрасным средством для утоления жажды...

Каждый колхоз в первый же день работы водрузил в центре своего участка знамя. Кетменщики, вырубая грунт, оставляли землю для замера вокруг знамени. Кетменщики врезались все глубже в землю, а знамена поднимались все выше и выше. И высота знамени служила наилучшим показателем стахановской работы».

По нормам того времени по крайней мере шесть-семь лет надо было, чтобы построить такой канал, как Большой Ферганский. Колхозники прорыли его за сорок пять дней. И эти сорок пять дней подвели итог тысячелетиям — итог всей истории среднеазиатских народов. Никогда доселе здесь еще не строили такого гигантского канала, канала в двести семьдесят километров длиной. Никогда доселе не могли и думать здесь, что можно выстроить его в такой срок.

Говорят, что молодой узбекский композитор Муталь Бурханов однажды сравнил Ляганский канал с прелюдией к той величественной симфонии борьбы ферганцев с природой, первой частью которой стало сооружение Большого Ферганского канала имени Сталина. Это сравнение кажется мне прекрасным и совершенным.

Кто хоть раз побывал в Узбекистане на стройках каналов и видел то праздничное одушевление, с каким здесь работают люди, то напряжение радостно-разъяренной силы, которому, кажется, ничто на свете не может противостоять, кто сидел за одним из самоваров, кипящих вдоль трассы канала, отдыхая и слушая музыку народных оркестров, кто присутствовал на открытии канала и вместе с его строителями пережил минуты ожидания первой воды: она появляется вдали, коричневая, пеннистая, вскипающая пузырями, приближается, и ожидание людей прорывается восторгом, тем безудержным восторгом, когда люди забывают о приличиях, обо всех условностях, преподанных житейскою мудростью, когда старики и дети, женщины и мужчины начинают внезапно подбрасывать свои тюбетейки или бегут за струей воды, чтобы вдруг остановиться и снова броситься вслед, — кто пережил эти наивные, прелестные и искренние минуты восторга, тот всю жизнь носит с собой воспоминание об этом, и оно звучит в нем, как музыка.

День открытия Большого Ферганского канала не был еще завершением первой части этой симфонии, он был только ее серединой, наивысшей точкой. Вслед за ним в симфонию вступил могучий гул тракторов, распахивающих целинную землю, скрип арб, мычанье и бляенье стад, всплески человеческих голосов, — это тысячи колхозных семейств двинулись с имуществом и скотом в Шаариханскую и Яз-Яванскую степи. Они принялись строить жилища, разбивать улицы будущих кишлаков, прокладывая мелкую оросительную сеть, сажать деревья. Вначале новоселам остро нехватало тени, — тогда и родилась тут песенка, в которой парень, обращаясь к возлюбленной, просит «укрыть его от солнца в тени своих ресниц».

Если первую часть этой величественной симфонии борьбы ферганцев с природой можно назвать «покорение степи», вторую ее часть можно бы озаглавить «ювелирной работой ирригаторов». Это была смелая и тоже доселе невиданная работа. Ведь, кроме степи, простершейся посреди Ферганской долины, кое-где в древних оазисах остались сотни тысяч клочков земли, на которые воды нехватало. Идешь бывало по непрерывным садам и полям, и вдруг дорога выбегает на пустырь, поросший полынью и убогой колючкой. Ферганская долина была вся в заплатах и дырах, и ирригаторы вместе с колхозниками решили сбросить с нее это рубище, сшить ей новое, нарядное платье.

Они проложили для этого из Кара-Дарьи Южный Ферганский канал, оросивший Андижанский и Маргеланский оазисы. Наманганский оазис они опоясали Северным Ферганским каналом. И неширокая полоса сухих степей к западу от Намангана тоже огласилась людскими голосами, оделась древесной листвой и белой подпушью хлопка. В северо-западном углу долины, на речке Кассан-сай они построили Урта-Токайское водохранилище емкостью в сто миллионов кубических метров воды. На Сохе они соорудили железобетонную плотину с регулятором для забора воды, а всю сэкономленную воду пустили на клочки неорошенных земель.

Шаг за шагом ферганские ирригаторы-ювелиры уничтожали в оазисе желтые пятна выжженной солнцем степи. Но и это не было еще концом симфонии. Это было лишь завершением второй ее части. Теперь началась финальная, третья, едва ли не самая грандиозная и волнующая ее часть.

В 1952 году ферганские колхозники обратились к правительству СССР с просьбой ускорить последнее и решительное наступление на Яз-Яванскую степь, оросить ее в три-четыре года всю до последней кочки. Что самое интересное, колхозники предложили сделать это на свои средства, за счет неделимых фондов колхозов. Несколько миллиардов рублей решили израсходовать ферганцы-колхозники на это благородное дело.

На XIX съезде партии о смелом начинании ферганцев подробно рассказали советскому народу делегаты-узбеки. Предложение ферган-

цев показало всему миру, как велика жизненная сила колхозного строя, как выросло общественное хозяйство колхозов и как по-государственному научились колхозники подходить к решению вопросов хозяйственного строительства. Съезд партии включил освоение районов центральной Ферганы в план пятой пятилетки.

И вот в глубь Яз-Яванской степи двинулись теперь уже не тысячи людей с кетменями, а колонны экскаваторов. Чтобы представить себе, какова ныне насыщенность техники на ирригационных работах, достаточно сказать, что землеройные механизмы, имеющиеся ныне в Узбекистане, позволяют за семнадцать дней вынуть столько грунта, сколько было вынута строителями Большого Ферганского канала. По Яз-Яванской степи — по дорогам и бездорожью — засновали грузовые автомашины, развозя пресную воду и продукты строителям. Экскаваторы стали прорывать каналы, по которым уходила из степи черная соленая грунтовая вода. Густые клубы дыма поднялись над степью: это колхозники стали выжигать камыш и колючку. На реке Нарын будет создано второе водозаборное сооружение, которое добавит воду в Большой Ферганский канал. Знаменитый канал этот будет расширен. В горах вырастут новые водохранилища, новые распределительные сооружения. И в глубь Яз-Яванской степи проляжет еще одна новая большая река, прямая, как взгляд.

Освоение районов центральной Ферганы идет еще и по другому. В Ферганской долине, возле Сыр-Дарьи, существует обширная пустыня Кайрак-Кум, покрытая кое-где движущимися песками, кое-где мелким щебнем и солончаками. Как и встарь, гребешки барханов здесь чуть дымятся от ветра. Как и встарь, выходит вечером на охоту одинокий житель этих пустынных мест — рыжий волосатый паук фаланга, да порой меж барханов, подобно крошечной молнии, проносится ящерица круглоголовка. Орошать эту пустыню нет смысла: все равно на песке и щебне ничего путного не станет расти. И советские люди решили просто-напросто уничтожить эту пустыню, затопить ее водой, превратить в море.

Пройдет несколько лет, и кокандцы станут по воскресеньям толпами устремляться за город, чтобы искупаться, прокатиться в лодке или полежать на пляже, любуясь бескрайным морем, изборожденным легкими гребнями волн. Побережье украсится субтропическими садами — море смягчит засушливый климат долины, и тогда тут, кроме рощ лимонов и мандаринов, расцветут магнолии, эвкалипты, восточная хурма. Светлыми лентами потянутся следы на воде за рыбацкими парусниками, что станут бороздить «Ферганское море» — море с зеркалом в шестьсот квадратных километров. Из Ферганской долины можно будет уехать на пароходе. Над его кормою закружатся чайки, сопровождая пароход до Кайрак-Кумской плотины. Узбеки вместе с казахами получают тогда большие массивы вновь орошенных земель.

Но для того чтобы эти земли увидеть, надо проститься с Ферганой, озаренной солнцем, цветущей, благодатной, прекрасной, и по Ленин-

абадскому ущелью вернуться к скалам Фархада. Именно сюда хлынут воды «Ферганского моря», и отсюда они по каналам устремятся веером на запад, в Голодную степь. Так симфонию борьбы ферганцев с природой завершит все та же легендарная фигура узбека-строителя, фигура Фархада: он словно бы вышел из Ферганской долины и остановился, орлиным взором окидывая с высоты скал всю свою землю, как бы прикидывая в уме, что еще нужно сделать, что построить, чтобы человек, не хвастаясь и не заносясь, мог просто, буднично, с сознанием своих истинных сил именовать себя властелином земли.

**ВНИЗ
ПО ЗАРАФСАНУ**

1. В ДЖИЗАКСКОЙ СТЕПИ

оезд идет по Джизакской степи к Самарканду. За окном вагона пейзаж величав и суров. Слева серые горы. Справа пепельная, потрескавшаяся земля, дымные кусты чахлой полыни, туманные очертания пасущегося в стороне табуна. Сверху сизое небо, на его фоне проплывают телеграфные столбы, так изъеденные термитами, будто покрыты они пыльными кружевами. Пейзаж этот напоминает гравюру. Иногда только разнообразится он одной яркой краской — солнцем, подобным огненному клубку. Это солнце, предвещающее ветер. На него можно смотреть не мигая. Красным, ясно очерченным шаром висит оно над землей.

Ничто в этой картине не скажет человеку несведущему, чем знаменита Джизакская степь. Однако люди сведущие, если вы спросите их, укажут на табун пасущихся лошадей. Это карабаиры, прославленные кони Узбекистана.

Узбекский народ отводит коням в жизни своей почетное место. Когда на слетах передовиков коневодства республики стенограммы некоторых речей переводят на русский язык, это оказывается очень трудным: так богат узбекский язык словами, имеющими отношение к коням. Слово «олокарак», например, приходится переводить десятью словами: «конь, теряющий способность бежать, когда его резко останавливают на ходу».

Праздничные дни всегда отмечаются в Узбекистане традиционными конными состязаниями.

В течение столетий отцы и деды нынешних зарафшанских колхозников, отбирая, скрещивая и воспитывая лошадей, создали породу карабаиров. В годы гражданской войны все лучшие производители-карабаиры были частью перебиты в боях, частью угнаны басмачами в Афганистан. И порода карабаиров, сильно поредевшая еще при последних бухарских эмирах, без производителей грозила сойти на нет. С первых же лет советской власти началось постепенное восстановление породы. К началу войны колхозники, руководимые работниками самаркандского и шахрисабзского государственных племенных рассадников, вырастили на своих племенных фермах больше полумиллиона карабаиров. Порода была восстановлена.

В 1940 году, впервые за свою историю, карабаиры вступили на беговую дорожку Московского ипподрома и удивили москвичей, выиграв все призы в заездах на шесть тысяч четыреста метров. Но истинное уважение специалистов завоевали себе узбекские кони спустя год. Произошло это летом 1941 года. Во Львове были объявлены скачки. В качестве участников прибыли английские лошади, дончаки, орловцы, ахалтекинцы и питомцы далекого Узбекистана — карабаиры. Скачки были назначены на воскресенье, 22 июня.

Памятное всем воскресенье! В этот день на Львов, как и на некоторые другие советские города, налетели фашистские самолеты. Скачки были отменены. И спустя день маленький косяк племенных коней уже шел на восток, затерявшись в потоке эвакуируемых стад, машин, людей, эшелонов. Во время этого перехода лошадям приходилось делать в день по сто пятьдесят — сто восемьдесят километров. Переходов этих не выдержали холеные английские скакуны и нежные ахалтекинцы: советским коневодам пришлось раздобыть машины и погрузить на них лошадей, чтобы спасти. До берегов Дона сами дошли лишь карабаиры и дончаки. Дончаки остались в родных степях, а неутомимые карабаиры двинулись дальше, через прикаспийские степи, через пески.

Карабаиры славятся в советской кавалерии как одни из лучших строевых лошадей. Эти быстроногие скакуны, о которых в Узбекистане любят говорить, что они потомки Байчибара — крылатого богатырского коня, того, что «скачет по горе — гора под ним гудит, по граниту скачет — и звенит гранит, кажется, что ветер он опередит», эти крылатые кони, кроме того, еще и прекрасные рабочие лошади, «сверхтяжело-

возы». Норма обычной рабочей лошади — одна тонна груза. Карабаиры легко берут с места и везут груз в две-три тонны.

Еще недавно центр коневодства республики был не в Джизаке, а в районе Самарканда, Ургута, Катта-Кургана. Но там воздвигли новые каналы и водохранилища. Вслед за водой на вчерашние пастбища пришел король среднеазиатских земель — хлопок. Карабаиры должны были почтительно уступить место хлопчатнику, потесниться, и центр узбекистанского коневодства перекочевал в Джизакскую степь.

Джизак — в переводе ад. Так тысячелетие назад называли люди этот маленький городок из-за жаркого климата и недостатка проточной воды. За тысячу лет климат здесь лучше не стал, воды попрежнему маловато: в речке Санзар, орошающей крошечный Джизакский оазис, воды не прибавилось. И все же трудолюбивые жители этого простершегося у подножья гор степного городка сумели за десять веков одеть его зеленью, окружить садами, сделать чистеньким и уютным.

А вокруг Джизака тоже появились свои обитатели, которые чувствуют себя в степи, как дома. Обитатели эти — карабаиры. Весной, когда степь цветет, они пасутся по ней вольными косяками, летом поднимаются в горы на альпийские пастбища. В степи забелели строения колхозных конеферм. Возле них мастера вырыли колодцы, которые, как бы подчеркивая ценность воды в степи, величают здесь не просто колодцами, а возвышенно — колодезным фондом.

Недалеко от Джизака в степи находится самый передовой коневодческий колхоз республики, колхоз имени Буденного, и рядом государственный конезавод, где выращены сотни племенных лошадей. Тут живут ныне и лучшие кони породы карабаиров, о которых, перебирая струны домбр, слагают песни народные сказители, которых прославляют и местные журналисты в своих очерках и статьях.

2. НА АДЫРАХ

Огромный отвесный утес. Почти у вершины его отчетливо видны снизу громадные надписи. Старейшая из них сделана в 1425 году по повелению Улугбека, знаменитого внука Тимура. Улугбек знал, что путник, направляющий свои стопы в долину благословенного Зарафшана, мог пересечь Джизакскую степь столь же бесчисленными путями, какими пролетают птицы, но этого утеса миновать не мог.

Не миновала его и железная дорога, проложенная в Самарканд, ибо высится утес посреди «Тамерлановых ворот», единственного ущелья, прорезающего Нуратинский хребет, а хребет этот каменной грядой отделяет долину Зарафшана от безбрежных степей и пустынь. Сквозь ущелье бежит с камня на камень речка Санзар, а вокруг вздымаются голые скалы, черные и бурые, словно опаленные и закопченные дымящимися языками огромного пламени.

Но вот ущелье кончается. Впереди развѣргивается холмистая степь, и возле самого выхода из ущелья поезд останавливается на станции Милютинской. На первый взгляд станция эта ничем не примечательна: вокзальчик, за ним виднеются железные крыши поселка, пыльные улицы, ряды деревьев, где-то вдали пофыркивает грузовик да курица громко оповещает весь мир о снесенном ею яйце. Кажется, что может быть интересного в таком захолустном, затеряншемся среди холмов городке, прижатом с одной стороны к каменистым, пустынным горам!

Первое впечатление, однако, обманчиво. Милютинская — один из интереснейших городков Узбекистана. Мало того, Милютинская — столица узбекистанской богары, столица адыров. Но для того чтобы стало ясным все значение сказанного, надо объяснить, что такое адыры и богара.

Адыры называют иногда в Средней Азии «прилавками» гор. Вдоль подошв всех среднеазиатских хребтов на сотни километров тянутся эти «прилавки», поднятые над равниною, изрезанные оврагами степные предгорья, представляющие собой то мощные гряды возвышенностей, то цепи холмов. На маленьких горных ручьях, рассекающих адыры, исстари существуют тысячи крошечных оазисов. Но тропки, которые связывали эти оазисы, извивались еще недавно по пустынной степи. Глядя на яркую зелень оазисов-малюток, случайный путник поражался их плодородию.

Рассчитывая на это исключительное плодородие адыров, какой-нибудь дехканин-бедняк, у которого не было своей поливной земли, распахивал бывало в лощинке, в стороне от оазиса, клочок земли в надежде на счастье. Вот такие клочки земли издревле и называются в Средней Азии богарой.

Успевал созреть ячмень до жары — хорошо. Дехканин собирал со своего клочка земли немалый урожай. Но когда на этот клочок земли напал грозный и неумолимый враг — гармсиль, дехканин бросал поле, и ежели у него не было двух-трех овец, которых он мог пасти в горах, он появлялся на одной из пыльных дорог Самарканда или Ташкента, умножая собою количество нищих.

Гармсиль, в переводе горячий поток, — ветер, пышущий жаром из пустыни. Врываясь в оазис, гармсиль даже там сжигает на пути всю зелень и, проходя полосой, оставляет на полях черный след. Разве мог узбекский дехканин и мечтать о том, чтобы одолеть такого врага? А между тем одолей он его, и все адыры Средней Азии — сотни тысяч гектаров плодороднейших земель — опоясали бы подножья снежных хребтов зеленью хлебных полей и цветеньем садов. Вот эту-то задачу и поставила перед собой двадцать лет назад Узбекистанская научно-исследовательская опытная станция богарного земледелия в Милютинской.

Чтобы представить себе, как трудно было решить эту задачу, надо сказать два слова о причудах климата Узбекистана. Узбекистан нахо-

дится на одной широте с Калифорнией. Однако в январе средняя температура в Узбекистане такая же, как в южной Гренландии и на Шпицбергене, расположенных на 2 900 километров ближе к полюсу. В июле средняя температура в Узбекистане такая же, как на островах Зеленого мыса, лежащих на 2 600 километров ближе к экватору.

Зимой в Ташкенте случаются и тридцатиградусные морозы. Летом здесь даже в тени бывает сорок градусов жары. А песок и камни накаляются на солнце и до семидесяти пяти градусов. Тут уже не прислонишься к освещенной солнцем стене, не пойдешь босиком — обожжешься, и испечь в песке яйцо не составляет труда. Эта разница температур — следствие того, что Средняя Азия находится в глубине азиатского континента, вдали от океанов, смягчающих климат. Вот почему предгорья, которые во всем мире обычно славятся, как самые цветущие уголки, здесь, вдоль хребтов Тянь-Шаня и Памиро-Алая, были безжизненны и пустынно.

О том, как работники Милютинской станции повели борьбу за богару, сколько сил и творческого умения они вложили в эту борьбу, можно рассказать много. Главным оружием, с которым они пошли в бой, была созданная Вильямсом, Костычевым, Докучаевым травопольная система, гордость нашей отечественной науки. Важным оружием было и созданное Мичуриным учение о переделке природы растений, позволившее милютинцам вывести новые, засухоустойчивые сорта пшеницы, ячменя и многих других культур.

Обо всех изобретениях и удачах милютинцев написано немало статей и научных отчетов. И в том, что эти их изобретения и удачи, вся борьба принесли им победу, вы убедитесь и сами, стоит лишь поехать вам к подошве любого из среднеазиатских хребтов. Вы увидите всюду, как на «прилавках» гор, недавно еще пустынных, убирают хлеба сотни комбайнов, как там мгновенно вспыхивает и гаснет солнце на лопастях лобогреек и как на дорогах, извивающихся вдоль гор, вереницы грузовиков везут к новым совхозным поселкам цемент, лес, ящики и тюки с мануфактурой и обувью, книгами и радиоприемниками. Адыры оживлены творчеством советских людей, превратились в житницы Средней Азии. Узбекистан имеет теперь свой хлеб. И главными хлебными базами республики стали как раз адыры тех хребтов, что обрамляют долину Зарафшана.

Именно невдалеке от того места, где хребты эти, разделенные лишь узким ущельем, расходятся под острым углом друг от друга, находится, кроме Милютинской, интереснейший зерновой совхоз Узбекской республики Галля-Арал, в переводе Остров зерна. Вырос он невдалеке от Милютинской, как остров в море пустовавших богарных земель. Давно уже перестал он быть островом, стал частицей хлебного моря. Множество новых совхозов выросло за это время в степи. Но Галля-Арал по-прежнему первый, передовой: первым он переносит на свои огромные, растянувшиеся на сорок километров поля те новые сорта, новые куль-

туры, новые агротехнические мероприятия, что оправдали себя на опытных полях Милютинской станции.

Когда объезжаешь среди лета земли Галля-Арала, машина идет сплошными хлебами. В стороне от дороги видишь жаворонков: как и всюду, они взлетают ввысь и, мелко перебирая крылышками, будто повисают в небе, славя звонкой песней хлеба. На земле Галля-Арала видишь и копны люцерны на скошенном поле и шалаш сторожа посреди бахчи, где из-под широкой листы выглядывают выведенные милютинцами богарные арбузы и дыни. Видишь и поле кунжута, выращенного на богаре: Узбекистан — основная база этой культуры; теперь, когда ее научились выращивать на неполивных землях, от нее начинают постепенно освобождать земли узбекских оазисов. Невдалеке от поселков совхоза между увалами и в лощинах темнеют первые богарные виноградники: там на лозах наливаются соком переделанные милютинцами сорта винограда «Ркацителли» и «Қаракишмиш». В большой котловине, занимающей двадцать гектаров, синее вода в новом пруду, где плещутся тысячи уток, а в глубине пруда мелькает и черно-серая спинка зеркального карпа... Жизнью полон каждый клочок галля-аральской земли.

Янтак, верблюжья колючка. Кто в Средней Азии не знает этого кустика пыльно-лилового цвета, ошетинившегося бесчисленными колючками! Едва выходишь за грань орошенных земель, начинается настоящее царство янтака; ботаники подсчитали, что на всем обширном пространстве среднеазиатских пустынь кустиков янтака больше, чем в среднеазиатских оазисах хлопковых кустов. Почему янтак называли верблюжьей колючкой? Потому, что только жесткий, мускулистый желудок верблюда в состоянии переварить его острые иглы и не получить при этом ранений. Но верблюдов в Узбекистане становится все меньше, во многих областях республики их уже полностью сменили автомобили, караваны автомобилей. Между тем ученые давно нашли в верблюжьей колючке — этом неприхотливом растении пустынь — обилие сахара и других питательных веществ.

Можно ли было спокойно взирать на это пропадающее богатство? Несколько лет бились ученые над, казалось бы, простой задачей — как помолоть янтак, обезвредив колючки, чтобы кормить янтакной мукой коров и овец? Однако какими способами ученые ни мололи янтак, подопытные животные, поевшие его, неизменно погибали от воспаления пищеварительного тракта, до того густо янтак усыпан множеством мельчайших колючек. И именно работникам Галля-Арала удалось, наконец, решить эту задачу, удалось превратить янтак в полезную, питательную муку. Если сказать, что килограмм янтакной муки обходится совхозу всего в семь копеек, сразу станет ясно, какое большое дело сделали галляаральцы. Теперь совхоз Галля-Арал наравне с уборкой хлебов впервые в истории Средней Азии проводит и массовую уборку верблюжьей колючки.

Особенно оживленными, особенно живописными делают земли Галля-Арала молодые леса. Еще недавно все попытки выращивать деревья на богаре не удавались. Деревья плохо приживались и погибали от засухи. Но милютинцам удалось вырастить рощи узколистого карагача, желтой акации, бухарского миндаля и джиды. Следом за Милютинской появились рощи и в Галля-Арале. Среднеазиатский институт лесного хозяйства провел здесь первые посевы ясеня, гледичии, айланта, акации. Вокруг хлебного моря поднялась стена молодого леса. И когда летом 1948 года из глубины Кзыл-Кумов к Галля-Аралу понесся гармсил, дувший два дня, зеленая стена, несмотря на свою молодость, выдержала, защитила хлеба, они не «сгорели» дотла, как бывало, дали урожай по десять с половиной центнеров с гектара. После этого случая издали стали приезжать в Галля-Арал колхозники, чтобы посмотреть своими глазами лесную полейзащитную полосу совхоза. И приезжали, конечно, не просто так, чтобы посмотреть и уехать. Приезжали, чтобы в ближайшие годы все адыры оградить зелеными стенами от пустыни.

Старая узбекская пословица говорит: «Не умирает слава о человеке, посадившем хотя бы одно дерево». Какова же будет слава людей, которые в степи на десятках тысяч квадратных километров сажают и выращивают леса!

3. ЗДРАВСТВУЙ, САМАРКАНД!

Миновав Милютинскую, поезд постепенно спускается степью и, наконец, вступает в долину Зарафшана — ту цветущую долину, полную света и тени, о которой еще средневековый географ Макдиси писал: «Весь Согд — словно плащ из зеленой парчи, с вышитыми голубыми лентами проточной воды, украшенный белыми замками и домами». Посреди этого парчового плаща и раскинулся Самарканд — город древний, существующий «со времен неведения».

В Самарканд хорошо приезжать с археологами, проводить здесь время с художниками, виноделами, табаководами, студентами и рабочими и отсюда уезжать с садоводами. Только так можно проникнуться хотя бы частью той жизни, что наполняет собой этот большой, бесконечно разнообразный, покоряющий сердце город — город, который, увидев однажды, уже нельзя позабыть.

На краю Самарканда, над зеленью его пригородных садов и полей, возвышается пустынный холм, простирающийся на несколько километров. Холм этот — Афросияб, городище древнего Самарканда.

Кто не видел Самарканда с высот Афросияба, кто не любовался внизу под обрывом, возле пенящегося арыка Сияба, розовой горой риса на рисоочистительном заводике и выплескивающимися на базар из улочек толпами пешеходов, велосипедистов, всадников, кто не отдыхал взором на голубых минаретах, что гордо высятся над белеющими меж

деревьев глинобитными кровлями, кто не останавливал пристальных глаз в той стороне, где в серебристо-синей дымке сверкают крыши домов новых городских магистралей, а над ними возносятся ввысь кирпичные трубы самаркандских заводов и фабрик, — кто не видел этой картины, дышащей обаянием жизни, и не поддавался ее очарованию, для того пустым звуком покажется и вызовет, может быть, лишь улыбку прозвище, что дали в старину своему городу его жители и которое живет и поныне: «Самарканд-сай-кали-руи-заминаст» — «Самарканд — лицо земли».

Особенно хороша эта картина в тот редкий для Средней Азии день, когда небо над Самаркандом задернуто тучами и сквозь них вдруг блеснут косые лучи солнца, сгустив и оживив мертвые краски куполов медресе и мечетей. Над городом словно повисают десятки голубых водоемов, и тогда внезапно понимаешь, да ведь купола эти — это же вода, бирюза воды! Вероятно, именно таким смыслом наполняли свой труд вдохновенные мастера, строители мечетей — те замечательные народные мастера, которых насильно привез сюда Тимур, дабы они украсили его столицу зданиями, что должны были затмить своим величием все дотоле виденное человечеством.

Самый пленительный и сравнительно хорошо сохранившийся памятник, созданный этими мастерами, Шахи-зиндá — группа мавзолеев и мечетей, поднимающихся по склону Афросияба и соединенных между собою открытой галлереей с перекинутыми через нее арками.

Мавзолеи эти не грандиозны. Они покоряют вас тонкими и нежными подробностями. Богатство их деталей поразительно. То это портал, краски которого праздничны и чисты, с майоликовыми плитками, с полосой вставок-медальонов, с рельефными письменами и обрамляющими арочки кирпичиками, подобными разноцветным сухарикам. То это мозаика темномалинового, почти черного, траурного цвета в соединении с белыми письменами. То это кружевной бирюзовый фасад с колонками, как бы резными, с разбросанными по ним длинными листьями — белыми, с голубоватыми краями, на стебельках, — с верхом ниши, заполненным сталактитами. То это лиловая мозаика с золотыми прожилками и звездами, то изящная лента с ажурными прорезами, которая взбегает вверх, унося широкую строку синего письма, переплетенного с орнаментом. Каждый портал здесь — талантливая картина, созданная высоким напряжением творчества. И хотя каждый мастер творил свое (он не повторял и его не повторяли), все краски и формы взаимно уравновешены и слиты в одну цельную картину несравненного блеска и красоты.

Недалеко от Афросияба возвышаются над городом видные отовсюду, полуразрушенные и, несмотря на это, величественные руины самого грандиозного памятника Средней Азии — соборной мечети Тимура, называемой в народе по имени старшей жены Тимура Биби-ханым. Это о мечети Биби-ханым современные ей поэты писали: «Ее купол был бы

единственным, когда бы небо не было его повторением. Единственной была бы арка, когда бы Млечный Путь не оказался ее двойником». Когда смотришь на колоссальные устои упавшей арки и чудом держащуюся, всю в просветах, часть свода мечети, когда смотришь на остатки шестигранных, необыкновенных по глазурной облицовке минаретов и на покрывающую стены мечети разноцветную мозаику с белыми и синими письменами, — стоит лишь прищуриться, дорисовать в воображении все здание, несмотря на величину, легкое и соразмерное, и вас охватывает чувство полнозвучной красоты.

Железный хромец, «полюс мира и веры», эмир Тимур Гураган, свирепый завоеватель, стерший с лица земли сотни цветущих городов в Грузии, Армении, Сеистане, Южной России, Индии, Малой Азии, стремился столицу своей империи Самарканд превратить в «центр вселенной». Империя его, зыбкая экономика которой была построена на ограблении завоеванных стран, вскоре после смерти Тимура распалась. От нее, быть может, не осталось бы и следа, если бы не Улугбек, внук Тимура.

При нем Самарканд пережил короткую, но блестящую полосу расцвета наук и искусств. Пягнадцатилетнего Улугбека сделали правителем Самарканда. Однако страстью его была наука. Он окружил себя учеными и поэтами. При его дворе жили знаменитый медик Мауляна Нафис и выдающийся историк, автор книги «Сливки летописей» Лутфулла Хафиз-Абру, прославленный каллиграф Абдурахман Хорезми и известный флейтист Султан Ахмед-и-Дивана, мелодии которого можно услышать в Самарканде поныне. Завершив постройку тех зданий, что начаты были при жизни деда, Улугбек и сам украсил Самарканд множеством прекрасных медресе, бань, торговых куполов и других общественных построек. Но самый замечательный памятник его времени — обсерватория.

На европейских гравюрах XVII века, копии которых висят в Самаркандском музее, окруженный шестью крупнейшими астрономами мира, рядом с Птоломеем, Коперником и Тихо де Браге, за круглым столом на почетном месте, по правую руку Урании, музы астрономов, восседает мирза Улугбек. Прославленный астроном и математик, он написал много работ, из них самая известная «Зидж-и-Гурагани» — астрономические таблицы и каталог звезд, более точный, чем европейские каталоги сто лет спустя. Недаром знаменитый Лаплас назвал Улугбека «величайшим наблюдателем». Вместе с Улугбеком работали выдающиеся астрономы того времени: Казызаде Руми, прозванный «Платоном своей эпохи», Джемшид-бин-Масуд, Муин-ад-дин, Али Кушчи и другие. Таблицы Улугбека много раз издавались и переиздавались в Европе вплоть до XIX века. Они не потеряли полностью своего научного значения и теперь: пользуясь этими таблицами, нынешние астрономы сравнивают положение небесных светил в наши дни с тем, каким оно было в XV веке.

На одном из холмов близ Самарканда одиноко стоит небольшое новенькое, выстроенное советскими людьми, облицованное разноцветными изразцами строение. Это футляр над сохранившейся частью обсерватории Улугбека. Входишь в него — и перенесишься на пять веков назад. Вниз, в полумрак высеченной в скале траншеи, уходят два ряда каменных ступеней. Меж них из глубины взлетают две дуги гигантского, поставленного по меридиану секстанта (или, как думают некоторые ученые, квадранта), покрытого мраморными плитками. Наблюдая прохождение звезд над секстантом, кутаясь в теплый халат от подземной сырости, по ночам со ступеньки на ступеньку поднимался тут Улугбек — мыслитель и астроном, человек, о котором Алишер Навои спустя несколько десятков лет после его смерти писал: «Улугбек протянул руку к наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и опустилось вниз».

В школах, основанных Улугбеком, молодых людей обучали, кроме богословия, светским наукам — истории, географии и, конечно, астрономии. «Религии рассеиваются, как туман. Царства разрушаются, но труды ученых остаются на вечные времена», — говорил Улугбек. Удивительно ли, что воинствующее мусульманское духовенство ненавидело его столь же неистово, как воинствующее католическое духовенство ненавидело Галилея.

Однако Улугбек был царем, внуком Тимура, наследником его империи: духовенство не могло ни сжечь его, как Джордано Бруно, ни заставить всенародно отречься от своих взглядов, как Галилея. Оно составило поэтому заговор и воспользовалось Абдул-Лятифом, сыном Улугбека, домогавшимся власти. Улугбек был обезглавлен наемными убийцами, подосланными его сыном.

Тайное стало явным. Народ узнал об убийстве. Он любил Улугбека. Стрела, выпущенная рукой неизвестного народного мстителя, сразила Абдул-Лятифа, ехавшего по окраине Самарканда. В городе вспыхнули волнения. И перепуганное духовенство, чтобы успокоить народ, вывесило голову Абдул-Лятифа на фронтоне медресе Улугбека на Регистане, главной площади города. А тело самого Улугбека было пышно, с почестями погребено в Гур-эмире — мавзолее Тимура.

Один из самых великолепных памятников узбекского народного зодчества, о котором только на русском языке издано сто пятьдесят шесть книг, Гур-эмир реставрирован советскими архитекторами и народными мастерами. Голубой ребристый купол его ныне сверкает среди зелени деревьев с первоначальной свежестью. Стены, украшенные синей и голубой мозаикой, похожей на вышивку крестиком, и порталный вход, где в общем колорите слиты такие краски, как белая, зеленая, синяя, голубая, желтая, черная и золотая, блестят словно в день завершения мавзолея. Внутри него в прохладном полумраке среди серых надгробных плит нежно отражается свет решетчатого окна на темнозеленой, почти черной плите из нефрита — надгробном камне Тимура.

Регистан в Самарканде.

Здесь, в мавзолее, десять с лишним лет назад прозвучал еще один аккорд в истории Улугбека. До сих пор доподлинно не было известно, правда ли, что убийцы, подосланные Абдул-Ляtifом, отрубили голову Улугбеку, или это был только слух, создание народной фантазии, взволнованной смертью великого гуманиста. Поэтому советские ученые Узбекистана, решившие вскрыть гробницу Тимура, вскрыли вместе с нею и гробницу Улугбека. Это была волнующая минута. Вокруг, обнажив головы, столпились ученые — русские и узбеки. И когда в немой тишине подняли крышку гроба и все увидели отрубленную голову знаменитого астронома с перебитыми шейными позвонками, многие отвернулись, чтобы смахнуть с глаз неволью выступившие слезы. Все особенно остро и по-человечески ясно почувствовали в это мгновение живую связь настоящего с прошлым и свою ответственность, свое место в общей борьбе за свободу науки для всех народов.

Духовенство не только убило Улугбека, но и разрушило его обсерваторию, а подземную часть ее завалило землей, дабы навеки истребить в умах самую память о ней. Но простой народ о ней помнил века, свято чтя память своего замечательного ученого-гуманиста. И когда в Узбекистане произошла социалистическая революция, имя Улугбека было поднято высоко, стало гордостью узбекского народа. Два человека, два наших современника, связанных с именем Улугбека, каждый по-своему как бы раскрывают нам свою судьбой, какой большой скачок в культуру совершил при советской власти Узбекистан.

Композитор Алексей Козловский, учитель многих узбекских композиторов, вдохновленный образом Улугбека, написал о его жизни и трагической смерти лучшую свою оперу. В опере этой встретились и оплодотворили друг друга музыкальные культуры родины Чайковского и родины Улугбека. Еще тридцатилетие назад это казалось невозможным. Когда известный индийский писатель Рабиндранат Тагор впервые услышал европейское пение, оно показалось ему странным подражанием пению птиц. Когда русский писатель Николай Карамзин впервые услышал узбекскую песню, он решил, что это оплакивают покойника. Теперь, если не считать безнадежно тугоухих людей, нет русского или узбека, которые не отыскали бы взаимно в музыке друг друга красот, способных глубоко растрогать человека, вдохновить его и зажечь стремлением к великому.

Но еще лучше величина этого культурного скачка, его глубина и размах видны на судьбе ученого-математика Кары-Ниязова, написавшего превосходную книгу «Астрономическая школа Улугбека», удостоенную Сталинской премии. Еще недавно в Средней Азии были лишь русские ученые. Кары-Ниязов стал одним из первых ученых-узбеков. Теперь их тысячи, окончивших университеты в Москве, Ташкенте и Самарканде, осознавших себя прямыми наследниками Менделеева и Павлова, Коперника и Улугбека.

4. НА РЕГИСТАНЕ

Вступите на Регистан, этот самаркандский форум, обширную, вымощенную каменными плитами площадь, окруженную с трех сторон монументальными медресе. Их озаренные солнцем стены и минареты одеты в яркую броню изразцов, играющих чистыми красками. По контрасту с ними особенно черными и густыми кажутся тени под массивными сводами огромных порталов. Налево — медресе Улугбека. Местные люди обратят ваше внимание на то, что почти каждая мозаичная плитка на стенах его имеет свой особый рисунок. Направо — медресе Шир-дор, в переводе Украшенное львами. В тимпанах его главного портала скорее угадываются ныне, чем видны, два желтых льва, хватающих каждый по белой серне с черными пятнами, и над ними два белых солнца, своими лучами поражающих львов в темя.

Кое-где мозаика на стенах осыпалась. И если вы войдете во двор Тилля-кари, третьего регистанского медресе, вы увидите в худжрах (бывших кельях, где жили питомцы этой высшей мусульманской духовной школы) седобородых усто — мастеров, изготавливающих новую мозаику взамен осыпавшейся и наносящих кисточкой тончайший узор на эскиз какого-либо восстанавливаемого лепного орнамента. В Тилля-кари теперь реставрационные мастерские Самаркандского архитектурного управления, охраняющего памятники старины. Это медресе замыкает собою Регистанскую площадь, и над ним на углах возвышаются маленькие минаретики, круглые шейки которых как бы обмотаны тройною строкой корана, писанной темносиним фарфором.

Напротив Регистана у входа на площадь толпятся кусты и деревья уютного сквера. Чистота и свежесть его зелени рельефно оттеняют пышную праздничность Регистана. Пять веков назад здесь, на Регистане, часто бывал Алишер Навои. Изгнанный из далекого Герата, юношей он приехал в Самарканд, слушал лекции известного ученого того времени Мухаммада-ал-Самарканди, слагал стихи и песни, играл в шахматы. Его муамма — короткие поэтические остроты — становились крылатыми, облетали весь Самарканд.

Низаматдин Алишер, подписывавший свои стихи «Навои», что значит мелодичный, — величайший национальный поэт Узбекистана. Его стихи не потускнели, не стерлись от времени. Не только легкость, воздушность стиха, но и тема, пламенному утверждению которой посвятил Навои свою жизнь, сделала его творчество вечно живым и особенно близким и созвучным нашей эпохе. Ведь главная тема Навои — прославление труда человека, того животворного, преобразующего мир труда, который превыше всего на земле.

Недаром колхозники — строители Большого Ферганского канала — в письме к товарищу Сталину писали о своем любимом Алишере Навои:

Хоть он пером, а не киркой владел,
Но так народу воду дать хотел,

Что и пером прорыл бы он канал,
Чтоб край родной нужды в воде не знал...

Замечательно сказал поэт Николай Тихонов в дни пятисотлетнего юбилея со дня рождения Навои — юбилея, который праздновал весь Советский Союз: «Если бы силой волшебства перед Навои предстал узбек сегодняшнего дня, Герой Социалистического Труда, они бы поняли друг друга не потому, что Навои так легко проникся бы истинами нашей эпохи. Нет, они поняли бы друга друга по страсти к свершению героических дел, по силе внутреннего огня, по вдохновению трудового подвига, не знающего границ».

Навои жил в одну из самых бурных эпох истории Средней Азии. Множество раз выступал он в стихах, исполненных гнева и поэтической силы, против феодальных владетелей, грабивших и разорявших народ, против насилия и жестокости.

Жизнь угнетателей кратка.
Злодея путь — к исчезновенью.
Сейчас он жив, но казнь близка.
Он гибнет в омуте забвенья!

Эту и многие другие строфы Навои и сейчас используют как оружие прогрессивные деятели Ирана и Турции, борясь против своей национальной буржуазии и против стоящих за ее спиной англо-американских колонизаторов.

Крупный государственный и общественный деятель своего времени, Навои говорил: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе». Служением народу была вся его жизнь. Он организовал постройку каналов. Он воздвиг около трехсот семидесяти разных общественных зданий: учебных заведений, больниц, бань, общежитий. Он открывал выставки ремесел. Он покровительствовал молодым ученым, поэтам, музыкантам. Среди близких друзей Навои было много замечательнейших людей своего времени: его наставник знаменитый таджикский поэт Абдуррахман Джами, гениальный художник-миниатюрист Камальаддин Бехзод, прозванный «Рафаэлем Востока», историки Хондемир и Мирхонд, «царь каллиграфов» Султан-Али-аль-Мешхеда.

Хотя Навои жил при дворе гератского султана Хусейна Байкара, в кругу придворных, в эпоху, когда языком литературы почитался один лишь фарсидский, он, несмотря на всеобщие насмешки, несмотря на колючие стрелы сатиры известного циника-остряка Бенаи, стал писать на узбекском языке, понятном и близком его родному народу. И народ оплатил ему благодарною памятью, прочной и неизменной любовью. Популярность Навои поразительна. В Узбекистане теперь нет рабочего или колхозника, не говоря об интеллигентах, который не знал бы наизусть хотя бы несколько десятков строк Навои и не приводил бы их то в горячем споре, ссылаясь на авторитет великого Алишера, то в мирной беседе, подкрепляя ими свои жизненные суждения, наблюдения, мысли.

Вот, например, крылатые строки Навои, которые в Узбекистане особенно часто приводят на литературных вечерах и творческих дискуссиях:

«Коль слово дважды произнесено,
Утрачивает красоту оно».

«Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких».

«Когда нельзя стихом зажечь сердца, —
Бессмысленны все тяготы певца.
Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!»

«Пусть онемееет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!»

О жизни самого Навои писатель Айбек написал роман «Навои», отмеченный Сталинской премией; писательница Л. Бать — интересную повесть «Сад жизни»; драматурги А. Уйгун и Иззат Султанов — пьесу, идущую в театрах республики; кинорежиссер Камиль Ярматов поставил фильм, за который тоже был награжден Сталинской премией.

Но особенно живо вырастет перед вами образ великого Алишера, особенно осязательной станет сила жизни, заключенная в его стихах и поэмах, если вступите вы на главную улицу бывшего «старого города» — Регистанскую — в тот послеобеденный час, когда солнце уже начинает клониться к закату, предвещая людям близкую прохладу и отдых от зноя. В этот час выходит из своего маленького дворика на ежедневную прогулку Садриддин Айни, старейший таджикский писатель и ученый, один из немногих людей, кто еще в мрачные дни бухарского эмирата осмелился объявить себя наследником жизненных принципов и идей Навои.

Бухарский эмир повелел Садриддина Айни подвергнуть наказанию палками и, памятуя, что «рана от палок излечивается, рана от слова не изглаживается», заключил затем пожизненно в каземат, дабы оградить своих подданных от слов, «каковые могли бы нанести эмирскому величию вред и ущерб». Бухарская революция 1920 года освободила Айни из темницы. Зарубцевались его раны от эмирских палок. И он с гневным спокойствием, теми словами, что «не изглаживаются», начал в повестях и романах бороться против пережитков недавнего прошлого и славить людей труда, которых первым в Узбекистане восславил Алишер Навои.

Эта-то пронесенная сквозь столетия живая связь народа со своим великим поэтом превратится для вас в целостную картину, когда вступите вы на Регистанскую улицу, по которой пять веков назад не раз бродил и изгнанник Алишер Навои, мечтая о счастье народа и лишь неясно угадывая его очертания во тьме грядущих веков, когда повсюду вокруг увидите вы новую жизнь: в легкой походке девушки, спешащей с книжками в университет, в розовощеких мальчуганах, что в открытом окне склонились над шахматами, в мимолетной улыбке, которой обмениваются

ся на ходу два приятеля-инженера, улыбке, внезапно расцветившейся от того, что в их роговых очках отразились яркие изразцы Регистана, когда, наконец, в людском потоке вам встретится в послеобеденный час Садриддин Айни: медлительную походкой шествует он, опираясь на палку, и все встречные почтительно раскланиваются с ним, и даже велосипедисты, завидя Айни, соскакивают на мостовую, на мгновение останавливаются и, чуть склонив голову, прикладывают ладонь к сердцу.

5. СЛАВА САМАРКАНДА

Самарканд — второй город в Узбекистане по величине, и по числу жителей, и по промышленности, и по культуре. Многие районы его очень похожи на районы Ташкента. Те же сверкающие по вечерам огнями корпуса больших промышленных заводов, встречающие вас издали слитным гулом работающих станков и машин. То же многолюдье на стадионах, во дворцах культуры и парках. Те же зеленые аллеи улиц, где под сенью деревьев вдоль тротуаров текут арыки: есть здесь улицы, сплошь засаженные карагачами, есть редкие деревья — секвойи, болотные кипарисы, которые самаркандец любит показывать приезжему. Те же зеркальные витрины магазинов, в которых отражаются проносящиеся мимо комфортабельные дизельные автобусы, трамваи, легковые автомашины и затерявшаяся в толпе пешеходов продавщица цветов с корзиною роз. Словом, Самарканд — второй Ташкент, может быть меньше, миниатюрнее, пожалуй даже уютней, второй Ташкент, да и только!

Оглядываясь на далекое прошлое своего города, самаркандец расскажет вам о трудовых традициях Самарканда, которыми по праву гордится весь узбекский народ. Он расскажет, что еще тысячу лет назад на весь Восток славились изделия самаркандских металлостов — стремяна, удила, иголки. И что еще в VIII веке в Самарканде была изобретена тряпичная бумага, а в X веке бумага, так и называвшаяся «самаркандской», вытеснила в мусульманских странах пергамент и папирус.

«Человек без любви — осел, человек без стремлений — глина», — говорят в Узбекистане. Для того чтобы по-настоящему любить и стремиться, надо идти сквозь жизнь с поднятой головой. Но «едва бедняк поднимает голову, бай поднимает камень». Пословица эта родилась в глубине веков и лишь после революции потеряла смысл. Когда советская власть уничтожила баев, народ поднял голову. И его любви и стремлениям открылся такой простор, что своими творческими успехами за три с лишним десятилетия он затмил и оставил далеко позади ту славу, которую за тысячелетия сумели завоевать себе его предки — ремесленники и дехкане, над чьими стремлениями и любовью безраздельными господами были камень, плеть и меч феодала.

Приезжая в Москву, столицу Советской державы, люди всех стран мира осматривают возвышающееся над городом новое высотное здание

Московского Государственного университета. Восхищаясь Дворцом науки, его замечательно оборудованными аудиториями и лабораториями, приезжий нет-нет и сощурится, чтобы на каком-нибудь приборе или аппарате прочесть маленькое, почти незаметное клеймо предприятия и имя города, где этот прибор или аппарат сделаны. Среди славных имен крупных индустриальных городов нашей Родины здесь значится и имя Самарканда. Его можно прочесть на трансформаторах, стабилизаторах напряжения, селеновых выпрямителях, темнителях света и многом другом, сделанном рабочими самаркандского завода «Кинап» специально для высотного здания Московского университета. Приборы этого же завода найдете вы и в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР и Академий наук Узбекистана, Грузии, Украины.

Выйдешь летом на одну из центральных улиц любого советского города, окунешься в нарядный поток пешеходов и невольно обращаешь внимание на яркие, красивой расцветки шелковые платья. Среди шелков этих есть и сделанные в Самарканде на комбинате цветного шелка. Зайдешь в уютную квартиру, сядешь на тахту, покрытую ковром: быть может, ковер этот тоже сделан в Самарканде. Но если ковер может оказаться и туркменским ковром, то шелковое цветное сюзанэ, висящее на стене, почти наверняка самаркандское, ибо центр этого искусства здесь. Самаркандские сюзанэ славятся на весь мир.

Да мало ли еще на чем прочтем мы благоуханное имя Самарканда! На бутылках вина, выпущенных крупнейшим в республике винзаводом, на фруктовых консервах. В магазинах Узбекгосторга — на пачках чая, на коробках папирос, на подметках новых ботинок и туфель, на внутренних карманах костюмов, на свитерах. С уважением произносят имя Самарканда трактористы, комбайнеры и механики МТС Узбекской республики, так как здесь на заводе «Красный двигатель» производят запасные части комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Зайдите в депо возле железнодорожной станции Самарканд. Задолго до революции народный поэт Дагестана Сулейман Стальский, еще молодой и никому не известный, несколько лет работал чернорабочим в этом депо, накапливая вместе со своими товарищами по труду и нищете тот гнев, что потом с такой силой воспламенил его строки:

Мерцали звезды над тобой.
По всей земле — земле чужой,
Объят безрадостной мечтой,
Бродил ты одиноком, товарищ...
Был враг хитер, как лисий хвост.
Он поджигал меж нами мост.
И вместо дружбы рос погост
Твоих, моих костей, товарищ...
Не знали мы с тобой в те дни,
Что от рожденья мы сродни,
Что мы — и только мы одни —
Хозяева земли, товарищ...

Там, где работал поэт, выросли теперь просторные, светлые корпуса крупных железнодорожных мастерских, оборудованных по последнему слову техники; и рабочие этих мастерских, сыновья и внуки товарищей Сулеймана Стальского, давно сделались хозяевами своей земли, стали именитыми гражданами своего города.

Слава Самарканда! Ее умножают ученые. В Самарканде находится Всесоюзный научно-исследовательский институт каракулеводства. В институте этом работают ученые-животноводы, знатоки каракулевых завитков. Они изучают, в частности, пастбища среднеазиатских пустынь, помогая хозяйственникам планировать превращение самых глухих и безлюдных районов пустыни, где свирепствуют «черные бури», в сплошную зону черного, а также серого, коричневого, золотого каракуля.

Существует в Европе легенда о том, как в средние века два пилигрима пронесли внутри своих страннических посохов из Самарканда в Италию грену шелковичных червей. Самаркандцы будто бы оберегали тайну шелководства, но хитрые пилигримы обманули их, и шелк появился в Италии. Легенду эту вспоминаешь, когда попадаешь на Самаркандскую селекционную племенную шелководческую станцию. Научные сотрудники покажут вам здесь изобретенный ими аппарат искусственного климата для червоводен. Аппарат этот лишь недавно придуман, но уже начинает широко применяться во многих республиках Союза. Самаркандцы покажут вам и ценную белококонную породу шелкопряда, которую вывел научный сотрудник Самаркандского университета Сатыбалдыев: грена ее — не в страннических посохах, а в коробках — разослана по почте во все наши шелководческие республики и в некоторые зарубежные страны.

Советским ученым незачем скрывать от народов свои изобретения. Они из них не делают тайн. Наоборот, когда самаркандские шелководы поставили и разрешили большое количество научных вопросов, Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени Ленина созвала в Самарканде (было это осенью 1951 года) выездной пленум шелководческой секции, и созвала именно для того, чтобы шире распространить и всесторонне обсудить опыт самаркандцев. На этот пленум, кроме москвичей и ташкентцев, приезжали ученые Азербайджана, Армении, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии.

Славу Самарканда умножает еще и студенческая молодежь. Самарканд — крупнейший учебный центр, второй в республике после Ташкента. «Именно поэтому на улицах вы так часто увидите книжные магазины и киоски: молодость и книга у нас неразлучны», — писал в своем очерке о Самарканде Т. З. Захидов, президент Академии наук Узбекистана. Многие историки, филологи, физики, математики, биологи, почвоведы, геологи и географы говорят с гордостью, что они учились в Самарканде, окончили Узбекский Государственный университет. Каждый год институты Самарканда дают республике и новых врачей, агрономов, экономистов, учителей.

Учитель! Большинство узбеков-интеллигентов старшего поколения, кем бы ни были они сейчас — писателями, учеными, художниками, партийными работниками, — в юности учительствовали. Чтобы страну, почти сплошь неграмотную, сделать в несколько лет культурной, из России в Узбекистан после революции приехала целая армия «культурмейцев», как их называли. Они подготовили первые кадры узбеков-учителей. Интереснейший роман «Учитель» написал о таком узбеке-учителе первого поколения писатель Парда Турсун, сам прошедший этот путь.

Есть в романе «Учитель» такое место:

«Тетушка Аимхан, член кишлачного Совета, освободила для учителя небольшую комнатку в своем доме. Она раздобыла и обстановку: деревянную кровать, стол и табуретку.

— Ну, вот вам и канцелярия готова!

В Камышкапа считали, что столы и стулья ставятся только в канцеляриях, и скоро все, вслед за тетушкой Аимхан, стали так называть комнату Халмурада. Встретив его на улице, говорили:

— Заходил к вам в канцелярию, да не застал вас.

Впрочем, скоро маленькая комната Халмурада и в самом деле стала канцелярией. Не было дня, чтобы не приходил к учителю кто-нибудь с просьбой написать заявление или письмо, прочитав, что написано в повестке». Когда читаешь эти строки сейчас, улыбаешься, вспоминая те, ныне далекие, времена. Теперь трудно найти в Узбекистане дом, где не было бы стола, стула, шкафа. Все стали грамотными, все читают книги, газеты. В каждом кишлаке есть школа. И никого это давно-давно не удивляет.

Впрочем, будем точнее: это не удивляет нас, советских людей. Но когда приезжают в Узбекистан люди из стран колониального Востока, советская школа их поражает. Вот что, вернувшись из Узбекской республики, говорил на пресс-конференции Хаджаджа, секретарь Алжирской ассоциации друзей Советского Союза: «В Алжире около миллиона детей не ходит в школу. Их родной язык считается языком иностранным. Вот почему на меня такое сильное впечатление произвело посещение одной из ташкентских школ, где узбекские дети учатся читать и писать на своем родном узбекском языке. Вот почему на меня произвел также сильное впечатление лозунг в стенной газете этой школы: «Ни одного ребенка вне стен школы»... С волнением поэтому пожал я руку заместителю министра народного просвещения Узбекистана — депутату-женщине».

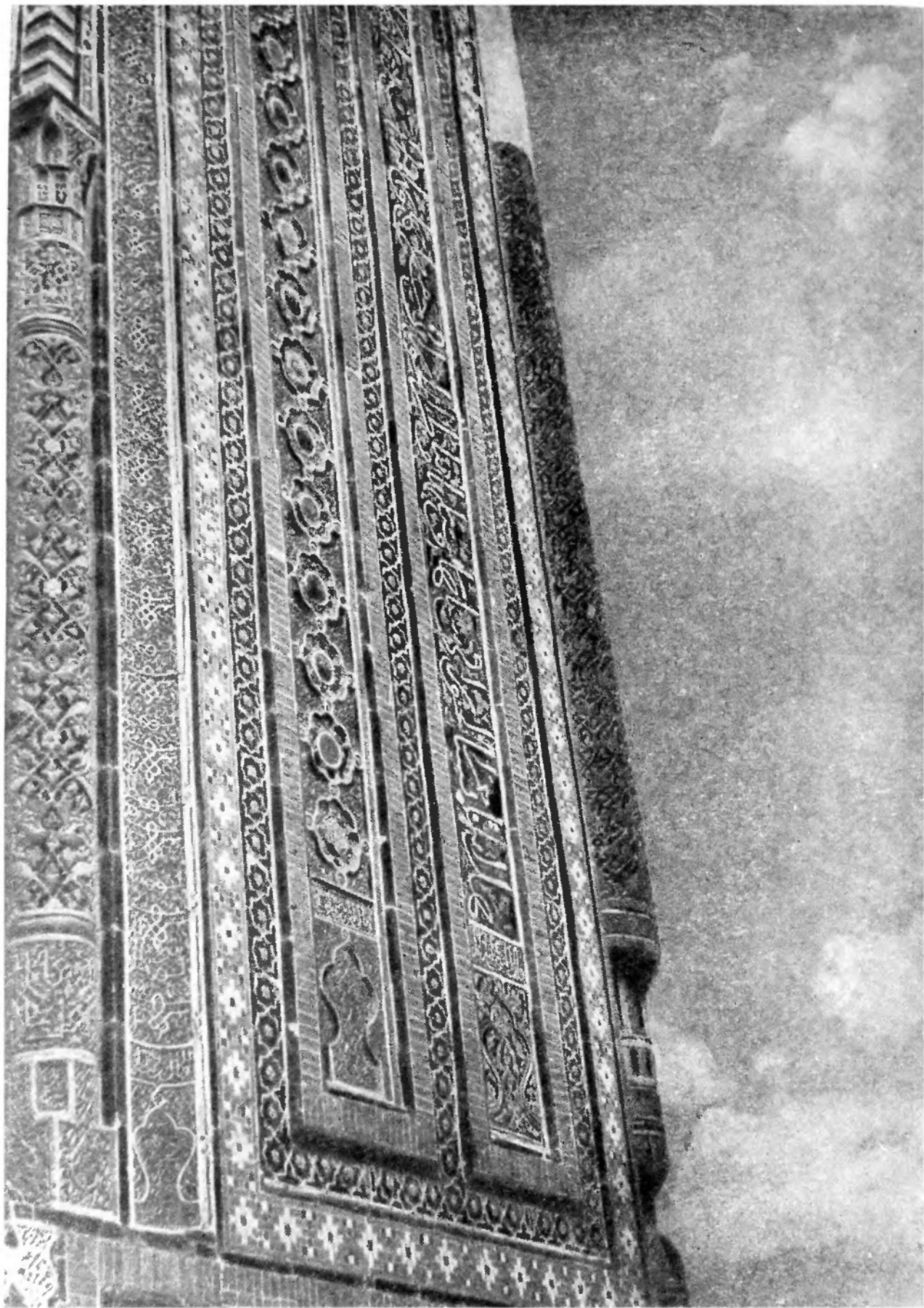
Мы могли бы добавить к этому, что и во Франции, империалисты которой эксплуатируют и угнетают алжирцев, многие дети не ходят в школу. А работающие школы влачат жалкое существование. Да и как может быть иначе: ведь каждый день войны во Вьетнаме стоит Франции столько же, сколько содержание ста одиннадцати школ в течение года. Мы могли бы добавить еще, что в Иране, Афганистане, Турции и Индии, вместе взятых, нет такого количества учебных заведений, театров и клубов, сколько их сейчас в одном Узбекистане.

Здание-футияр над обсерваторией Улугбека. Слева могила известного археолога В. Л. Вяткина, разыскавшего эту обсерваторию.

Академик Кары-Ниязов знакомит пионеров с памятниками старины.

Деталь Шахи-Зинда.

При этом если бы Хаджаджа посетил, например, школы Самарканда, он увидел бы здесь, кроме узбекских и русских, таджикские школы. В Самарканде живет значительное количество таджиков, и, естественно, дети таджиков учатся на родном языке. А кадры учителей для этих школ готовит здесь же, в Самарканде, таджикский учительский институт. Этот частный пример ярко рассказывает нам о той великой дружбе, которую на одном из дагестанских языков — лакском — так чудесно прославил Сулейман Стальский:

И где б ногой я ни ступил,
Какую б воду я ни пил —
Я дома, и по мере сил
Я славлю в песнях край счастливый.

Славу Самарканда умножают еще и художники города. Интересно, что на творческих собраниях художников Самарканда можно встретить художников тканей, работающих на Самаркандском комбинате цветного шелка, и услышать горячие споры о развитии национальных традиций и новых путях в искусстве рисунка на шелке.

Художественное мастерство вторгается даже в такое на первый взгляд далекое от искусства предприятие Самарканда, как завод «Красный двигатель». Если вы направитесь к литейному цеху этого завода, над цинковой крышей которого склоняют свои ветви акации, пройдете мимо подвесной железной дороги, уносящей по конвейеру гильзы, и, наконец, подойдете к вагранке, где пол от металлических опилок искрится и сверкает, вы встретите здесь мастера художественного чугунного литья Ина-ятулла Нарзуллаева.

Потомственный литейщик Нарзуллаев в юности был кустарем. Как его отец и дед, работая ручными мехами, плавя бронзу, олово и медь на древесном угле, а золото в самодельном конусообразном графитовом тигле, он делал кольца, пряжки для подпруг, уздечки, браслеты, изящные кумганы — бронзовые кувшины с витыми высокими горлышками. В 1942 году Нарзуллаев впервые пришел на завод. Чугун, пластичный в литье, сразу понравился узбекскому художнику. Он побывал на Урале, поработал там, научился у русских мастеров фасонному литью, вернулся в Самарканд высококвалифицированным формовщиком. И теперь на большом индустриальном заводе, который производит некоторые запасные части комбайнов, сложные детали для электростанций и машины, Нарзуллаев руководит художественным литьем.

Многие в Узбекистане знают картину самаркандского художника Зинаиды Ковалевской «Выборы в Верховный Совет Республики». Картина эта завоевала признание. Она славит народ, который сделался хозяином своего государства: избирательный участок, в нем много света, воздуха, солнца; комната нарядна, и в ее убранстве, в костюмах людей, даже в ярком пучке крашенных перьев филина на тубетейке мальчика, который пришел с матерью, видишь неповторимые черты и краски Узбекистана; в центре женщина-узбечка опускает в урну свой бюллетень; лицо

ее серьезно, сосредоточенно. За кого голосует она? Быть может, за знаменитую мастерицу самаркандской шелкомотальной фабрики «Худжум» Бахор Аннакулову, быть может, за другого передового рабочего. Разумеется, глядя на картину, имя кандидата не угадаешь. Но выражение лиц не оставляет сомнения в том, за что пришли голосовать эти люди, эта женщина.

Они пришли голосовать сюда за ту власть, которая воздвигла в их родном городе социалистические фабрики и заводы, школы и вузы, библиотеки, музеи, театры, парки, свои дворцы культуры. Словом, они пришли сюда голосовать за советскую власть и за партию коммунистов. Ведь каждый из них знает на собственном опыте, как много усилий, изобретательности и творчества вкладывает Коммунистическая партия в то, чтобы сделать жизнь самаркандцев, как и жизнь всех советских людей, красивой и благоустроенной, достойной нашей великой эпохи.

6. В САДАХ

Если на несколько дней окунуться в жизнь самаркандцев, легко убедиться, что тут, подобно всей республике, главное, что связывает между собой людей разных профессий, — борьба за высокий урожай хлопка. Но своеобразие придает Самарканду не это. Та краска в палитре, которая выделяет Самарканд в пестрой толпе других городов, — цветущие сады и плоды.

На всю Среднюю Азию славится Самаркандская селекционная плодовая опытная станция, которую горожане зовут помологическим садом.

В конце февраля в нем, как и вокруг всего Самарканда, зацветает миндаль. Его белые, словно вырезанные из бумаги цветы — первая краска весны. Вслед за этим наступает месяц головокружительных запахов, пьянящего благоухания, сладкого дурмана цветущих деревьев. Когда пролетаешь в это время на самолете над любым узбекистанским оазисом, кажется, что внизу перекатываются по земле белоснежные, розовые, лиловато-красные волны и что люди понастроили домики, проложили улочки только для того, чтобы оградить себя от этой стихии, опасаясь, как бы огромные цветные пенящиеся валы не смыли их, не затопили.

Когда спускаешься на землю, буря цветения становится еще грандиозней, но ажурность красок и нежность просвечивающих на солнце лепестков делают эту бурю прозрачной, воздушной и зыбкой. Струющийся воздух срывает с ветвей лепестки. Плавно покачиваясь, они опускаются на кровли домов, на мостовые, на тубетейки и кепки прохожих, залетают в раскрытые окна, бело-розовой пеной покрывают арыки и водсемы. Добродушно ворчат этот месяц женщины, вылавливая лепестки из молока и супа. Конюхи вычесывают лепестки из конских грив и хвостов. И самаркандец, ложась спать, нередко обнаруживает у себя за воротом смятый, начинающий чернеть, но все еще благоухающий лепесток.

Время плодов приходит в июне, и на деревьях до самого нового года созревают все новые фрукты. Крошечные луны абрикосов, выглядывающие из-под пышной листвы, сменяются яркими гроздьями черешен, строгими сережками черных вишен, пыльным блеском слив. На смену маленьким яблочкам с лихорадочным синеватым румянцем приходят розовощекие крепыши с зеленым бочком, и яблоки золотого, бледнолимонного, чайного, шафранного, кирпично-карминного, алого цвета. Груши, такие прозрачные, что сквозь их кожуру видно сердечко семян, зреют рядом с грушами плотными, грязноватозеленого несъедобного цвета, но надкусишь одну из них, и стремительно наклоняешься, чтобы не закапать себя липким соком, пахучим, сладким. Среди острых листочков, почти не дающих тени, купаются на солнце гладкие нектарины и мохнатые персики: зацепишь ногтем за кожуру персика, и вся шкурка одним движением снимается, обнажив мякоть, тающую в руке. А приторновязкие плоды инжира! А глянцевитые ароматные кулаки айвы! А плотные ядра гранатов, которые от сока, бродящего в них, кажется, вот-вот готовы взорваться: прорежешь дыру в кожуре, и можно, сжимая рукою гранат, весь плод выпить, как кубок!

Есть в Средней Азии персик, называемый «инжирный блюдчатый». В нем косточка не отделяется от мякоти и совсем нет кислоты: сладок он до приторности. Работники помологического сада — мичуринцы — скрестили его с «Персиком Эльберта» — тот сам здесь не может расти, подмерзает. Так появился в Узбекистане новый десертный сорт персика, в котором сладость смягчена легкой кислинкой. Ранние сорта яблок были здесь невкусны: мичуринцы скрестили «Самаркандское раннее» с поздним «Ранетом Ландсберга» и вывели вкусный ранний гибрид. Очень плохо приживались в Узбекистане хорошие сорта груш: слишком чувствительны были они к летней жаре. Работники помологического сада вывели прекрасные, жароустойчивые сорта груш — «Ласточку», «Самаркандскую красавицу», «Юбилейную». Около половины всего урожая абрикосов в Узбекистане погибало от весенних заморозков. Мичуринцы задержали цветение абрикоса и вывели поздноцветущие сорта. Гордость Самаркандской селекционной плодовой станции — выведенный здесь сорт абрикоса «Советский-77», замечательный на вкус. Работники сада создали морозоустойчивые и солеустойчивые сорта фруктов для колхозников, которые осваивают новые земли в Голодной степи.

Искони звучали на среднеазиатских базарах названия местных сортов: например, груша «Диль-афруз», что значит «Услада сердца». Последние полстолетия звучали тут и пышные европейские наименования: какие-нибудь груши «Луиз-бон-д'авранш» или «Жозефина». Теперь родились свои новые, полнозвучные имена: персики «Ватан» (в переводе «Родина»), «Фархад», «Ширин», яблоки «Афросияби», «Регистани», «Зарафшанская розовка» и еще множество названий других сортов фруктов, выведенных мичуринцами-селекционерами.

И работа эта в Узбекистане только начата. Сколько волнений за

судьбу какой-либо привитой веточки предстоит еще научным сотрудникам Самаркандского помологического сада, сколько суждено пережить им часов, недель, месяцев того острого беспокойства, когда ждешь, как ответит природа на задуманный тобой опыт, не сыграет ли она злую шутку с человеком, смело изменяющим ее законы, не одарит ли она его в ответ на кропотливый труд гибридным уродцем! Сколько предстоит им еще неудач, ошибок, исканий, надежд, прежде чем в работе по отбору и совершенствованию среднеазиатских плодов наступит тот естественный предел, когорый... Но разве есть предел творчеству человека, разве есть предел всему разнообразию и богатству плодов, какие может вызвать к жизни рука садовода-мичуринца! Конечно, нет! Работа эта, даже тогда, когда все пустыни и горы оденутся садами, будет продолжаться, совершенствоваться и развиваться, открывая перед людьми все новые и новые, невидимые им пока, загоризонтные дали новых поисков, новых удач.

В последние годы узбекский народ, который никогда прежде не выращивал ни лимонов, ни апельсинов, ни мандаринов, начал закладывать в каждом оазисе цитрусовые сады. Для того чтобы стимулировать это замечательное начинание, правительство постановило выдавать колхозам по две тонны пшеницы за каждый гектар посаженных и принявшихся цитрусовых. Из Грузии один за другим полетели в Ташкент самолеты с саженцами. Знаменитые грузинские цитрусоводы приехали в Узбекистан помочь здешним колхозникам освоить эту культуру. Чтобы уберечь лимоны, мандарины и апельсины от зимних морозов и летних жарких среднеазиатских ветров, их здесь выращивают в специальных траншеях. На прилавках магазинов и на рынках Узбекистана теперь уже появились местные лимоны и апельсины. И с каждым годом их становится больше.

Впрочем, самые первые лимоны и апельсины выросли в Средней Азии раньше и выросли как раз под Самаркандом в саду опытника В. С. Панина, имя которого ныне известно всей республике. В 1939 году в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, Панин купил в грузинском павильоне две ветки лимона «Майер». Он посадил их в колхозе имени 23 февраля Самаркандского района не в теплице, а в грунтовом сарае без отопления. Воспитывая их мичуринскими методами, способом ментора, приспособивая к местным условиям, Панин вывел новый сорт лимона «Узбекистан». И лимон этот оказался так хорошо приспособленным к климату Средней Азии, что не засох, не сгорел даже тогда, когда Панин два молоденьких деревца специально подставил под гармисль.

Панин продолжает работу над дальнейшим улучшением своих лимонов, апельсинов и грейпфрутов и над выведением новых сортов. А из питомника колхоза имени 23 февраля лимоны «Узбекистан» начали широко расселяться по колхозным садам всей республики.

Недавно Учанский университет и другие научные учреждения Китая

подарили самаркандцам семена и черенки многих своих плодовых субтропических культур: китайские финики, восемь сортов китайских слив, несколько сортов китайских персиков, маньчжурскую яблоню, свои тихоокеанские сорта апельсинов и лимонов. Китайские семена были высажены в Самарканде в помологическом саду, а черенки здесь же привиты на узбекистанские сорта плодовых и цитрусовых деревьев.

Двадцать лет назад, когда в Самарканде основали помологический сад, настоящая, широко поставленная селекционная работа в Средней Азии была невозможна. Тысячелетия здешние жители занимались садоводством, занимались с любовью и со знанием дела, но никогда не могли подняться они до понимания общих интересов: каждый думал только о себе. Бесконечное количество сортов, которым казалось несть числа, о качествах и свойствах которых ходили лишь смутные слухи (вроде того, например, что от кокандского винограда «Ильяш» идет из носу кровь), пестрая путаница местных названий, — как можно было строить на такой основе науку? Прежде всего надо было собрать в помологическом саду исчерпывающую коллекцию среднеазиатских фруктов, изучить их качества и составить атлас.

Атлас плодов Средней Азии. Вот он лежит перед вами. В нем запечатлены изображения всех тысячи пятисот сортов, собранных в помологическом саду, под каждым — краткая характеристика. Вы перелистываете атлас, и на двадцатой странице у вас, человека непосвященного, начинается в глазах рябить. Но если вы откроете наугад любую страницу и попросите работников помологического сада рассказать все о плоде, изображенном на ней, вы услышите интереснейшую историю. Ведь для них работа над каждой страницей атласа была главой увлекательного романа. Вот только одна страница из атласа, приоткрывающая завесу над тем, что же это за роман.

7. ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЛИВЫ

Слива «Помидор-олю». История ее начинается с самаркандского базара, продолжается в Мадриде, в Мекке, в горном селении Ургаших, снова в Мадриде и завершается в Самарканде.

Было это осенью 1943 года. Однажды работники помологического сада забрели на базар. Последние годы они редко сюда заходили, хотя лет за пятнадцать до этого именно с базара начали свою работу по сбору коллекции среднеазиатских плодовых. Придут бывало на базар, увидят корзинку с фруктами, каких у них еще нет, запишут — откуда, затем отправятся в поход за черенками, раздобудут их иногда с лёгкостью, нередко и с приключениями, наконец вырастят этот сорт у себя. Давно исчерпали они самаркандский базар, потом в длительных путешествиях объехали базары Средней Азии, пока не исчерпали и их. И вот, забредя как-то раз на свой базар, они наткнулись на корзины

со сливами, каких еще не видали. Это были крупные лиловые сливы, ароматные, имевшие вкус дыни.

Продавец слив, мальчонка, сообщил, что привез их из Мадрида. Это не удивило мичуринцев: они отлично знали, что Мадрид, о котором идет речь, отнюдь не столица Испании, а всего-навсего селение под Самаркандом. Названо оно так, однако, именно в честь испанской столицы и названо пять веков назад не кем иным, как Тимуром. «Властелин трех частей света», дабы приумножить блеск своей славы и чувствовать себя властелином всего подлунного мира, — властелином не только завоеванных, но и не завоеванных («еще не завоеванных», как ему рисовалось в мечтах) далеких империй и королевств, — окружил столицу свою маленькими «столицами» Испании, Франции, Египта, Китая. Так появились вокруг Самарканда Мадрид, Париж, Каир и Бейпин, селения, которые носят эти имена и поныне¹.

На следующий день после посещения базара работники помологического сада отправились в Мадрид договориться о черенках вновь найденной сливы. Но в Мадриде перед ними неодолимым препятствием вошло имя другого знаменитого города — Мекки, на этот раз подлинной Мекки, священного города мусульман. Владельцем дерева оказался прадед мальчонки, продававшего сливы, — глубокий, но еще крепкий старик. Он принял садоводов-мичуринцев гостеприимно. Как и положено, не стал расспрашивать их о цели прихода, дожидаясь, когда гости сами скажут об этом. В свою очередь, гости, соблюдая тот же обычай, поговорили о том, о сем, прежде чем добрались до разговора о сливе и черенках.

Старик выслушал их, помолчал, потом повел в сад, показал дерево. И только когда гости вернулись на террасу и сели, старик заявил учтиво, но твердо, что черенков не даст. Давным-давно, еще в юности, он привез саженец этой сливы из Мекки. Там ему сказали, что если кто-либо срежет хотя бы одну веточку с дерева, оно перестанет давать плоды и засохнет. Он был религиозен, этот старик, слива составляла гордость всей его жизни, и никакие уговоры приехавших гостей-садоводов не смогли на него повлиять.

Единственно, что случайно во время беседы с ним узнали ученые и что вселило в них кое-какие надежды: оказалось, что тогда же, возвращаясь в том же караване из Мекки, еще один человек привез саженец той сливы. Был он родом из горного селения Ургаших. Мадридский старик назвал его имя и добавил, что, по слухам, он умер лет десять назад, но что слива его и по сию пору приносит плоды. Рассудив, что сыновья, а то и внуки ургашихского паломника, соответственно возрасту, наверняка с суевериями распрощались, работники сада спустя неделю совершили поездку в Ургаших. Но и она не принесла им удачи: слива

¹ Разумеется, названия приняли форму, фонетически свойственную узбекскому языку. Поэтому Мадрид звучит, как Матрит (буква «д» перешла в «т»), Париж превратился в Фариш — центр Фаришского района (буква «п» перешла в «ф», «ж» — в «ш») и т. д.

такая действительно там существовала, все о ней помнили, но за год до того она засохла — то ли от недостатка ухода, то ли от заморозков, то ли просто от старости. Черенков с нее во всяком случае никто не срезал.

Делать нечего, плодороды вернулись и начали устанавливать тесные связи с Мадридом. Они подарили старику два десятка саженцев, среди них была яблоня «Золотое граймо», и выведенный ими новый столовый сорт персиков «№ 1024», и даже редкостный унаби — китайский финик.

Когда пришел срок срезать черенки, мичуринцы отправились к старику и сперва издали, потом все более приближаясь к теме, начали, наконец, генеральное наступление на него. Но ни их красноречие, ни вежливая настойчивость, ничто не смогло поколебать старика. Он был к гостям необыкновенно внимателен, угостил их пловом, хотел даже подарить каждому по ковру. Отшутившись от подарков, они снова перевели разговор на сливу, с которой им нужно было срезать всего-навсего несколько черенков. Но когда старик, ласково улыбаясь, предложил им подарить весь свой дом вместе с садом, с тем чтобы самому удалиться в пустыню, гостям волей-неволей пришлось умолкнуть и возвратиться восвояси ни с чем.

Между тем уходили последние дни, когда можно было делать прививки. Тогда работники сада, отчаявшись уломать старика, сговорились с его семьей. И вот как-то ночью, пока на страже мирного сна своего отца стояли трое сыновей старика — тоже уже седобородые люди, — ученые срезали со сливового дерева три черенка, по возможности в незаметных местах. Понятно, что слива от этого не засохла, и старик, как потом выяснилось, даже этого не заметил. Так появилась в помологическом саду и из него перекочевала в атлас слива «Помидор-олю».

Еще десятки интереснейших историй о том, как они путешествовали в поисках разных плодов, могут поведать вам работники помологического сада. Однако мне хочется рассказать здесь о случае, слышанном мною не от садоводов, а от одного самаркандского инженера.

Было это осенью 1945 года. Инженер этот собирался в месячную командировку в Иран. Когда он укладывал чемодан, к нему неожиданно пришли научные работники помологического сада и с жаром стали просить его на обратном пути заехать в Мешхед, разыскать там одну айву (рисунок ее и подробное описание они принесли) и, если удастся, привезти черенки. Инженер не смог удержать добродушной улыбки, слушая плодородов, видя, с каким воодушевлением ищут они айву; точно это был по меньшей мере волшебный перстень из узбекской народной сказки. Но так как айву не надо было, подобно перстню, разыскивать на дне моря в желудке рыбы, инженер охотно согласился попробовать по пути оказать им эту услугу. Кстати, и время его возвращения счастливо совпадало со временем, когда следовало срезать черенки.

О том, как, возвращаясь из Ирана, инженер заехал по пути в Мешхед и два дня там разыскивал айву, можно бы рассказать целую повесть.

Скажем лишь, что эту айву в Мешхеде не нашел бы даже самый опытный садовод, ибо она попросту там не росла. Спустя несколько месяцев выяснилось, что айва эта, похожая на местную айву «Ширин-беги», но отличающаяся от нее вкусом и более крупная, была выведена одним колхозником-мичуринцем, а продавец, у которого пловододы нашли эту айву, попросту спутал ее с гранатом, действительно вывезенным из Мешхеда.

И все же, хотя она там и не росла, кое-какую роль айва эта в Мешхеде сыграла. Несколько местных крестьян (если бы не айва, советский инженер никогда бы с ними и не повстречался) принялись деятельно ему помогать в поисках. Два дня крупноплодная айва и ее описание путешествовали вместе с ними по базарам, селам и окраинам города. За эти два дня инженер увидел своими глазами всю нищету и бесправие иранских крестьян, работающих на помещичьих землях. За эти два дня и они, эти трудолюбивые, суровые, простые люди, узнали много нового. Со всей крестьянской осторожностью расспрашивали они инженера о том мире, в котором он работал и жил. И когда настала минута прощания, один из них, глядя инженеру в глаза с улыбкой, полной значения, сказал от общего имени:

— Когда найдешь свою айву, пришли нам ее черенки. Мы привьем их под нашими окнами, чтобы каждый день айва эта напоминала нам о твоей великой мирной стране!

8. В ВИНОГРАДАРСКОМ КОЛХОЗЕ

Хлебная лепешка и кисть винограда — обычный завтрак узбекистанца, решившего перекусить на ходу.

Почти в каждом узбекском дворике, иногда свешиваясь с жердей над покрытой коврами супою, иногда соединя живой стеною два-три персиковых или сливовых дерева, темнеют красновато-зеленые пятипалые листья, в тени которых матово блестят виноградные гроздья. Когда выезжаешь осенью за город — в Ташкенте, Фергане или Андижане — и едешь по дороге меж глинобитных заборов, осененных кронами фруктовых деревьев, по пути непременно сквозь калитку или пролом в заборе увидишь в глубине сада и виноградник. А на дороге встретишь не одного колхозника в ярком халате, с плоской корзиной на голове. Пирамида винограда покоится на этой корзине, но человек не придерживает корзину рукой: заложив руки за спину ниже пояса, подняв высоко голову, привычной, чуть покачивающейся походкой он легко идет по дороге.

Виноградная лоза повсюду занимает почетное место в узбекистанских садах. Но вокруг Самарканда, едва минуешь обширные, обнесенные глинобитными стенами загородные сады, вступаешь в совсем особый мир — мир виноградарских колхозов, виноградных плантаций, которым, кажется, и конца нет. На десятки километров расходятся от дорог

живые тенистые изгороди виноградников, среди которых работают садовые тракторы-«малютки».

Самарканд — столица узбекистанского виноградарства и, кроме того, всесоюзная столица изюма. Имя кишмиша, излюбленного здешними колхозниками бескосточкового винограда, стало во всем Советском Союзе синонимом слова «изюм». Отличный изюм готовится и из других сортов винограда: «Тагоби», «Нимранга», «Тайфи», «Васарга». А из «Катта-Кургана», необычайно крупного ароматного винограда, делается и «абджеш» — лучший в мире изюм.

Осенью на станции Самарканд формируются виноградные поезда. В изотермические вагоны грузят круглые решета со свежим виноградом: тут и тяжелые гроздья нежного «Султани», и матово-черные гроздья «Чараса», и зеленовато-дымчатые кисти «Хусайни», что величают во фруктовых магазинах России «дамскими пальчиками». Один за другим с самаркандского аэродрома взмывают ввысь и транспортные самолеты с виноградом. Через пустыни, через казахстанские степи летят «дамские пальчики» на север — в Москву, в Ленинград, на Украину, Урал...

Есть в Узбекистане человек, к имени которого самаркандские колхозники всегда добавляют почтительное «домула» — учитель. Человек этот — патриот виноградной лозы, виртуоз и волшебник своего дела, заслуженный мастер виноградарства Ризамат Муса-Мухаммедов. Кто в Узбекистане не слышал о нем! Живет он и выращивает виноград под Ташкентом. Но его краткое руководство по виноградарству стало настольной книгой именно в виноградарских селениях под Самаркандом.

Обычно колхозники-опытники, эти талантливые самородки-самоучки, идут вслед за учеными, перенося их открытия на свои поля. Но бывает, что поступательный рост той или другой отрасли агрономической науки застопоривается, когда ученые-агрономы начинают держаться усвоенного, боясь ломать его: ведь это подчас бывает людям нелегко. Тут-то обычно колхозники-опытники и выходят на «передовую линию» науки, разбивая на своих полях сложившиеся представления, не давая ученым застояться на месте.

Талантливейшие из этих колхозников-опытников так глубоко овладели наукой, теорией, что и сами стали настоящими учеными. Старейший из таких народных мастеров-ученых — лауреат Сталинской премии Ризамат Муса-Мухаммедов. Народный самородок-самоучка, он вобрал в себя тысячелетний опыт узбекистанских виноградарей, и работа его вошла в фундамент самой науки о винограде в Средней Азии. А дальше, тогда даже, когда в Самарканде возник научно-исследовательский институт виноградарства и появились свои ученые, овладевшие знаниями мировой науки о винограде, — Ризамат Муса-Мухаммедов сумел в течение четверти века идти вместе с ними в первых рядах науки, каждый год обогащая ее.

«Виноградный тоннель», где лозы вьются вокруг согнутых в дугу жердей, это ныне для глаза узбекистанца — краска старого, уходящего.

На смену «тоннелям» в виноградниках Средней Азии пришла новая система, предложенная Ризаматом Муса-Мухаммедовым, так называемые «вертикальные шпалеры с козырьком». Это не только изменило внешний вид виноградников, но и подпустило к самым лозам сельскохозяйственные машины, иначе говоря, означало революцию в виноградарстве.

А «теория заместителей» Ризамата Муса-Мухаммедова! Она стала новой главой в учебниках виноградарства. Едва лоза начинает стареть, Ризамат Муса-Мухаммедов оставляет запасной побег и принимается выращивать из него лозу-заместительницу. Когда старой лозе приходит срок итти под топор, рядом с нею есть уже взрослая «дочь», которая занимает место старой лозы на шпалере и с первого же года дает полноценный урожай.

И еще много других новинок ввел Ризамат Муса-Мухаммедов в агротехнику виноградарства Средней Азии. Недаром каждое лето со всех концов Союза приезжают к Ризамату Муса-Мухаммедову виноградари, ученые и колхозники посмотреть его опытные виноградники. Да и Ризамат Муса-Мухаммедов, в свою очередь, побывал во многих виноградарских хозяйствах Молдавии и Грузии, Крыма, Украины. Удивительно ли, что вокруг Самарканда теперь несметное количество мальчиков Ризаматов: отцы нарекали так своих сыновей, мечтая, чтобы из них получились настоящие виноградари.

У Ризамата Муса-Мухаммедова — множество учеников. Даже недавно умерший старейший самаркандский виноградарь Шады-бобо Хакимов, ученики которого прославились на весь Союз своими высокими урожаями, даже он скромно именовал себя самого лишь «учеником Ризамата». Шады-бобо Хакимов был опытником и бригадиром колхоза имени Кирова Комсомольского района, прославленного виноградарского колхоза, в котором восемь виноградарей получили звание Героя Социалистического Труда; среди них звеньевой Джура Ходжаев, вырастивший на своем участке неслыханный урожай: триста три центнера винограда с гектара!

Шады-бобо Хакимову несколько лет назад выпало счастье увидеть на своем опытном участке виноградника одно из редчайших явлений в природе.

Мы давно отвыкли поражаться, обнаруживая во фруктовом магазине гибрид сливы и абрикоса или другой невиданный доселе плод. Мы знаем: это творчество мичуринцев-селекционеров. Мы знаем, что мичуринцы научились торопить природу: то разнообразие злаков и фруктов, какое создали природа и люди за сотни тысяч лет, мичуринцы ныне создают за десятилетия. Но откуда взялись на свете первое яблоко, первый персик, первая груша?

Я помню, как некогда мы, ученики Ташкентской школы имени Пржевальского, задали этот вопрос нашему учителю-естествоведи. Учитель целый урок втолковывал нам, как биологические процессы в при-

роде подготавливали условия для появления новых растений, как, наконец, количество переходило в качество, наступал скачок... Словом, втолковывал то, что мы и без него знали по учебнику. И все же представить себе въявь, что на земле был такой день, когда вчера яблока еще не существовало, а сегодня оно закачалось на ветке, нет, мы решительно не могли! Уж так устроен человек: ему все вынь да положь, а то и веры нейдет.

Вынь да положь! Но ведь в природе, в естественном состоянии, скачки происходят так редко, что поколения людей прожили, ни разу их не увидев, подобно тому, как многие поколения прожили, ни разу в жизни не увидев кометы. И вот Шады-бобо Хакимову и привелось увидеть своими глазами такой естественный скачок: обычный для природы, существующий миллионы лет, но для человека, живущего сто лет от силы, — волшебный.

Однажды Шады-бобо Хакимов пришел в виноградник своей бригады, где есть и молодые и столетние лозы, и заметил, что на двух лозах кишмиша (кишмиш — очень урожайный, очень сладкий и очень мелкий виноград) наливаются ягоды, каждая величиной со сливу. Понятно, что его, знавшего эти лозы, снимавшего с них не раз урожай, это потрясло не меньше, чем если бы он где-нибудь увидел, скажем, дыню величиной с теленка.

С того дня к лозам этим началось паломничество виноградарей и агрономов. Когда гроздь на них созрели, оказалось, что ягоды сохранили качества кишмиша: сахаристость и отсутствие косточек. Осенью обе лозы были бережно выкопаны и перенесены на опытную плантацию Самаркандского института виноградарства. Здесь в следующем году они опять дали такие же крупные ягоды. Так появился в Узбекистане новый, гигантский сорт кишмиша.

Пройдет несколько лет. Новый сорт перекочет из питомников в колхозные виноградники. И его станут продавать на рынках. И все привыкнут к нему. И дети будут считать, что он существует от века, и задавать учителю вопрос: «Откуда взялся такой кишмиш?», и недоверчиво слушать его объяснения о переходе количества в качество. И вряд ли им, когда они станут взрослыми, доведется самим увидеть еще один такой естественный скачок в природе. И они начнут торопить природу, вмешиваться в ее законы — станут учеными.

И подготовку к этому легко увидеть в любом виноградарском колхозе под Самаркандом, хотя бы в том же колхозе имени Кирова, стоит лишь пройтись по нему и заглянуть на радиоузел, где работает свой радиотехник, и на электростанцию, где свой электрик, и в колхозный клуб, где свой киномеханик, и в амбулаторию, где свои сестры, а врач «не свой» только в том смысле, что родился он и вырос в другом селении республики, и в колхозную лабораторию, где опытничи работают над двадцатью пятью сортами выращиваемого ими винограда, и в школу-десятилетку, где колхозные ребяташки скло-

нились над учебниками ботаники и физики, тригонометрии и дарвинизма.

Кем они станут, эти ребяташки? Не требуется особенно сильного воображения, чтобы догадаться, что не только Ризаматы, но и сидящие вместе с ними за партами Саиды, Рашиды, Каюмы — все они превратятся в «ризаматов» — в народ, овладевший наукой.

9. НА МИАНКАЛЕ

Поезд идет на запад от Самарканда к Катта-Кургану. Слева вдали сопровождает его гряда гор, пепельно-серых, бесплодных. Рельсовая колея, темная от пятен мазута, прорезает такую же пепельно-серую степь. Но маленькие степные станции по пути...

Еще издалека, подъезжая, видишь вокруг них горы хлопка, которые на солнце до того белы, что на них, не щурясь, и смотреть невозможно, и так велики, что здание вокзальчика кажется лишь пристройкой к ним. Откуда они? Откуда на каждом станционном базарчике букеты роз и пионов, груды чешуйчатых дынь, пурпурных помидоров, матовых кистей винограда? Откуда все это в голой степи?

Вглядитесь внимательно в степь направо от поезда. Вблизи она чуть всхолмлена и немного светлее. А дальше словно тень пролегла по равнине, отделив туманный степной горизонт. Там, под этой тенью, в глубине тянется сплошной лентой невидимая с поезда цветущая долина Мианкале, та благословенная долина, о которой поэт Хамид Алимджан писал:

На эту землю ступишь только,
И — где по свету ни блуждать, —
Ее пылинки на подметках
Тебя обратно будут звать.

Именно пылинки! Пылинки легчайшей и плодороднейшей из почв мира, среднеазиатского лёсса — того лёсса, с которого трудолюбивые земледельцы снимают по два, а то и по три урожая в год, из которого слеплены их кувшины, и чашки, и бубны, и игрушки для детей, из которого сложены и дома их — от скромных сельских домиков до величественных самаркандских медресе и мечетей.

Мианкале — длинный густонаселенный оазис, «остров счастливых селений», едва ли не древнейший и, пожалуй, самый цветущий оазис в Узбекистане. Он тянется на сто с лишним километров вдоль Зарафшана, или, вернее, даже не вдоль: река в начале Мианкале разделяется на два рукава — Кара-Дарью и Ак-Дарью, и они с двух сторон своими текучими лентами ограничивают Мианкале от безбрежных степей.

Когда едешь летом по Мианкале среди хлопковых плантаций и садов, глаз здесь чаще, чем в любом другом оазисе Узбекистана, останавливается на обширных прямоугольниках рисовых полей: обнесенные

земляными валиками и заполненные водой, они спускаются как бы террасами. Над рисовым полем тут гудит самолет: низко летая над водной гладью поля, он подкармливает рис с воздуха минеральными удобрениями. Впрочем, самолет, который вы увидели, может оказаться и самолетом Министерства здравоохранения, — он борется с главным, поистине ужасным врагом колхозников-рисоводов: с личинками малярийного комара.

Малярия всегда была одной из самых тяжелых болезней в Средней Азии. Она имеет здесь большое количество форм. Она опустошала целые районы и особенно свирепствовала на Мианкале, потому что здесь сеют рис и кругом вода. Врачи Советского Узбекистана повели широкое наступление на малярию. Руководит этим наступлением Узбеккистанский институт малярии и медицинской паразитологии, находящийся в Самарканде.

Как и в других местах Союза, самаркандцы выращивают врага личинок комаров — рыбку гамбузию, выпуская ее в водоемы, озера и реки. С самолетов они опыляют химикатами болота и речные поймы. Обобщая опыт ста малярийных станций и четырехсот пятидесяти тропических пунктов Узбекистана, советские ученые изобрели немало лечебных средств и методов для борьбы с малярией. В борьбе этой самаркандцы накопили такой большой опыт, что сделались теперь учителями москвичей и ленинградцев, тбилисцев и киевлян.

Но одну из самых интересных страниц в борьбу с малярией вписали ученые-москвичи. Это были врачи, ученики академика Павловского. На рисовых полях Средней Азии им пришла в голову простая и смелая мысль: нельзя ли перед тем, как комары начинают вылетать из личинок, спускать с рисовых полей воду, чтобы беспощадное среднеазиатское солнце истребляло личинок малярийного комара?

Когда врачи задали этот вопрос опытным колхозникам-рисоводам и агрономам, и те и другие ответили на этот вопрос отрицательно. И те и другие говорили, что вместе с личинками малярийного комара солнце уничтожит и рис. Однако москвичи не сдались. Они принялись изучать агрономию, твердо решив сломать сложившуюся агротехнику, чтобы спасти десятки тысяч человеческих жизней. Они нашли себе союзников в нескольких колхозах, которые для опытов предоставили им свои поля, и на этих опытных полях врачи добились победы. На рисовых полях Мианкале, как и на рисовых полях всей республики, колхозники научились убивать солнцем малярию, не убивая при этом риса: спускать воду с полей и наполнять их вновь водою, когда рис еще «жив», а малярия «убита».

А еще несколько лет спустя эту замечательную победу окончательно закрепили ученые-рисоводы. Они создали на полях узбекской опытной рисовой станции новые сорта суходольного риса, который можно выращивать почти без воды. Так борьба, начатая врачами в защиту здоровья людей, дала могучий толчок работе ученых совсем другой,

очень далекой специальности, наглядно показывая, что в жизни все связано, слито и что в научных спорах правым всегда в конечном счете оказывается тот, кто не отгораживает себя от жизни стеною своей профессии.

Зарафшан — в переводе Сеятель золота. Что значит это название? Если спросить об этом горных таджиков, живущих в верховьях реки, они скажут, что Зарафшан несет вместе с илом крупинки золота; нынешние старатели промывают их драгами, а отцы и деды их недавно еще устанавливали против течения реки бараньи шкуры, и золотые песчинки застревали в шерсти. Но если спросить об этом узбеков, живущих на Мианкале, они скажут другое. Они скажут, что в Зарафшане каждая капля воды может быть уподоблена чистому золоту, ибо каждая капля превращается здесь в полновесные зерна риса, в сок виноградных гроздьев и груш и в хлопок, в «белое золото».

Хлопковые плантации являются гордостью и славой колхозников Мианкале. Каждый из здешних колхозников мог бы с тем же правом, что и колхозники Ферганы, отнести к себе, к своей земле ту картину, которую нарисовала нам поэтесса Зульфия в своем стихотворении «Один день в поле»:

Ранняя осень пахнула дыханьем тревоги,
Листья хлопчатника съежились, словно от боли,
Туча приблизилась, пыль поднялась на дороге...
В поле, друзья!
Дорогие товарищи, в поле!..

Хлопок, уже не вмещаешь в коробочек гнезда,
Белым своим рукавом машет нам издали.
В поле, друзья!
Собирайте пушистые звезды,
Белые звезды бесценного нашего хлопка!..

Вон Турсун-бй, председатель, стоит у навеса,
Вон Мухаббат фартук свой волокном наполняет.
Дни на учете, минута — и та полновесна.
Каждая сборщица это сейчас понимает...

Вырастить хлопок она обещала весною,
Клятва вождю повседневно ее окрыляла.
Надо воды — и сама становилась волною,
Надо тепла — и сама словно солнце пылала...

Золотом белым, мелькающим перед глазами,
Хлопком рассыпано в поле обильное счастье!
День упустит — и, быть может, дождями, снегами
Хлопок погубит осеннее злое ненастье.

Нет, не дадим и пушинки одной непогоде,
И паутинки одной не оставим на поле!
Слава упорству, живущему в нашем народе,
Слава труду вдохновенному, творческой воле!..

Вон Махриба́ и Зухра́, осторожно ступая,
Хлопок несут, словно роз белоснежных корзины,
Хлопок к хирману несут. И заря золотая
Им освещает тропу средь зеленой равнины,

А на хирмане, как будто на небе высоком,
Старый Али́ облака ворошит, расстиляет,
Сушит волокна росой увлажненного хлопка,
Девушек ласково с солнечным днем поздравляет.

День разгорается радостный, светлый, румяный.
Трудолюбивы могучие руки Отчизны.
Вон по дорогам идут и идут караваны,
Золотом белым груженные, в сад коммунизма.

Слово «пахта» — хлопок — видишь на Мианкале вдоль дорог, написанное углем на выбеленных стенах кишлачных общественных зданий, видишь его и на красных флажках, что колеблются от ветра на шестах, воткнутых возле полей стахановских бригад, видишь его на полотнищах, прикрепленных к кузовам грузовиков. Есть здесь Пахтакорский район — в переводе Район хлопкоробов. Есть здесь и свой хлопковый центр — город Катта-Курган.

Хотя виноградники на окраинах Катта-Кургана и аллеи улиц очень похожи на самаркандские, хотя плоскокрышие домики в переулочках бывшей его азиатской части построены «по-самаркандски», хотя и тюбетейки горожан, расшитые крупными разноцветными листьями, смахивают на самаркандские, больше похож Катта-Курган все-таки на город ферганский: на Коканд или Наманган. Как и там, белый цвет, цвет хлопка, господствует на его улицах; как и там, над стенами хлопкозаводов вздымаются белоснежные хребты хлопка, а над стенами маслозаводов — такие же белоснежные, но все в мельчайших завитках, словно бы подернутые пеной, пирамиды хлопковых семян. Виднейшее место среди этих заводов занимает самый крупный в Союзе маслоэкстракционный завод. Это первый в Узбекистане завод, где хлопковое масло добывается из семян не на прессах, а химическим путем.

Но самую большую славу Катта-Кургану принесли не его заводы. Имя этого города стало известно миллионам советских людей благодаря одной из крупнейших новостроек нашего времени — выросшему на окраине Катта-Кургана гигантскому водохранилищу — Узбекскому морю.

10. УЗБЕКСКОЕ МОРЕ

Далеко к востоку от Самарканда, меж вершин хребтов Кухистана, подобно гигантскому морщинистому окаменевшему спуту, вытянулось многохвостое тело огромного ледника. Из-под свода каждого хвоста этого ледника вытекают потоки, сливаясь в величавую реку. К их немолчному рокоту в жаркие летние часы примешивается долетающий

из глубины сводов глухой, но грозный гул множества мелких обломков скал, что проваливаются в ледник сквозь тысячи трещин. Так рождается Зарафшан.

Почти в семистах километрах на запад отсюда, в Каракульском оазисе, зеленеет среди песчаных барханов небольшое хлопковое поле. По краю его ходит колхозник в халате, подпоясанный шелковым платком чуть выше бедер, так, чтобы платок работать не мешал, не сдавливал поясницу. Кетменем бережно пускает этот колхозник воду то в одну, то в другую борозду. Поблескивая, вода добегаёт до конца борозды, и тонкая струйка ее, шипя и пузырясь, вся без остатка впитывается землей. Так кончается Зарафшан.

Уже в глубокой древности люди разобрали по каналам всю зарафшанскую воду. Зарафшан перестал быть притоком Аму-Дарьи. А вдоль его берегов выросли три цветущих оазиса: Мианкале, на одном конце которого находится Самарканд, на другом — хатырчинские виноградники за Катта-Курганом; второй, победнее водой, но тоже громадный, славившийся испокон веков Бухарский оазис; наконец третий, самый бедный водой, маленький, — Каракульский.

Самарканд... Бухара... Два великих среднеазиатских города! Добрых два тысячелетия соперничали они. То Самарканд становился столицей, и вокруг него людям делалось тесно: они строили новые поселения, прокладывали каналы, а вокруг Бухары в это время засыхали сады, на которые воды нехватало. То Бухара превращалась в столицу, и ее правители посылали в Самарканд мирабов с повелением пропускать больше воды в «благородную Бухару», и тогда под Самаркандом и Катта-Курганом многие виноградники превращались в пустыри, покрытые как бы сухой коркой плесени.

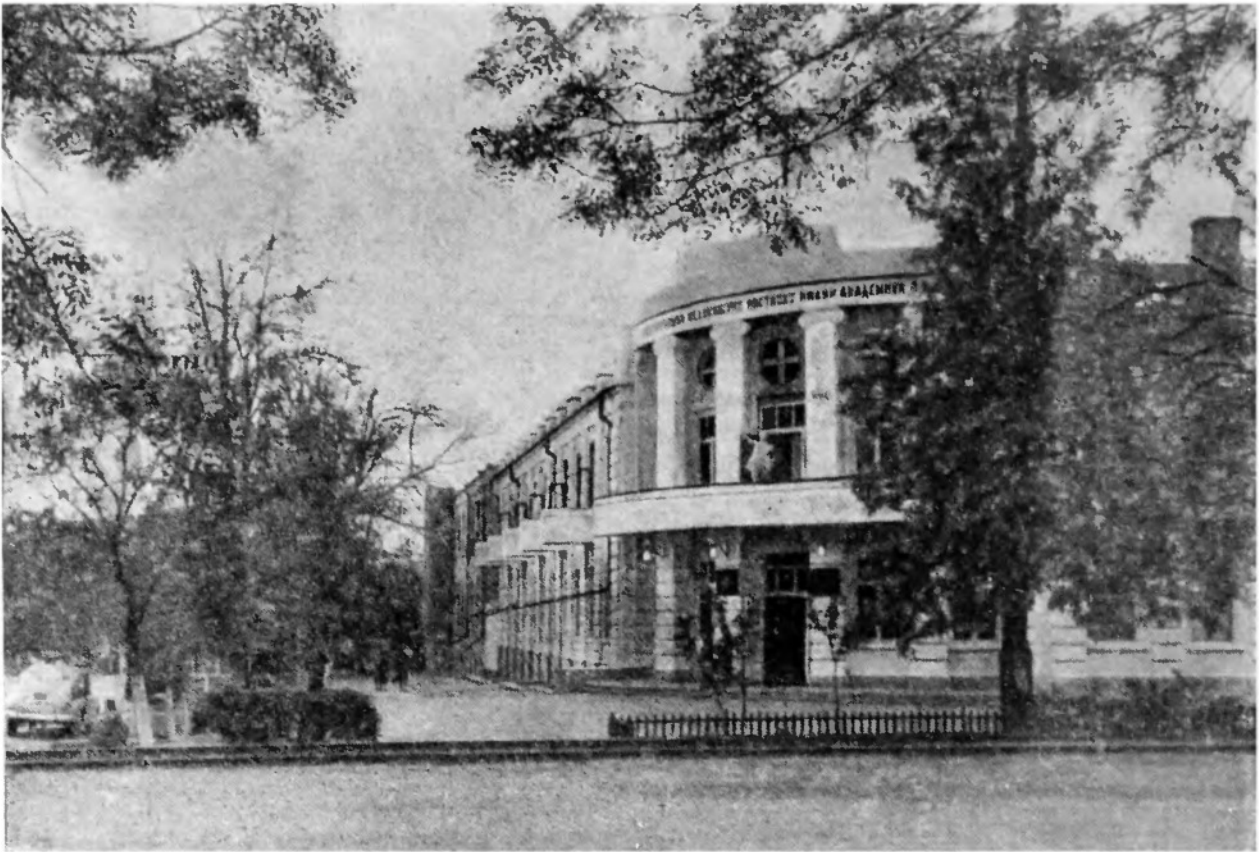
Когда царские войска в 1868 году вслед за Самаркандом овладели и Катта-Курганом, генерал Кауфман рассудил, что в его руках ключи к бухарской воде: значит, бухарский эмир, захочет он или не захочет, неизбежно будет послушным вассалом царской России.

В стены Бухары сбежались в те дни неистовые фанатики-мусульмане со всей завоеванной части Туркестана. Потрясая посохами, с мрачным пламенем в очах, они проклинали кяфиров («неверных») в мечетях «священного города», на его площадях и базарах, призывая правоверных встать под зеленое знамя пророка. Понятно, что царским чиновникам и генералам не было никакой охоты забираться в этот муравейник, где из каждой калитки мог блеснуть нож, направленный в спину. Они сочли более выгодным заключить мир с Бухарой, предоставив эмиру самому изворачиваться, как сумеет, между своими фанатиками и верноподданной службой царю. В случае чего ведь никакого труда не составляло привести эмира к послушанию, стоило лишь убавить пропуск воды в Бухарский оазис.

После революции Самарканд и Бухара стали областными городами Узбекской республики. Сперва обе области попрежнему жили на

Сад на Мнашкале

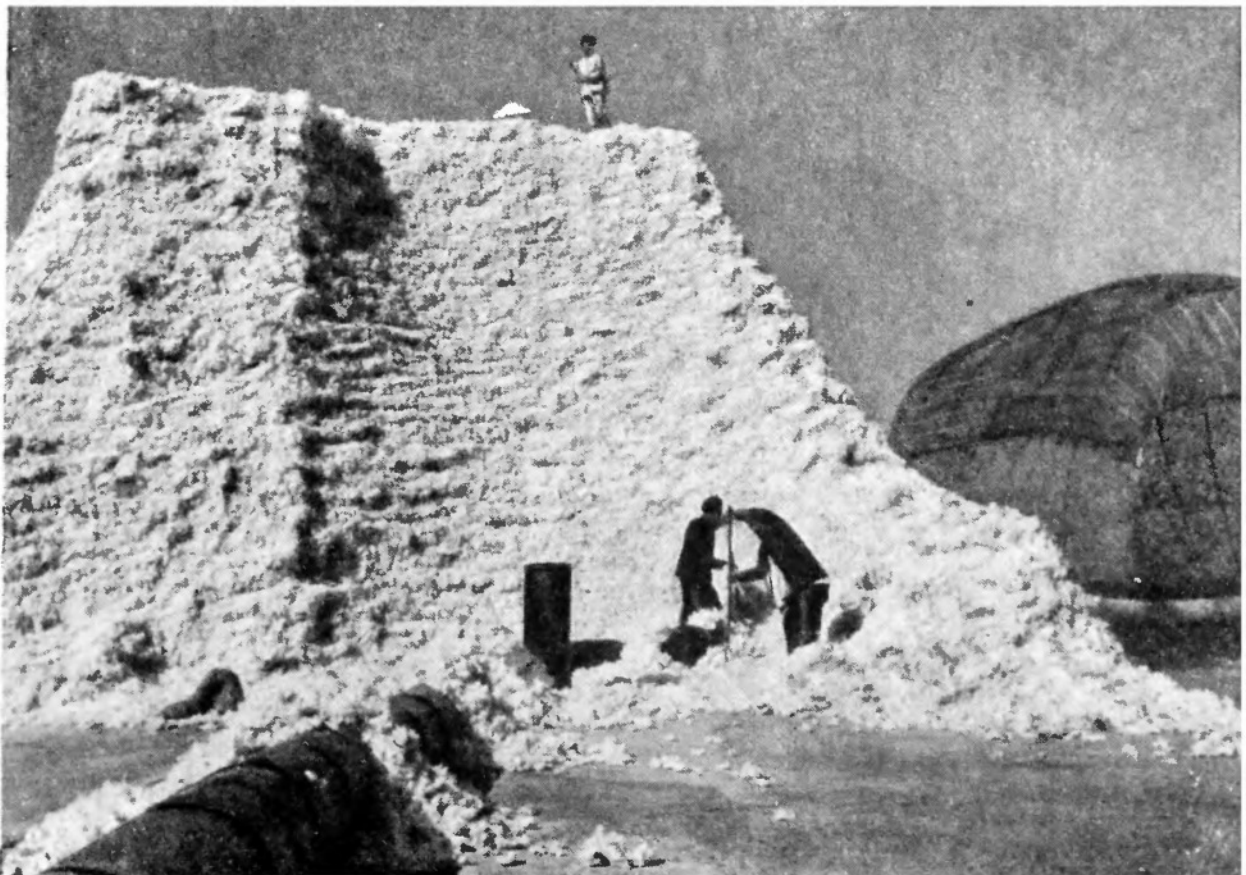
Самарканд. Медицинский институт.

Самарканд. Улица старого города.

Самарканд. Средняя школа.

Дары «золотоносной реки» Зарафшана.

Колхозный карабаир.

В самаркандском помологическом саду.

полуголодном водном пайке. На хлопковых плантациях под Катта-Курганом, несмотря на исключительное плодородие почвы, колхозники собирали вдвое меньшие урожаи, чем ферганцы, так как полям нехватало воды. Потом зарафшанские колхозники начали строить новые каналы. Но решительный конец полуголодному пайку воды был положен в 1941 году, когда сто тысяч колхозников, бухарских и самаркандских, вышли на народную стройку к окраинам Катта-Кургана. С энтузиазмом отозвались они на призыв Коммунистической партии соорудить крупнейшее в мире водохранилище, добавить к оросительной воде своей «золотоносной» реки еще шестьсот пятьдесят миллионов кубометров воды.

Где же советские инженеры рассчитывали взять воду, чтобы наполнить это водохранилище? Кругом в степи и в помине нет ни захудалой речонки, ни ручейка, ни источника. Конечно, можно было взять воду из Зарафшана, но в нем и так каждая капля была на счету: дерево, посаженное у арыка, отнимало воду у другого дерева, росшего ниже по течению. Можно ли было из Зарафшана взять не то что шестьсот пятьдесят миллионов, а один кубометр воды?

Да, можно было! И именно из Зарафшана. Все шестьсот пятьдесят миллионов кубометров. Но чтобы читателю это стало понятно, перенесемся мысленно далеко к западу от Катта-Кургана, в низовья Зарафшана, в маленький Каракульский оазис, окруженный морем сыпучих песков.

Кара-куль — в переводе Черное озеро. Некогда здесь и впрямь существовало обширное озеро; благодаря густым зарослям камыша оно издали рисовалось глазу черным пятном на желтом фоне пустыни. На этом озере охотился еще Улугбек. За века озеро усохло, распалось на цепь мелких озер, поражающих взор неожиданной голубизной меж песчаных барханов. И эти-то озерца, как некогда и все озеро Каракуль, пополнялись зарафшанской водою, — пополнялись в те зимние месяцы, когда в Зарафшане воды немного, но когда русла арыков во всей Средней Азии сухи совершенно: дехкане их очищают от ила, готовясь к новой весне.

Собрать эти озерца вновь в одно целое озеро, перенести его из пустыни далеко вверх по Зарафшану, в огромную естественную впадину под Катта-Курганом, воздвигнуть колоссальную земляную плотину, чтобы впадину увеличить, собирать зимой зарафшанскую воду в созданную таким путем чашу, чтобы летом возвращать воду из этой «сберкасы» обратно золотоносной среднеазиатской реке, — вот смелая задача, за разрешение которой взялись коммунисты. Эту задачу выдвигал еще в 1919 году Владимир Ильич Ленин: в его декрете об организации оросительных работ в Туркестане предусматривалось не только орошение Голодной степи, но и устройство водохранилища на Зарафшане.

И вот на Зарафшан пришли строители. На увалах и в степи в беспорядке разметались небольшими гнездами палатки, навесы, землянки, камышовые кибитки, временные склады и кухни. В лощинках запылали

костры. Вдоль трассы подводящего канала десятки тысяч людей, лепясь на тридцатипятиметровых обрывах над головами друг у друга, начали врубаться кетменями в сухую землю. На всю республику прогремело тогда имя лучшего кетменщика строительства «Узбекского моря» гиждуванского колхозника Мавляна Гафурова. Его прозвали в те дни Мавлян-Палван, это значит по-русски Мавлян-богатырь.

Война прервала строительство «Катта-Курганского моря». Колхозники успели в 1941 году воздвигнуть подводящий и отводящий каналы со всеми гидротехническими сооружениями и только первую четверть водохранилища, заполнив ее водой.

А когда пришла победа, когда ученые возвратились с фронта к своим недоконченным диссертациям, писатели — к недописанным повестям, тогда и зарафшанские фронтовики-колхозники вернулись к своему недовершенному морю. Они увидели, что за годы войны по берегам их моря выросли камыши, охотники стреляли здесь уток, катта-курганские ребятишки шествовали с удочками к своему новому морю. И вот в 1946 году вокруг Катта-Курганского водохранилища снова зазвучал гул многотысячного отряда строителей.

Но теперь звуки человеческих голосов утонули в скрежете экскаваторов, в реве гусеничных тракторов и бетономешалок, в шуме тяжелых грузовиков, бульдозеров, транспортеров, компрессоров, гравиемоек и в гуле поездов, которые по новым железнодорожным веткам засновали по строительству. Терпкий запах сожженной солнцем земли и запах бараньего сала, несущийся от колхозных казанов, смешался с запахами угля и бензина. На стройку пришли механизмы.

На всех сооружениях «Узбекского моря» лежит печать творческой мысли, печать технического дерзания. Можно без преувеличения сказать, что строительство «Узбекского моря» сделалось для ученых, для специалистов своего рода академией.

В «академии» этой работали и одновременно учились многие ирригаторы Средней Азии. И немало из того, что было изобретено, придумано на строительстве «Узбекского моря» они применяют ныне на стройках других каналов и водохранилищ. Вот один, отнюдь не самый интересный с точки зрения инженеров, но для широкого читателя, быть может, самый яркий пример.

Долгое время строителям «Узбекского моря» мешала работать пыль. Сплошным облаком висела она над земляными карьерами, над дорогами, над плотиной, над всею стройкой — мельчайшая, лёссовая, среднеазиатская пыль, при малейшем ветерке взлетая клубящейся массой. Она так легка, что держалась бывало неделями в воздухе. Сквозь ее пелену медленно по дорогам пробирались грузовики, беспрерывно сигналив, чтоб не наткнуться друг на друга. Да и не только шоферам — всем рабочим мешала выполнять план эта слепящая пыль.

Инженеры, рабочие, шоферы, все думали, как им победить пыль. В учебниках об этом ничего не было сказано: их составители не имели

дела с лёссовой землей, состоящей из мельчайших частиц. И строители «Узбекского моря» победили пыль просто и остроумно. Посреди земляных карьеров, на холмах они выкопали водоемы и стали качать в них насосами воду. Вода впитывалась в землю. Кетменщики и экскаваторы стали разрабатывать влажную землю. Влажную землю начали возить по дорогам грузовики. При этом земля была не просто влажной, а с совершенно определенным процентом влажности, за которым следили работники грунтовой лаборатории. Ведь раньше, когда насыпали плотину, каждый слой земли, укатывая, увлажняли: этого требовала техника строительства. Около суток занимали прежде увлажнение и обработка каждого такого слоя земли. Теперь, когда землю стали на плотину привозить влажной, работа пошла в три-четыре раза быстрее. А облак пыли над стройкой исчезло, растаяло, воздух стал ясным, чистым, прозрачным, — и в учебнике гидротехники появилась новая страница.

Строительство «Узбекского моря» сделалось гигантской школой и для колхозников-строителей. Сотни людей стали здесь шоферами, механиками сложнейших машин и, — что больше всего привлекало колхозников, — экскаваторщиками. Надо знать, какое большое значение имеет в жизни каждой узбекской семьи оросительная вода, сколько труда и любви вкладывают узбеки в борьбу за воду, надо самому побывать на народных стройках, чтобы понять, какое огромное впечатление произвели на узбекских дехкан экскаваторы. Ведь экскаваторщик — это человек, который на ирригационных стройках заменяет сотни кетменщиков — прославленных строителей. Это, кроме того, человек, который зимою на магистральных каналах, во время очистки их от ила, один со своим экскаватором освобождает от тяжелого труда сотни людей. Надо ли удивляться, что профессия экскаваторщика сделалась в Узбекистане необычайно популярной.

Год за годом строители наращивали плотину, и море вошло в свои проектные берега. Вокруг берегов этих выросло тысячектарное кольцо зеленого леса. Захлопотали у своего нового моря мирные рыбоводы, ратники зеркального карпа — рыбы, знаменитой тем, что она растет быстро, как овощ, нагуливает за несколько месяцев килограмм веса. Каждый год на Узбекском море рыбаки проводят ныне массовый лов.

В выжженной солнцем степи вокруг Зарафшана стала обычной фигура районного мелиоратора, склонившегося над нивелиром, а то и фигура колхозника, который лежит на животе и внимательно во что-то вглядывается: перед его носом врыта в землю пиала, наполненная водой до краев. Чем занят этот колхозник? Тем же, чем и мелиоратор: прокладкой нового небольшого арыка. Если перед его глазами поверхность воды в пиале покрывает собой далекую пеструю цепь крошечных бугорков на земле, значит арык можно вести, вода по нему потечет. Этим способом прокладывались арыки с древнейших времен.

Много новых земель напоило водой «Катта-Курганское море», немало еще напоит. А о том, какой это великий в жизни каждого кол-

хозника-узбека день, когда к нему приходит вода, ярче всего могли бы рассказать люди, видевшие, как в июле, когда завязываются плоды второго яруса хлопчатника, на поля Бухары, веками страдавшей от безводья, пришла из Узбекского моря вода. Народ в кишлаках ликовал. Люди черпали пригоршнями и пили воду из полных арыков. Ведь вода — счастье узбека: когда ее нет — мир тесен и мрачен, когда она идет по арыку — на сердце весело, солнечно, радостно и светло.

11. СОЗВЕЗДИЕ МОЛОДЫХ ПОСЕЛКОВ

Двумя веерами расходятся степные дороги от Катта-Кургана к двум темнеющим на горизонте скалистым грядам: Нуратинской на севере и Зерабулакской на юге. Гряды эти обрамляют вдали Зарафшан.

На склонах Нуратинских гор в балочках недавно ютились лишь крошечные селения, каждое из пяти-семи домиков. Селения эти издавна в Узбекистане величают «кишлаками певцов». Еще в середине прошлого века вся Средняя Азия знала имя Тилля Кампыр — нуратинской сказительницы, воспитавшей множество знаменитых поэтов-импровизаторов. Здесь пел и крупнейший сказитель, недавно умерший, Эргаш Джуман-буль-буль-оглы. Нуратинский хребет — поющие горы. Почти каждый нуратинец знает наизусть несколько эпических народных дастанов, и почти все выдающиеся сказители Узбекистана — нуратинцы. Один из них — Бекмурад Жирав.

Он тоже работал на строительстве «Катта-Курганского моря». Пришел он на стройку с кетменем в руках. Здесь колхозники, работая с ним бок о бок, узнали, что он сказитель, отобрали у него кетмень и вручили ему кобуз — двухструнную скрипку с полым резонатором. С этого дня Бекмурад Жирав стал служить строительству нового моря со скрипкой в руках, возбуждая в слушателях стремление к героическим делам, воспевая богатырей узбекского эпоса: Кунтугмыша и Авазхана, и Героглы.

Но больше всего любили колхозники-строители слушать песни, сочиненные самим Бекмурадом Жиравом. В этих песнях он высмеивал отстающих, славил лучших кетменщиков и экскаваторщиков и воспевал народ, борющийся за воду. А что для самого Бекмурада Жиравы значит вода, станет ясным, если сказать, что задолго до того, как стать певцом, он прославился на весь Нуратинский хребет именно как мастер воды. Он владел самым виртуозным, какой только существует в Средней Азии, старинным способом добычи оросительной воды.

На скалистых Нуратинских горах родников очень мало. Но уже в древности народы Средней Азии знали, что родники — это подземные водяные жилы, вырвавшиеся на поверхность земли. А раз так, люди принялись искать эти жилы, чтобы вывести их наружу искусственно и оросить ими клочки своих пашен. Так возникли кяризы, едва ли не са-

мые замечательные ирригационные сооружения, созданные народами Средней Азии.

Кяриз строился следующим образом. Мастер, основываясь на передаваемом из поколения в поколение опыте, выбирал на склонах гор место, где, по его расчетам, в глубине должна быть вода. Он прорубал глубокий колодец и нащупывал водяную жилу. Определив направление, по которому несется подземный поток, мастер вырывал в нескольких десятках шагов второй колодец, чуть в стороне от потока. Потом он соединял дно этих колодцев подземной галлереей. Так он сооружал целую цепь — несколько десятков колодцев, соединяя их подземной галлереей, по которой в сторону отводил поток. Кяризы тянулись на несколько километров, прежде чем мастеру удавалось вывести поток на поверхность горного склона. Таким мастером и был в юности Бекмурад Жирав. За свою жизнь он построил столько кяризов, искусственно создал в своих каменистых горах столько родничков, что получил прозвище Бекмурада-Палвана.

Когда советские люди стали воздвигать в Узбекистане гигантские ирригационные сооружения, Бекмурад Жирав превратился из палвана в бахши, из мастера кяризов, богатыря — в певца. Казалось, при новой технике никому не нужно его хоть и трудное, но первобытное мастерство кяризов. На строительстве «Узбекского моря» славу принесли ему песни: когда строительство приближалось к концу и над вспененными волнами нового моря понеслись острогрудые чайки, Бекмурад Жирав вернулся в свое селение знаменитым певцом.

За это время сильно изменилась его родина. На адырах Нуратинского хребта, как и в других предгорьях, заколосились богарные хлеба и виноградники, забелели домики совхозных поселков, зазеленели молодые рощи. Они выросли без оросительной воды, как бы говоря самим своим видом, что древнее кяризное мастерство теперь уже никому не нужно, похоронено навсегда. Бекмурад Жирав даже сложил песню об этом. Но на этот раз он ошибся.

Однажды далеко от его селения, на адырах Джизакского района, колхозники, очистив заброшенный родничок, оросили им небольшое хлопковое поле. Вместо обычных в оазисах пяти-семи поливов они дали своему хлопчатнику только два полива — больше нехватило воды. И оказалось, что на адырах и этого было довольно. Мало того, почва здесь оказалась столь плодородной, что колхозники собрали со своего поля хороший урожай хлопка. Тогда у них возникла мысль: нельзя ли хлопчатник расселить по адырам? Если бы это удалось, в Средней Азии прибавилось бы больше миллиона гектаров новых хлопковых полей. Это было бы грандиозное, общесоюзное дело! Джизакские колхозники двинулись в горы, нашли новые родники, расчистили старые, заставив их давать больше воды.

Вместе с ними в работе этой участвовал приехавший в свое родное селение недалеко от Джизака писатель Шараф Рашидов, в то время

редактор республиканской газеты «Қзыл Узбекистан». Газета рассказала всему народу об инициативе джизакцев, а сам Рашидов потом написал о борьбе джизакцев за воду интересную повесть «Победители».

В этой повести он нарисовал широкую картину жизни джизакского горного колхоза с землями такими пустынными, что «даже весной трава не одевала их своим зеленым пскровом. Они лежали под солнцем нагие и нелюдимые, и ничто живое не тянулось к ним». Показав целую галлерею людей колхозного кишлака, Рашидов рассказал, как люди эти построили на дикой горной речушке водохранилище и колхозную гидроэлектростанцию и, кроме этого, как после долгих поисков они нашли и расчистили замураванный в горах родник.

Повесть «Победители» подсказана жизнью. Подлинные события легли в основу ее сюжетной канвы. Писатель захотел продолжить, углубить работу по пропаганде этой инициативы народа, которую он вел как редактор газеты, сделать само событие для всех более осязаемым, ярким, живым. И расчистка старых родников и поиски новых — это действительно было подхвачено всею республикой, выросло в народное движение и докатилось даже к лежавшим в стороне от культурных центров Нуратинским горам.

И тогда вся республика вспомнила о древнем искусстве кяризных мастеров. В гостях у народного певца Бекмурада Жиравы появились советские гидротехники. Кяризные мастера стали показывать инженерам свое искусство. Инженеры принесли с собой новые, технически совершенные способы бурения колодцев. Народное мастерство соединилось с социалистической техникой, и хлопчатник начал расселяться по адырам вдоль подножий гор.

Когда пролетаешь над Зарафшаном ночью на самолете и глядишь вниз, кажется теперь, что на земле отразилось небо: на черном фоне переливаются, мерцают, подобные плеядам, маленькие розетки ярких звезд, и все они образуют словно большое созвездие. Это загорелись электрические огни новых совхозных поселков в Джамской степи, знаменитой своими хлебами, и в Нуратинской степи.

Одна из крупнейших звезд в этом созвездии горит на Нуратинских горах: это Газган — родина мрамора. Розовый, полупрозрачный, покрытый паутиной нежных прожилок, вспыхивающий красноватым огоньком, когда в нем отражается свет, — таков мрамор Газгана. Им были отделаны советские павильоны на международных выставках в Париже и Нью-Йорке. Им любуются москвичи в подземных дворцах московского метрополитена, в новом высотном здании Московского университета, ташкентцы — в фойе своего нового оперного театра. И на фоне газганского мрамора чернеют рубильники на распределительных щитах новых электростанций Узбекистана.

Вторая, питающаяся пока передвижной электростанцией крупная звезда в этом созвездии — Чиргам-сай: корундовый рудник. Корунд

тверд почти как алмаз и используется для холодной обработки металлов. Когда летишь на самолете, кроме этих огней видишь внизу в ночи еще огни графитового рудника; знаешь, что скоро зажгутся огни на открытых геологами месторождениях киновари.

И все же, несмотря на эти огни, ночная земля Зарафшана была бы не так уж похожа на звездное небо, если бы ее широкою лентой не прорезал и свой «млечный путь», туманный, мерцающий, разгорающийся с каждым годом все ярче и ярче. Это вдоль Зарафшана, на Мианкале, рассыпаясь на тысячи сверкающих точек, соединяясь вокруг селений в световые пучки, горят огни новых колхозных электростанций. Зарафшан, «сеятель золота», превратился теперь в золотую реку огней, над которой летят самолеты, вдоль которой, в стороне от нее, по степи бегут поезда из Самарканда, мимо Катта-Кургана, на запад, в «благородную» Бухару.

12. ПЕРЕКРЕСТОК ТРЕХ РЕСПУБЛИК

В городе Кагане, недалеко от станции, высится дворец, построенный в том бухарско-турецко-итальянско-петербургско-мавританском стиле, который означает отсутствие вообще какого бы то ни было стиля. Увенчан дворец этот восточными куполами и множеством башенок, причудливых, смахивающих на миниатюрные модели российских церковных колоколенок. Характерна история постройки этого дворца. Когда император Николай II обещал пожаловать к эмиру бухарскому в гости, эмир побоялся принять его в стенах «священного города» и предпочел специально воздвигнуть на сей предмет дворец подальше от своих подданных, в Новой Бухаре, как тогда именовался город Каган. Дворец этот так и не увидел российского императора. Его поездку в Туркестан первая мировая война отложила, а революция и совсем отменила. Восставший народ прогнал эмира. И новый эмирский дворец стал Дворцом культуры железнодорожников.

Вот они, нынешние хозяева дворца, в светлых форменных костюмах выходят сейчас с библиотечными книгами из его полукруглых дверей, а по вечерам сидят на скамьях во дворцовом саду, отдыхая за медлительною беседой, прислушиваясь к звукам родного города. Вам, приезжему, эти звуки мало что скажут. Но спросите о них каганцев: по звукам они прочтут жизнь своего народа, как раскрытую книгу.

Жестяными, простуженными голосами перекликаются рожки стрелочников, им отвечают тоненькие гудочки маневровых паровозов, и каганец знает: такой-то паровоз пошел на такой-то путь. Вдалеке зычно прогудел паровоз, послышался шум подходящего поезда, и каганец по звуку определит, что это за поезд: порожняк, сборный поезд, хлопковый маршрут или нефтеналивной состав, который гремит нарастающим чугунным ливнем, и если цистерны полны нефти, от него раскатывается глухое, как бы подземное эхо. Зазвучал, удаляясь и разносясь далеко

окрест, рев сирены, и каганец знает: это тепловоз повел состав на запад, в просторы туркменских пустынь. Там, на затерянных в песках маленьких станциях, с водой туго, приходится возить ее специальными поездами-водянками; поэтому Ашхабадская дорога первой в Союзе простилась с паровозами и целиком перешла на тепловозную тягу.

И еще хаос других железнодорожных звуков роится в воздухе Кагана: густой бас деповского гудка, и медовые удары сигнального колокола на вокзале, и верещание кондукторского свистка, и лязг сцеплений, прокатывающийся от вагона к вагону, и гул продуваемого паровозного котла, подобный многократно усиленному звуку ветра в трубе, и звонкая переключка молоточков осмотрщиков, и шипение пара, выпускаемого паровозом, и едва слышный свист проверяемых тормозов. Во всех этих звуках, значении их чередования, силы и ритма любой каганец разбирается так же ясно, как в звуках дома, где живет: скрипе парадной двери, плаче ребенка за стеной или шипении масла на кухонной сковороде.

Есть среди этих звуков один неотступный, связывающий остальные, подобно непрерывному журчанию ручья. Это звук человеческого голоса, усиленный громкоговорителем. Когда по широким, обсаженным тополями улицам идешь от окраины Кагана к станции, начинаешь мало-помалу различать и слова: «Пять крытых груженных — девятый путь!.. Два крытых порожних — двенадцатый путь!.. Три цистерны груженных — пятый путь!..» И выходишь, наконец, к сердцу города, к механизированной горке, возвышающейся над Каганом. На ней стоят видные со всех улиц длинные товарные составы. Паровоз метр за метром осаживает очередной поезд к спуску с горки, где высится остекленная будка горочного диспетчера, снабженная громкоговорителем. Гремят буфера, хвостовые вагоны один за другим отрываются, скользят с горки вниз быстрее, быстрее... Их встречает на пути масса стрелочников, и вагоны разбегаются по многочисленным станционным путям.

Каган — второй по величине в Узбекистане после Ташкента железнодорожный узел и один из крупнейших узлов Средней Азии, узел трех республик: Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. От Кагана расходятся железнодорожные пути: на восток — в Самарканд, Ташкент и солнечные города Ферганской долины; на запад — в Ашхабад и Красноводск к зеленовато-седым волнам Каспия; на юг — в Карши, Термез и Сталинабад, к подножью Памира.

Существует такое обыденное, на первый взгляд лишенное поэзии, выражение: «товарные перевозки». Обычно о товарных перевозках мы судим по колонкам цифр. Но если отвлечься от цифр и внимательно присмотреться к словам, которые написаны мелом на товарных вагонах, и ответить себе на вопрос, что, куда и зачем везут, перед вами раскроется волнующая картина, картина, рассказывающая о братстве советских народов. Из России, с Украины, с Урала идут в Узбекистан состав за составом с грузовиками, тракторами, всевозможными маши-

Новая гидроэлектростанция.

нами, станками, точными приборами, паровозами, книгами, из Сибири — с хлебом, лесом, сталью и чугуном, из Азербайджана и Туркмении — с нефтепродуктами, из Таджикистана — с редкими металлами, из Грузии — с цитрусовыми и чаем, из Киргизии, Казахстана и Сибири — с углем и сахаром. А навстречу из Узбекистана идут в братские республики хлопковые эшелоны, поезда везут шелк и каракуль, фрукты и консервы, хлопковое масло и виноград и, что самое характерное, ткани и машины. На полях, на заводах и в шахтах Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Азербайджана, даже на Украине, можно увидеть теперь станки и машины с марками заводов Узбекистана.

В Кагане, сидя в будке горочного диспетчера, почти зрительно ощущаешь, что товарные перевозки — это постоянное, действующее ритмично, как бой сердца, овеществленное в продуктах труда братство между народами, видишь и то, что республики Средней Азии сделались индустриальными.

Каждый город Узбекистана превратился в промышленный центр. Одним из таких центров сделался и Каган. Из Кагана вывозится теперь заводское хлопковое масло и очищенное на заводе хлопковое волокно, химические удобрения, алебастр, гипс и другие строительные материалы. В Кагане ремонтируются вагоны и паровозы. Но еще больше, чем в Кагане, фабричных труб выросло в том большом городе, который находится рядом с Каганом, одним из древнейших городов Средней Азии — Бухаре.

13. УТРО ГОРОДА

Хорошо, подъезжая к Бухаре на рассвете, остановить машину на окраине города, выйти и постоять минут десять, созерцая утро. Восходит солнце, и лучи его сперва загораются на макушке самого высокого бухарского минарета Калян, на других минаретах, на лазоревых куполах медресе и мечетей. Потом стены домов становятся розовыми. Из города по дороге выезжает легковая машина: это агроном областного земельного отдела поехал на поля одного из колхозов. И словно оттого, что увидели его, враз защебетали птицы в садах вокруг Бухары.

Загремел самоварной трубой чайханщик в придорожной чайхане. Дорога оглашается голосами спешащих на работу людей. Громяхая, один за другим помчались грузовики из города, в город. Зазвенел колокольчик в конце верблюжьего каравана, покидающего Бухару, уходящего в каракулеводческие колхозы, затерянные в кзыл-кумских просторах. Протяжно загудели фабричные гудки, переключаясь в чистом утреннем воздухе. В Бухаре начинается трудовой день.

Въезжаешь в город и попадаешь на одну из широких, застроенных рядами новых домов, уличных магистралей, что проложили советские люди в Бухаре. Однако едва свернешь с такой магистрали в сторону, оказываешься в лабиринте — да нет, не в лабиринте, а словно в ка-

такомбах улечек. Раньше почти четверть Бухары занимали кладбища, вторую четверть — медресе, мечети, эмирский дворец и базар: в черте «священного города» земли нехватало. Бухарским ремесленникам пришлось лепить свои мазанки тесно одну к другой и поверх них в беспорядке налепить еще второй этаж мазанок. Поэтому и без того неширокие улицы кажутся совсем узенькими: по ним, словно по коридорам, движется пестрый людской поток.

В стенах многих жилищ на этих боковых улицах, кроме узорных калиток и темных провалов ворот, прорублены на улицу и окна: маленькие, большие, квадратные, удлиненные. Окно на улицу было событием в жизни бухарской семьи, символом нового быта. Бывало какой-нибудь рабочий шелкомотальной фабрики смело прорубал на улицу ряд широких окон, а живущий над ним на втором этаже ветхозаветный старик соглашался лишь на одно крошечное оконце, и то только после горячих уговоров семьи.

Контрасты между старым и новым пока еще резки во внешнем облике Бухары. Входишь во двор бухарской школы механизации, и рядом со зданием видишь в тени тутовника и под навесом трактора разных систем, экскаватор, хлопкоуборочную машину и возле них — молодых колхозников, готовящихся стать электромеханиками колхозной ГЭС, машинистами-экскаваторщиками, водителями хлопкоуборочных машин. А покидаешь этот двор, и оказываешься в «катакомбах» боковых бухарских улечек.

Местами в «катакомбы» эти вкраплены стеклянные галереи новых парикмахерских, булочных и других магазинов. Местами в город вклинены целые кварталы новых каменных зданий. И повсюду виднеются, возвышаясь над кровлями, тяжелые стрельчатые арки порталов старинных медресе и мечетей. Порталы эти то расцвечены яркой, сверкающей на солнце изразцовой одеждой, то серы, ноздреваты, и меж их массивными каменными плитами прямо из стен торчат кустики сухой травы. А еще выше на фоне неба вырисовываются минареты и голубые купола, и на куполах кое-где сереют огромные гнезда, в которые каждую весну прилетают семьи аистов.

Когда вступаешь под каменные своды бухарской мечети или медресе, вас словно окутывают мрак и сырость. Замечательно сказал о бухарских медресе Садриддин Айни, прошедший в них свою юность: «Эти старые медресе, построенные три или четыре столетия назад, доныне удивляющие нас своим великолепием, точно выражали феодальный строй, внешне нарядный, величественный, сверкающий, а внутри темный, удушливый, смрадный, невыносимо тесный. В этих зданиях выражены лицемерие и жестокость феодализма...»

Сарафон, Заргарон, Токи-Тильпак-Фурушон (три розетки серых куполов с центральным куполом посреди каждой розетки) перекрывают перекрестки главных бухарских улиц. Их оставили как памятники старины. Они воздвигнуты в XVI веке и были прежде торговыми купола-

ми. Под ними в каменных нишах восседали среди своих товаров купцы. А под центральными куполами, где в базарные часы двигался густой, многоголовый поток конных и пеших людей, бухарские ковроделы растилали прямо на земле новые ковры, чтобы идущие по ним люди и лошади «облагородили их своими подошвами и копытами», сбили с ковров лишний ворс и придали бы им «настоящую» цену.

Теперь под этими куполами деловая жизнь больших уличных пере-крестков: проедет грузовик с мукой на хлебозавод, наполнив каменные своды долгим раскатистым гулом, прокатит в легковом автомобиле амбулаторный врач, едущий на дом к больному, и в одной из ниш, улучив свободную минуту, присаживается постовой милиционер, потягивая из пиалы чай.

Да не удивит никого бухарский милиционер, чаевничающий на посту! Чай в Узбекистане не прихоть, не просто «утренний» или «после-полуденный» чай. Чай здесь нужен людям, как воздух: без него человеку «нечем дышать». Чай возвращает организму ту влагу, которая необходима, чтобы человек мог работать, перенося любую жару. Недавно известный ташкентский физиолог А. С. Садыков закончил интересную научную работу по исследованию водно-солевого обмена, необходимого для человеческого организма в условиях Средней Азии. Из работы этой явствует, что человеку здесь нужно потеть, иначе он завянет, как дерево. Вот почему почти на каждом сельском и городском перекрестке в Узбекистане одна, а то и две-три чайханы. Вот почему безостановочно кипят самовары вдоль трассы любого строящегося канала.

В Бухаре пиала чая значит еще и нечто другое. Недаром нынешние бухарцы воздвигли пиале чая памятник в своем городе — памятник необыкновенный и на первый взгляд нелепый. Над бухарским регистаном (главной площадью) высится башня городского водопровода, ажурная конструкция которой, вознесшаяся выше минаретов, до такой степени не вяжется ни с монументальным ансамблем древних построек, ни с белеющими сквозь зелень красивыми новыми зданиями театра и облисполкома, что, увидев впервые эту башню, невольно восклицаешь: «И угораздило же бухарцев поставить ее именно здесь! Неужели не могли они найти для нее более скромного места!»

Но человеку, пившему чай в Бухаре лет двадцать назад, на всю жизнь запомнившему его гнилой привкус, который нельзя было уничтожить никакой крепчайшей заваркой, человеку, видевшему и лекаря ришты — ужасной бухарской болезни (лекарь этот специальной палочкой выматывал в течение двух-трех недель из-под кожи больного бесконечно длинного червя ришты, и все искусство лекаря состояло в том, чтобы червя не порвать, вымотать до конца), — словом, человеку, бывавшему в Бухаре раньше, нетрудно понять, почему бухарцы горделиво поставили башню нового водопровода на красивейшей площади города.

Чтобы вся острота положения с водой в Бухаре была понятна,

надо сказать о Шахруде, о хаузах и водоносах. Гидрогеологи скажут вам, что нынешняя Бухара высится на культурном четырнадцатиметровом холме. Тысячелетия жили здесь люди — стены их осыпавшихся жилищ нарастали пласт за пластом, пока не разросся огромный холм. Увидеть это можно и глазом, стоит лишь подойти к Шахруду — главному каналу, прорезающему город. Несмотря на то, что бухарцы несчетное число раз его перестраивали, поднимали все выше, обложили камнем, он струится в глубине черным потоком, словно в щели. Воды в нем мало. И так как в низовьях Зарафшана с водой и без того всегда было плохо, бухарцы соорудили в городе восемьдесят пять хаузов — каменных водоемов, в которых хранилась вода.

Водоемы придают бухарским улицам неповторимое своеобразие. Крупнейший из них, Лябихауз, осенен деревьями, листва которых кажется особенно кружевной на фоне мощных пилонов Ханак-мечети и монолитных стен медресе Диван-Беги, превращенного в гостиницу. Прежде в мутную, застоявшуюся воду хаузов базарные поливальщики погружали свои кожаные бурдюки и, выйдя на базар, разбрызгивали воду так бережно, что каждая ее драгоценная капля падала наземь отдельно и, подобно капельке ртути, закатывалась в пыль.

Из хаузов брали воду и водоносы, разнося по городу вместе с питьевой водой болезни, целый настой всяческих вредоносных бактерий, которыми кишели хаузы. Если бы надгробные камни бухарских кладбищ, занимавших еще лет двадцать назад городские кварталы, могли говорить, они поведали бы, что большинство погребенных под ними людей умерло не от старости, не от пули, не от кинжала, а от этих болезней. Ришта только одна из них.

Удивительно ли, что первая струя водопроводной воды, что рванулась из крана уличной гидроклонки в первый подставленный кувшин, весело клопоча и сверкая прозрачными брызгами, была настоящим праздником для бухарцев. Удивительно ли и то, что воздвигли они башню своего водопровода на регистане! Ведь водопровод означал конец бухарским болезням, конец гнилому чаю и, кроме того, начало благословенному шопоту древесной листвы, начало садам.

Вдоль некоторых улиц Бухары кое-где торчат покрытые чахлыми листьями морщинисто-черные стволы старых тутовников, стволы такие кривые, что, кажется, деревья изогнулись, стремясь дотянуться корнями до воды, и в этом могучем, непосильном напряжении так и застыли. Купы зелени виднеются и вокруг хаузов, но там каждое дерево было выращено, вынянчено рукой человека, чаще всего каким-либо мусульманским подвижником, замаливавшим на склоне лет совершенные им грехи. Когда смотришь на эти деревья, невольно думаешь: вот это дерево — искупление за обман, это — за убийство, это — за донос на друга. Все можно было искупить в Бухаре, вырастив дерево.

Башня нового водопровода ознаменовала конец и этому. Напротив нее, на краю регистана, зазеленел уютный скверик; большой фруктовый

сад, где зреют абрикосы, яблоки, гранаты и виноград, разросся возле бухарского мотороремонтного завода; появились в городе и другие сады, а на месте одного из бухарских кладбищ, которое вынесли за город, затрепетал, зашумел ветвями огромный, ширококронный, полный птичьего гомона парк — городской парк культуры и отдыха. И посреди парка засверкало меж каменных берегов новое озеро, прозрачное, чистое, словно пронизанное солнечным светом, — озеро, в котором в жаркие дни плещутся смуглые ребятишки, часами не вылезая из воды и присоединяя свой визг к щебету птиц.

14. НАСЛЕДСТВО АБУ АЛИ ИБН-СИНЫ

Есть в Бухарском парке культуры и отдыха один интереснейший памятник старины. Американские миллионеры, падкие до всяческих редкостей, попробовали было купить его. Эти люди привыкли накладывать лапу в Египте на настоящие сфинксы, в Греции на редчайшие статуи, а то и на целые храмы, и, не считаясь с национальной гордостью народов — наследников этих сокровищ, увозить их в Америку, отрывая от родной земли.

Чем миллионеры эти лучше Тимура? Тот, как известно, тоже со всех концов мира тащил в столицу свою все, что мог утащить. Из Бруссы (города в Малой Азии), например, он привез в Самарканд бронзовые двери с изображениями апостолов Петра и Павла, отделанные эмалью и тончайшей инкрустацией из золота и лазури. Двери эти, такие высокие, что в них можно было въехать верхом, Тимур велел приделать к матерчатой палатке своей старшей жены Биби-ханым.

Понятно, узбеки отказались продать американцам свой памятник, объяснив им, что торговать историческими памятниками несовместимо с национальным достоинством культурного народа. Втолковать, однако, это гостям оказалось делом нелегким, и если узбеки не сказали им ничего более резкого на сей счет, то только из вежливости. Но когда американцы уехали, многие в Узбекистане говорили с удивлением: «Ну и люди: они думают, что весь мир — это большой базар!»

Памятник, о котором речь, один из древнейших памятников Средней Азии, мавзолей Исмаила Саманида, не потрясает ни грандиозностью — он невелик, ни пышностью украшений — их нет и в помине. Сложен он из простого желтого кирпича. И все же это едва ли не прелестнейший памятник среднеазиатского зодчества. Благородное изящество и воздушность здания достигнуты здесь рисунком кирпичной кладки стен, по красоте линий поистине волшебной. Кирпич стал тут предметом творчества (это единственный на Востоке памятник такого рода), и неизвестный строитель его показал, что настоящий художник может и из простого кирпича создать совершенное произведение искусства.

При таджикской династии Саманидов Бухара пережила одну из

интересных страниц своего прошлого. Было это в X веке. Историки и географы того времени, описывая Бухару, ее мощные улицы, крытые базары, караван-сарай, рассказывают и о библиотеках, славнейшей из которых была библиотека Саманидов. В этой библиотеке занимался величайший таджикский поэт Рудаки. В ней провел счастливейшие дни своей юности и гениальный таджикский ученый Абу Али Ибн-Сина, известный в Европе под именем Авиценны.

У мавзолея Исмаила Саманида ясно рисуешь себе утро, когда пятнадцатилетний Абу Али Ибн-Сина купил однажды на базаре в книжной лавке книгу знаменитого среднеазиатского философа-материалиста Ал-Фараби, который осмеливался утверждать, что райское счастье возможно лишь на земле, «а все другое, что говорят об этом, рассказы и бредни старух». Не отрываясь, прочел молодой Ибн-Сина книгу и был так ею потрясен, что выбежал взволнованный на улицу и стал раздавать встречным все оставшиеся у него деньги, говоря каждому: «Сегодня я получил ответ на мои вопросы!» Потом он добился права заниматься в книгохранилище Саманидов.

Так началась творческая деятельность человека, оставившего потомству первую в мире научную энциклопедию — знаменитую восемнадцатитомную «Книгу исцеления», сохранившего человечеству в переводах и комментариях множество страниц древнегреческих ученых, которые иначе были бы безвозвратно утеряны, широко распространившего учение Аристотеля и, вместе с этим великим материалистом древности, сделавшегося на несколько веков во всем мире непререкаемым авторитетом в области философии, естествознания и медицины.

Работать пришлось Ибн-Сине, испытывая тягчайшие страдания. «Когда я стал велик, то ни один город и ни одна страна не оказались в состоянии дать мне пристанища; когда безмерно возросла моя цена, то не нашлось для меня покупателя», — писал сам Ибн-Сина. Всю жизнь он провел в скитаниях, спасаясь от преследований. С горечью говорил он в одном из своих четверостиший:

В кругу двух-трех невежд, столь убежденных в том,
Что глупость их считается умом,
Старайся быть ослом. Не то они ославят
Того, кто не осел, — еретиком.

Мусульманское духовенство ненавидело Ибн-Сину за те идеи, что он проповедовал в своих научных и литературных трудах. Ибн-Сина отрицал, что мир сотворен богом, доказывал, что мир существует вечно, отрицал божественное предопределение и не только утверждал причинную закономерность в природе, но и строил на этой основе свою научную методологию, отрицал даже загробную жизнь. Философия Ибн-Сины в корне подрывала догмы ислама. Неудивительно, что книги его были мусульманскими мракобесами объявлены еретическими и сожжены. Однако ученики сохранили многие рукописи Ибн-Сины, а позже сочинения его, проникнув в Испанию и ко двору марокканских халифов,

могуче повлияли на Ибн-Баджже (Авемпаче), Ибн-Рошда (Аверроэса), Маймонида, Ибн-Туфейля и вместе с их книгами и книгами древних греков и римлян легли в основу европейской культуры. Несколько веков в Европе все медики врачевали, руководствуясь книгами Абу Али Ибн-Сины.

В 1952 году, по предложению Фредерика Жолио-Кюри Всемирный Совет Мира принял решение широко отметить во всех странах мира тысячелетний юбилей со дня рождения Ибн-Сины. На народных празднествах в честь этого события выступали с речами ученые разных стран, продемонстрировав великое братство людей науки всего мира. Разумеется, юбилей Ибн-Сины отмечался и на его родине — в Бухаре.

Кроме мавзолея Исмаила Саманида, там есть еще здание, связанное с именем Ибн-Сины. Это здание медресе, воздвигнутое совсем недавно, в начале нашего века. Посреди его уютного, выложенного плитой двора бьет фонтан, белеют гипсовые статуи и господствует та особенная тишина, какая бывает лишь в царстве книг, в библиотеке. Это и есть библиотека, одна из тысячи четырехсот библиотек, существующих ныне в Узбекистане, — вторая в республике по богатству восточных рукописей после ташкентской, библиотека имени Абу Али Ибн-Сины.

Большой портрет знаменитого бухарца висит в читальном зале, где слышны лишь глухие покашливания да шелест перелистываемых страниц. Здесь готовятся к зачетам студенты нынешних бухарских техникумов. Здесь занимаются и молодые ученые. И меж них можно увидеть человека, склонившегося над одной из книг самого Ибн-Сины: прославленным «Аль-Кануном», а то и художественно-философским трактатом «Хай-ибн-Якзан», послужившим основой для одноименного романа Ибн-Туфейля — первой робинзонады, книги, которая, в свою очередь, дала мысль Даниэлю Дефо написать «Робинзона Крузо».

Тысячелетие странствовало имя Ибн-Сины (Авиценны) по свету, и реже всего за эти века о нем вспоминали на его родине, в Бухаре, сделавшейся ареной ожесточенной борьбы феодалов. Со времени Саманидов не существовало тут и культурной библиотеки: невежество, дикость и фанатизм десять столетий были уделом бухарцев. Такая библиотека появилась здесь только теперь, когда советская культура принесла сюда книги гениальных философов, ученых, художников слова. Эта новая, всечеловеческая культура вернула бухарцам и их великого земляка.

15. „БУХАРА-И-ШЕРИФ“

Памятник бухарского эмирата — арка — ярко рисует картину недавнего прошлого «Бухары-и-шериф», «благородной Бухары», имя которой в течение веков означало для феодальных беков лишь вооруженную силу, для купцов — крупный среднеазиатский базар, для дехкан

же и ремесленников — невыносимые подати и поборы, жесточайшую феодальную эксплуатацию, бесправие, гнет, нищету. Древняя цитадель города — арк — расположена на высоком холме, обнесенном гигантской зубчатой стеной. Снаружи, со стороны регистана, стена эта с широким въездом, украшенным двумя башнями, являет внушительное зрелище. Два ряда мрачных казематов обрамляют въезд в арк, где помещался зимний эмирский дворец, превращенный ныне в музей.

Казематы были сооружены здесь, дабы заключенный испытывал двойное отчаяние: чтобы он не только чувствовал свою наготу, голод и тяжесть цепи, которой он был прикован, но вместе с тем, чтобы его ежечасно глодала черная зависть при лицезрении шелка и бархата пышных проездов «повелителя правоверных» и высших чиновников. Казематы были сооружены здесь еще и для того, чтобы и сановники, со своей стороны, видя этих несчастных и слыша их стоны, ежечасно помнили, что и их самих при недостатке усердия может постигнуть та же страшная участь.

Но еще более зловещее впечатление, чем казематы, оставляет Сиахчах — Черный колодец. В полу каземата прорублена дыра в глубокую яму. В ней эмирские тюремщики разводили особый вид клещей, присасывающихся к коже человека до тех пор, пока тело клеща, налитое кровью, не разбухнет до величины боба. По повелению эмира в яму бросали людей на медленное съедение клещам и, чтобы человек не мог себя защитить от них, его сковывали цепями.

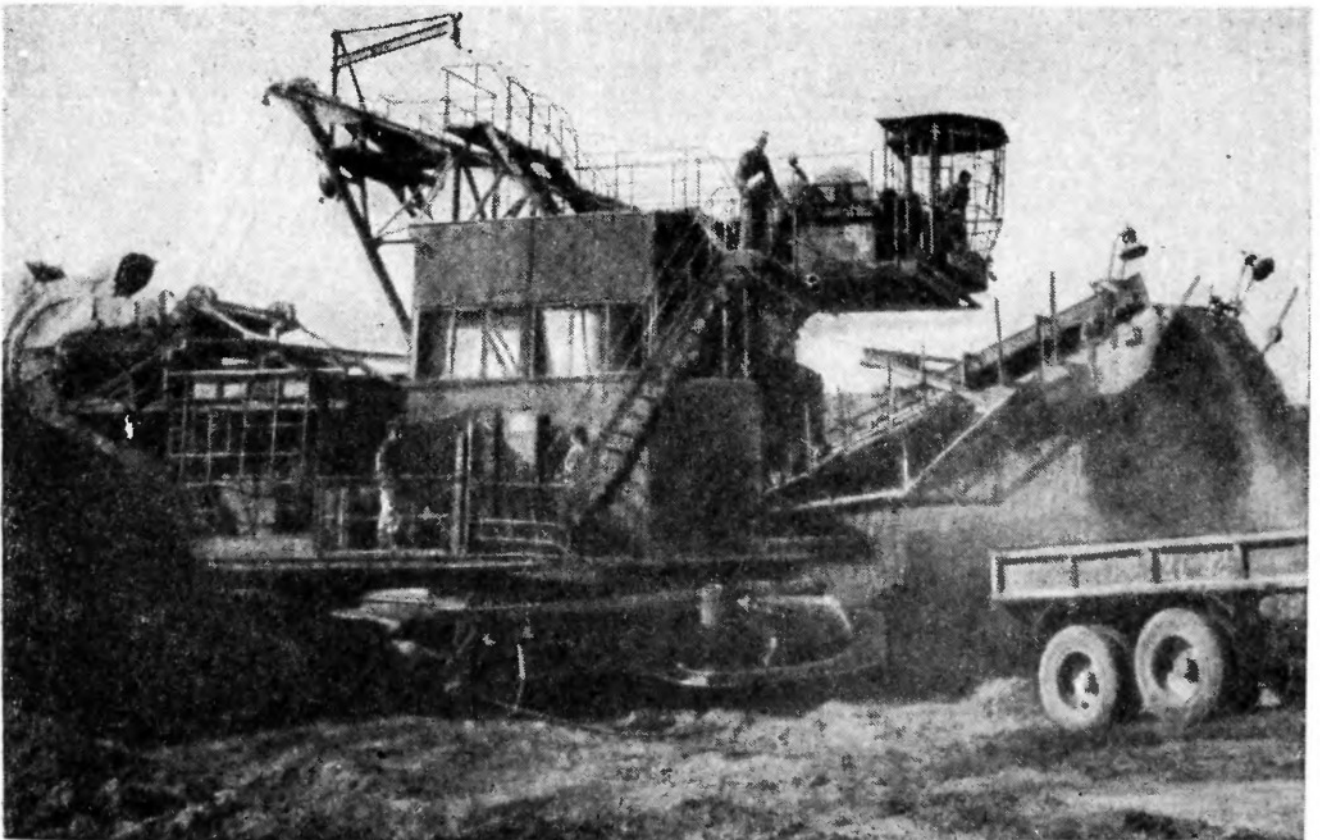
Когда эмир сделался вассалом российского императора, порядки в Бухаре оставались те же. Правда, кое-что новое появилось в ту пору: русскими в Бухаре были построены две больницы, аптека, даже кино-театр, носивший характерное название — «Тарикистан», что значит «Страна темноты». Однако, кроме этого, не изменилось почти ничего: до самой революции просуществовало средневековое феодальное бухарское государство.

Яркую картину жизни предреволюционной Бухары нарисовал Садриддин Айни в своих книгах, особенно в книге воспоминаний «Бухара», получившей Сталинскую премию. Это замечательная книга. Ее следует прочесть каждому, кто интересуется прошлым Узбекистана. Среди многих жизненных историй есть в ней такая, выразительно характеризующая жизнь бухарского эмирата.

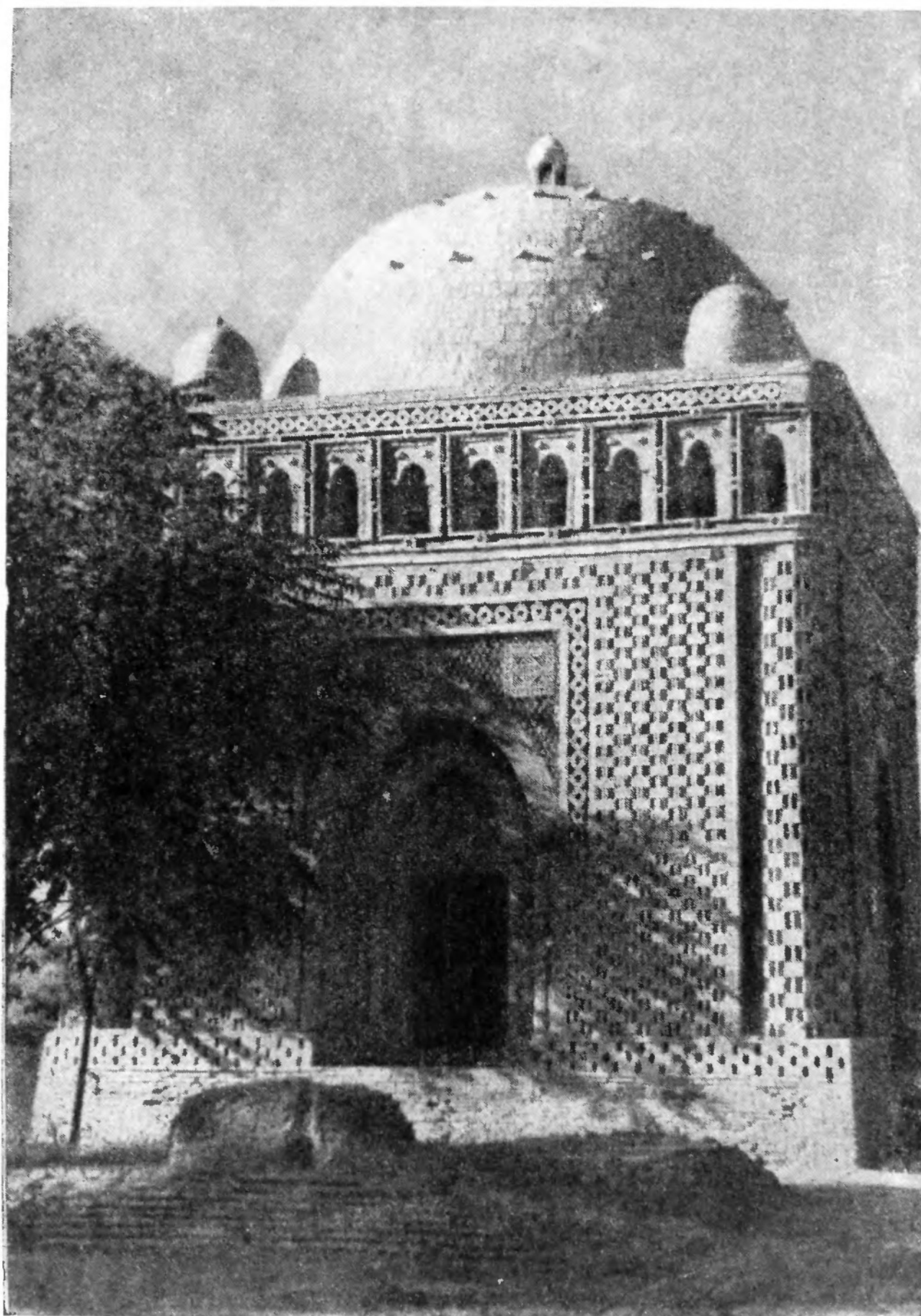
Жил-был в Бухаре, в медресе Мир-Араб (в том самом медресе, где провел свою юность Айни), человек, которого все знали под именем муллы Тураба. Мулла Тураб осмелился изучать русский язык. Его начали за это преследовать. Однажды мулла Тураб привез из Самарканда кожаные ботинки, которые скрипели. И по Бухаре пополз шепоток: «Это русские записали имена своего бога на медной пластинке. Вложили пластинку в ботинки, и когда человек надевает их, имена русского бога начинают звучать на весь Мир-Араб, на всю Бухару, всюду, куда входит этот человек, по всему мусульманскому миру!»

Средняя школа в Бухаре.

На строительстве «Узбекского моря».

Бухара. Мавзолей Исмаила Саманида.

Узнав от Тураба, что ботинки эти сшиты не русскими сапожниками, а мусульманами-татарами в Казани, бухарские мракобесы вызвали в качестве консультанта татарина. Тот высказал следующее соображение: мол, хотя ботинки сшиты в Казани, но «шили их не татары, а русские, которых в Казани много. Ботинки, сшитые татарами, не скрипят, а русские сапожники вшивают в подошву свиную щетину для скрипа. В этом нет сомнения... Ботинки муллы Тураба потому издают звук, похожий на свиное хрюканье, что кожа этого нечистого животного на ногах Тураба принесена в священные стены нашего медресе... Муллы подняли шум: «Безбожник осквернил Мир-Араб свиной!» Тураба выгнали из медресе. И потом, по повелению эмира, публично казнили на регистане.

Двору эмира, его советникам, звездочетам, лекарям, сборщикам податей, гаремным евнухам, стражникам-сарбазам, телохранителям, шпионам и палачам противостоял в Бухаре мир феодальных ремесленников: горшечников, кузнецов, клепальщиков посуды, ткачей, медников, седельников, кожевников, сапожников, красильщиков, мастеров по выделке каракулевых шкурок, прядильщиков, цирюльников, арбакешей, чайханщиков, мукомолов, лепешечников, водоносов, чеканщиков по металлу, ковроделов, золотошвеев, тубетеечников и многих других.

Любой нынешний пожилой рабочий, будь то механик маленькой трактороремонтной мастерской или мастер шелкомотальной фабрики, сортировщик самого крупного в Союзе каракулевого завода или электрик Бухарской ЦЭС, будь то рабочий одного из других оборудованных по последнему слову техники социалистических предприятий Бухары — любой из них в юности был бесправным феодальным ремесленником, который, помимо своего нехитрого ремесла, должен был знать наизуток еще и его «рисоля» — своего рода цеховой религиозный устав, где точно было определено, какую молитву следует читать ремесленнику при каждом производственном действии, дабы не предстать в день восстания мертвых «посрамленным, с головой свиньи и черным лицом».

На страхе перед этим загробным наказанием и, кроме того, на реальном страхе перед эмирским палачом, а главное — на жесточайшей феодальной эксплуатации ремесленников и дехкан держалось существование эмирата.

Но в России грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, и отзвуки ее пронесли над миром; вспыхнули революции в Германии, Венгрии. Забастовали английские портовые рабочие, отказавшись грузить оружие для английских и американских империалистов, вознамерившихся задушить в колыбели молодую рабоче-крестьянскую республику. Народ в Европе заговорил. И вместе с тем впервые за много столетий заговорил народ в Средней Азии — великий, трудолюбивый, но веками безмолвствовавший, казалось, оцепеневший во мраке средневе-

ковья, со всех сторон обираемый, трижды бесправный, четырежды обездоленный и угнетенный народ.

Заговорил не сразу. Сперва настороженно прислушивался он к вестям, что шли из России: он привык на слово никому не верить. И только когда он ясно увидел, что в борьбе против революции объединились вчера еще готовые перегрызть горло друг другу феодалы и вожди племен, эмирские судьи и ростовщики, проповедники в желтых и в белых чалмах, царские генералы и английские королевские войска, появившиеся в туркменских пустынях, когда вместе с тем дошли до сознания народа и вошли в его сердце слова и дела партии коммунистов, слова, которые не расходились с делами, и дела, которые потрясли своей справедливостью, тогда народ заговорил. И как заговорил — полным голосом: в Бухаре он поднял восстание против эмира, в Афганистане — против англичан.

Стремясь подавить восстание, англичане двинули на Афганистан войска. Но в ответ восстали все афганские племена в Северной Индии — такова была сила отзвука российской революции. Испугавшись, как бы восстание не распространилось на всю Индию, англичане вынуждены были, провоевав лишь пятьдесят дней, поспешно заключить мир, отказаться от своих привилегий в Афганистане и признать его независимость. Так под влиянием российской революции образовалось в 1919 году независимое Афганское государство.

В Бухаре же восставшие ремесленники и дехкане призвали на помощь Красную Армию, армию вооруженных российских рабочих и крестьян, и прогнали эмира. Так под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции родилась в 1920 году Бухарская Народная Республика, которая зимой 1924/25 года, при национальном размежевании Средней Азии, была по ее просьбе принята в Советский Союз и вошла, соответственно населявшим ее национальностям, в состав Узбекской, Таджикской и Туркменской союзных республик.

Бухарцы любят рассказывать приезжему человеку, как Алим-хан, последний эмир бухарский, после того как народ прогнал его, обращался с жалобой в Лигу наций: силясь доказать, что и он-де пекся о благе народа, Алим-хан ссылался на то, что за время своего правления построил мост на реке Сурхан-Дарье. На этом бухарцы обычно свой рассказ обрывают, ибо для человека, приехавшего в Бухару, и так все ясно: когда видишь, сколько прекрасных зданий, заводов, электростанций, дворцов, мостов, улиц построили здесь советские люди, комичной покажется любому хвастливая ссылка эмира на мост — единственное, что было воздвигнуто при его правлении во всем государстве.

Всего тридцатилетие отделяет нас от времени бухарского эмирата. В Бухаре еще кое-где высится городская стена — памятник недавнего феодального прошлого. Над нею блещут кровли и трубы новых, социалистических фабрик: прядильной и швейной, обувной и шелкомотальной; заводов каракулевого и хлопкоочистительного.

Бухарские заводы не видели ни локаутов, ни забастовок, ни штрейкбрехеров. В узбекском языке даже слов таких не было: забастовка, штрейкбрехер, локаут, кризис, пролетариат и многих других, рожденных капитализмом. Когда узбеки поднимались к вершинам социалистической культуры, когда они в теории стали изучать капитализм в других странах, им пришлось слова эти заимствовать из русского словаря. Так, и бухарский пейзаж и узбекский язык наглядно повествуют о том, что ученые обычно выражают суховатой, но сильной по точности смысла фразой: «Узбекский народ перешагнул капиталистическую стадию развития», перешел от феодализма прямо к социализму.

Каждый узбек старшего поколения шагнул из феодализма в социализм. Это ярко видно на биографиях узбеков — деятелей культуры, науки, искусства.

Композитор Мухтар Ашрафи родился в 1912 году в Бухаре, в семье народного музыканта-певца. В доме его отца на музыкальных вечерах собирались ревностные ценители бухарской классической музыки, которые строго следили за точностью исполнения канонизированных ритмических формул—усулей. Все нужно было исполнять так, как оно сложилось веками: нельзя было изменить ни звука, новое было под запретом. Когда в доме маленького Мухтара Ашрафи исполнялись древние музыкальные произведения, сохранившиеся от времен согдийской культуры, — так называемые макомы, в это самое время на главной площади города казнили человека за то, что у него на ногах слышался «русский скрип».

Не прошло еще и четырех десятилетий с этого дня, а в городском театре Бухары на концертах звучит русская музыка — музыка Глинки, Чайковского, Скрябина. Она звучит и в тысячах радиорепродукторов на всех улицах и площадях, во всех домах Бухары. И вместе с нею звучит «Героическая симфония» бухарца Мухтара Ашрафи, за которую композитору была присуждена Сталинская премия. В симфонии этой народная узбекская музыка поднята на высоту современной музыкальной культуры. Народность слышится в мелодике «Героической симфонии» и в сопоставлении первого, сложного, нечеткого ритма со вторым, мерным ритмом. Современность же — в подлинном симфонизме, в том, как вместе с главной музыкальной темой вступает вторая, напевная, лиричная, женственная тема, как она звучит сперва у флейт, английского рожка и кларнета, потом у струнных и деревянных инструментов, как затем она появляется на тревожном ритмическом фоне у валторн и альтов, как она вырастает и как исчезает.

Тридцать с лишним лет назад отец Наби Ганиева, известного узбекского кинорежиссера, привел своего сына в мектеб и сказал мулле:

— Кости у него мои, мясо — ваше. Учите его, как хотите, но если из моего сына не выйдет настоящего узбека, верного служителя аллаха, то... — он помолчал и завершил: — Я мясник. Я зарезал на своем

веку не одну сотню баранов. Убить одного мальчишку мне будет нетрудно.

Спустя несколько лет, в 1921 году, когда Наби Ганиев сбежал из дому учиться в Москву во Вхутемас, имам потребовал от его отца, чтобы тот публично проклял своего сына в квартальной мечети. Но революция уже начала менять сознание старика. Он ответил имаму:

— Я надеюсь, что сын не опозорит меня!

И отказался выполнить требование, хотя это и означало, что двери мечети с того дня перед ним закроются и родственники будут опасаться его посещать: самое тяжкое наказание для религиозного старика.

Когда через два года Наби Ганиев ехал на каникулы домой, по дороге, в Самаре (нынешнем Куйбышеве), юноша в вокзальной парикмахерской побрил голову, а вернувшись в вагон, снял костюм, вместе с кепкой упрятал его в чемодан и нарядился в узбекский халат и тубетейку. Своим «правоверным» видом Ганиев хотел облегчить положение старика-отца.

Спустя еще несколько лет, когда Наби Ганиев приступал к съемкам фильма «Тахир и Зухра» (по мотивам известной бухарской народной сказки), отец спросил его наедине:

— Скажи мне честно, выйдет ли из тебя настоящий человек, большой советский кинорежиссер?

— А если не выйдет?

— Тогда поезжай учиться снова на инженера или на врача.

Вот только три эпизода в жизни одного человека, но кажется, что произошли они в разные эпохи. А эпохи эти, феодализм и социализм, разделены лишь тридцатилетием советской власти.

Русские коммунисты помогли узбекам войти в мир социализма, помогли овладеть им всем богатством социалистической жизни. Надо ли удивляться, что в Бухаре — на ее заводах и фабриках, в институтах и школах, во дворцах культуры и поликлиниках, научных учреждениях и библиотеках — вы увидите, как и всюду в Узбекистане, глубокое благоговение перед русской культурой. В бывшем центре среднеазиатского национализма, где казнили человека за «русский скрип на ногах», теперь, говоря словами Гафура Гуляма:

Русское слово «товарищ»
стало узбекским словом,
Стало оно всемирным,
народы оно роднит.
Веселое слово «спичка»
живет в каждом доме колхозном,
И не помнит никто, что спички
по-арабски зовутся «кибрит».

Есть в Бухаре знатный человек, широко известный в Средней Азии, — Садулло Ташпулатов. Он работает запарщиком на шелкоматальной фабрике. Ташпулатов предложил новые методы запарки коко-

нов, которые дали рекордную экономию сырья, и по его методам стала работать вся Средняя Азия. На многих шелкомотальных фабриках страны можно увидеть специальный плакат, рассказывающий о методах работы Садулло Ташпулатова. Бухарцы участвуют в общем творчестве всего советского народа.

Еще шире, чем Ташпулатов, прославилась в стране бухарская колхозница Хурмат-ой Тишаева. Она разработала новые методы скоростной выкормки тутового шелкопряда, и работа бухарской колхозницы была отмечена Сталинской премией. Об опыте Хурмат-ой Тишаевой написаны брошюры и книги, выпущены научно-популярные фильмы, по которым учатся шелководы Армении и Таджикистана, Туркмении и Грузии. Книгу самой Тишаевой «Скоростной метод выкормки тутового шелкопряда» можно увидеть ныне даже далеко на севере, в России, на Перловской станции Центрального научно-исследовательского института шелковой промышленности, где по методу прославленной бухарской колхозницы был поставлен удачный опыт выкормки дубового шелкопряда.

Жизнь и работа Тишаевой, впрочем как жизнь и работа многих бухарцев, может служить наглядным примером великого товарищества народов советской земли.

16. ЭТО БЫЛО В БУХАРЕ

«Есть дети—в доме базар, нет детей—в доме мазар», — гласит узбекская поговорка: «базар» — в смысле оживления и веселья, «мазар» — надгробный мавзолей. Среди лучших традиций узбекского народа, поддерживавшихся веками, была исключительная забота о детях. Ребенок здесь — центр семьи. Кто из узбекистанцев не бывал постоянно свидетелем того, как какой-нибудь дехканин все свободное время нянчится с ребятишками. Бездетность же всегда почиталась тут величайшим несчастьем и была окружена общественным презрением.

Но одно дело свои дети, другое — чужие. Когда в дни Великой Отечественной войны в Ташкент прибыл первый эшелон с детьми, подобранными на улицах пылающих городов, с детьми, родители которых погибли в боях и во время бомбежек мирных городов фашистскими самолетами, никому и в голову не могло прийти, что приезд этих детей станет для Узбекистана событием всенародным. Сперва для них решено было создать обычную сеть детских домов. Однако едва первая колонна ребятишек, взявшись за руки, парами проследовала с вокзала по ташкентским улицам, как десятки узбеков и узбечек обратились к правительству с просьбой отдать детей им. Они хотели принять этих детей в свои семьи, усыновить, растить, воспитывать. И просили об этом с такой горячностью, что им нельзя было отказать.

Спустя несколько дней уже не сотни — тысячи людей в Ташкенте,

Андижане, Бухаре, повсюду стали осаждать вокзалы, куда прибывали эшелоны с детьми. Рабочие и колхозники, одиночки и многодетные стремились усыновить по три, по пять ребятишек — столько, сколько удастся заполучить. При этом совсем никакого значения не имело — русские ли, украинцы, литовцы ли, карелы или евреи эти дети. Они были советскими ребятишками. И бедствие, обрушившееся на них, человечески тронуло весь узбекский народ.

В среднеазиатских двориках рядом с черноглазыми узбекскими детьми появились ребята синеглазые, белобрысые, рыжие и курносые. О том, как складывались отношения в этих новых семьях, как первое чувство острой жалости к осиротевшим детям постепенно сменялось, перерастало в прочную привязанность и любовь, будет написано еще немало книг. Здесь мне представляется уместным рассказать лишь одну историю, слышанную мной в Бухаре.

В центре Бухары есть район, где стройными рядами, чуть отступя один от другого, высятся новые светлые четырехэтажные жилые корпуса. В одном из домов этого квартала жила-была узбекская семья, двое молодых: он работал квасильщиком на каракулевом заводе, она хозяйничала дома. Он был работающим парнем и нежно любил молодую жену, она отвечала ему взаимностью, была внимательна, заботлива, домовита. Словом, счастье их могло быть полным, если бы его не омрачало отсутствие детей. Первые два года совместной жизни они, мечтая, часто говорили друг с другом о детях и откладывали на сберкнижку деньги: ведь если родится сын, надо не ударить лицом в грязь, ознаменовать это событие большим тоем (праздником), пригласить на него, согласно обычаю, всех родственников, друзей, соседей, товарищей по заводу. Когда выяснилось, что ребенка нет и нет, они, щадя друг друга, перестали об этом разговаривать.

Быть может, оба они — и он и она (ее звали Муабарой, его имя из памяти моей ускользнуло) свыклись бы, примирились с тем, что детей у них нет, если бы жили не в Узбекистане, где постоянные участливые вопросы соседей на сей счет неизбежны.

Началась война. Проводив мужа в Советскую Армию, Муабара поплакала в одиночестве. Потом, чтобы не сидеть без дела, пошла работать в кустарную артель имени Молотова, продолжающую традиции знаменитых бухарских золотошвейных мастеров. Дома в свободное время она, как в те дни все бухарские женщины, вязала шерстяные носки и теплые свитеры для бойцов Советской Армии, с тревогой следила за сводками Совинформбюро и, когда получала от мужа письмо — треугольное солдатское письмо без марки, бегала к соседям поделиться своей радостью.

И вот однажды произошло событие, круто переломившее ее жизнь. Соседи видели в этот день, как Муабара, запыхавшись, вбежала в парадную дверь дома, потом выбежала, зажав в руке сберкнижку, ту самую, на которой лежали деньги, собранные на случай рождения сына,

и поспешно скрылась в конце улицы. Вечером она привела в дом шестилетнюю белобрысую девочку. И женщины всего дома собрались в квартиру Муабары, чтобы посмотреть на девочку, родители которой погибли в российских снегах в огне войны и которая отныне становилась дочерью живущей в их квартале узбечки.

От Муабары женщины узнали, что за сберкнижкой она прибегала, чтобы доказать в городском отделе народного образования, что в состоянии прокормить девочку и воспитать ее. А от девочки узнали, что зовут ее Катей. По словам девочки, отец ее уехал далеко-далеко, откуда уже никогда не возвращаются, из чего женщины заключили, что он умер. Она жила с мамой. С нею вместе села она в поезд, чтобы уехать от фашистов. Но по пути что-то случилось. Катенька не знает что. Она проснулась ночью, когда кругом были бомбы, и все горело, и какой-то дядя вынес ее на руках из поезда, и где теперь ее мама — не знает... Наутро Муабара написала мужу письмо: мол, у них есть теперь дочка.

Мало-помалу жизнь вошла в новую колею. Девочка перестала пугаться тут, в глубоком тылу, самолетов, при виде которых первые дни, дрожа от страха, пряталась. Она привыкла Муабару называть мамой, хотя не раз вспоминала в разговорах и свою настоящую мать, научилась говорить по-узбекски, подружилась с квартальными ребятами, среди которых появилось еще несколько таких же белобрыхых и курносых, как она. Яркое шелковое узбекское платье, сшитое для нее Муабарой, пришлось девочке по вкусу. Еще больше понравились Катеньке «чач-папук» — серебряные подвески к косам, извлеченные для нее Муабарой из своего девичьего сундука.

Жизнь Муабары теперь была полна тех забот, о каких не раз мечтала она в первые годы супружества. И все совсем наладилось было, когда молодую узбечку постиг тяжелый удар. Она получила извещение: ее муж пал смертью храбрых, защищая Сталинград от фашистских захватчиков. Нужно ли рассказывать об отчаянии молодой женщины, о том, как заботились о ней соседки, сиюсь помочь ей пережить горе, как приезжали из Вабкента (городка, откуда она была родом) ее старики-родители, звали вернуться домой под родной кров, как она раздумывала, потом отказалась, решив попрежнему жить в Бухаре, работать в артели, воспитывать дочку. Все это было, прошло, осталось позади.

День за днем пролетели еще два года. Весь нерастроченный запас материнской любви Муабара отдавала теперь Катеньке, связав навеки свою жизнь и мечты с девочкой, с ее детскими радостями, горестями, тревожностями. Между тем жизнь готовила ей новый удар.

Как-то раз (было это в феврале 1944 года) в дверь постучали. Девочки в это время не было дома, еще не вернулась из школы. Открыв дверь, Муабара увидела незнакомую русскую женщину, на груди которой под расстегнутой каракулевой шубкой поблескивала партизанская медаль. Женщина оказалась матерью Катеньки. Вступив в комнату, она, не садясь и не раздеваясь, не замечая смертельной бледности

Муабары, радостно возбужденная, стала рассказывать, как была ранена, как ее отходили добрые люди, как потом партизанила, как, вернувшись на «Большую землю», полгода разыскивала по Советскому Союзу свою потерявшуюся девочку, как, наводя справки, натолкнулась на ее следы и вот наконец-то нашла. Она говорила, говорила, а перед ней стояла Муабара, еще не пришедшая в себя, беззащитная перед этой чужой радостью.

Хлопнула дверь. Катенька, весело потряхивая своими многочисленными, заплетенными по-узбекски, но не черными, а белокурыми косичками, вбежала в комнату, бросилась к Муабаре с возгласом: «Мамочка!..» — и вдруг увидела пришедшую, узнала, замерла, крикнула: «Мама!», кинулась к ней, но на полпути остановилась, смущенно оглянулась на Муабару, мгновенье постояла, опустила голову, тихонько пошла в угол, села на стул и заплакала. И обе женщины, плача, бросились к ней с двух сторон.

Случайная свидетельница этой сцены, соседка Муабары, зашедшая перед тем к ней за своей мясорубкой, тотчас же подняла на ноги женщин всего дома, чтобы сообща «защитить» от неожиданной пришелицы счастье Муабары. Но когда женщины, после долгого обсуждения происшедшего, разработав тактику «защиты», под вечер постучались к Муабаре, оказалось, что все решилось без них. Обе матери, русская и узбечка, успели наплакаться, и успокоиться, и разобраться во всем, что произошло. Обсудив все и взвесив, они решили жить отныне вместе, втроем, — тем более, что дом Катенькиной матери в далеком Смоленске сгорел, а она была учительницей и могла работать и жить здесь, в Бухаре.

Я не знаю, как живет эта семья сейчас. Сумела ли девочка скрепить двух женщин на всю жизнь дочерней любовью? Или время, как бывает, провело в сердцах этих двух женщин трещины, сперва незаметные, потом все углубляющиеся, что порой кончаются и трагически? Впрочем, зачем думать о худом, когда все началось так хорошо. Обе матери, и русская и узбечка, поверили, что жизнь у них выйдет, удастся. И правильно поверили! Ибо если человек не верит в счастье, ему не за что и бороться, и тогда уж счастье не посетит его никогда.

17. НАСТУПЛЕНИЕ НА ПУСТЫНЮ

Кольцо войны пылает вокруг Бухары: опустошительной, ведущейся много веков, ожесточенной войны человека с песками.

Когда выезжаешь из Бухары, замечаешь среди садов и зелени хлопковых плантаций желтеющие плешины песков. Чем дальше от города, тем они крупнее, а обработанные поля меж них — мельче, разбросаннее, да и сами растения становятся все ниже и ниже, словно вдруг зачахли, высохли на солнце, пока за Вабкентом ли, Шафриканом

или Гиждуваном окончательно не исчезают во взволнованном море барханов. На границе пустыни и сейчас можно увидеть полузасыпанные хлопковые поля, торчащие из песка макушки деревьев, постройки, почти погребенные песками. А в мертвой пустыне к западу от Бухарского оазиса разбросаны десятки древних бугров: все, что осталось от некогда громадных, «полных всяческой благодати» городов Варахша, Пайканда, Вардана. Кольцо войны пылает вокруг Бухары...

Сыпучие пески в постоянном движении. Небольшие, вогнутые, подобные подковам барханы пробегают иногда до двадцати метров в сутки. Они врываются на огороды, в арыки, на улицы селений. Пытаясь спастись от песков, баи бывало обносили поля высокими глинобитными заборами, а бедняки вывозили со своих полей песок на ослах, выносили его на носилках. Но это не помогало. Существует на вабкентской дороге кишлак Нагахон, что значит в переводе — Внезапно. Назван он так потому, что жители его внезапно лишились урожая — их поля засыпал песок. Это бедствие еще недавно заставляло целые селения сниматься с места и уходить. В середине прошлого века шестнадцать тысяч жителей Роментанского округа (что к северо-западу от Бухары) бежали от песков в далекую Хиву. Пустыня победила их, лишила крова.

Люди эти не знали, что войну с пустыней затеяли они сами, их отцы и деды. Пустыня была мирной, пока люди вокруг своих городов и селений не вырубали на топливо саксаул, а другие растения не кормили верблюдам и овцам, освободив закрепленные пески, отдав их на волю ветрам. Человек сам сделал пустыню, сам дал ей в руки оружие против себя.

Есть в Шафриканском оазисе селение Тез-Гузар. Тезгузарцы охотно рассказывают, как пустыня была остановлена на краю их кишлака.

Когда два десятка лет назад в Тез-Гузаре рождался колхоз, под протоколом общего собрания были поставлены одна-две подписи и десятки бармаков — отпечатков больших пальцев правой руки. Грамотных людей в Тез-Гузаре в то время почти не было. Как могли бороться с пустыней люди, которые, чтобы расписаться, должны были окунать пальцы в чернильницу?! А спустя всего несколько лет, когда у Тез-Гузара забушевали песчаные вьюги, люди тут, впервые в Средней Азии, вместо того чтобы собрать свой скарб и уйти, повернулись лицом к пустыне, решили защищать свой колхоз — колхоз имени Сталина. Они были уже грамотны, верили в науку и знали, что на помощь им придет весь район, а если нужно будет — и вся республика.

Возле Тез-Гузара колхозники вместе с агрономами и рабочими Шафриканского лесхоза дали бой Кзыл-Кумам. Они засеяли и вырастили в песках первую в республике пескоукрепительную полосу. Кривые корни и стволы черного саксаула, черкеза и кандыма образовали щит и остановили пески. Вслед за этим отсюда, от Тез-Гузара, советские люди начали поворачивать пустыню вспять. Уже к 1946 году в Бухар-

ской области был создан между оазисами и песками зеленый барьер длиной в сто двадцать километров и в два-три километра шириной: так называемый «бухарский заслон». Шафрианцы стали расчищать плодородные земли, засыпанные песками. На земли эти пришла вода из Узбекского моря. На отвоеванных у Қзыл-Қумов полях Шариф-бобо Хамраев, прославленный шафрианский хлопкороб, стал выращивать «белое золото». На границе пустыни, где вчера еще были барханы, колхозники заложили мандариновые и лимонные рощи.

О каждом гектаре земли, отвоеванной тезгузарцами у Қзыл-Қумов, о каждом винограднике и саде, заложенном на этой земле, вам подробно расскажут многие люди, живущие далеко от Тез-Гузара: историк Абдуррахман Хамраев, если вы в Ташкенте зайдете к нему в университет, или инженер Бакаджан Мавлянбердыев, технический руководитель Маргеланского шелкокомбината, или профессор университета в Самарканде доктор философских наук Ибрагим Муминов: и тот, и другой, и третий — тезгузарцы.

Каждый тезгузарец — будь то врач Муасам Музафарова или агроном Хол Хикматов, либо известный узбекский киноактер Розок Хамраев, награжденный Сталинской премией за роль Навои в одноименной кинокартине, — словом, каждый из людей, что начинали свою учебу в тезгузарской школе и завершали ее в одном из вузов (а больше пятидесяти тезгузарцев имеют теперь высшее образование), горячо интересуется, даже живя вдали, всем, что делается в его родном кишлаке. Каждый расскажет вам и о том, как советские люди повели наступление в глубь пустыни. Каждый сможет поведать вам уйму подробностей, уйму интересных жизненных случаев, связанных с этим наступлением.

Трудна, увлекательна борьба человека с пустыней. Но прежде надо рассказать, что такое пустыня.

Обычно путешественники рисуют ее так: безбрежное море песчаных волн. Как в настоящее море, входят в нее караваны в сопровождении опытных «лоцманов», определяющих путь по звездам или по карте и компасу. Гребешки барханов дымятся. Песчинки жгут лицо, как искры, и горизонт подернут мглой песчаной метели. Такая пустыня и впрямь существует. Широким полукольцом опоясывает она Бухарский оазис.

Кинооператоры могут работать тут только ранним утром да вечером, когда на барханах лежат тени. Днем очертания освещенных сверху барханов сливаются, и пустыня рисуется глазу однообразной, безжизненной, желтой равниной — такой гладкой, что путешественник невольно вздрагивает, когда в нескольких десятках шагов от него, будто из-под земли, вдруг вырастает всадник или целый караван верблюдов, чтобы, проследовав мимо, так же внезапно провалиться, исчезнуть. Удивительные обманы зрения случаются здесь. Из-за того, что кругом нет ни домов, ни деревьев — ничего, с чем можно было бы сравнить, человек теряет ощущение величины. Какая-нибудь ящерица на гребне бархан-

чика, силуэт которой виден на фоне неба, может показаться огромным чудовищем, одинокий кустик — развесистым деревом.

Поднимается ветер, и дымки над барханами превращаются в струи песка. Небо меркнет, становится красноватым, зловещим. Застигнутые бурей путники поспешно зарываются в песок. Если они чуть ошиблись, неверно рассчитали направление ветра, или если буря не утихает несколько дней, бывает, что барханы превращаются в могилы: сколько трагических смертей записано в летописях песков!..

Такова пустыня рядом с оазисом. Но не такова она в глубине Кзыл-Кумов — одной из двух величайших пустынь Средней Азии. Это сразу становится наглядным, когда вылетаешь на самолете из Бухары в Кзыл-Кумы. Вокруг Бухарского оазиса пески голы, сыпучи. Это пески, раскованные человеком. А в глубине Кзыл-Кумов, на всем необъятном просторе пустыни, пески покрыты бородавками зелени и расцвечены многоцветными пятнами. Местами в красноватый фон Кзыл-Кумов врезаются темные горные гряды. Черными лужами кажутся с самолета отары каракулевых овец. Вот там-то и находится истинная пустыня, полная жизни и своеобразной поэзии, пустыня, о которой пастухи и ученые умеют рассказывать, как о первой любви, нежно и проникновенно.

Ученые расскажут вам, что Кзыл-Кумы и Кара-Кумы пустыни самобытные: восемьдесят пять процентов местных растений не растут больше нигде на земле. Европейские научные учреждения выписывают у нас саксаул, и песчаную акацию, и десятки других растений, в которых содержатся краски, лекарства...

Саксаул! Кто из узбекистанцев не знает этого дерева, самого кривого в мире, которое так тяжело, что тонет в воде, так твердо, что рубить его топором — сущее мученье, вместе с тем так хрупко, что проще всего размельчить его, взяв за конец ствола, ударяя другим концом о камень, дерево, которое дает почти столько же жара, сколько уголь, и, сгорая, оставляет лишь крошечную горстку белого пепла. Однако мало кто видел живой саксаульник.

Когда попадаешь в саксауловый лес в Кзыл-Кумах, вспоминаешь описание адского леса у Данте. Повсюду, словно бурые змеи, извивавшиеся в причудливом танце и вдруг окаменевшие, торчат стволы, одетые листьями столь узкими, что тени они не дают. Солнечный свет сполна проникает в саксауловую рощу: глаз видит сквозь ветви далеко. Ни звука, ни шелеста не слышно в этом лесу. А когда наступает ночь и в небо вливается луна, покрывая все фиолетовым светом, кажется, что лес заколдован, зачарован и что скорее всего растет он не на земле, а на луне: серебряный же диск в небе — сверкающий и далекий, — наверно, он-то как раз и есть наша земля.

Человека, впервые странствующего по пустыне, не покидает чувство, будто он перенесся на другую планету, так здесь все ни на что не похоже. В оправе то желто-серых, то оранжевых песков простираются солончаки, порой белоснежные от соли, порой яркозеленые, желтые,

розовые, кроваво-красные, темнолиловые от растущих на них солянок. Подобно асфальту, звенит под копытами коней грунт такыров — глинистых площадок, таких гладких, что издали они кажутся блестящими зеркала, а иногда и голубыми озерами среди песков. На длинных нитях висят шарики — плоды джюзгуна с причудливо вырезанными краями, похожие на бумажные цветы, и едва заметная тень от этих шариков считается в Кызыл-Кумах серьезною тенью. Розовые кисти мельчайших, сухих, тоже словно бумажных, цветочков тамарикса рисуются на фоне матовозеленых чешуек — именно чешуек, листьями никак их не назовешь! А торчащие из песка лиловые пирамиды кок-паса, а саженные трубчатые стебли сасык-курая (вонючки), а черно-фиолетовые цветы благоуханной песчаной акации, называемой тут за твердость ее древесины куян-суек (заячья кость), а кустики верблюжьей колючки — все здесь свое, особенное, неповторимое...

По пескам, беспрестанно меняя направление, бегают ящерицы. Их так много, что кажутся они рыбьими стаями. Есть среди них ящерицы, которые чирикают, как птицы; есть тут ящерица-агама, у которой от раздражения грудь из белой становится яркосиней. Спасаясь от врага, ящерица начинает мелко дрожать всем телом, раздвигая боками песок: не успеешь и глазом моргнуть, она уже исчезла, зарылась, утонула в песке. Тушканчик, юркий, подвижный, обычно стоящий на задних лапах — и в этом есть что-то человеческое, но передвигающийся гигантскими прыжками, большеглазый, словно в очках, большеротый, короткорукый, любопытный до крайности, так же обыкновенен в этом необыкновенном мире пустыни, как обыкновенна саксаульная сойка: птица, которая, вертя хвостом и помогая себе взмахами крыльев, бегаёт по пескам, делая длинными ногами несуразно большие шаги.

Черепахи вытягивают старушечьи морщинистые головы, чтобы дотянуться до стебля какого-нибудь растения. Красновато-бурый удав, зарывшись в песке, подкрадывается к зазевавшемуся суслику. Огромные смоляно-черные жуки-копры, пятясь задом, скатывают шары из верблюжьего помета. Стремительно бежит красная лиса караганка, замедляя за собой хвостом след на песке. Рогатые и безрогие буро-желтые фигуры сайгаков с белыми манишками проносятся перед глазами путника, словно призраки. Богата и разнообразна жизнь в Кызыл-Кумах!..

И, может быть, самой жалкой и тусклой по сравнению с этим богатством была раньше жизнь господина пустыни и раба ее — человека. Если в феодальной Бухаре люди жили в смысле культуры далеко-далеко позади России, в Кызыл-Кумах люди жили далеко-далеко позади Бухары. Когда на базарах «священного города» появлялись кзыл-кумские кочевники-пастухи в чудовищных бараньих папах, одежде из шкур, в сыромятных бесформенных лаптях — не лаптях, калошах — не калошах, бухарцы смотрели на них со смесью презрения, любопытства и жалости.

Правда, пастухи эти отлично знали звездное небо, умели пасти баранов, рыть колодцы, читать следы на песке и рассказывать сказки. Но,

кроме этого, они ничего не умели. Жили они в дырявых юртах. Пили горько-соленую воду. Когда они слышали слово «письмо», оно представлялось им каким-то баснословным действием и внушало суеверный страх и почтение. Пустыня была их миром, колодцы в пустыне — местом встреч, следы на песке — новостями, караванные тропы между колодцами — нитями, связывавшими враждебные и дружественные роды.

Колодцы в пустыне очень глубоки, иногда — до ста метров. Именно с колодцев, с этих жизненных центров пустыни, началось социалистическое переустройство Кзыл-Кумов.

Я вспоминаю один такой колодец лет двадцать пять назад. Трепетал от ветра красный флажок над первым домиком у колодца. Это был сельсовет. Вокруг стояли три дырявые юрты пастухов, прикочевавших на несколько дней.

В стороне белели две хлопающие на ветру брезентовые палатки. Одна из них принадлежала остановившемуся здесь санитарно-лечебному каравану, вторая — экспедиции гидрогеологов. У гидрогеологов вечно сидели в гостях два-три пастуха. Они сидели, сдержанно беседуя о том, о сем. Но главное, что привлекало их, — хаос вещей, назначение которых было им непонятно. Чего-чего только не было в палатке: фотоаппараты, бочки, научные приборы, примус, мыльница, консервы, бритвы, термосы, бинокли... Пастухи исподволь, как бы невзначай, задавали вопросы, неторопливо разбираясь, что здесь к чему. Это была первая полоска зари в пустыне.

Поезжайте к любому колодцу сейчас. Рядом с домиком сельсовета высятся среди оранжевых холмов домики амбулатории, школы, ветеринарного пункта, кооператива, почты, читальни. И еще десятки домиков, в них живут семьи кзыл-кумских пастухов, расставшиеся с кочевой жизнью. Шуршанье песка под колесами велосипедов стало здесь самым обычным звуком, на который перестали обращать и внимание. Радио пришло в пустыню, и над песками, прорываясь сквозь ветер, плывут аккорды рояля. У кооператива разгружается автомашина; ее шофер, бывший пастух, прослужил четыре года в Советской Армии и по культурному уровню ничем уже не отличается от какого-нибудь рязанского или тамбовского молодого колхозника.

Первое поколение ребятишек, учившихся в здешней школе, давно успело окончить ее, и, подобно тезгузарцам, поучиться в городах, и вернуться домой гидротехниками, ветеринарами, учителями, наполнив селение деятельной культурной жизнью. А на краю селения, на месте древнего колодца, высится, видная издалека, тридцатишестиметровая металлическая вышка ветросиловой установки, приводящая в движение поршневые насосы, что подают воду для овечьих отар. Такие вышки поднялись над всей пустыней, словно маяки.

Есть в Кзыл-Кумах домик, вокруг которого на песке растут дыни и виноград, огурцы и редиска. Это новые, выведенные сорта «песчаных» фруктов и овощей. На песке растет песчаный ячмень и другие коренные

растения пустыни. Что это за домик? Кзыл-кумская песчаная станция Академии наук Узбекистана, главный штаб борьбы, которую ведут с Кзыл-Кумами советские люди.

Здесь, в водовороте творческих опытов, ошибок, удач, можно разглядеть завтрашний день пустыни, когда среди песков зазеленеют виноградники и сады. Здесь можно увидеть и сегодняшний день: ведь как раз на этой станции родились и получили свое научное разрешение те смелые мысли, что уже претворены в действие.

Уже несколько лет самолеты летают над Кзыл-Кумами, высевая на огромных пространствах семена саксаула, закрепляя деревьями и кустарниками сыпучие злые пески. А на границе Бухарского оазиса тысячи колхозников-хлопкоробов сажают тополя, и тутовник, и джиду, и гребенщик, и песчаную акацию, и многие другие деревья и кустарники. Буквально за два-три года вырастили шафрианцы «бухарский заслон» — полосу спелых, лучших в Средней Азии саксаульников: образец для будущих кара-кумских «заслонов». Местами леса «бухарского заслона» еще редковаты, но местами уже так густы, что через них с трудом пробирается всадник.

Бухарцы остановили пустыню, повернули ее вспять и продолжают с нею борьбу. Сейчас тут создается еще один «заслон», вторая пескоукрепительная зеленая полоса. Недалек день, когда пустыня вынуждена будет бежать со всех захваченных ею лёссовых бухарских земель.

Шаг за шагом начнет тогда возвращать свои земли и некогда обширный, ныне почти погребенный песками Каракульский оазис. Когда вокруг этого оазиса пустыня, подобно удаву, сжимала золотое кольцо своих песков, каракульцам пришлось селение за селением превращаться в кочевников. Пустыня отняла у них поля, заставила заняться скотоводством и переселиться из мазанок в юрты. Чем больше разводили они овец, тем быстрее овцы объедали и вытаптывали пустыню, тем стремительнее сжималось кольцо песков вокруг Каракуля. Разводили же каракульцы необыкновенную, драгоценнейшую породу овец, ту, которая во всем мире теперь носит имя их родины — имя каракульской.

18. КАРАКУЛЕВАЯ ПУСТЫНЯ

Узбекские чабаны-каракулеводы говорят: «Брось на песок халат, посиди на нем, выпей чайник чаю, побеседуй с умными людьми, и если, когда встанешь, к халату твоему пристанет одна былинка, знай, — это подходящее место для каракульской овцы». В поисках корма каракульская овца проходит в день иногда километров тридцать.

Рассказывают про старого чабана Хаит-бобо. Однажды, приведя свою отару на стрижку, он не досчитался в ней двух качкаров (баранов). Следы их вели в пустыню. Хаит-бобо сел на самого быстрого верблюда, взял с собой два кожаных мешка воды и отправился в по-

гоню. Только через двое суток он увидел этих качкаров. Но как чабан ни подкрадывался к ним, ни подманивал водой, переливая ее из кувшина в чашку, качкары шарахались от него. Тогда Хаит-бобо опять сел на верблюда и погнался за баранами. Он гнал их еще двое суток, пока качкары, выбившись из сил, не легли на песок, высунув языки. Неудивительно, что такие быстроногие поджарые овцы находят себе корм даже в самой бесплодной из пустынь: сыпучей, созданной человеком.

Узбекистанский каракуль славится во всем мире. Интересно, что те драгоценные завитки на смушках, за которые платят золотом, тот чудесный, почти никогда не повторяющийся рисунок и расцветка, которые принесли славу каракулю, сохраняются у ягнят всего от трех до пятнадцати дней после рождения. Ягнят приходится закалывать так рано, что это дало повод слухам фантастическим и нелепым.

Некоторые убеждены, например, что смушек — это шкурка нерожденного ягненка, которого вытащили из чрева овцы, вспоров ей брюхо. В последние десятилетия слух этот всячески распространяли английские журналисты, нанятые фирмами, которые торгуют каракулем, в частности узбекистанским, покупая его в СССР и перепродавая своим богатым покупателям. Покупательницы же охотно подхватили этот слух, ибо он в их глазах еще больше повышал ценность их и без того драгоценных каракулевых шубок.

Вначале селекционная работа в каракулеводстве дарила советских ученых всяческими неожиданностями. Бывало спарят серых овцу и барана — ягненок сдыхает. Спарят двух черных — неожиданно рождается серый. Спарят первоклассных — рождается третьесортный. Ничего нельзя было в этом понять. Чудилось, прав был тот дореволюционный бухарский бай-овцевод, о котором повествуют следующее:

Он собрал в своей огромной отаре черных, серых, коричневых и золотистых каракульских овец. Всех вместе. И спаривал как попало. Расчет у него был простой: если он получит хотя бы десяток смушков, необыкновенных по красоте расцветки, они окупят всю отару. Это было своего рода азартной игрой, кладоискательством.

Он знал, этот бай-овцевод, что из-за первоклассного сура — золотого смушка — будут яростно спорить, вздувая и набивая цену, кавказские купцы, которые специально приезжали за каракулем в Бухару. Ведь у кавказских горцев дороже всего ценится золотая каракулевая папаха. Он знал, что если среди смушков арабы (черных) попадется «нукран пулат» — смушек цвета воропеной стали и серебра, русские купцы отвалят ему солидные деньги, чтобы перепродать французам. А ежели среди ширази (серых) попадется «османы булут» — смушек цвета неба в облаках, выгоднее всего продать его англичанам. У каждого народа свой вкус...

Не могли же в самом деле советские селекционеры следовать этому байю! Им необходимо было добиться заранее рассчитанного высокого качества смушков. За каракулеводство взялись животноводы-мичурин-

цы, ученики и последователи знаменитого М. Ф. Иванова. Борясь с вейсманистами, они начали смело вести селекционную работу в каракулеводстве. И их труд принес, наконец, им первые решительные успехи. По двум фактам можно судить об этих успехах.

Первый: племенные каракулеводческие хозяйства дают теперь девяносто — девяносто пять процентов смушков высшего класса. И второй, еще более знаменательный: каракульские овцы пасутся ныне не только в песках вокруг Бухары, но дают превосходный каракуль и в Казахстане, и на Украине, и в Молдавии, и даже в Болгарии. Конечно же, они сделались обычными и на всем необъятном просторе обеих среднеазиатских пустынь — Кзыл-Кумов и Кара-Кумов, — дают и там превосходные смушки. Так пустыни эти благодаря каракулеводам-мичуринцам обрели свое важное место в народном хозяйстве Союза, стали давать стране золото, превратились в гигантские валютные цехи.

В самом сердце Кзыл-Кумов, возле источников, что выбиваются со склонов небольшого прорезающего пустыню хребта, в длинной и узкой котловине между невысокими холмами раскинулось старинное селение Тамды. Здесь вырос новый центр каракулеводства. Вокруг новых красивых зданий поселка зазеленели сады. Электричество загорелось в окнах. Даже водопровод построен здесь, в самом центре пустыни.

Уже не одинокие машины, а караваны автомобилей приходят сюда, разнося все шире по «красным пескам» социалистическую технику и культуру. Автоколонна Тамдынской машинно-животноводческой станции развозит по пастбищам концентрированные корма, газеты и журналы. Ее работники обучают животноводов новым приемам механизированной стрижки овец, искусственного осеменения, бонитировки. Весной они высевают с самолетов травы. На самолетах привозят в самые далекие районы к месту расплода ячмень и другие корма. В глубине пустыни, где двадцать пять лет назад все до единого были неграмотны, люди сейчас смотрят кинофильмы и читают книги.

Но еще ярче, чем книги эти, зачитываемые до дыр, в переплетах и без переплетов, с картинками и без картинок, еще ярче рассказывает кзылкумцам о победном шествии социализма та книга, которую они читают испокон веков и умеют читать, как никто другой: открытая книга пустыни, книга следов на песке. Спросите кзыл-кумского чабана: разве что-нибудь может не иметь следов? Он рассмеется. Не иметь следов — это все равно, что не иметь тени, ничего не иметь. Жизнь отражается на песке, точно в зеркале. Глаз пастуха зорок, он различит след верблюда даже на такыре, где никто другой не увидит его.

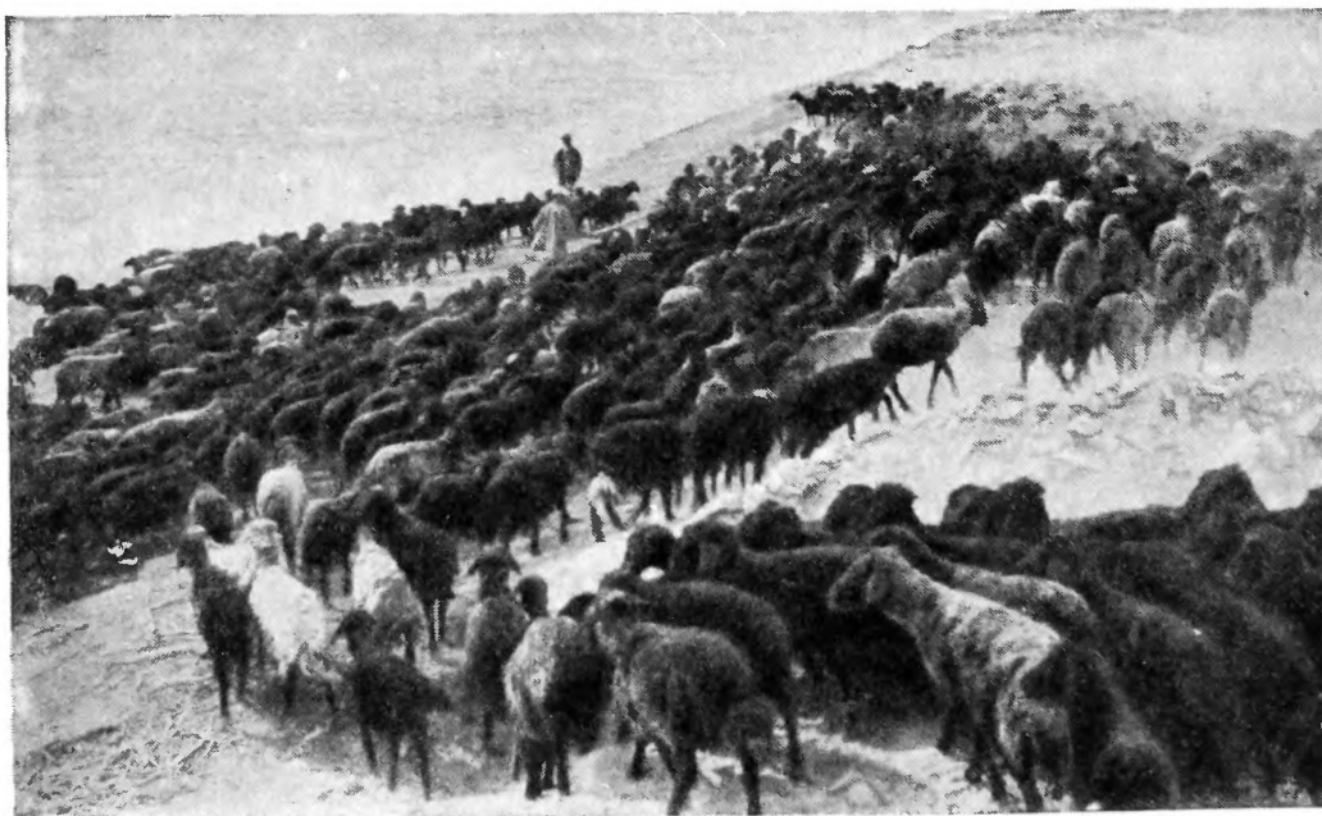
Про одного старого чабана рассказывают. Директор каракульсовхоза, где работал этот чабан, желая уважить старика за честный многолетний труд и обеспечить ему спокойную старость, предложил ему оставить отару и переселиться на базу совхоза в один из новых домов: жить здесь, следить за стрижкой овец, инструктировать приезжающих пастухов. Словом, чабан получил повышение. Всего три дня прожил

На такыре.

Весна в пустыне.

Отара на берегу Аму-Дарьи.

старик в новом доме, на четвертый появился перед директором и стал проситься обратно в отару: «Скучно здесь, новостей не узнаешь...» В совхозе с утра до вечера сообщало новости радио, почтовый автомобиль каждый день привозил пачку газет, со всех сторон приезжали пастухи со свежими новостями. Какие еще новости нужны были старику? Кроме этих новостей — кроме радио и газет, которые у него были и до того, в пустыне, ему здесь нужны были и другие новости — те, что он привык читать в открытой книге песков, ежедневные увлекательнейшие новости. Без них жизнь была ему не в жизнь, без них он тосковал, скучал и не находил себе места. Совхоз же был выстроен не в песках, а на краю Кзыл-Кумов, в лёссовой полыннной степи: следа человека тут почти не видать, а следа какого-нибудь жука и подавно. Пришлось пойти навстречу, отпустить старика...

Приехали как-то в Самарканд, во Всесоюзный научно-исследовательский институт каракулеводства, на практику двое студентов-москвичей: парень и девушка. Первым делом их, понятно, отправили в один из дальних колхозов: «Пусть пустыню нюхнут». На второй ли, на третий день жизни в колхозе решили они под вечер прогуляться по пескам. Прогулялись. Вернулись, когда в небе уже разгорелись мириады сверкающих звезд. А наутро вся пустыня вокруг знала подробности их прогулки. Вот здесь они шли быстро и весело, легко взбегая на холмы, чтобы обозреть окрестности. Вот здесь меж кустиков они шли осторожно: чего-то испугались, змей, что ли, или фаланг, о которых слышали еще перед поездкой в Узбекистан. А вот здесь они сидели, пересыпая песок сквозь пальцы, разговаривая. И сидели на почтительном расстоянии друг от друга, слишком почтительном: похоже, через месяц будет свадьба, хотя сами они пока, верно, об этом и не догадываются. А вот здесь они возвращались рука об руку, замедляя шаги, как бы желая продлить время, которое они наедине. Так кзыл-кумские пастухи прочли по следам даже то робкое, едва зародившееся чувство, в котором молодые люди обычно еще и сами себе не смеют признаться.

Испокон веков пустыня знала свои следы. У навозного жука — тройной след: третий от хвостика, что тащится за ним по песку. Человек ступает пяткой, верблюд оставляет за собой ямы. Тут вот подрались еж и ядовитая змея найя; на этот раз найе удалось уйти от ежа. А вот тут пастух (имя рек) пригвоздил расщепленной палкой змею тафрометопона: значит, у него новая нагайка, раз ему понадобилась змеиная кожа на оправу для рукоятки. Ага, два часа назад здесь прошел заблудившийся верблюд. Надо послать мальчишку-подпаса: пока он верблюда догонит и приведет, наверно по следам подойдет и хозяин верблюда, приятно будет посидеть, поговорить...

Испокон веков пустыня знала свои следы. Но теперь в ней появились новые. Сперва две широкие полосы, поперек которых отпечатаны палочки, словно два гигантских удава ползли рядом беседуя. Это были

следы автомобиля. Потом больше и больше стало появляться новых следов.

Бывало, на первых порах, увидит пастух возле следа прошедшего каравана невиданные доселе отпечатки: три ямочки аккуратным треугольником. Раздумывает над ними и, сгорая от любопытства, посылает подпаса, чтобы тот разведал, разузнал — что за след. Вернется подпасок, объясняет: три железные ноги, на них черный ящик со стеклянным глазом, побольше верблюжьего, на что глаз посмотрит — на человека, собаку или просто кустик, то потом на бумаге и выходит, называется «фото». И вот новый след закреплен, обрел имя, стал обычным в великой книге песков. Сынишка же этого пастуха, спустя два-три года, смотришь, уже и фотоаппарат приобрел в магазине, и с азартом снимает все, что под руку попадет, и добрых полгода ворчит, проклиная аппарат, конструкторы которого не рассчитывали на съемки в пустыне, ворчит, пока какой-нибудь заезжий оператор кинохроники не обучит его обращаться со светофильтрами, а сам он не сообразит смастерить самодельный футляр, предохраняющий аппарат от песка.

И еще великое множество других следов с каждым днем приходит в пустыню, обретает имя и становится жизнью. Все ведь имеет свой след. Всякий поставленный или мимоходом положенный на песок инструмент геологов и гидрогеологов, ботаников и почвоведов. Всякий новый механизм, привезенный для хозяйственного освоения пустыни. Даже приборы для искусственного осеменения овец. Даже специальные ножницы для их стрижки...

Но самое удивительное — следы человека, следы новых людей, работников пустынь, по которым можно прочесть их характер, а иногда и судьбу. Бывает, приедет в Кзыл-Кумы советский работник, новый руководитель. Чабан еще не видел его, а у него уже сложилось мнение — что за человек: слабый ли, нерешительный, который не уживется в пустыне, или, наоборот, это смелый человек, настоящий советский руководитель, который по земле шагает твердо, по-хозяйски, идет прямо к цели, не делает лишних шагов, один из тех людей, которым можно довериться, о которых в Кзыл-Кумах говорят с гордостью и любовью, о волевом характере которых, где бы они ни работали, куда бы их ни послала партия — на строительство крупной гидростанции, в хлопковый район, в степи, горы или пески, лучше всего сказать словами старинной, сложенной в пустыне пословицы: «Дорогу осилит идущий».

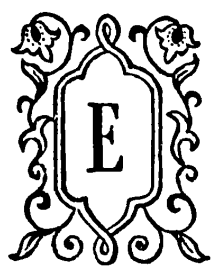

НА ЮГЕ

1. ДОЛИНА СНЕЖНОЙ РЕКИ

Есть в Узбекистане река, похожая на Зарафшан, как сестра бывает похожа на брата. Река эта Кашка-Дарья. Течет она с того же массива хребтов и тоже с востока на запад, только южней Зарафшана. Так же обрамляют ее две расходящиеся горные гряды, которые делаются все ниже, пока не растворяются во взволнованном море песков. Подобно Зарафшану, Кашка-Дарья была некогда притоком

Аму и тоже с незапамятных времен в нее не впадает.

Долина Кашка-Дарьи — словно зеркальное отражение зарафшанской. Есть здесь свой «маленький самаркандский» оазис: Шахрисябзско-Китабский, такой же древний и такой же цветущий. Есть свой «маленький бухарский» оазис: Каршинский, окруженный степями и сыпучими песками пустынь. В низовьях Кашка-Дарьи затерялся крошечный Касанский оазис, как бы повторяющий Каракульский. И вокруг него меж колодцев с металлическими вышками ветросиловых установок по пескам тоже бродят многочисленные отары каракульских овец.

Но Кашка-Дарья — снежная река. Не у горных ледников, многовековых и мощных, рождается она, а в легком покрывале снегов, голубеющих на хребтах. Как и Зарафшан, она знает пору весеннего половодья, когда снег на горах чернеет и тысячи ручьев веселым говором наполняют ущелья. Однако в июле, когда раскаленная земля жаждет влаги, когда у Зарафшана период наивысшего половодья, — горы содрогаются от его грозного гула, а выбежав на равнину, он, как никогда, широк, стремителен и могуч, в эту пору Кашка-Дарья становится жалкой речонкой, бессильно струящейся меж извилистых берегов.

Там, где кончается вода, иссыкает в Средней Азии жизнь. Узбеки говорят: «Где кончается вода, там кончается и земля». Поэтому в Кашка-Дарьинской долине все, в чем проявляется жизнь, по сравнению с Зарафшанской миниатюрно: и оазисы, и города, и селения. Не миниатюрна лишь степь. Глинисто-солонцовая равнина занимает большую часть долины Кашка-Дарьи. О том, как в самые последние годы советские люди повели широкий поход на Каршинскую степь, будет рассказано дальше. Пока же надо ясно представить себе, какой была вся Каршинская степь еще несколько лет назад. Бывало летом верхом на лошади едешь по ней — обуглены травы. Солнце выжгло их, ветер высушил и развеял. Едешь... вокруг сухие, белые комья глины, рассыпающиеся от легкого прикосновения, да меж них, словно морщины, тысячи трещин и трещинок на опаленной земле. Хоть бы песню жаворонка услышать! Куда там!.. Жаворонки давно улетели. Хоть бы стрекотание среднеазиатских цикад! Не слышно и их. Чудилось, ничего нет на свете печальней Каршинской степи.

2. В ШАХРИСЯБЗЕ

Издалека, из степи уже и в давние времена зеленым холмом рисовался глазу чудесный оазис, в центре которого рядышком стоят два городка — Шахрисябз и Китаб.

Высокая городская стена извивается по холмам вокруг Шахрисябза. Ее гребень, тронутый временем, весь в зазубринах, словно по нему прошли богатырские мечи. Глядя на зазубрины эти, невольно возвращаешься мыслью к далекому прошлому Шахрисябза.

На рубеже VII и VIII веков арабы во главе с Кутейба-ибн-Муслимом ворвались в Среднюю Азию, разрушая и грабя города и селения. Из Самарканда эти «воины за веру» выселили всех жителей. В Кеше, как и в других городах, они загоняли народ в мечети силком. Искры восстаний против чужеземных угнетателей вспыхивали в Средней Азии чаще и чаще, пока во второй половине VIII века не превратились в пылающий костер, центром которого как раз и оказался Кеш, нынешний Шахрисябз. Восстание Муканны — яркая страница истории. Максим Горький написал о Муканне известный рассказ. Современный

узбекский поэт Хамид Алимджан написал о нем драму в стихах, переведенную на русский язык.

Когда недовольство арабскими угнетателями, варварски уничтожавшими древнюю культуру среднеазиатских народов, достигло наивысшей точки и переросло в грандиозное народно-освободительное восстание крестьян и городской бедноты, это антиарабское восстание обрело и своего вождя. Это был житель Мерва, ремесленник Хашим-бин-Хаким.

Известные слова Энгельса о народно-освободительных восстаниях эпохи феодализма целиком применимы и к восстанию Муканны: «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде».

Хашим-бин-Хаким начал с того, что объявил себя воплощением божества. Уверяя всех, что смертные не смогут вынести света, исходящего от его лица, он ходил под зеленым покрывалом: отсюда его прозвище — Муканна, «закрытый покрывалом». Историки повествуют, что когда шахрисябзцы однажды пожелали увидеть его, Муканна поставил своих жен с зеркалами в руках в узком проходе, а сам поместился в конце двора. Едва открыли ворота, лучи заходящего солнца ударили в зеркала, людям стало больно смотреть, и все пали ниц. Муканна хотел поразить этим воображение простых суеверных людей, чтобы увлечь их на борьбу против ненавистных им и ему арабских завоевателей. И ненависть к иноземным угнетателям была так всеобща, что восстание молниеносно охватило Среднюю Азию. Повсюду появились последователи Муканны: сефидджемеган, «одетые в белое».

Несколько лет вели арабы ожесточенную борьбу с Муканной, который руководил восстанием сперва из селения Наршах, около Бухары, потом из Шахрисябза. Бывали моменты в этой войне, когда, казалось, могуществу арабов в Средней Азии пришел смертельный конец. Однако арабам после многих битв удалось народное восстание подавить.

Когда арабы захватили Шахрисябз, Муканна заперся в крепости, устроил пиршество для своих жен, подлил им яду в напиток, а сам бросился в печь и сгорел. Думал ли он внезапным исчезновением утвердить в сердцах веру в свое божественное происхождение и таким образом вызвать новую, еще более грандиозную вспышку восстания против арабов? Неведомо. Известно лишь, что совсем «исчезнуть» ему не удалось. Одна из его жен, Банука, не выпила ядовитый напиток, осталась в живых и поведала людям о конце Муканны.

Арабы выселили из Кеша всех жителей и заселили сами город и его окрестности. Потомки этих древних завоевателей живут и по сей час в арабских селениях Кашка-Дарьинской долины. Они живут рядом с узбеками так же добрососедски и дружно, как и все национальности, населяющие Советский Союз. Однако в самом Шахрисябзе арабов почти нет. Исторических памятников от времени их владычества не осталось совсем. Памятники Шахрисябза повествуют о другом времени —

об эпохе Тимура. Самый прекрасный из них — руины Ак-сарая: две гигантские, подобные башням, части фасада «Белого дворца», блестящие золотом и лазурью, зеленью и синевой.

Когда в солнечный день у подножья Ак-сарая затевают игры шаххрисьябзские ребятишки, их цветные тюбетейки издали кажутся осколками, упавшими с мозаичных стен дворца. Тюбетейки эти, шитые знаменитым шаххрисьябзским швом «ираки» и «термой» — швом, еще более мелким и тонким, и ковровые женские жилеты, и сумочки, и туфли, и темнокрасные пояса с белыми штрихами, делающими рисунок легким, почти прозрачным... Нет женщины в Шаххрисьябзсе, которая не умела бы с детства их вышивать!

Но никто раньше не знал имен этих женщин. Искусство их было безликим, как были безлики и сами женщины. Подобно Муканне, все они были закутаны в покрывала, те покрывала, что впервые принесли сюда как раз противники Муканны — арабы, насаждая ислам.

Двенадцать веков носили шаххрисьябзские женщины покрывала, как перед тем много веков в согдийских храмах суеверно поклонялись огню. Больше тысячелетия боялись они осквернить огонь, сжигая на нем что-либо неположенное, так же как после этого больше тысячелетия опасались осквернить свои лица неположенным взором. И вот, наконец, произошла встреча покрывал и огня. В Шаххрисьябзсе в 1938 году была создана художественная артель «Худжум». На городских перекрестках запылали в дни 8 марта костры, разгораясь с каждым годом все ярче. Вступавшие в артель мастерицы сжигали на кострах паранджу и чачван и пели новую песню: «Нет для меня аромата более сладкого и приятного, чем удушливый запах конского волоса, горящего на огне. Пусть навеки исчезнет черный чачван, серая паранджа и старое рабство!»

Песня эта ознаменовала собой конец суевериям, начало новой, сверкающей эры разума, науки и подлинного прославления мастерства. Каждый шаххрисьябзсец гордится ныне именами лучших мастериц артели «Худжум». Ее талантливую художницу Юлдашхон Далилову знает вся республика. А имя их родного городка прославилось на весь Советский Союз, ибо не только в Средней Азии, но и на Украине, в Грузии, на Урале, в Москве многие женщины носят тюбетейки, сумочки и пояса, сделанные в Шаххрисьябзсе. На Всемирной Парижской выставке шаххрисьябзская тюбетейка получила Большую золотую медаль.

Медаль эта говорит нам об искусстве шаххрисьябзских женщин. Но смысл того величайшего исторического события, что сделало искусство их из местного всемирным, ярче всего прочитывается на тюбетейках, засверкавших всеми красками на головах самих мастериц (много веков они вышивали их, но сами никогда не носили), на чудесных ковровых тюбетейках, где порой меж стилизованных листьев проступает неожиданная шелковая желтизна, словно блики солнца в садах, окружающих Шаххрисьябзс.

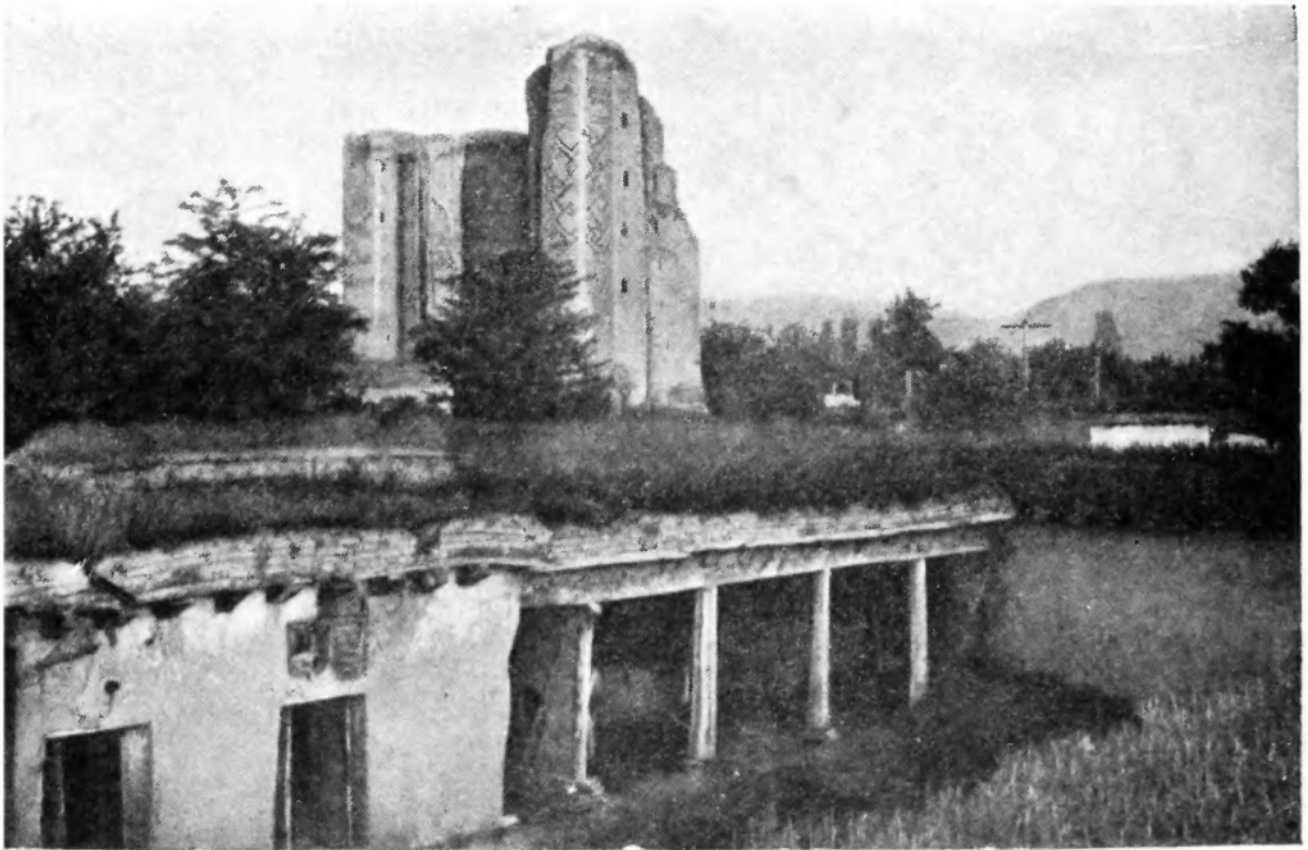
Большой Узбекский тракт.

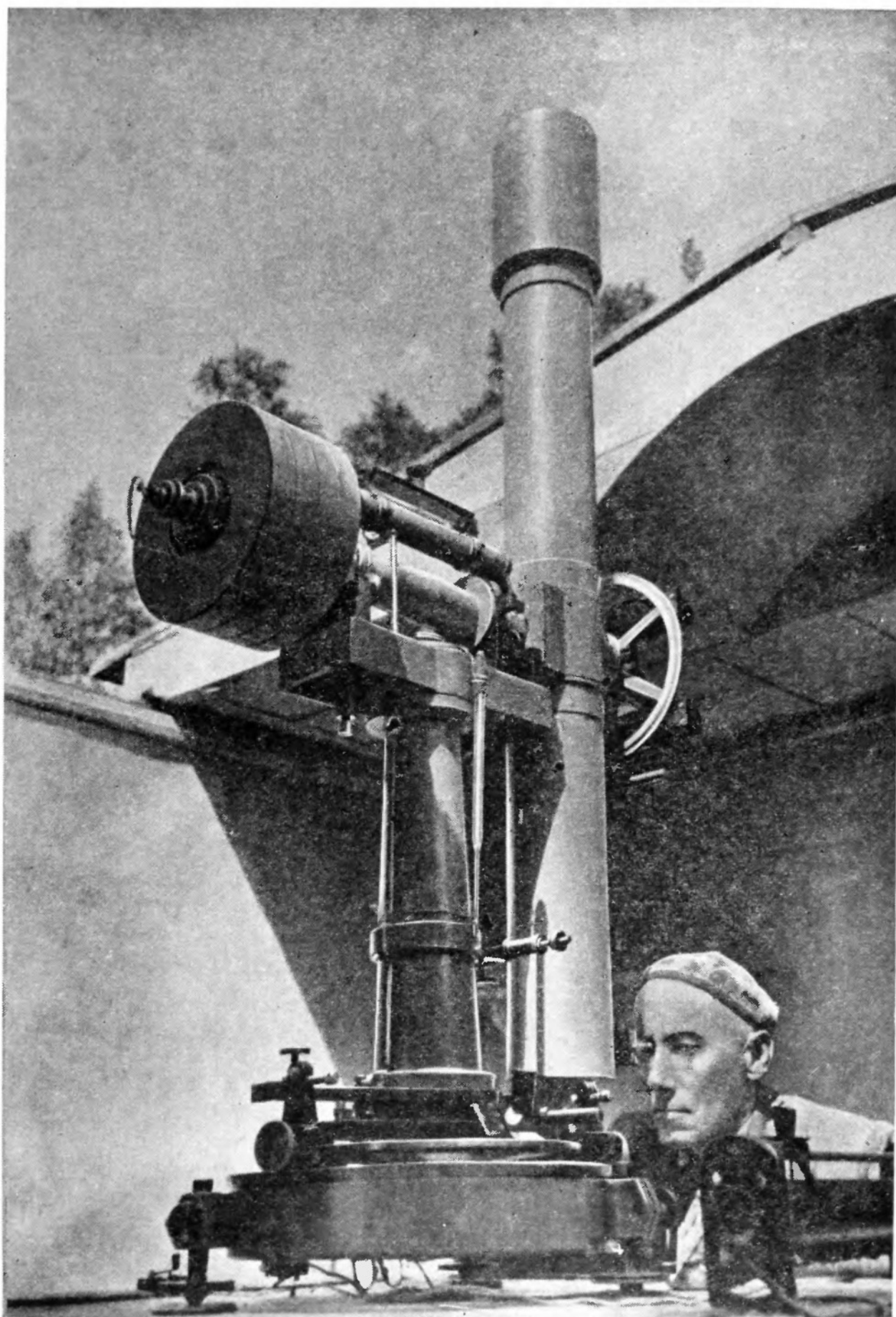
Дорога в Китаб.

В городе Шахриябзе.

Шахриябзс. Позади виднеются руины Ак-сарая.

На Китабской широтной станции имени Улугбека.

В Каршинской степи.

Медицинский осмотр.

3. 39°8' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

Камышовые цыновки, свисающие с глинобитных заборов чуть ниже их гребня, придают улочкам Шахрисябзса и Китаба неповторимую живописность. Ничего похожего нет в других городах Узбекистана. Цыновки эти — свидетельство обильных зимних дождей. С узкого полукольца гор, обступивших оазис, скатываются тучи. Те же горы не дают ветру их унести. Китабцы и шахрисябзцы перекрывают цыновками свои заборы, чтобы их не размыл дождь, и налепливают поверх них глинобитный узенький гребешок: если дождь смывает гребешок, его нетрудно налепить вновь.

Обилие зимних дождей придало своеобразие и всему оазису. Обычно в рисунке среднеазиатской листвы, как бы могучи ни были деревья, каким бы богатством красок и форм они ни радовали глаз, есть своя нерушимая стройность. Деревья растут вдоль арыков. Поэтому вырисовываются ли на небе они, поверх кровель, или на фоне других деревьев — это всегда зеленые цепи: то светлые, то почти черные, то голубеющие на горизонте, то островерхие, то подобные клубам дыма, разбегающиеся и сбегаящиеся, переплетающиеся, трепещущие зеленые цепи. В Шахрисябзско-Китабском оазисе деревья растут не так.

Они то взбегают на холмы, то пышными кронами заполняют ложбины, поперек которых арыки извиваются подобно ручьям. Как в российских рощах, тут есть свои опушки, и тенью манящая глубина, и лужайки со свободно разбросанными кустами. Эта свобода расположения деревьев в сочетании с роскошью среднеазиатской листвы, ее красочностью и великолепием сделала Шахрисябзско-Китабский оазис едва ли не красивейшим уголком Узбекистана. Недаром жители его переименовали Кеш в Шахрисябзс — Город зелени.

Недаром шахрисябзцы и китабцы величают каждые свой городок и «маленьким Самаркандом». Сады здесь так же цветущи, виноградники так же плодоносящи. И, как и Самарканд, Китаб знаменит фруктовыми консервами и превосходным вином. Но у вин Узбекистана своя интересная история и судьба.

За воздержание от вина правоверному мусульманину была уготована дорога в рай. Дорога эта пролегла над пропастью и была «тоньше волоса и лезвия меча» — словом, пройти по ней можно было разве лишь в пьяном виде. Так как коран запрещал пить вино, из винограда в Средней Азии делали, кроме изюма, только шинны — патоку вроде меда — да сладкий напиток мусаляс.

Впрочем, здесь делали и вино. И делали, конечно, не для того, чтобы им любоваться. «О, виночерпий! Подмени огнем вина огонь любви!» — восклицал, поднимая в кругу друзей искрящуюся чашу, Алишер Навои. «Без вина и милой в Мекку что тащиться чело- веку!..» — пел в чайхане во весь голос Машраб, прикинувшийся на всю

жизнь безумным, чтобы иметь возможность свободно петь обо всем, что рвется из сердца. Вино в Средней Азии пили и делали. Но пили и делали тайно. Виноделие же стало здесь широко развиваться с приходом русских.

Долго, очень долго виноделы считали, что местные сорта винограда на изюм — хороши, на вино — никуда: слишком-де сахаристы они и мясисты! Поэтому виноделы стали культивировать привозные сорта: венгерский, розовый и александрийский мускат, тавквери, ркацители, саперави, рундвейс и другие. Однако жгучее среднеазиатское солнце подбавило сахару и в эти сорта. Виноделы были недовольны ими. И хотя в Самарканде, Ташкенте, а в последние годы в Китабе, Бухаре и Денау выросли крупные винодельческие заводы, хотя с каждым годом узбекские вина становились лучше, знатоки и ценители вин все же редко покупали бутылку с маркой «Узбеквино». Так уж повелось думать: что там ни делай, а узбекским винам никогда не тягаться с крымскими или кавказскими!

Когда началась Отечественная война, в Узбекистане появились седовласые виноделы Крыма. Некоторые из них приехали без вещей (только в том, что было надето на них), но черенки опытных лоз, с судьбой которых виноделы связывали свои грядущие творческие удачи, они, бережно упаковав в рогожки, привезли. У них было свое дело, своя страсть. Казалось, попади эти люди не в Среднюю Азию, а в далекую Арктику, они и там из черенков вырастили бы лозы и стали делать вино.

Приехав, они по-настоящему распробовали узбекские вина. Распробовали — и похвалили. Потом острым глазом осмотрели ташкентские, самаркандские, китабские виноградники и пришли к выводу, что и из многих местных сортов винограда можно делать первоклассные вина.

Инерция сложившегося мнения была сломана, и лучшие вина Узбекистана заняли на правах равных свое место в ряду прославленных вин кавказских, крымских, молдавских. Знатоки охотно покупают ныне вина «Узбекистон», «Джаус», «Бишты», «Буаки» и красное «Советское шампанское», завод которого начал работать в Ташкенте. А за каким-либо свадебным или новогодним столом, иногда за три тысячи километров от Средней Азии, люди, отпив из бокала глоток вина, нередко берут в руки бутылку и внимательно, чтобы запомнить, разглядывают этикетку, прочитывая на ней имя Самарканда, Ташкента или благоуханное имя одного из других узбекистанских городов, среди которых значится и имя Китаба.

И все же по-настоящему знаменит, на весь мир знаменит Китаб не вином, а другим. Со всех концов земного шара приходят письма и книги в адрес Китабской широтной станции, единственной в СССР и одной из пяти в мире. Укия и Гейтейсбург — в США, Карла Фор-

те — в Италии, Мицузава — в Японии и Китаб — в Узбекистане — все они находятся на одной параллели: на $39^{\circ}8'$ северной широты. Пять широтных станций опоясали земной шар.

Китабская станция носит имя Улугбека. Для истории вселенной пять столетий, протекшие со времени Улугбека, — мгновенье. Звезды, что видел Улугбек, сияют и нам. Может быть, некоторые из них погасли до рождения Улугбека, а все еще сквозь столетия продолжают нести к нам свой свет. Но человечество со времен Улугбека ушло далеко. Далеко ушла и наука. Астрономия родила множество новых наук, и среди них одна из самых молодых — наука о вращении Земли.

Кто не знает, что земной шар вращается вокруг своей оси! Но далеко не все знают (а знающие знают недавно), что при этом вращении северный и южный полюсы перемещаются по поверхности Земли, описывая то скручивающиеся, то раскручивающиеся спирали.

Каждый вечер, едва опускаются сумерки, из домика Китабской широтной станции выходят астрономы и не спеша идут тенистой рощей к павильону, стены которого белеют сквозь зелень листвы. В павильоне установлен телескоп «Зенит», небольшой, не слишком мощный, но исключительно точный. Точность — главное в работе здешних астрономов. Им не то что рукой коснуться телескопа —дохнуть нельзя на него, чтобы не нарушить точности его показаний. Всю ночь засекают астрономы моменты прохождения определенных звезд над данной точкой Земли. Наблюдения их превращаются в график, где наглядно видно, как из месяца в месяц, из года в год колеблются земные широты и движутся полюсы.

Одно из этих движений, совершающееся по кругу в течение каждого четырнадцати лет, предсказал полтора века назад петербургский академик Эйлер, приложив к вращению Земли законы механики. Второе движение — по вытянутому эллипсу, совершающееся в течение года, — объяснил советский астроном А. Я. Орлов. Движение это объясняется перераспределением масс снега на земном шаре в разное время года. Но некоторые колебания широт астрономами и физиками еще не объяснены. И разрешению этих загадок, творческому раздумью над доселе неизвестными, новыми для человечества свойствами нашей планеты посвящают китабские ученые те часы жизни, когда солнце свершает в небе свой сияющий путь.

4. БАРАБА

Первая китайская песня, которую выучила замечательная узбекская певица Халима Насырова в дни поездки по народному Китаю, была «Песня о хлопке». Не говоря о ферганцах, каждый шахрисябзец на ее месте поступил бы так же. Сама Насырова потом писала: «Мне, выросшей в Узбекистане, особенно приятно было выучить и исполнять на китайском языке «Песню о хлопке». Мы уже рассказывали, как гор-

дятся люди, живущие в Узбекистане, мастерством своего народа в хлопководстве. «Хлопком взошла на просторах полей добрая слава моих земляков» — в строках этих Гафур Гулям выразил чувства всего узбекского народа. Слова эти невольно приходят на ум и под Шахрисябсом и под Китабом, когда отдыхаешь на поле во время обеденного перерыва с колхозниками-хлопкоробами или с водителями хлопкоуборочных машин и видишь, с каким воодушевлением говорят они о своем деле.

Любопытно, что в долине Кашка-Дарьи хлопок величают обычно не «белым золотом», а по-своему — «серебряным руном». Вероятно потому, что столетия люди занимались тут главным образом животноводством, и слово, которым исчислялось богатство человека, было не «золото», а «руно». Именно здесь, под Шахрисябсом в одном из колхозов впервые услышал я и записал сказку о коробочке хлопка — новую, рожденную советской действительностью волшебную сказку, послужившую основой для создания фильма «Пахта-ой», который поставил в Ташкентской киностудии режиссер Ярматов.

Поля «серебряного руна» широким кольцом окружают Шахрисябско-Китабский оазис. Хотя по количеству выращиваемого хлопка Кашка-Дарьинская область занимает одно из последних мест в Узбекистане, многие, очень многие ее хлопкоробы собирают рекордные урожаи. Но почему, спросите вы, Кашка-Дарья дает стране хлопка меньше других областей? Тут-то и вспоминаешь, что Кашка-Дарья — снежная река, бедная водою, и что Шахрисябско-Китабский оазис был истари лишь зеленым островом на краю Каршинской степи.

Степь эту посетил я впервые полтора десятка лет назад в качестве участника экспедиции по истреблению сусликов и песчанок. Выехали тогда мы из Китаба верхом вниз по течению Кашка-Дарьи, миновали несколько небольших оазисов (последний покрупнее — Чиракчинский), потом свернули в сторону от реки, и стук копыт, что на пыльных дорогах оазисов был едва слышен, стал громким, звенящим: земля вокруг нас была словно покрыта коркой, суха, тверда и изборождена трещинами. Пять недель работали мы тогда в этой степи, такой бескрайной, раздольной да бесприютной, что порой казалось, словно это не ты едешь по ней, а будто это только в песне поется.

Посреди этой громадной степи в нижнем течении Кашка-Дарьи с глубокой древности существует еще самый крупный в долине после Шахрисябско-Китабского — Каршинский оазис. Оазис этот повторяет в уменьшенном размере Бухарский: те же кривые тутовники, которым явно нехватает воды, те же врезающиеся в пустыню хлопковые плантации и сады, те же наступающие с юга на оазис пески, где есть свой древний засыпанный город Шупюк, и в песках — те же черные озера каракульских отар.

В центре города Карши, областного центра Кашка-Дарьинской области, на месте рва, окружавшего прежде крепость бека, ныне вырос-

ло, как и в Бухаре, новое озеро, рядом с ним — новый парк, в парке — новый театр. Как и в Бухаре, поднялись здесь корпуса крупных социальных предприятий: мотороремонтного завода, швейно-обувной фабрики, мясокомбината. Кончают строить масло-экспеллерный и хлопкоочистительный заводы. Сам город, однако, на Бухару не похож. В лабиринте его старых улочек куда больше простора и зелени, да и редко увидишь тут мазанку в два этажа. Новые же кварталы, построенные в последние годы, не напоминают никакой другой из узбекских городов.

Представьте шоссе, прорезающее обширный парк. И в глубине парка, в стороне от дороги гирлянды не связанных заборами белых коттеджей. Это похоже сразу и на курорт, и на новостройку, и в то же время чуть провинциально, ибо нет здесь уличных толп, — люди растворяются, рассеиваются в парке. А в стороне от их жилищ на шоссе гремят грузовики, стоит очередь у автобусной остановки. И надо всем звучит немолчное пение птиц.

Издавна славятся Карши производством паласов (ковров без ворса). Но паласы возвращают нас в степь. Легенда рассказывает, будто некий бухарский правитель, приревновав однажды любимую жену, выгнал ее жить в Каршинскую степь. Там, в степи, тоскуя по своему цветущему саду, молодая женщина стала вышивать деревья, цветы, ручьи, птиц. Так был вышит первый палас. Халиф Али, странствовавший по степям, увидев этот палас, восхитился и оживил его: деревья на нем зашумели ветвями, цветы заблагоухали, ручьи побежали, птицы запели. Палас превратился в роскошный сад, и на его месте вырос город Карши.

В каждом селении, затеряншемся в Каршинской степи, супа придорожной чайханы покрыта паласом. Каждый палас — мечта о цветущем саде. Али существовал, был халифом, но, мы знаем (это ныне и детям известно), делать чудес не умел. Повесть о его чудесах тоже была мечтою: люди сложили ее, мечтая о счастье. Однако, если вы посетите ныне Карши и поживете там хотя бы несколько дней, вам повстречается немало людей, занятых именно тем, чтобы «оживить» все паласы: сделать так, чтобы в первозданной степи зашумели деревья, заблагоухали цветы, запели птицы и во все стороны побежали ручьи.

Уже несколько лет, как советские люди повели наступление на Каршинскую степь. И повсюду, на всех участках этого наступления часто слышишь короткое слово — «баракá». Что означает это слово? Об этом интересно рассказал журналист Александр Шмаков в одном из своих очерков:

«Баракá — непереводимое узбекское слово, бытующее в народе. Хлопкороб, проходя мимо поля, на котором собирают урожай, непременно скажет:

— Хорманг баракá бульсын!

И тот, к кому обращено приветствие, поймет его так: да будет обильным в этом году урожай и неисчерпаемым ваш ток.

Почтенный старик, встретив своего сверстника, после приветствия обязательно добавит:

— Умрингизга баракá!

Тот, кому это скажут, прижмет правую руку к груди и ответит благодарным поклоном, ибо ему пожелали нескончаемой и счастливой жизни.

Поставит хозяин на стол кувшин, наполненный вином, и гость при случае заметит, что кувшин его — баракá — вино в нем никогда не высыхает. Войдет в дом жениха невеста — у нее обязательно нога баракá, — значит, твердая, в дом счастье принесла.

Неисчерпаемо-многогранно значение слова баракá, которое переходит из уст в уста, но смысл его почти один — изобилие, бережливость, зажиточность».

В этом смысле употребляли слово «баракá» и кашкадарьинцы, когда повели поход на Каршинскую степь. Однако так как поход этот тоже обещал людям изобилие и счастье, многие кашкадарьинцы словом «баракá» начали обозначать и само наступление на степь. Масштабы этого наступления стали особенно велики теперь, когда оно сделалось частью больших работ: в директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы предусмотрено дальнейшее развитие орошения в бассейне Кашка-Дарьи.

Каршинская степь простирается между песчаной пустыней и цепью снежных Байсунских гор. В предгорьях Байсуна на маленьких ручьях и источниках существует с древних времен много селений сказочно цветущих. Есть здесь, например, Варганзи, который ныне известен в районе тем, что это сельсовет сплошной электрификации, а во всем Узбекистане издавна тем, что это гранатовый сельсовет.

Вереницы гранатовых рощ раскинулись в предгорьях. Сквозь них струятся чистые, искрящиеся на солнце ручьи. Деревца гранатов, одетые темнозеленой шелковистой листвою, покрываются весной яркими цветами. Тысячи зеленых жучков копошатся в их желтых чашечках. На заре соловьи поют в этих рощах. Не тут ли, в гранатовых рощах, опьяненный красотой их и благоуханием, Алишер Навои задумал, после великого азербайджанца Низами, написать наново, со всей первоначальной силой и свежестью чувства те бессмертные песни любви, с которыми обращается к Лейли одержимый страстью Меджнун!

Таких селений, купающихся в гранатовых рощах, виноградниках и садах, в каждом из которых могла родиться новая песня Меджнуна, — десятки. Прерывистой цепью вытянулись они под Байсунскими горами, как бы показывая в миниатюре, какой плодоносящей и роскошной могла быть Каршинская степь, если бы Кашка-Дарья была не снежной, а ледниковой рекой.

В селениях этих жива память о былых драках из-за воды. Именно здесь слышал я рассказ о двух кишлаках, враждовавших друг с другом

столетие. Оба кишлака орошались водой из одного головного арыка. От обоих кишлаков к этому арыку было приставлено по мирабу. Но так как в арыке воды было мало, оба мираба, оправдывая пословицу о том, что «два арбуза не уместятся под одну подмышкой», вечно вступали в пререкания из-за воды.

Спор перерастал в драку, мирабы вцеплялись друг другу в бороды. Тотчас же оба кишлака устремлялись на выручку к своим мирабам, и у головного арыка разыгрывалось побоище. Вражда между кишлаками этими была столь глубока, что отцы проклинали сыновей, если те женились на дочерях их соседей. И так как и те и другие считали себя обделенными водой, никто не хотел брать на себя равную долю работы по очистке головного арыка. Мало-помалу вода размывала его берега, стала уходить на сторону. Поля обоих кишлаков засохли. Рассыпались в прах и пыль глинобитные заборы и мазанки. И на месте обоих селений возникла пустыня.

Слышал историю эту я в Яккабаге. Яккабаг — в переводе Один сад. Старики помнят время, когда издалека из степи Яккабаг, прижатый к подножью гор, рисовался глазу и впрямь как одна купа деревьев, как один-единственный сад. А вокруг лежала скучная, серая, сухая земля. Теперь окрест Яккабага садов множество. И меж садами не пусто, не голо, а поля, сплошные поля, где стройными рядами стоят темнозеленые кусты хлопчатника, радуя своим цветением глаз.

Советские люди на некоторых горных реках, речонках и родниках, текущих с Байсуна, уже воздвигли, а на некоторых воздвигают водохранилища, прокладывают каналы, строят шлюзы. И небольшие оазисы стали от подножий гор все глубже врезаться зелеными клиньями в Каршинскую степь. Попав в любой из этих оазисов, ясно постигаешь смысл фразы, которую часто в Средней Азии слышишь, что тут «не земля родит, а вода».

С великим удивлением теперь пожилые колхозники вспоминают, как во времена эмирата, когда, случалось, нехватало воды, жители крошечных кашка-дарьинских оазисов толпами, во главе с муллами, бежали вдоль арыка, кричали воде «тох-та-сын!» («оста-но-вись!»), хватали первого попавшегося человека по имени Тохтасын, швыряли его в арык и засыпали землей, свято веруя, что аллах в обмен на эту жертву дарует им воду.

Кроме маленьких, есть в предгорьях Байсуна и один крупный оазис, Гузарский, третий по величине в Кашка-Дарьинской долине. Поит древний оазис этот горная речка Гузар-Дарья. Интересная речка! Она приток Кашка-Дарьи и в то же время не ее приток. Точнее: то приток, то не приток. В паводок, когда воды в ней с избытком, она впадает в Кашка-Дарью. Впадает и зимою, когда воды в ней чуть-чуть. И перестает впадать в месяцы, когда всю воду реки колхозники разбирают на полив.

Советский человек сумел оживить в предгорьях Байсуна и ту землю,

где оросительной воды пока нет. Ученики милютинцев, энтузиасты богарного земледелия вырастили на адырах Байсунского хребта и в других, более высоких местах долины Кашка-Дарьи, например в знаменитой Джамской степи, пшеницу, ячмень. Летом среди червонного моря хлебов тут работает уже больше двухсот комбайнов — столь велики эти новые поля богары. Кашка-Дарьинская область сделалась хлебной, занимает по выращиванию хлебов второе место в республике после Самаркандской области.

По-другому идет наступление на Каршинскую степь со стороны пустыни. Песчаная пустыня здесь тоже имеет славу «каракулевой». Один из совхозов ее, «Каракум», знаменит на весь Союз как лучшее в стране селекционное каракулеводческое хозяйство. Бесчисленные отары каракульских овец благоденствуют в этой пустыне.

Каждую весну кудрявые потоки овечьих отар текут из песков в Каршинскую степь. Весною степь бурно цветет, покрывается ирисами, тюльпанами, песчаной осокой, колоссальными зонтичными, ремерией, ковраком (из смолы которого делается пластырь), сарычопом (из которого вываривается желтая краска), яркими маками и другими растениями. Большинство из них — эфемеры. Они названы так потому, что успевают завершить весь цикл своего развития за полтора-два месяца, пока в земле есть хоть капля влаги, сохранившаяся с зимы, а потом высыхают. Когда растения исчезают, отары овец покидают Каршинскую степь и возвращаются домой, в пески, на родные пастбища, к своим колодцам и бетонированным водопоям, над которыми свистит да посвистывает ветер, проносясь сквозь металлические конструкции ажурных вышек ветросиловых установок.

В песках всегда есть влага. Поэтому пески зеленеют всё долгое среднеазиатское лето. Разумеется, советские люди в каршинских песках, как и в Кызыл-Кумах, тоже улучшают пастбища, высевают с самолетов семена кейреука, терескена и других кормовых трав и кустарников. Даже на солончаках (а их немало в каршинских песках) советские ученые научились выращивать кустарники сарсазан и халостахис. Стоит на солончаке образоваться крошечной кучке песка, величиною хотя бы в пять сантиметров, и кустарники эти на ней уже селятся — так неприхотливы они. Интересно, что сарсазан и халостахис обладают свойством рассолонять грунт. А сами тоже служат отличным кормом для каракульской овцы.

Вода! Любый работник пустыни скажет вам, что зимою каракульская овца может два-три дня обходиться совсем без воды: полижет снегу — и ладно. Но в июле ей нужно каждый день до семи-восьми литров воды. Освоение новых пастбищ в песках — это прежде всего обводнение пустыни. Работники машинно-животноводческих станций с помощью замечательных шахтных машин для рытья колодцев обводнили в последние годы громадные пространства каршинских песков.

Қарабайры.

Украшая жизнь свою, жители пустыни ныне выращивают у себя даже сады. Начали это движение колхозники артели имени Ворошилова Кассанского района. Они посадили груши, яблони, персики и для поливов всю зиму и весну стали собирать в балках и оврагах дождевую воду, а потом для этого организовали и ленточный подъем воды из шахтного колодца. В пустыне зазеленел первый сад. Следом за ворошиловцами заложили сады и другие колхозы Кассанского и Бешкентского районов. И среди пустыни потянулись к солнцу виноградные лозы, зацвели абрикосовые и вишневые деревья. Так каршинские колхозники показали, что всего может добиться свободный человек — тот человек, о котором народная мудрость ныне говорит: «Земля без воды — мертва, но земля без человека — камень».

5. В БАЙСУНСКИХ ГОРАХ

Шум горных ручьев, равномерный, будто повсюду работают мельничные жернова, сопровождает ваш путь. Холод горных вершин пронизывает тело. Дорога петляет головокружительными зигзагами, и на каждом завитке открывается глазу всякий раз неожиданная, всегда величественная картина.

То это серо-желтая, как львиная шкура, долина, и на краю ее лепятся мазанки, к которым нужно присматриваться, чтобы различить их среди валунов. То причудливые утесы белого и красноватого известняка, высящиеся на черных сланцевых пьедесталах. На их фоне деревья кажутся повисшими в воздухе: луч солнца, пронизывая ущелье, зажигает, как свечи, вершины этих деревьев. В стороне, меж отшлифованных скал, отвесных и голых, синее озерко. Вдали среди горных пространств, накрытых белыми облаками, мелькнет и исчезнет, словно видение, стадо круторогих архаров.

Одна долина остается позади, и за висячим мостом, переброшенным через пропасть, разворачивается новая долина: серые домики, проглядывающие сквозь кипень садов; над ними рыжие от осыпей доломитовые горы, цепь которых разорвана ущельем, куда убегает река; и в этом ущелье, как бы в темной оправе, — снежная шапка горной вершины.

«Чалмоносными» назвал один хорезмский путешественник горы Байсун-тау, когда впервые увидел из Каршинской степи их увенчанные белоснежными чалмами гряды, над которыми седым патриархом возвышается пик Хазрет-Султан, высшая точка Узбекистана (4 993 метра). Возле этого пика, на его плече, меж хаоса каменных глыб, лежит черный, угрюмый, покрытый лишаями и язвами ледник Северцова.

Здесь, в верхнем поясе гор, на склонах ледяных пиков и на скалистых кручах, где вьют свои гнезда белоголовые кумаи и снежные грифы,

редко, очень редко звучит порывистое дыхание поднимающихся в гору людей. Кто эти люди? Топографы, которые тащат на себе цемент и скальные сверла, чтобы установить на каком-нибудь пике тригонометрический пункт. Гляциологи и альпинисты. И, наконец, горцы-охотники.

Прячась за зубцами утесов, иногда скрываясь внутри облака, ползущего по откосу, охотник подкрадывается к уларам — диким горным индейкам, или бородатым киикам — горным козлам, либо выслеживает винторогих козлов, славящихся тем, что они взбегают по отвесным скалам, либо преследует архаров, закрученные рога которых когда-то поразили своей величиной знаменитого венецианского путешественника XIII века Марко Поло: он писал, что валяющиеся рога архаров служат норами для лисиц. Изредка байсунскому горцу удается принести с охоты и пятнистую шкуру князя гор — снежного барса.

Хороша охота на гребнях хребтов! И все же горцы больше любят охотиться ниже: в поясе альпийских пастбищ и горных лесов. Самые большие леса тут арчевые. Арча — древовидный можжевельник, растущий зарослями на склонах, укрытых от жаркого дыхания пустынь. А на открытых местах этот удивительный кустарник пользуется каждым выступом для защиты от непогоды: его пластичные ветви правильно повторяют очертания каменной глыбы, под которой он растет, и все его сучья обращены в одну сторону, как бы сторонясь от ветра, дующего из-за скалы.

В темную хвою арчевых лесов вкраплены яркие купы вяза, клена, диких фруктовых деревьев. Кое-где можно встретить березу, даже рябину. Осторожно пробирается куница по опушке фишашковой роши. Сквозь лесную чащу, посапывая и мигая маленькими мутными глазками, спускаются кабаны на водопой к ручью, до того холодному, что ступишь в него босиком — вода обжигает ноги. Из-за утеса, покрытого седыми космами мха, из зарослей боярышника и черной смородины высовывается то белая мордочка горностаея, то меланхоличная морда барсука. По рябой от камней тропинке дикобраз уползает в миндальную рощу. Взобравшись на дикую грушу, мирно лакомится плодами медведь. И всюду слышны гибкие, манящие голоса птиц, трепет их крыльев; какими словами описать этот звучащий, пахучий, переливающийся всеми красками мир!

Таких девственных лесов много в Байсунских горах, особенно в южных районах. Однако куда чаще на высоте этой видишь в ущельях ноздреватые скалы, а над долинами грандиозные амфитеатры зеленеющих пастбищ. Далеко слышится здесь песня пастуха:

Э-эй-э-эй, аман-ёр!
Когда солнце встает из-за гор,
Травы кланяются ему,
Люди радуются ему...

Э-эй-э-эй, аман-ёр!
Если выйдет луна из-за гэр,
Все цветы полей и садов
Расцветут у ее следов...

Поезжайте на пастбище, проведите вечер с чабанами у костра с низким, задыхающимся от тумана пламенем. Вы увидите, что даже и здесь, далеко в стороне от культурных центров республики, жизнь полна творческого вдохновения, упорных поисков нового, неизбежных ошибок, счастливых удач.

Чабаны расскажут вам, что местные гиссары — самая крупная в мире порода мясо-сальных овец. Шестимесячные ягнята весят до сорока пяти килограммов: больше, чем взрослые овцы романовской породы. Лучшие откормленные гиссарские валухи достигают девяностидесяти пудов живого веса. Три-четыре пуда весит одно сало в их курдюках. Но в отаре, что виднеется в стороне от костра, совсем не те гиссары, какие бывали раньше. У тех была самая худшая в мире шерсть: она годилась лишь на веревки и войлок. За пятнадцать лет пастухи вместе с зоотехниками сменили своим овцам шубы. Метизируя гиссаров тонкорунными линкольнами, они вывели лингисов — новую породу с курдюком и весом гиссарской овцы и с прекрасной камвольной шерстью линкольнов.

Вместе с ботаниками чабаны ищут теперь щербеноносные травы, чтобы склоны, покрытые щебнем и галькой, превратить в пастбища. Прежде даже мысль о том, что природу можно переделать, улучшить, здесь показалась бы дикой, кошунственной: как можно переделывать то, что «создано аллахом в дни сотворения мира»!

Сказку о волшебнике, который превратил старика в осла, осла — в голубя, голубя — в рыбу и из желудка рыбы извлек драгоценный камень, можно и сейчас услышать в горах. Но как бы широко ни были раскрыты глаза пастуха-рассказчика, какое бы в них ни светилось вдохновение и мечтательность и предчувствие чего-то необыкновенного, в глубине его глаз вы всегда угадаете насмешливую улыбку зрелости, давно научившейся объяснять все необыкновенное простым. Это зрелость, которую принесла в горы советская действительность. Люди перестали верить в чудеса, потому что сами сделали их творцами.

Страсть к пересозданию мира, всепоглощающую страсть к творчеству легко увидеть везде. Спуститесь с пастбища в высокогорную долину, посреди которой виднеется одно из маленьких живописных селений, что во множестве разбросаны в глубине хребта.

Вокруг долины посева нороят подняться как можно выше, свидетельствуя о трудолюбии живущего здесь народа. На крошечном поле, которое колосится меж скал, на первый взгляд будто ничего особенного. Как и встарь, землю тут измеряют тюбетейками, говорят: вот клочок земли, на котором можно посеять три тюбетейки семян, а вон на том — шесть. Однако любой колхозник с гордостью скажет вам,

что пшеница на этом поле не просто пшеница, а «Тюя-тыш», «Верблюжий зуб» — новый высокогорный сорт, выведенный колхозником-опытником Ширабадского района Абдухалилом Одинаевым и улучшенный колхозником Байсунского района Курбаном Нурматовым.

О байсунцах-мичуринцах и говорить нечего! Кроме улучшения фруктов, которые прежде росли в горных садах, они впервые выращивают свои абрикосы, виноград, персики. Когда колхозник Рахматулла Сафаров вырастил у себя в колхозе «Маданият» Миракинского района урюковый сад на высоте больше 3 тысяч метров над уровнем моря, со всех сторон стали приезжать к нему за черенками горцы-мичуринцы.

Да что фруктовые деревья! Опытники работают даже над арчей. Арча славится тем, что растет так же медленно, как долго живет. В Яккабагском районе есть две знаменитые арчи — одна мертвая, одна живая, возраст которых определяется в несколько тысяч лет. Из арчи делается эфирное масло для бальзамических повязок. Кроме того, арча лучшее дерево для карандашей. А карандаш теперь нужен школьнику и колхознику, врачу и ветеринару, геологу и топографу — каждому советскому человеку: долго ли истребить все леса? Вот почему опытные лесных дач стараются искусственно добиться более быстрого роста арчи.

В середине Байсунских гор находится известное ущелье Дербент — Железные ворота. В нем никогда не бывает солнца. Оно похоже на мрачную трещину. По бокам его вздымаются необычайной высоты отвесные стены из гранитов и порфиров. Весной по дну его струится ручей. Сквозь это ущелье проходит автомобильная дорога, пересекающая массив гор Байсун-тау.

Из района Железных ворот текут две речушки — Гузар-Дарья и Ширабад-Дарья: первая — на север, к Каршинской степи, вторая — на юг, в долину Сурхана. Дорога извивается вдоль русла одной, потом вдоль русла другой, то взбегая по скалам и отгораживаясь от реки парашетом, то спускаясь к пенистой быстрой воде. В древности здесь пролегал большой торговый путь. Как два караван-сарая, на этом пути выросли у подножья гор два городка, носящие имена рек, на концах которых простерлись их виноградники и сады: Гузар — на севере, Ширабад — на юге. «Караван-сарай — зеркало мира», — говорит старинная поговорка. Гузар и Ширабад были для байсунских горцев двумя зеркалами, в которых им отражался весь мир.

Пригнав гурт овец на базар Ширабада или Гузара, горец слушал бывало в чайхане рассказы караванщиков о близких и дальних краях. О разбойниках, что нападали на караваны, грабили и убивали путников или, заковав в цепи, продавали их в рабство. О мастерах, специальность которых состояла в том, чтобы приделывать носы всем, у кого они были отрублены по повелению хана. О неправедных судьях и алчных ростовщиках, которым (как неоднократно доказывали они на

судах) покровительствовал сам аллах, ибо где как не в коране сказано с восхищением: «Они хитрят, и бог хитрит, и бог самый искусный из хитрецов, бог быстрее всех в ухищрениях».

Редко кто из байсунских горцев осмеливался подвергнуть себя неисчислимым опасностям, что подстерегают путников на чужбине. Большинство байсунцев раньше никогда не бывало дальше Гузара и Ширабада. Тридцать, как и три тысячи лет назад, только одно селение было для них родиной, весь мир—чужбиною. Странно, почти невероятно слышать это молодому байсунскому горцу теперь, когда родиной для него стали Ташкент или Самарканд, где он учился, Беговат и Катта-Курган, где он участвовал в великих народных стройках, Свердловск или Владивосток, где он служил в Армии, Киев и Кишинев, откуда минометным огнем он выбивал фашистских захватчиков, и, наконец, Москва, куда он ездил на курсы повышения квалификации, и на физкультурный парад, и просто во время отпуска, путешествуя.

6. ПЕЩЕРЫ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

В эпической поэме «Интизор» повествуется о великане Хасане Кулбаре: «На охоту ходил он пешком, брал по горной скале в каждую руку, пешком догонял диких лошадей». Было бы странно, путешествуя по Средней Азии, неожиданно найти возле дороги — ну, хотя бы сапог такого сказочного великана. Примерно такое чувство испытываешь, когда, проезжая по Большому Узбекскому тракту, останавливаешься в горном кишлаке Сайроб возле тысячелетнего чинара с гигантским дуплом.

В конце прошлого века в дупле этом помещалась мусульманская школа на сорок человек. Лет двадцать назад в нем был сельский магазин. Сейчас чинар находится под охраной государства. Удивительно и то, что дерево живое. Когда заглядываешь в него, кажется — вокруг дупла древесины нет, одна кора, так тонки его стенки. А поднимаешь голову, видишь, что мертвенно голые у ствола ветви, разойдясь вширь, одеты крупными яркими пятипальными листьями, образуя высоко в воздухе как бы целую купу деревьев.

Есть легенда о сказителе, который спасался от смерти, отгоняя от себя сон игрой на домбре. Это легенда о бессмертии искусства. Когда видишь своими глазами чинар, какой мог быть только в эпосе, невольно начинаешь в событиях народного эпоса искать следы подлинной жизни.

Всего пятнадцать лет назад один советский ученый и три следопыта (археолог Гаврила Васильевич Парфенов и ловцы ядовитых змей — муж и жена Ломаевы и Давлят Вахабов) начали вокруг Сайроба «охотиться» за доисторическими памятниками. И за это время они совершили столько замечательных открытий, что даже фантастиче-

ский образ Хасана Кулбара, и тот стал восприниматься как свидетельство о прошлом.

Оказалось, Байсунские горы — одно из мест на земле, о котором можно с полным правом сказать: колыбель человечества. Здесь найдена знаменитая карстовая пещера Тешик-Таш, и в ней кости и череп неандертальского человека, погребенные под плотной корой образовавшихся за тысячелетия сталагмитов. Это древнейшее погребение человека на территории СССР. Но интереснее всего картинные галереи на скалах.

Первая байсунская пещера с доисторической живописью была открыта больше десяти лет назад в урочище Зараут-сай — Золотой ручей, поросшем диким барбарисом и шиповником, в горных дебрях, где водится бактрийский олень. Это благородное животное истреблено всюду и сохранилось лишь здесь.

Представьте себя на месте первого археолога, которому выпала удача открыть Зараут-сай. Вы вступаете в мощную горную расщелину, оглядывая скалы, внезапные повороты которых завершаются громадой каменной стены. Вы натываетесь с другой стороны на пропасть. Она незаметна, пока не подойдешь к самому краю. В нее удобно загонять дичь. Природа будто специально позаботилась о первобытном человеке, устроив в Зараут-сае естественную охотничью западню.

В глубине расщелины светлым пятном рисуется кварцевая скала, в ней темнеет пещера на высоте трехэтажного дома. И едва вы к ней добрались, карабкаясь по уступам, сердце ваше учащенно забилося: вы увидели на скале множество рисунков. Первобытные художники нанесли их красной охрой, залежи которой находятся вблизи. Желая задобрить духов, помогающих охотникам, художники изобразили удачную охоту в той самой природной западне, что простирается перед этой скалой. Это — жертвенная скала. На нее ныне, как и сорок тысяч лет назад, падает первый луч восходящего солнца.

Сколько здесь разнообразных фигурок! Каждая — пленительной простоты! В каждой та примитивная точность и экспрессия, что вызывают неизменное восхищение знатоков. К стае горных дроф подкрадываются охотники, задрапированные под дроф. В руках у них пращи и дротики: луков еще не было. Вы смотрите на эти рисунки, и вам хочется самому взять в руки дротик и вместе с ними, вот с этими жившими тут людьми, встать рядом в охотничью цепь, чтобы потом, прославляя вашу удачу, художник изобразил и вас на скале. Искусство, которое дарит такие мысли, делает вас участником изображаемой сцены, — это и есть истинное искусство.

На других рисунках тоже изображена охота, между прочим охота на диких двугорбых верблюдов: тут их родина, тут человечество некогда начало их приручать.

Поверх скальной живописи в Зараут-сае размашисто начертано по-арабски несколько наименований аллаха. Какой-то средневековый

араб, тысячу лет назад забредя сюда, испугался нечестивых изображений, решил, что тут дело не обошлось без шайтана, и поспешно освятил скалу, дабы уничтожить власть этих магических рисунков над заблудшими душами. Но разве можно уничтожить искусство? Первобытные художники тоже могли бы сказать о себе, что, рисуя на скалах, они спасались от смерти, отгоняли ее от себя. Искусство их стало бессмертным. Имя Зараут-сая облетело весь земной шар.

После Зараут-сая еще тринадцать галлерей с пещерной живописью от начальных стадий верхнего палеолита до конца бронзового периода найдены советскими археологами в Байсунских горах. Они найдены, но еще не описаны, рисунки их не опубликованы. Да и сами горы только-только тронуты глазом исследователя. Сколько в них дебрей, где нога ученого никогда не ступала, сколько неосмотренных пещер: в некоторых поселились медведи, натаскав в них хвою и ветви арчи.

Со стороны Каршинской степи существуют в горах грандиозные таш-курбанские пещеры, в которых, по преданию, однажды поместилось все войско Тимура. Ни один охотник-смельчак не углублялся в них дальше двух десятков шагов, а ученые сюда еще не добрались: слишком много в Узбекистане интересных исторических памятников, нехватишь их сразу.

Что ждет исследователя в этих пещерах: стоянка неандертальцев или новые скальные картинные галереи? Трудно представить себе, сколько впереди открытий в Байсунских горах!..

7. СУХИЕ СУБТРОПИКИ

Есть тут долина, со всех сторон замкнутая хребтом. Она круглая, как лепешка. Диаметр ее — километров двенадцать. Называется она Нон-Дагана. Из замыкающей долину горы вытекает поток, впадающий в Ширабад-Дарью. Вытекает он сквозь узкую горловину, словно через ворота.

В горловине этой сохранился единственный в своем роде памятник — остатки древнего шлюза. Скалы, отшлифованные водою, показывают, что некогда долина Нон-Дагана вмещала в себя искусственное озеро: по объему из нынешних среднеазиатских водохранилищ только «Катта-Курганское море» превосходит его. Находится его горловина выше Ширабада, перед тем как дорога, и река, и вытекающие из нее головные каналы начинают спускаться с гор на равнину.

Путник, остановись у этого разрушенного древнего шлюза! Тут как бы вступление ко всему, что предстанет взорам твоим, когда, покинув горы, вступишь ты в обширную равнину Сурхана.

Две с половиной тысячи лет назад древнегреческий историк Геродот писал:

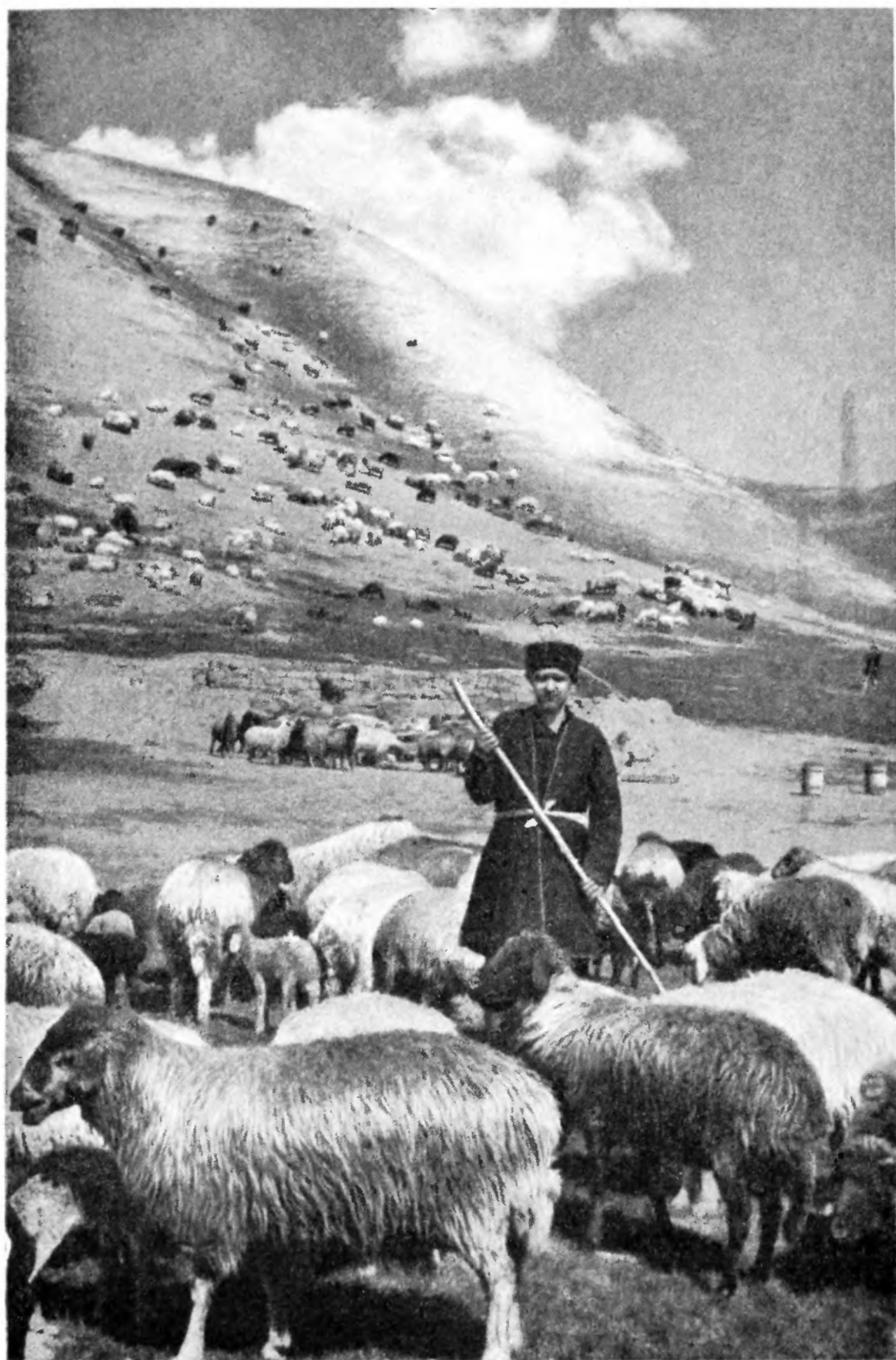
«Есть в Азии равнина, со всех сторон замкнутая хребтом... Из за-

мыкающей равнину горы вытекает... река Акес. Первоначально река делилась на пять рукавов и орошала земли названных здесь народов, причем каждый рукав протекал через отдельное ущелье... Горные ущелья царь велел закрыть и перед каждым из них поставить шлюз, вследствие чего вода лишилась выхода, а замкнутая в горах равнина превратилась в озеро... Таким образом, те самые народы, которые обыкновенно пользовались этой водой, теперь постоянно испытывают большое лишение, потому что не могут больше пользоваться ею... Поэтому, когда у них нет воды, они с женами своими отправляются в Персию, становясь у дверей царского дворца и рыдают с воплями; царь, видя крайнюю нужду просящих, велит открыть шлюзы, ведущие в их равнину. Когда земля их насытится водою, шлюзы запираются вновь... Я знаю, по рассказам, что царь сверх обычной подати взимает большие деньги за открытие шлюзов. Вот каковы эти дела».

После поражения персов в Марафонской и Саламинской битвах, в Греции оказалось множество пленников. Среди них были и бактрийцы: они сражались «тростниковыми луками и короткими копьями» в наемной гвардии Дария Гистаспа и Ксеркса, в так называемых отрядах «бессмертных». Если допустить, что бактриец, со слов которого Геродот записал сведения об этом озере, был родом из Ширабада и что пять рукавов, вытекающих из пяти ущелий, — это пять головных каналов, орошавших Ширабадский оазис, тогда, может быть, древний шлюз, перед которым ты остановился, о путник, тот самый, о котором две с половиной тысячи лет назад рассказывал пленный бактриец знаменитому древнегреческому историку.

Дарий Гистасп повелел шлюз воздвигнуть, дабы покоренных бактрийцев держать в повиновении и эксплуатировать их. Спустя тысячу восемьсот лет свирепый Чингиз, «бич божий», уничтожил это озеро, чтобы, ограбив древние равнинные города и селения, стереть их с лица земли. Все, что уцелело там после монголов, разрушил еще через двести лет Тимур. И разрушил так основательно, что пятьсот лет после этого равнина Сурхан-Дарьи являла собой картину неопишуемого запустения и заброшенности.

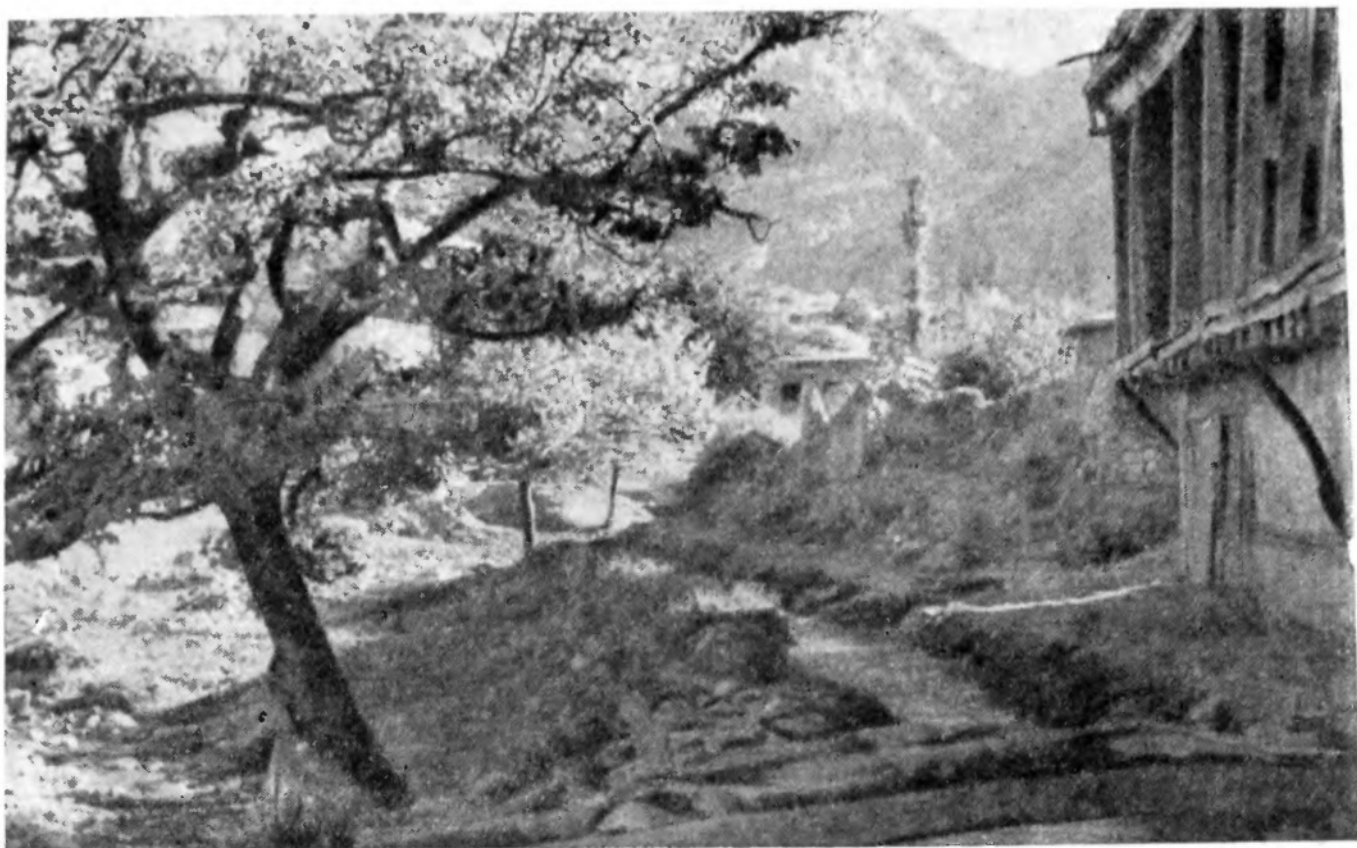
Спустившись с гор, следы этого замечаешь не сразу. Сперва минуешь маленький уютный Ширабадский оазис. Его сады и плантации длинноволокнистого хлопчатника обрываются там, где иссякает последняя капля воды Ширабад-Дарьи. Дальше распахивается так называемая Талимаранская степь; имя ее еще несколько лет назад мало кто знал в Узбекистане, теперь оно широко известно. Однако, чтобы нынешняя картина жизни в Талимаранской степи обрела для вас свое истинное значение, сперва прогоним нашу автомашину дальше — туда, где слева и справа от тракта, в пустынной степи, меж белесых кочек угадываются русла древних ирригационных систем, торчат развалины городищ, укреплений, средневековых замков, буддийских монастырей — все, что осталось от многочисленных городов Сурхан-Дарьинской доли-

На пастбище.

Узбекистанский селекционер А. И. Автономов, создавший советские сорта тонковолокнистого хлопчатника.

Горное селение.

Колхозные мастерицы шелка.

В долине Сурхан-Дарьи.

Так сушат кишмиш.

ны. Города эти были основаны в такие древние времена, что они были древними даже для древних персов: их легенды приписывали основание Бактрии самому Зороастру, который будто бы был первым бактрийским царем. Но, не говоря о временах легендарных, еще и тысячу лет назад долина Сурхана была населена столь густо, что из конца в конец «от Денау до Термеза кошка могла пробраться по кровлям домов».

Знаменитый обломок карниза, на котором изображены две женщины и мужчина, держащие в руках арфу, лютню и барабан — три из «пяти великих звуков» буддийской религии, фриз, где музыканты играют на кимвалах и двойной флейте, статуя женщины с греческим профилем и с анфасом индийских скульптур, монеты царя Менандра где с одной стороны оттиснуты силуэты греческих богов, с другой — священная буддийская ступа, — эти вещи, раскопанные советскими археологами среди руин древнего Термеза, принадлежат к поре, когда Термез именовался Деметрией-Эвкратидией и был одним из крупнейших городов того царства, что образовалось в Средней Азии на развалинах империи Александра Македонского, царства греко-бактрийского.

Раскопки городища древнего Термеза обнаружили и памятники пришедшего на смену ему индо-скифского (кушанского) царства, которое существовало здесь с I века до нашей эры по середину VI века нашей эры. Особенно велик был Термез в IX—XII веках, когда он входил во владения Саманидов, Газневидов и Хорезмшахов. От этой эпохи сохранились остатки кирпичной набережной у Аму-Дарьи и много руин. Один только термезский квартал металлургов, как показали раскопки, занимал тогда целых пять гектаров.

Когда канал из Сурхан-Дарьи монголами был разрушен, когда уничтожено было и древнее водохранилище Нон-Дагана, жизнь ушла из цветущей долины Сурхана, и лишь местами в разных концах ее остались зеленые островки. Это было страшным бедствием для людей. Не о нем ли в сказочных образах повествует народная поэма «Малика-Аяр»?

Богатырь Аваз вступает в сад, подходит к яблоне, хочет сорвать спелое яблоко, но яблоня вместе с корнями поднимается от него на воздух. Он подходит к смоковнице, но и смоковница от него улетает. Водоем манит Аваза прохладной водою. Он протягивает руку, чтобы зачерпнуть, но вода уходит в глубь земли на сорок локтей. Он входит в виноградник, ловит губами сочную кисть винограда, но лоза обвивается вокруг его шеи и душит, пока он не выпускает кисти из зубов. Он видит в саду котел с пловом, но вся посуда пускается в бегство от него... В конце концов Аваз покидает сад, как когда-то покинули свои сады жители большей части Сурхан-Дарьинской долины.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции жители Сурхан-Дарьи стали возвращать себе земли предков. Сперва

они привели в порядок работавшую, но разрушенную басмачами ирригационную сеть, чтобы хоть сохранившиеся виноградники не погибли. Затем они начали воздвигать каналы, отвоевывая пядь за пядью у пустынных земель. Наконец они повели широкое наступление на Талимаранскую степь.

Две дубовые ветки на синей фуражке были первыми древесными ветками, что появились в 1951 году в Талимаранской степи. В пустыне (а Талимаранская степь — типичная глинистая пустыня) был создан лесосовхоз, туда приехали первые лесоводы. И спустя год на землях, орошенных новым каналом из Сурхан-Дарьи, зазеленели хоть еще и тоненькие, молоденькие, но настоящие ветки акаций, гледичий, карагачей.

Когда едешь из колхоза в колхоз Талимаранской степью, кажется, будто новоселы решили разом наверстать упущенное время — те потерянные несколько сот лет, что степь лежала заброшенной, в небрежении, так велика сейчас тут строительная горячка. Пение пилы стало привычным звуком в каждом поселке. Поднимешь голову, глянешь вдоль новой сельской улицы, — обязательно где-нибудь да маячат фигуры работающих кровельщиков. Окрест неумолчно звучит гул тракторов, поднимающих целину. Хлопочут садоводы около тоненьких фруктовых деревьев, пока еще не дающих плодов, но обещающих сказочное плодородие. Да что в поселках, даже далеко в стороне, где до революции бродил бывало лишь какой-нибудь бедняк, отыскивая в степи павшего коня, чтобы снять с него подковы, ныне на дорогах, ведущих в кишлак, колхозники высаживают фруктовые деревья, чтобы путник мог освежиться их плодами.

В Талимаранской степи разрастается обширный зеленый остров. Не за горами день, когда все разбросанные по Сурхан-Дарьинской долине зеленые острова вновь сольются в сплошное море садов и полей. Однако завтрашняя долина Сурхана будет не похожа на ту, какой была она тысячу лет назад.

Поезжайте в сердце долины — в город Денау. Здесь в саду Южно-Узбекистанской зональной станции сухих субтропиков вы увидите, как готовится этот завтрашний день. Но здесь надо сказать о том, чему Алишер Навои посвятил в «Лейли и Меджнуне» несколько вдохновенных поэтических строк:

Весь мир жара ужасная сожгла,
И стала пеплом каждая скала,
А камни драгоценные в скале
Подобны углям, тлеющим в золе!..

Стоит увидеть стекла сурхан-дарьинских автомашин, покрывшиеся от жгучего солнца мельчайшей паутиной трещинок, словно расписанные морозом, как невольно вспоминаются эти строки. Термез — самая жаркая точка Советского Союза. Летом температура тут поднимается до

+50° в тени, а песок накаляется до +85°, не намного меньше мировых максимумов в Центральной Сахаре и в «Долине смерти» в Калифорнии.

Коммунисты сумели использовать палящее солнце Сурхан-Дарьинской долины на благо людям и перестроили ее хозяйственную жизнь так, что долина эта заняла особое место в народном хозяйстве Союза. О Сурхан-Дарьинской долине теперь говорят, что это долина сухих субтропиков.

Египетский хлопок покупают, импортируют все главнейшие страны мира. Почему он так ценится? Потому, что у «египтянина» самое длинное волокно — свыше сорока миллиметров — и самая крепкая в мире тонина. Он идет на выделку высших сортов тканей, на основу для автомобильных покрышек и других изделий, которые требуют большого запаса прочности. Еще недавно этот солнцелюбивый хлопчатник рос только в долине Нила. Советскому Союзу тоже приходилось покупать его в Египте. И мировая наука считала, что разведение «египтянина» в СССР невозможно. Об этом не раз писал известный английский знаток хлопка морганист доктор Харланд. Это утверждали и наши «доморощенные» морганисты.

Однако советские селекционеры-мичуринцы стояли на другой точке зрения. Она лучше всего выражена, их точка зрения, в словах Мичурина, теперь известных любому советскому школьнику, но лет десять назад неизвестных даже многим почтенным профессорам: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». В Азербайджане, Туркмении, Таджикистане и Узбекистане молодые ученые-энтузиасты взялись переделать природу «египтянина», переселить его в Советский Союз. Это удалось им всем сделать почти одновременно.

И самый лучший сорт, с наивысшей длиной волокна, с наибольшей устойчивостью против болезней, с самой крупной коробочкой, удалось вывести узбекистанскому селекционеру лауреату Сталинской премии А. И. Автономову. Сперва его сорт «35-1», а потом и сорт «10964» расселились по колхозным полям Сурхан-Дарьинской долины Узбекистана. Ученые-мичуринцы освободили Советский Союз от импорта египетского хлопчатника.

По инерции его называют еще иногда «египтянином». Но какой он «египтянин»! Ведь советские селекционеры не только переселили его, но и переделали его природу. Лучшие сорта хлопчатника, растущие в долине Нижнего Нила, — «Пима» и «Маарад» — не идут ни в какое сравнение с хлопчатником «10964»: у него и качество волокна выше и длина волокна гораздо больше. Этот новый, выведенный советским селекционером сорт тонковолокнистого хлопчатника начинает расселяться все шире: он появился в долине Кашка-Дарьи, дает хорошие урожаи на опытных участках других оазисов Средней Азии. Он двинулся и на хлопковые плантации Южного Китая. И там у народов

братского Китая он уже называется, как ему и положено, «Тонковолокнистым узбекистанским».

Бесконечное разнообразие оттенков листвы ослепит вас, а в дни цветения бесчисленное разнообразие ароматов вскружит вам голову, едва вступите вы в громадный сад Южно-Узбекистанской зональной станции сухих субтропиков, что занимает добрую четверть кварталов Денау — города, расположенного в сердце Сурхан-Дарьинской долины. В саду этом растут триста видов субтропических декоративных кустарников и деревьев: эвкалипты камфарные и эвкалипты лимонные, кипарисы аризонские с сизой хвоей и кипарисы пирамидальные, эльдарские сосны, мыльное дерево, китайское сальное дерево, лаковое дерево, гуттаперчевое дерево, иудино дерево, шелковые акации, черный орех, пышные кусты мелии, павлонии, испанский дрок с душистыми желтыми цветами и множество других.

В саду зональной станции — сотни плодовых, технических и лекарственных субтропических растений, которые тоже расселяются по Сурхан-Дарьинской долине.

Тут и подобные круглым зонтам дерева гранатов, среди них выведенные мичуринцами морозоустойчивые сорта; и апельсиновые деревья; и сорок шесть сортов инжира; и вечнозеленые кусты александрийского листа и эвгенового базилика; и посевы далматской ромашки и индийского подорожника.

На рынках Денау или Термеза можно уже сейчас купить у колхозников бататы: субтропические корнеплоды, похожие на гигантские картофелины, напоминающие и по вкусу картошку; можно купить и чечевицу, которая широко распространилась по колхозам долины. Можно наткнуться и на колхозную плантацию прежде невиданной здесь кассии — ценного лечебного растения, а в колхозном саду сорвать с дерева яркооранжевый глянцевого плода восточной хурмы сорта «Денауский сахарный» или сорта «Пионер Узбекистана» и насладиться его сладостью, вяжущей рот.

Сахарный тростник, который у нас никогда не рос да, казалось, и не мог расти, теперь зеленеет не только в саду зональной станции, но уже переселился отсюда и на лучшие земли совхоза «Хозарбаг». Больше трехсот гектаров отведено там под его плантации. А рядом начал работать первый в Советском Союзе ромовый завод.

Научные работники зональной станции в Денау заваривают и с удовольствием пьют выращенный ими на опытном участке чай, значит через год-два в разных концах долины появятся колхозные чайные плантации.

Новый, невиданный в мире сорт ореха вывели сурхандарьинцы, скрестив грецкий орех с пеканом: он унаследовал от грецкого ореха крупноплодность, от пекана — его маслянистость. В ореховых лесах Байсунских гор они нашли замечательный сорт грецкого ореха, который начинает плодоносить со второго-третьего года после посева: вчетверо

быстрее обычного. Скрестив этот сорт с крупноплодным, они вывели новый, скороспелый грецкий орех.

Ученые-мичуринцы Узбекистана переделывают природу не только в садах, но и в диких фруктовых и ореховых лесах. Есть, например, на хребте Бабатаг (что ограничивает с востока долину Сурхана) огромный массив дикорастущей фисташки — несколько сот гектаров. Ученые привили к деревцам дикой фисташки культурные сорта с большим содержанием жиров. И плоды этих облагороженных деревьев теперь раскрываются сами — ценнейший товарный признак культурной фисташки.

Далеко из долины Сурхана над грядой Байсунских гор виден ледяной шлем Ходжа Пирьяха — второй по величине вершины Узбекистана. Возле Ходжа Пирьяха рождается река Тупаланг. Это излюбленная река денауских пловодов. У подножья гор, там, где Тупаланг выносится в долину, возле селения Дашнабад, родина двух лучших сортов гранатов: «Казак» и «Кзыл-онор». А в глубине хребта, где Тупаланг, чешуйчатый от пены и камней, ревет, извиваясь меж узких ущелий, склоны гор заросли рощами дикого инжира, дикого миндаля и диких грецких орехов.

В одной из таких ореховых рощ белеют коттеджи нового поселка. Это шахтерский поселок знаменитого Шаргуньского угольного рудника, где добывается коксующийся уголь высших марок. Шаргуньский рудник дает уголь промышленности южного Узбекистана и промышленности соседнего Таджикистана.

Историк Александра Македонского Арриан писал: «Когда он (Александр) стоял лагерем у реки Окса, недалеко от его палатки пробил ключ и близ него показался маслянистый источник». Спустя два с половиной тысячелетия советские геологи, заинтересовавшись этим текстом, начали искать нефть и нашли ее в том месте, что описано Аррианом, а потом и во многих других местах долины.

Есть в долине Сурхан-Дарьи люди еще одной редкой и опасной профессии, которая тоже приносит славу южному Узбекистану, хотя большого хозяйственного значения и не имеет. Люди эти — ловцы ядовитых змей.

Выходя на работу, они мечтают встретить гюрзу, эфу или, наконец, кобру — очковую змею. Укус каждой из этих трех змей, если не оказать быстрой врачебной помощи, смертелен. Ловцы охотятся за ними отнюдь не для того, чтобы из их шкурок были сделаны мастерами дамские сумочки или пояса. Дамские сумочки делаются из кожи других, менее ядовитых, а то и вовсе безвредных змей и ужей, которых ловцы сразу же убивают. А гюрзу, эфу или кобру охотник старается взять живьем, чтобы, посадив ее в холщовый мешочек и затем в ящичек с дырками для вентиляции, отправить в Ташкент.

Там змей поселяют в террариумах. И ученые регулярно берут у них яд, заставляя змею кусать стаканчик, внутрь которого яд выбрызгивается. Потом яд высушивается и посылается в Узбекстанский и во,

Всесоюзный институты экспериментальной медицины. Слабые растворы змеиного яда используются в клиниках. Советские врачи уже знают, что яд кобры — прекрасное анестезирующее средство. Яд щитомордника (змеи, которая живет в Узбекистане севернее) усиливает свертываемость крови. Известны случаи успешного лечения некоторых опухолей ядом очковой змеи.

8. НА ГРАНИЦЕ

Когда известный таджикский поэт Мирзо Турсун-заде возвращался через Афганистан на родину после поездки по Пакистану, первым советским городом, огни которого он увидел с чужой земли, был Термез. Тому, как после долгой тьмы он обрадовался этим огням, Мирзо Турсун-заде посвятил вдохновенное стихотворение. Вот строки из него:

Я ждал без сна, когда взойдет рассвет
На перевале из долины бед,
И в глубине ночной блеснул мне свет
Огней Отчизны, дружеских лучей,
Как тысячи смеющихся очей.
Сквозь мрак воздушных полночи завес,
Затмив светила вечные небес,
Переливался и сверкал Термез...

Издали оазис нового Термеза подобен обширному саду, где над массой деревьев поднимается дым города. Когда въезжаешь в оазис, на полях справа и слева тысячами серебристых нитей поблескивает вода. Оазис рассекают дороги, рисующиеся издали прерывистыми цепями плакучих ив, чинаров и карагачей, меж которых в воздухе висят сизые струи пыли от бегущих грузовиков.

Хотя фуражка с зеленым околышем мелькает на термезских улицах редко меж обычных кепок, тюбетеек и белых фуражек, граница чувствуется в городе на каждом шагу. Вытянутые в струну мощные улицы, обсаженные пирамидальными тополями, придают городу подтянутый облик. Сам город обнесен невысокой стеной. Ведь граница тут течет рядом, за городской стеной, именно течет, ибо граница эта Амударья: правый берег наш, левый — афганский.

На термезском базаре можно увидеть «тару» — завезенную из Афганистана змеевидную дыню длиной в добрый метр. Можно в одной из термезских чайхан услышать и «майну» — скворца, славящегося умением подражать речи. Мне довелось видеть майну, которая в клетке, висевшей посреди чайханы, кричала: «Самоварчй, гость пришел!.. Самоварчй, деньги возьми!.. Еще один чай!..», подражала стуку крышки о чайник, передразнивала кур и собак.

Вдоль горизонта на юге от Термеза вырисовывается ломаная линия горного кряжа. Там находится страна, где живут упорные в труде и борьбе народы Афганистана.

Об упорстве их сложена поговорка: «Если афганец посадит финиковую пальму, он скорее даст себя на ней повесить, чем уйдет прочь». Никому из чужеземных хищников, вторгавшихся в Афганистан, не удалось сломить боевого духа афганских народов. Даже когда борьба казалась безнадежной, когда афганские феодалы и купцы, предавая интересы народа, переходили на сторону врагов, народы Афганистана мужественно продолжали борьбу. И завоеватели в конце концов вынуждены были уходить.

Уважение всех свободных людей завоевали афганцы решимостью, с какой в течение столетий защищают они свою землю. Эти или похожие мысли приходят в голову всякому, кто провел на афганской границе хотя бы день и хоть что-нибудь знает об Афганистане.

Но на границе рождаются еще и другие мысли. Мысли, которые относятся к земле, что простирается не по ту, а по эту сторону, — к нашей советской земле. Ниоткуда так хорошо не виден Узбекистан, как с афганской границы. Тридцать лет назад здесь пролежала граница двух государств, но границы двух культур не существовало. И Афганистан и Бухара были феодальными государствами, а какова жизнь в среднеазиатском феодальном государстве, мы уже рассказывали, повествуя о Бухаре.

«Построить цитадель Советской власти на Востоке, поставить социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученных народов Востока, — такова задача», — писал товарищ Сталин в 1919 году в статье «Наши задачи на Востоке».

Узбеки, руководимые Коммунистической партией, принялись за решение этой исторической задачи с той же страстью, показывая те же великолепные образцы трудового героизма, что и другие советские народы.

Вехи этой исполинской работы — крупные стройки. Но плоды того поистине титанического труда, который является результатом ежедневной работы миллионов рядовых советских людей, плоды, к которым примелькался глаз, привыкло ухо, мы перестаем замечать их из-за обыкновенности, будничности, они представляются нам естественными: иначе-де и не может быть на земле, — плоды эти предстают даже нам, советским людям, в ином, неожиданном свете, едва попадаем мы на рубеж нашей страны.

Вот, например, на поле возле окраины Термеза трактор переворачивает лемехами пласты жирной земли. Трактор как трактор. Комбинеzon на трактористе замаслен. Под деревом виднеются железные бочки с горючим. Все привычно, обыденно: на что тут смотреть? Но когда видишь, что на другом берегу Аму-Дарьи люди попрежнему пашут омачом — допотопной сохой — и пользуются малой — первобытной выравнивательной доской, начинаешь с особым почтением глядеть на узбекского тракториста.

Когда знаешь, что по ту сторону Аму-Дарьи удобрениями служат главным образом развалившиеся дувалы и уличная грязь, а в передовом земледельческом оазисе, Гератском, применяется голубиный помет, для чего и ныне на специальных башнях содержатся «поселковые» голубиные стаи, — тогда прозаический суперфосфат, который где-нибудь под Ширабадом отвешивает на колхозном складе кладовщик бригадиру, способен потрясти человека, как чудо.

Железных дорог в Афганистане вообще нет. Автомобили на магистральных дорогах в последние годы появились. Но основной транспорт — верблюжьи караваны: в конце каждого, как и в очень давние времена, мирно позвякивает колоколец. Как тут термезцу не прислушаться с особенным чувством к хриплому гудку паровоза: он ведет поезд по воздвигнутой советскими людьми железной дороге из Кагана мимо Карши, Келифа, Термеза, Денау и Сары-Ассия к крупнейшему новому среднеазиатскому городу, столице Советского Таджикистана — Сталинабаду.

Когда знаешь, что в Афганистане большая часть людей вместо подписи за неграмотностью прикладывает к бумаге палец, совсем новыми глазами смотришь на здание сельской школы, без которой даже трудно и представить себе теперь узбекский кишлак.

Когда знаешь, что в Афганистане немногие имеют керосиновые лампы, да и красноватое пламя чирака — светильника — освещает дрожащим светом своим не так уж много мазанок, а половина народа коротает вечера при свете тлеющих углей очага, — тогда начинаешь понимать, почему те лампочки, что зажглись сперва в отдельных колхозах Узбекистана, потом осветили целые районы и обещают в самые ближайшие годы залить сверкающим светом всю республику, — понимаешь, почему они названы народом «лампочками Ильича».

Обычное заседание бюро райкома партии, где после обсуждения очередных хозяйственных задач люди объясняются начистоту со своим товарищем, который не проявил чуткости к пришедшей с просьбой вдове погибшего на фронте колхозника, да и сам этот товарищ, лицо которого залито краской от сознания своей вины, — заседание это станет для вас ярчайшим выражением новой, невиданной доселе культуры, невиданных отношений между людьми, едва вспомните вы, что по ту сторону Аму-Дарьи ни один самый маленький афганский чиновник без «подарка» даже не примет прошения: там, чтобы обратиться к кому бы то ни было с любой просьбой, надо прежде всего «сделать его руку беременной».

«Я устраивал дела человека, дававшего мне что-нибудь, говорил ему: «Твое дело правое!» — и делал неправыми дела человека, не дававшего мне ничего», — хвастливо говорит везир в узбекской народной поэме «Нурали». Сколько муфтиев и казиев в современном Афганистане, Иране, арабских странах — на всем зарубежном мусульманском Востоке могли бы повторить эти слова! Как же тут, проходя где-нибудь в Денау

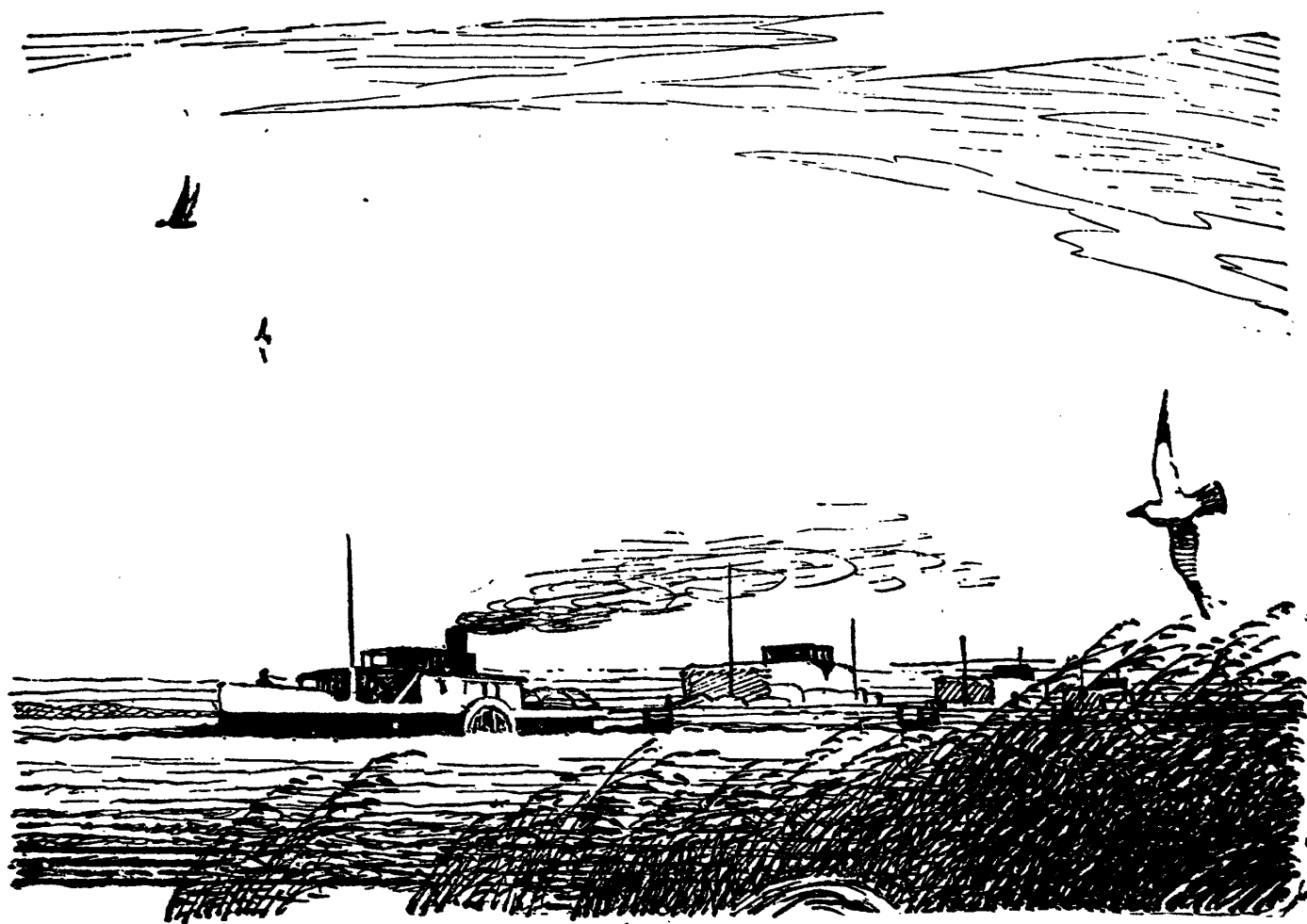
мимо народного суда, не снять почтительно шляпу, отдавая дань уважения советскому судье — совести нового мира: того мира, по законам которого за взяточничество карают, как за тяжкое преступление против народа!

Сотни других такого же рода сопоставлений невольно приходят в голову, когда озираешь Узбекистан с рубежа советской земли. Каждая черта нового, ставшая для нас повседневной, обычной, обретает здесь всю изначальную, трепетную силу и полноту жизни. Взволнованные зрелищем созданного нами нового мира, обнимая отсюда его одним взглядом, мы, стоя спиной к границе, лицом к узбекистанской земле, чувствуем за своими плечами миллионы глаз. Они смотрят на то же, на что и мы: на республику, что над мраком средневековья высоко вознесла вверх свой сверкающий купол, республику, которую, говоря без прикрас, точным, бьющим прямо в цель языком государственных деятелей и ученых, можно теперь с полным правом назвать социалистическим маяком на Востоке.

В ХОРЕЗМЕ

1. БЕЗУМНАЯ РЕКА

Любите ли вы путешествовать? Грезится ли вам по ночам та «трудовая, по временам неприветливая, но зато свободная и славная странническая жизнь», о которой с таким воодушевлением писал замечательный русский путешественник Н. М. Пржевальский? Если жизнь эта по сердцу вам, если заманчивы для вас подстерегающие путешественника приключения и связанные с ними трудности, которые потом «легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья», — словом, ежели владеет вами истинная любовь к путешествиям, непременно от Термеза до Хорезмского оазиса спуститесь водою вниз по Аму-Дарье.

Если к тому же захотите вы испытать все разнообразие удивительных приключений, какими дарит путника Аму-Дарья, поезжайте не на весельной лодке вольной птицею и не на пассажирском пароходе скаучающим пленником салона, а в той дружной трудовой семье, которую составляет команда буксирного парохода.

Не спрашивайте капитана, за сколько дней доберетесь вы до Хорезма. Быть может, тысячекилометровый путь этот вы покроете за неделю, а то и за две недели или за месяц, а может, и за полтора месяца — дело удачи. Ведь такой своенравной реки и такого странного судоходства нет почти нигде в мире, лишь «Река тысячи огорчений» — Хуайхэ — да Миссисипи, капризный нором которой воспет Марком Твенном, лишь они одни могут соперничать в этом с Аму-Дарьей, «безумной рекой».

Начать с того, что Аму каждый год отнимает у людей поля, сады, огороды. Здесь так и говорят: «Дарья взяла». Она внезапно бросается на берег, мимо которого десятилетия текла как ни в чем не бывало, и начинает яростно отсекал от него пласты земли, иногда за сутки десятки метров в ширину. Географ Б. А. Федорович в своей книге «Лик пустыни» пишет: «Побудьте летом ночью на берегу Аму, и вы услышите то тут, то там быстрые всплески, глухие удары, мощные гулы и уханья, как от отдаленных залпов тяжелых орудий. Это воды вечно блуждающего древнего Окса, или Джейхуна, разрушают свои берега».

Среди рассказов о погубленных рекою селениях ближе к нам и поэтому для нас интересней других широко известная, вошедшая в учебники история войны города Турткуля с Дарьей. Еще на моей памяти от Турткуля до Аму было километров десять пыльной дороги, по которой извозчики возили с пристани пассажиров. Тогда-то Турткуль сделался первой столицей Кара-Калпакии и начал быстро расти и обстраиваться.

Неожиданно река стала приближаться к городу. Сперва все турткульцы, кроме извозчиков, обрадовались: какое удобство — пристань будет под боком! Потом, когда год за годом река начала подходить к городской окраине, забеспокоились: а ну как Аму не остановится и ворвется на улицы! Для защиты был создан специальный строительный трест «Дейгишстрой»: дейгиш — местное слово, означающее наступление Аму на свои берега.

Чего только не перепробовали инженеры, защищая Турткуль! Но в результате, как об этом хорошо написано в том же «Лике пустыни», к тому времени, «когда воды Аму дошли до жилых зданий Турткуля, было подсчитано, что весь городок стоит значительно меньше, чем защита его от водной стихии Аму. Нужно ли было продолжать этот труд? Не разумнее ли было те силы и средства, которые непрерывно тратились для борьбы с коварной и могучей рекой, израсходовать на сооружение нового города, лучшего, большего, заложенного в более удобном и безопасном месте?» Правительство Кара-Калпакии приняло решение покинуть Турткуль и создать новую столицу. Так родился город Нукус.

С причудами и воинственным пылом этой необыкновенной реки столкнетесь и вы, пустившись по ней в плавание.

Буксирный пароход идет вниз по Аму, выбрасывая из-под колес кружевные потоки пенной воды. Позади себя он ведет две счаленные

бортами баржи. Хотя большая часть среднего течения реки проходит по Туркменской республике, плавают на Аму почти исключительно хорезмские узбеки. Они и капитаны, и штурвалы, и матросы, ибо Аму — дорога в Хорезм.

Дорога в Хорезм! Чем глубже в пустыню, тем небо становится ярче, синее. Справа на Аму наступают сперва желтовато-серые, а потом и оранжевые пески Кзыл-Кумов, слева — серые Кара-Кумов. Время от времени мимо проплывает тугай — широкая полоса кустарников и деревьев, переплетенных лианами. На краю этих прибрежных джунглей, вдоль самого берега, не боясь ни людей, ни парохода, сверкая ярким оперением, смело ходят фазаны.

А посреди огромная Аму, величавая, великолепная Аму катит свои мутные воды. И над нею в полдень волнуется и дрожит сильно нагретый нижний слой воздуха, беспрестанно изменяя очертания далеких предметов: встречного парохода, что тащит за собой груженные хлопком баржи, каракульской отары, спустившейся к реке на водопой, колхозного каюка, над которым реет черный прямоугольный парус.

В красноватой воде Аму не отражается зелень ее берегов. Не отражаются ни небо, ни облака, ни песчаные барханы, подступившие к самой воде. Недаром арабы называли ее Джейхун — Грязной рекой. Если в половодье взять из нее кубометр воды и выпарить, останется больше трех килограммов высушенного ила. Сила течения, кроме того, увлекает за собой струи песка. Ни один солнечный луч не загорится в мутных водах Аму, не сверкнет ярким отблеском на их гребнях.

Когда пароход идет близ берега, зеленая цепочка камышей и нависающие над ними песчаные барханы мчатся мимо с такой быстротой, будто смотришь на них из окна курьерского поезда: одна только скорость течения Аму в паводок достигает четырех метров в секунду. Но вот пароход вздрагивает всем корпусом, наткнувшись на мель. Баржи, мчащиеся позади на длиннейшем тресе, мгновенно нагоняют пароход; сила течения вдоль его борта, помноженная на усилия штурвалы, увлекает баржи вбок, и они садятся на мель чуть в стороне.

Стоит командам парохода и барж замешкаться, — быть беде. Меньше чем через двадцать минут позади барж из-под воды появится остров. Да, да, настоящий остров. Он станет быстро расти, хотя бы дело было и посреди реки. Споткнувшись об этот остров, Аму способна метнуться в сторону иногда километра на два, устремиться по новому руслу и оставить баржи далеко на сухом берегу. Сколько подобных историй могут рассказать аму-дарьинские водники!..

Однажды, например, в такую переделку попала баржа «Москвичка». Река убежала от нее на полтора километра. С другого борта баржи, насколько хватал глаз, простирались пески Кара-Кумов. «Москвичка» везла кондитерские изделия из Чарджоу в Хорезм. От жары они могли быстро испортиться. И девушки-водоливы, получив с попугным парохо-

дом разрешение от начальства, открыли в Кара-Кумах кондитерский магазин. К барже, словно к новому колодцу, со всех сторон потянулись цепочки следов кара-кумских чабанов-каракулеводов. Только спустя шесть с лишним месяцев Аму возвратилась, подняла «Москвичку» и потащила по течению, пока ее не подобрал первый встретившийся буксирный пароход.

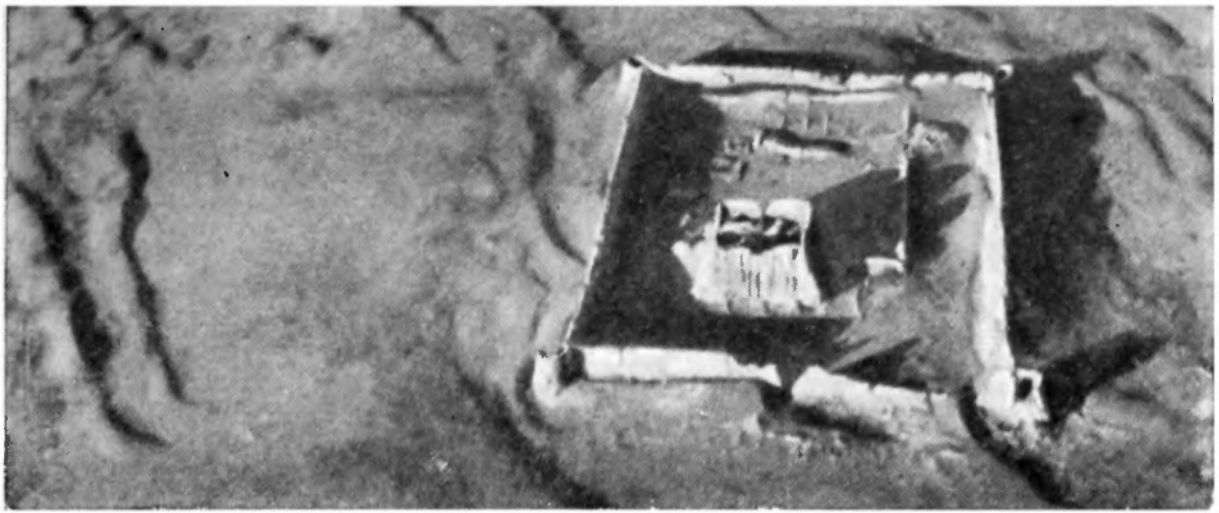
Обычно, однако, едва пароход садится на мель, происходит другое. Баржи с лихорадочной быстротой расчаливаются, и каждую в отдельности команда старается с помощью руля, шестов и «кошек» с канатами поставить носом к течению, чтобы вода мягко обтекала борта. Задача баржевых: удержать на месте реку, могучую, огромную, шириною в добрых полтора-два километра, но норовистую, готовую при ничтожном препятствии метнуться в сторону.

Тем временем пароход, разгребая колесами грязь и песок, подобно гигантской черепахе, подползает по мели к ближайшей барже и поворачивается к ней под таким углом, что струя реки, бегущая из-под его борта, начинает баржу подмывать. Недаром об аму-дарьинском судоходстве говорят, что здесь не водный, а земноводный транспорт. Снабженный мощной машиною пароход большую часть своего времени в плавании ползает по мелям и способен двигаться даже посуху. Пользуясь маневрами, столь сложными и бесчисленными, что о них можно бы написать отдельную книгу, пароход в течение нескольких часов стаскивает баржи с мели, счаливает их, наконец пускается в дальнейшее плавание. И опять он мчится с быстротою курьерского поезда, чтобы через час или полчаса, а может быть, через три минуты налететь на новую мель.

Я слышу удивленный возглас читателя: а бакенщики, где же бакенщики? Есть, есть на Аму бакенщики! С утра до вечера бороздят на челноках они реку, совершают промеры, расставляют вешки. Однако Аму быстрее бакенщиков. Не успевают они отъехать от вешки полсотни шагов, а фарватер в реке уже убежал на сто шагов в сторону. Аму только и делает, что меняет фарватер. «Зачем же тогда бакенщики?» — в недоумении спросите вы. А без них еще хуже. Бакенщики встречают пароход на опасных участках. Следя за рекой, они примерно знают, куда в последние часы уклоняется основное течение, каким протоком, огибая остров, пароходу вернее пройти. Так что кое-какой толк есть и от них.

Но почему же тогда на опасных участках не поставят землечерпательный караван, чтобы поддерживать фарватер искусственно? Делают же так на других реках!

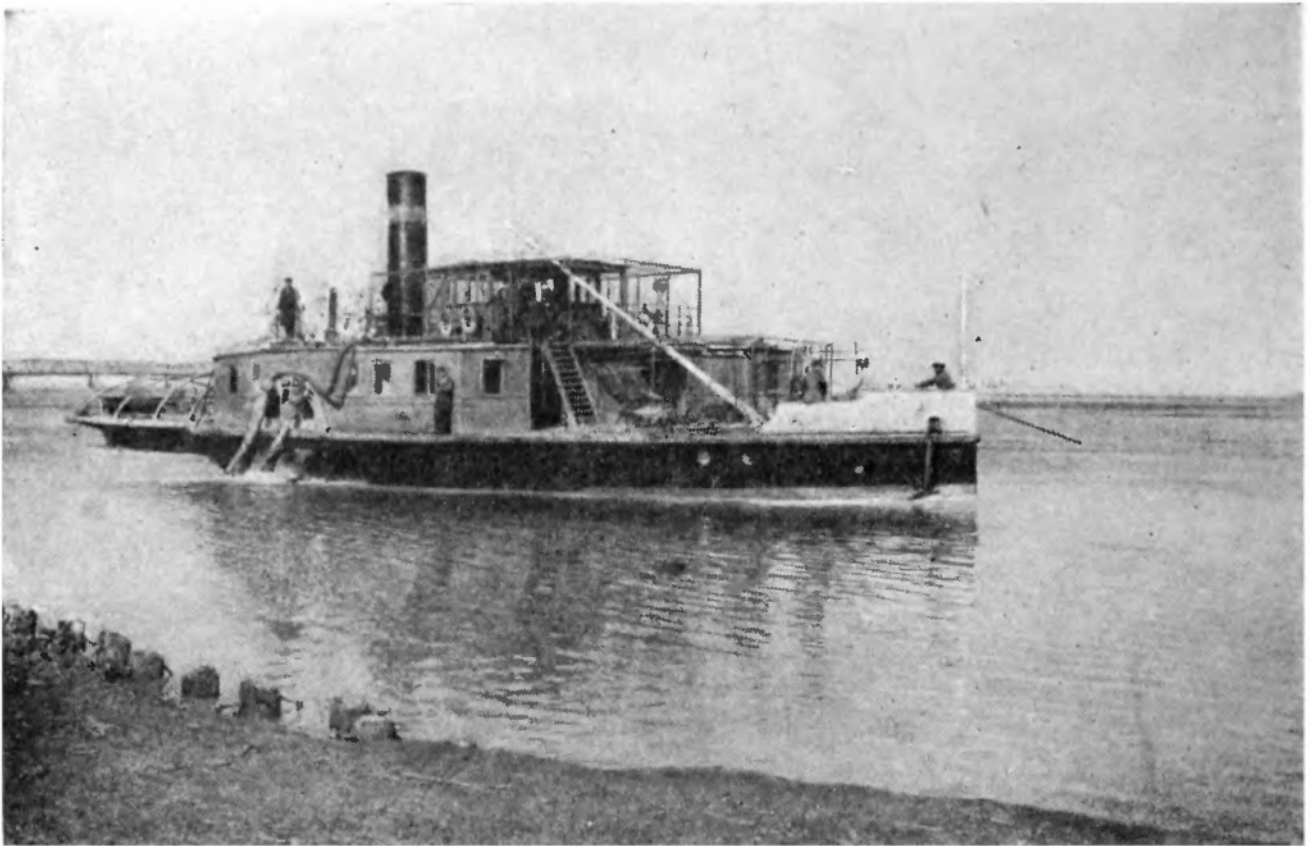
На других... Привезли как-то на Аму землесос. Поставили посреди реки. Стал он отсасывать песок и гнать его по трубам на берег. Невзначай механик обернулся — и ахнул: позади землесоса в несколько минут образовался остров — хоть стадион открывай! Слишком Аму свободна, быстра и увертлива — неуклюжим увальнем оказался по сравнению с ней землесос.

Развалины Тешик-кала.

«Аниковское блюдо».

На Аму-Дарье.

Хлопковый караван.

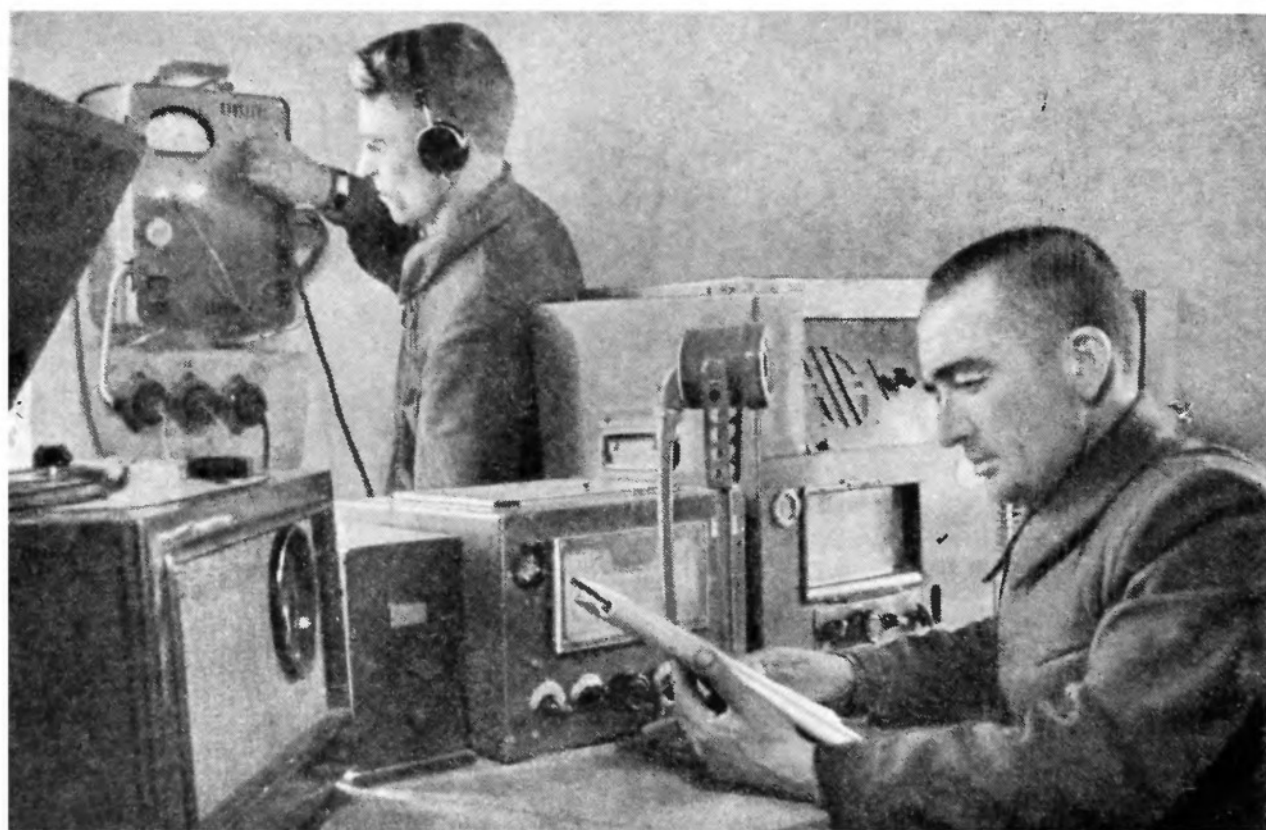
Ранняя весна.

На улице Ургенча.

Хивинские ковровщицы.

В колхозном радиоузле.

И, однако, советские водники перехитрили Аму. На опасных перекатах начали они оказывать пароходам помощь мгновенного действия. Закроет река фарватер перед самым носом у парохода: мол, попробуй пройди. Но на помощь пароходу уже спешит взрывная команда. Плышет поперек переката груженная минами лодка. Взрывники бросают мины в воду, и за лодкой, словно гигантские свечи, взлетают в небо струи воды и песка. А следом мчится пароход с баржами: каждая секунда дорога, надо успеть проскочить, пока Аму вновь перекат не закрыла.

И все же, несмотря на взрывные команды и бакенщиков, ни один капитан с другой реки на Аму работать не может. Ведь главное, чем руководится капитан аму-дарьинского парохода, — не расставленные бакенщиками оградительные знаки, не лоции, не знание плесов, а следы на воде. Да, следы на воде. Он читает великую книгу реки так же легко, как житель пустыни читает книгу песков.

Вон те воронки водоворотов меж гладких, темных, как бы выпуклых овалов воды, выносящихся на поверхность, указывают, что река тут меняет фарватер. Черточки и круги на светлой водной глади — что там мель. Веер трепещущих ямок — что мель размывается... Каждая полоса на воде, каждая бороздка, каждая морщинка читаются капитаном строка за строкой. И на каждой странице написано новое, — стоит капитану отвернуться от реки, как пароход тотчас же сядет на мель. Поэтому-то аму-дарьинские пароходы ходят только днем и в безветренную погоду: ночной мрак поглощает, а ветер стирает рисунок воды.

Капитан стоит на крыле капитанского мостика перед рупором в машинное отделение. Его рука — рука дирижера. Не отрываясь, капитан смотрит на реку, штурвальный — на руку капитана. Она свободно простерта в воздухе. Каждое движение пальца, ладони капитана сейчас же отзывается на руке штурвального, поворачивающего рулевое колесо. Время от времени капитан взмахивает рукой над головой, и тогда штурвальные барж, которые тоже издали следят за капитанской рукой, начинают бешено вращать свои рулевые колеса. Так пароходу с баржами иногда удается с головокружительной скоростью пройти змейкою меж самых головоломных мелей.

Двое ворот, две скалистые теснины завершают дорогу в Хорезм: Дуль-Дуль-Атлаган и Тюя-Муюн. Свернутыми в жгуты волнами устремляется Аму в горловину одной, потом в горловину второй теснины и в воронках водоворотов и пене мчится сквозь них. В самом узком месте Тюя-Муюна река сжата каменными грядами до трехсот пятидесяти метров.

Миновав Тюя-Муюн, пароход вновь входит в широко разлившееся русло Аму. И слева перед глазами возникают — за соляной пристанью, за бунтами белоснежного хлопка на пристани Шарлаук — неожиданные после долгих дней путешествия по реке среди двух пустынь темнозеленые цепи деревьев, чем дальше, тем все ботее густые, сливающиеся на горизонте в необозримый сад. Это и есть Хорезмский оазис.

2. ПО СЛЕДАМ ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Шестнадцать лет назад, в 1937 году, в Хорезм приехала впервые археологическая экспедиция Академии наук СССР во главе с замечательным советским археологом С. П. Толстовым. Караван экспедиции двигался близ нынешнего Хорезма на противоположном, кара-калпакском берегу Аму-Дарьи, по так называемым землям «древнего орошения». Вокруг каравана всюду, насколько хватал глаз, до самого Султан-Уиз-Дага, хребта, синевшего на горизонте, высились меж песчаных гряд и такыров стены разрушенных крепостей, замков, жилищ: целая древняя разрушенная страна.

Участники экспедиции бродили по мертвым городам и мертвым селениям, опасаясь наступить на змею, единственную жительницу этих покинутых мест. Идя среди развалин по земле, усыпанной битыми черепками, археологи то и дело поднимали из-под ног обломок медного предмета, или целое бронзовое украшение, или бусы, или вырезанную на камне печать, или изображение всадников и фантастических животных. В некоторых глинобитных постройках I—III веков нашей эры, например в крепости Аяз-кала, сохранились даже своды древних коридоров. Такая необыкновенная сохранность объясняется тем, что тут почти мировой минимум осадков: снега и дождей выпадает за год меньше ста миллиметров.

Всегда будет жить в памяти участников экспедиции день, когда один из сотрудников Толстова, археолог А. И. Тереножкин, остановился в изумлении перед крепостью Тешик-кала. Он видел эти руины впервые и все же мог поклясться, что где-то видел их раньше, — так они были знакомы ему. Долго силился вспомнить археолог, где он мог видеть их, и неожиданно вспомнил: на «аниковском блюде».

Задолго до революции, в 1909 году, на Северном Урале было найдено в земле древнее серебряное, позолоченное блюдо. По имени деревни, возле которой его откопали, оно было названо «аниковским». Археологи купили его для Государственного Эрмитажа, где оно хранится поныне.

На этом древнем блюде изображен красивый замок. На верху замка стоят в шеломах, с оружием в руках воины. На зубцах башни висят двое казненных. Ниже, на террасе второго этажа, трубят в рога музыканты. Из замка торжественно выносят урну с прахом, вероятно с прахом героя. Женщины выглядывают из балкончиков, прилепленных к замку. А вокруг замка толпятся верховые вооруженные воины.

Когда блюдо было найдено, археологи пришли к единодушному выводу, что это древнее иранское блюдо времен династии Сасанидов. Изучая изображение замка на блюде, ученые написали немало статей об иранской архитектуре IV—V веков нашей эры, архитектуре исчезнувшей, не оставившей после себя памятников. И вот теперь оказалось, что

это блюдо не иранское, а древнехорезмийское. Развалины жилой башни крепости Тешик-кала повторяли изображение замка на блюде, его первый этаж.

Советские археологи поняли, что они находятся на пороге открытия неизвестной миру древней цивилизации. И когда они взяли здесь в руки лопаты, перед ними, а потом и перед всем человечеством действительно открылась новая, доселе неведомая интереснейшая страница истории.

Разливы Нила создали древний Египет, безумства Аму создали древний Хорезм. Плодороднейший ил в дельте великой реки, как и в Египте, был той почвой, на которой выросла в Хорезме высокая земледельческая культура. Борясь с рекой, защищаясь от ее нападений, люди создали сложнейшую ирригационную технику и культуру обработки земли. Тогда-то в глубокой древности именно здесь (как убедительно вытекает это из работ С. П. Толстова), в Хаварезме — Стране света, была написана зендавеста—священная книга маздеистов, поклонников культа огня.

Но наивысшего расцвета культура Хорезма достигла позже: начиная с IV века до нашей эры и по IV—V века нашей эры. В это время в дельте Аму образовалось могущественное государство со своей особой формой антично-рабовладельческого строя. Несколько сот крепостей, дворцов, замков и укрепленных усадеб сохранилось от этой эпохи. Из них археологами раскопано пока только около двадцати. Однако уже открыты хорезмийский алфавит и письменность, найдено множество монет, маленьких терракотовых статуэток и уйма предметов домашнего обихода: посуда, куски тканей, цветных ковров, гобеленов, кожаная обувь, бронзовые гвозди, зерна пшеницы и проса, семена винограда и дынь. В замке Тешик-кала найдена даже древняя хлебная лепешка, разломанная, может быть, руками той красавицы, что выглядывает из балкончика на «аниковском блюде». Жизнь доселе неведомого древнего государства стала шаг за шагом оживать перед глазами советских ученых.

С. П. Толстову удалось объяснить и рисунок «аниковского блюда». На нем изображена месть за Сиявуша. Этому трагическому эпизоду посвящено немало страниц в знаменитой эпической поэме «Шахнамэ» Фирдоуси. В ней рассказывается о мудром царе Сиявуше, которого предательски убили заговорщики. Сын Сиявуша Кей Хосров вернулся на родину в свою столицу Кангдиз и, отомстив убийцам Сиявуша, присутствовал при торжественном выносе урны с прахом своего отца из родового замка.

Среди руин хорезмийского города Топрак-кала советским археологам удалось отыскать трехсоткомнатный дворец и в нем стенную живопись III века нашей эры, живопись такую своеобразную, что сразу стало ясным: перед нами открылась новая глава в истории античного искусства.

То это панель, где темной краской по голубому фону изображены волны, в которых плавают белые с красным рыбы, и над панелью — люди и животные, виноградные гроздья и листья, написанные по черному и красному фону. То на серо-сизом фоне панели — черная чешуя, а над нею на алом фоне — всадники. То на синем фоне — розовые, реалистично выписанные лица людей. То серо-сиреневый фазан, то охота на тигров, то мирный сбор фруктов...

В одном из залов археологи раскопали галерею скульптур хорезмийских царей: портретно вылепленные статуи в человеческий рост из необожженной глины, окрашенные в разные цвета. Лица статуй телесного цвета. Одежды зеленые, голубые, розовые, красные, черные. Орнамент вышивок передан многоцветной краской. Есть среди этих скульптур статуя хорезмийского царя Вазамара: на его голове корона в виде белого орла. Есть среди них статуя Анахиты — богини плодородия и вод Аму-Дарьи, с гранатом в руке.

Время чудесно пощадило памятники этого царства. Совсем недавно, в 1948 году, был найден архив древнехорезмийских текстов на дереве, коже и бумаге. Раскопки античного Хорезма едва ли не самая интересная из археологических работ, ведущихся сейчас в мире.

Найденные хорезмской экспедицией предметы и материалы говорят о том, что Хорезм был не только центром цивилизации Средней Азии, но и историческим центром ее обороны от вторгавшихся в Среднюю Азию чужеземных завоевателей.

Массагеты (Толстов доказал, что народ, который древние греки называли массагетами, это и есть хорезмийцы) разбили наголову полчища основателя древнеперсидского царства могущественного царя Кира, когда тот вторгся в Среднюю Азию. В Хорезме укрывался и вооружал свое войско народный герой древней Средней Азии, прославленный согдиец Спитамен, в течение трех лет возглавлявший героическую борьбу среднеазиатских народов против чужеземного завоевателя Александра Македонского.

Хорезмийская конница в составе парфянских войск нанесла в 53 году до нашей эры в битве при Каррах страшное поражение римским легионам триумвира Марка Лициния Красса. Битва при Каррах навсегда остановила экспансию Рима на Восток. Хорезмийцы же возглавляли сопротивление народов Средней Азии нашествию арабов. Арабы во главе с Кутейба-ибн-Муслимом ворвались в Среднюю Азию в VII веке, грабя храмы, сравнивая с землей города. И особенно рьяно они постарались смести с лица земли города своих главных врагов — хорезмийцев.

Великий хорезмийский ученый XI века Ал-Бируни в своем историческом сочинении «Следы, оставшиеся от минувших народов» писал: «И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных

знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама». Истинные знания об этом прошлом теперь открывают советские археологи. Год за годом они все выше поднимают занавес над картиной жизни античного Хорезма, одного из крупных центров древней цивилизации.

На арабском завоевании история древнего Хорезма еще не кончается, кончился лишь античный ее период. Хорезмийцы поднимали против арабов не одно восстание, из них известнее всего восстание Хурразада. Владычество арабов в Средней Азии продолжалось недолго. Народы Средней Азии быстро восстановили свою самобытную культуру, а в X веке создали свое собственное государство. К этому времени относится и новый расцвет Хорезма.

В средневековом Хорезме родилась алгебра: классик узбекской культуры и зачинатель узбекской науки, знаменитый Мухаммед бин-Муса Ал-Хорезми разработал в IX веке первые два вида алгебраических уравнений и сильно продвинул вперед мировую математику. Недаром имя Ал-Хорезми в искаженной средневековой транскрипции — «Алгарифми» — дало начало математическому термину логарифм. Ал-Хорезми был, кроме того, астрономом и сконструировал угломерный прибор — астролябию, более совершенную, чем существовавшие до него.

В Хорезме XI века жил и трудился гениальный средневековый ученый — математик, астроном, минералог и историк Абу-р-Райхан Ал-Бируни, о котором на сессии Академии наук СССР, посвященной девятистолетию со дня смерти Бируни, С. П. Толстов говорил:

«Великий новатор Бируни по ряду решающих проблем науки шел на полтысячелетия — а то и много больше — впереди своего времени... Бируни разделял учение о притяжении к центру Земли и гелиоцентрическое учение, предвосхищая открытие Коперника. Его поразительные по своей тонкости соображения о роли естественного отбора среди растений и животных до известной степени предвосхищали открытие Дарвина. Его учение об образовании Североиндийской и Туранской низменностей в общей форме предвосхитило теорию, разработанную Леонардо да Винчи на материале Ломбардской низменности, а в своей конкретности в применении к истории Турана перекликается с выводами нашей отечественной науки от Мушкетова до современных советских палеогеографов. Представления, сходные с его описаниями морей и континентов Старого Света, и истории европейской картографии слагаются лишь в XV—XVI веках. На столетия обогнали развитие мировой науки учения Бируни о гидростатике фонтанирующих источников, об удельном весе минералов и целый ряд других его открытий и обобщений, в которых он почти не имел предшественников».

В своей научной деятельности Бируни шел к материалистическому объяснению явлений. Он резко возражал против господствовавшего в его время смешения науки с религиозными суевериями, высмеивал

астрологов. В книге «Хронология древних народов» Бируни писал: «Прежде всего мы должны очистить свой ум от всех тех случайных обстоятельств, которые... способны сделать людей слепыми перед истиной, а именно: от устарелых обычаев, фанатизма, соперничества, страстного желания приобрести влияние...» Вместе с Ибн-Синою Бируни закладывал основы научного метода.

В XII веке Хорезм становится центром огромного феодального государства Хорезмшахов, границы которого простирались от Ферганы до Грузии, от Инда до казахстанских степей. Развалины городов средневекового Хорезма пока еще почти не раскопаны, но тоже найдены, нанесены на карту и описаны археологами хорезмской экспедиции Академии наук СССР. Самые интересные из них находятся в Кара-Кумах, недалеко от туркменского городка Куня-Ургенча. Там над песками возвышаются бугры причудливой формы, разбросано несколько полузасыпанных мечетей и мавзолеев и нелепо торчит прямо из голой земли минарет, похожий на огромный палец, указывающий в небо. Это все, что осталось от Гурганджа — столицы империи Хорезмшахов, города, героическая оборона которого против монголов вошла в мировую историю.

Осенью 1219 года, когда известный путешественник Якут бродил по улицам Гурганджа, восхищаясь его многолюдными кварталами, мостами, каналами и увеселительными садами, ни он и никто из горожан, оказывавших ему гостеприимство, не знали, что над Хорезмом уже нависла беда: к Средней Азии двигался с Иртыша бесчисленный лес копий монгольских орд Чингиз-хана. Монголы прошли сперва по южной части Средней Азии, превращая все в пепел, кровь и огонь. И лишь после того как государство Хорезмшахов было разрушено, когда, по выражению одного историка, «большинство селений и городов по слову пророка сделались равнинами и долинами, и не видно стало на земле ни изгибов, ни возвышений», — тогда соединенные войска Чингизовых сыновей — Джагатая, Угедея и Джучи — двинулись в Хорезм и осадили Гургандж.

Полгода монголы осаждали город и не могли ворваться в него. Когда же ворвались, им пришлось брать с бою каждый квартал, каждую улицу, каждый дом. Стараясь выкурить оборонявшихся горожан, монголы зажигали дома горящими сосудами с нефтью. Защитники Гурганджа так дружно тушили пожары, что монголы попытались даже отвести от города Аму-Дарью, оставить его без воды.

Отвести реку им не удалось. Но город они в конце концов заняли. Сто тысяч горожан было перебито, и, согласно хвастливым летописям монголов, «еще осталось каждому воину по 24 пленника». Разрушив Гургандж, монголы уничтожили плотину и затопили город, чтобы на земле стерлась самая память о нем. Потом, в XIV веке, Гургандж посетил писатель Ибн-Батута и увидел: улицы города вновь так многолюдны, что по ним трудно пройти. Немного погодя Гургандж был

вновь разрушен Тимуром. Но город родился в третий раз и опять стал столицей Хорезма, пока в XVI веке его не уничтожила навсегда Аму.

Она не затопила его. Она просто ушла от Гурганджа. В течение столетий русло Аму от ила поднималось все выше, отодвигая реку назад. Посланец Ивана Грозного, посетивший Гургандж в 1558 году, писал, что, «повидимому, страна эта скоро придет в запустение по недостатку воды, когда река Оксус прекратит свое существование». Это предсказание сбылось спустя пятнадцать лет.

Самолеты археологической разведки каждый год находят в песках вокруг Хорезма новые и новые памятники средневековья: кроме городов Наринджана, Миздахкана, Замахшара, отысканы развалины городов Адака, Терсека, Вазира, Курдера и масса крепостей, мавзолеев, кладбищ. Они образуют обширное мертвое кольцо в пустынях вокруг пынешнего Хорезма.

Археологи хорезмской экспедиции смотрят не только в прошедшее. Как и все советские люди, они горячо интересуются настоящим и мечтают о будущем. Удивительно ли, что с особенной тщательностью исследовали они, зарисовали и нанесли на карту русла древних ирригационных каналов: ведь каждый из этих каналов можно восстановить, и тогда жизнь вернется в пустыню.

Благодаря работе ученых хорезмской экспедиции один из таких древних каналов недавно восстановлен, вода уже побежала по его руслу. Это канал, несущий воду на земли древнего орошения Кырккыз. Следом за водой на земли эти в пустыню пришли колхозники, выросли селения, расцвели поля хлопчатника, был воздвигнут хлопкоочистительный завод. Археологи принесли в пустыню жизнь. Недалек день, когда жизнь вернется в некоторые другие мертвые города и селения Хорезма. И тогда советские археологи смогут смело сказать, что в этом деле есть их доля труда.

3. В УРГЕНЧЕ

Было это летом 1948 года в Ургенче — нынешней столице Хорезма. Я стоял на крылечке дома, где остановился. Передо мной на фоне закатного неба вырисовывались черные, словно обугленные, силуэты деревьев. Меж ними светились ставшие апельсиновыми глинобитные кровли домов. Вдали темными пятнами выделялись новые здания: проемы их окон были залиты кровавою краской. И вот в то мгновенье, когда, перед тем как померкнуть, картина эта вдруг напоследок вспыхнула огромной грудой углей, когда всюду, где была глина, я увидел мрамор и золото и мне почудилось, что я внезапно перенесся в один из фантастических городов, какие существовали лишь в народных сказках, — в это мгновенье в глубине улицы показалась голова каравана.

На город уже опустилась ночь. Но и во тьме было видно, что верблюды несут свои шеи так, будто головы их сделаны из драгоценного и хрупкого материала и верблюды боятся уронить их, разбить. На верблюжьих боках светлыми пятнами рисовались объемистые тюки. «Наверное, вот в том тюке, — думал я, погрузившись в мечтания, — спрятана схваченная в пустыне и насильно увезенная красавица жена Кунтугмыша (героя прочитанной мной накануне эпической узбекской поэмы), а по следам каравана пустынею спешит сюда и сам Кунтугмыш, держа двух своих детей на руках»:

Он не может мать заменить,
Он не может их накормить,
Он беспомощен средь степей
С ношей плачущею своей.
По следам, по следам за ним —
За чужим караваном людским —
Он бежит, чтоб жену догнать,
Чтобы счастье свое отнять.
Видит он обрывки тряпья,
Стаи сытого воронья,
И разбитую пиалу,
И остывших костров золу...

С яркостью представил я себе Кунтугмыша, бегущего пустынею по следам этого каравана, когда неожиданно услышал невдалеке звонкий детский голос:

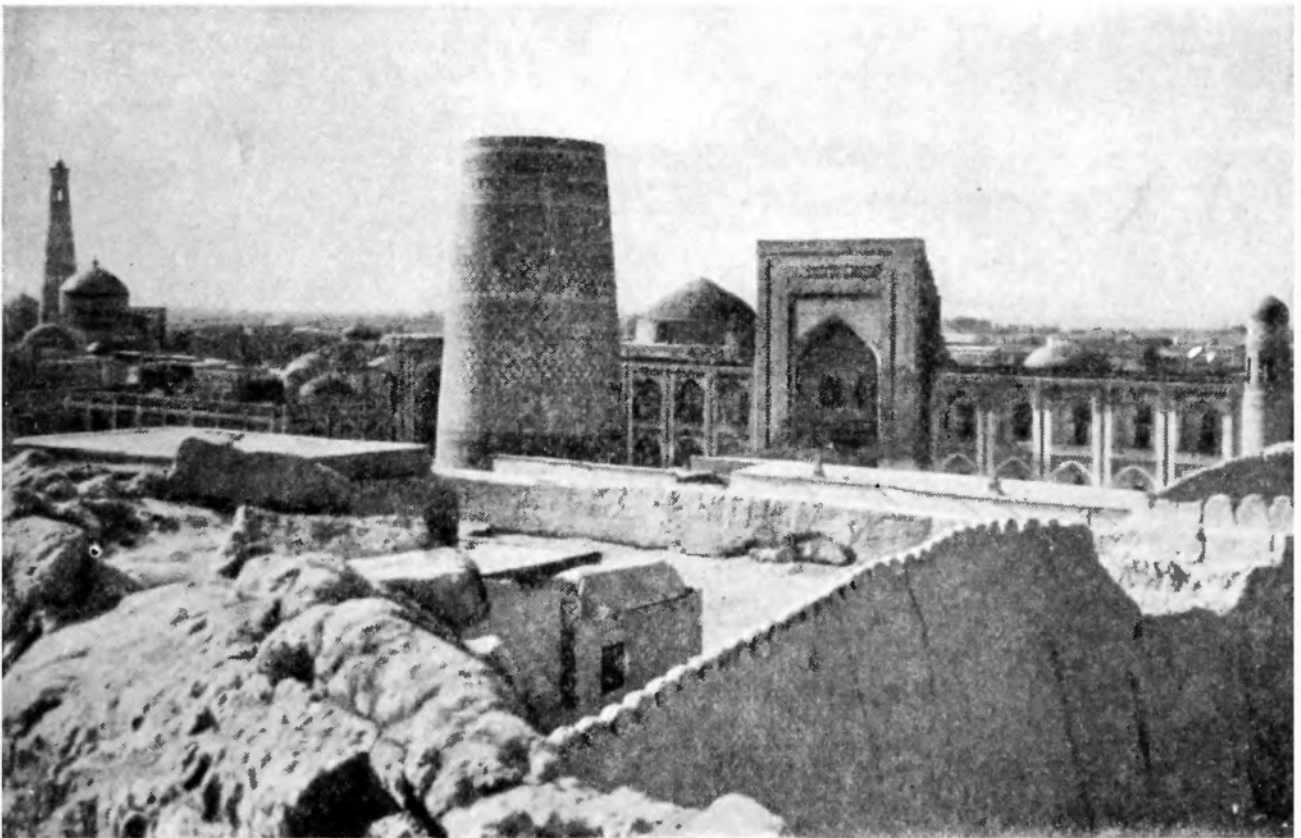
— Мама! Мама! Учебники привезли!

Вот как! Значит, это тот самый караван, о котором только накануне я слышал в отделе народного образования: одна учительница спрашивала с беспокойством, — мол, поспеет ли он к началу учебного года. «Караван с учебниками?» — с недоумением спросите вы. Да, караван. «В наше время?» Да, в наше время: в эпоху пневматических молотков и скоростных самолетов, телемеханики и физики атомного ядра.

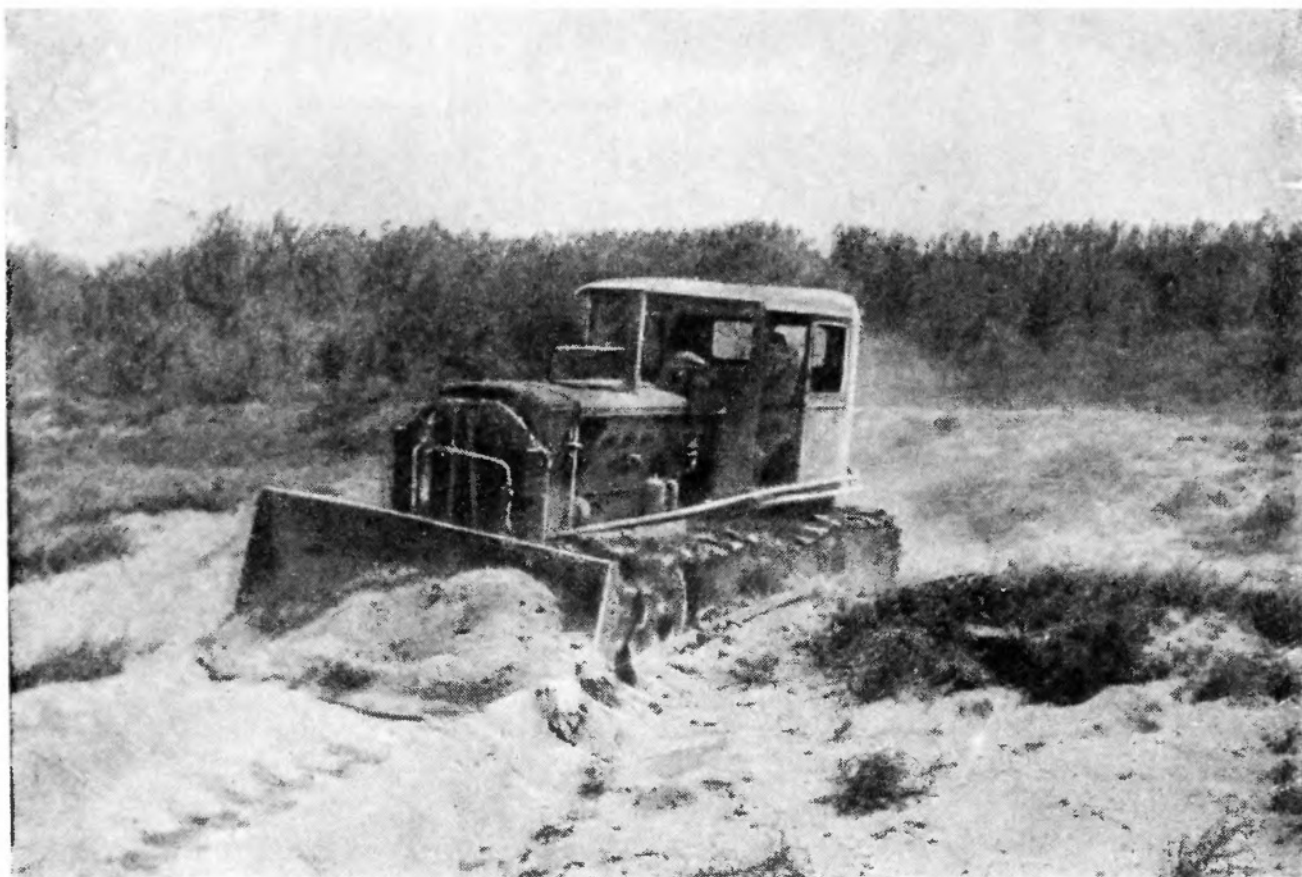
В Средней Азии говорят: «Если тесен твой сапог, что пользы от широты вселенной». У Хорезмского оазиса недавно был один очень тесный сапог: транспорт. Почти в пятистах километрах находилась от Ургенча ближайшая станция железной дороги — Чарджоу. Водники, неустанно борясь с «безумной» Аму, не в состоянии были перевезти и половины грузов, которые необходимы области, бурно перестраивающей свою жизнь на социалистический лад. Поэтому даже хлопок приходилось иногда вывозить из Хорезма на самолетах. Даже горючее сюда приходилось доставлять по воздуху. Чтобы понять, что это значит, не надо быть хозяйственником. Достаточно сказать, что когда в Чарджоу на самолет погружали для Хорезма полторы тонны горючего, сам самолет за рейс в оба конца съедал половину этого горючего: около семисот пятидесяти килограммов.

Хивинские авиамodelисты.

Город Хива.

Вокруг Хорезмского оазиса идет борьба с песками.

Колхозники сдают хлопок государству.

Не меньше горючего пожирают и грузовики, караваны которых бегут к Хорезму сквозь «синие пески»: так в шутку величают Каракумы местные шоферы, — ведь через автомобильные очки они видят пустыню синей. Кроме горючего, здесь, под жгучим солнцем пустыни, грузовикам нужна еще и вода, много воды, особенно когда ветер в спину. Ветер в спину не охлаждает мотора, и радиатор под проклятья шоферов беспрестанно кипит, требуя огромных запасов воды. Вот почему хорезмские хозяйственники до совсем недавнего времени грузовикам порой предпочитали верблюдов, которые могут не пить по пятнадцати дней в книжках и по семи суток в действительности.

«Верблюды с олифой сегодня утром прошли мимо колодца Каска-Кудук, есть радиограмма...», «Зайди-ка по пути за боржомом в аптеку: говорят, вчера самолет аптекоуправления прилетел..», «Подожди, справим новоселье, когда добредет до нас баржа с вином...». Такого рода фразы доводилось мне слышать постоянно в городе Ургенче — центре нынешнего Хорезма.

Для нас, жителей городов, расположенных на железной дороге, это звучит странно. Мы не думаем о том, что каждый час к нашим станциям прибывают грузы, для нас это естественно, как биение сердца, как дыхание, которого мы не замечаем. В Хорезме же до последних дней с транспортом было необычайно сложно!

Когда это знаешь, с совсем особым чувством осматриваешь Ургенч. Спору нет, он отстал в развитии от других центров социалистического Узбекистана. Но ведь оборудование шести крупных хорезмских хлопкоочистительных заводов доставляли сюда в верблюжьих вьюках и на баржах! Каждый лист кровельного железа привозили на самолете! Поневоле удивляешься не тому, как мало, а тому, как много сумели сделать здесь советские люди.

Они остеклили свой город, недавно еще не знавший оконных стекол. Они осветили его электричеством, воздвигнув Шаватскую ГЭС. Они провели водопровод, замостили и озеленили улицы, вырастили высотный парк, построили десятки современных городских предприятий, новые жилые дома, больницы, школы. И хотя в витрине книжного магазина в Ургенче еще совсем недавно отражались верблюды (пошевеливая округлыми маленькими красновато-серыми ушами, они стояли, пока из вьюков их выгружались книги), хотя по прорезающему город каналу Шават навстречу скользкой моторке и сейчас еще проплывает под стенами домов старинный каюк с черным парусом и зеркальцем на носу (колхозники везут в трюме каюка овощи на базар), хотя многие, очень многие ургенчские врачи, инженеры, политработники живут под прадедовской кровлей, — словом, хотя контрасты еще поныне определяют облик Ургенча, с каждым днем все явственнее проступают здесь и все глубже закрепляются черты нового: знакомые каждому советскому человеку, дорогие его сердцу черты социализма.

...Ургенчский педагогический институт. На балконе двухэтажного

здания института группа узбекских студентов — юношей и девушек — оживленно разговаривает. О чем? О строительстве новых высотных зданий в Москве. О скитальческой судьбе чилийского революционного поэта Пабло Неруды. О том, что одному из студентов, их товарищу, радиолюбителю-коротковолновику, в прошедшую ночь удалось связаться с советской китобойной флотилией «Слава», работающей в Антарктике. Весь мир интересуется их! В республике введено всеобщее семилетнее обучение, с каждым годом все больше становится школ-десятилеток: сколько же нужно для этих школ учителей! Вот почему нет в Узбекистане областного центра, где не было бы педагогического института. Ургенчский педагогический институт — только один из них.

...Ургенчская областная больница. Операционная, ослепляющая своей чистотой. Ровный свет матовых ламп отражается в стерильных кастрюлях, в хирургических инструментах, аккуратно разложенных на стеклянном столе. Вся операционная так насыщена светом, что кажется, даже белые халаты врачей, даже марля, которой затянуты вентиляционные отдушины, тоже излучают свет.

Советская медицина быстро покорила в Средней Азии сердца. Именно с врачами в первые годы советской власти часто начинали проникать идеи социализма в самые отдаленные кишлаки. В то время еще не хватало врачей, ничтожно мала была сеть сельских больниц, амбулаторий и по Узбекистану разъезжали врачебно-санитарные экспедиции.

Санитарные врачи этих экспедиций читали популярные лекции о санитарии и гигиене, и после их приезда в магазинах повышался спрос на мыло, зубные щетки, зубной порошок. Окулисты, проводя на месте сложные хирургические операции, возвращали зрение тысячам больных бельмами, трахомой, глаукомой и другими глазными болезнями. Каждый случай, когда слепой становился зрячим, приносил широкую популярность советским врачам. Бывало на врачей, особенно на хирургов, смотрели в то время, как на волшебников.

Постепенно медицина вошла в быт узбекского народа. Десятки тысяч врачей-узбеков, окончивших медицинские институты в Москве и Ленинграде, Ташкенте и Самарканде, пришли работать в бесплатные городские и сельские больницы, поликлиники, амбулатории. Советские врачи совершенно уничтожили в Узбекистане черную оспу и холеру, эпидемии которых были сущим бичом в дореволюционное время. В два раза врачи снизили в республике количество больных туберкулезом, во много раз снизили количество больных малярией, профессиональными болезнями, научились бороться с местными среднеазиатскими болезнями: папатачом, лейшманиозом, бруцеллезом, риштой. В каждом узбекском селении есть теперь амбулатория или лечебный пункт. И в каждом районе — больница с врачами всех специальностей.

Характернейшая черта, которая недавно еще бросалась в глаза всякому внимательному путешественнику в Хорезме, — то, что здесь

из-за оторванности оазиса, отдаленности его от железной дороги было особенно много студентов-заочников. Работая на предприятиях, в учреждениях, колхозах, они вместе с тем учились в далеких технических вузах, университетах. Когда покидаешь Ургенч, среди спутников по самолету, как правило, и теперь попадаются один-два заочника, летящие сдавать очередные зачеты в Ташкент, а то и в Москву. Среди них за последние годы появились заочники для Хорезма удивительные, которые учатся, — читатель, наверно, уже догадался где, — в техникумах и институтах железнодорожного транспорта.

В конце зимы 1947 года по всему Хорезму разнеслась волнующая новость: сюда решено было Советским правительством проложить железную дорогу; трасса ее должна была пересечь весь Хорезм, связать его с Ашхабадской железной дорогой (с Чарджоу), а в перспективе кратчайшим путем (через Александров-Гай, Саратов) и с центральными областями Европейской части Союза.

Той же весной, когда изыскатели вышли на трассу и летчики стали сбрасывать им с самолетов столбы, колышки и необходимый инструмент, в эти памятные всем дни каждый хорезмский колхоз засеял специальные сверхплановые поля и огороды. Урожай на них колхозники решили вырастить в подарок будущим строителям железной дороги.

Больше шестидесяти тысяч туркмен, узбеков и кара-калпаков двинулись в конце лета 1947 года к трассе дороги, чтобы сообща в течение месяца насыпать железнодорожное полотно всей южной половины дороги — от Чарджоу до Ургенча — и этим трудовым подвигом завоевать себе славу.

Разнообразнейшую помощь строителям оказали трудящиеся Ташкента, Ашхабада и других городов. Только на один узбекский участок строительства на самолетах было доставлено двадцать три радиостанции, сорок красных чайхан, пять зубокабинетов, двадцать лечебниц, множество звуковых кинопередвижек, концертных бригад, выездных редакций газет, почтово-телеграфных контор, магазинов.

За месяц железнодорожное полотно было насыпано. И едва армия его строителей отхлынула от трассы, вернулась к своим хлопковым полям, станкам и письменным столам, как на окраине Чарджоу стал работать первый укладочный поезд. Началась обстоятельная, будничная работа по укладке пути, строительству мостов и станций, оснащению железной дороги всем богатством нынешней техники.

Вслед за этим сквозь страну, покрытую саваном песков, с каждым месяцем все ближе к Хорезмскому оазису стали двигаться люди с серебристыми погонами на белых кителях, — железнодорожники. И вот на станции Ургенч зазвучала сирена тепловоза, возвещающая далеко окрест, что железная дорога достигла Хорезма. Отсюда укладочный поезд двинулся дальше меж домов-крепостей, фруктовых рощ и полей на север в Кара-Калпакию, к Ходжейли и Кунграду.

Железнодорожный путь пройдет потом сквозь величайшее пустынное плато Устьюрт, сквозь казахские степи и достигнет Александрова-Гая. Хорезм из далекой окраины превратится тогда в ворота советской социалистической Средней Азии. Многие города Таджикистана и Туркмении благодаря Транскаракумской железной дороге приблизятся к Москве на тысячу двести километров.

И если, читатель, тебе через несколько лет доведется поехать в Хорезм по этой дороге (в вагоне, проводники которого будут в пути сметать с полок песок), и ты покинешь поезд в Ургенче и, минуя станцию с ее шумными товарными конторами и уютными буфетами, выйдешь на ургенчские улицы, — повсюду, в городе и за городом, еще отчетливее, чем теперь, увидишь ты, как быт догоняет время и хорезмские контрасты все стремительнее сходят на нет. Над Ургенчем вознесутся кирпичные трубы новых заводов. Асфальт ляжет на мостовые, и в аудиториях новых многочисленных техникумов и институтов загудят молодые голоса.

4. ГОРОД НАРОДНОГО ИСКУССТВА

В областном театре в Ургенче можно, как и в других театрах республики, увидеть пьесу русского классика и пьесу узбекского драматурга на современную тему. Однако здесь — на спектакле и на концерте — можно увидеть и то, чего не увидишь больше нигде: темпераментные народные хорезмийские пляски, совсем не похожие на плавные танцы жителей других оазисов Узбекистана. Можно услышать и свои хорезмийские песни и свои хорезмийские музыкальные инструменты — танбур и чанг.

Своеобразие хорезмийского искусства видно и в одеждах исполнителей и в одеждах людей, заполнивших зрительный зал. На головах многих девушек, смотрящих спектакль, красуются тюбетейки, шитые разноцветным бисером и шелком по бордовому бархату; на некоторых колхозниках, приехавших на спектакль из района, надеты темнокрасные халаты.

Эти одежды, как и лепные украшения в театре и в других новых общественных зданиях Ургенча, как и свои особенные ковры, кумганы, посуда и другие кустарные художественные изделия, что встречаешь почти в каждом ургенчском доме, сделаны мастерами, живущими во втором крупном городе Хорезма — бывшей столице ханства, Хиве.

Хива находится в тридцати километрах от Ургенча. Регулярная автобусная линия связывает эти два города. Автобус останавливается в Хиве возле новой чайханы, расположенной у городских ворот. Над чайханой сереет глинобитная городская стена, такая толстая, что поверх нее можно проехать на арбе. Стена опирается на глинобитные же монументальные башни. На резных деревянных створках ворот чернеют метал-

личные массивные бляхи. Внутри этой стены находится Ичанкала — хивинский кремль, где представлены великолепные образцы хорезмийской народной архитектуры и кустарно-художественного ремесла

Там, в Ичанкале, — Кальта-минар, необычайно широкий, нарядный недостроенный минарет, перехваченный темнозелеными и голубыми обручами изразцов, сверкает на солнце, возвышаясь над серыми кровлями подобно колоссальной сказочной бочке. А над Кальта-минаром, над другими минаретами, над голубыми куполами мечетей и мавзолеев, над кровлями хивинских дворцов, над каменными сводами базара, над кладбищами, находящимися в центре, над беспорядочной сетью улочек, переулков и тупичков, столь узких, что порой двум повстречавшимся ишакам негде разехаться, над всею Ичанкалой неустанно чертят круги коршуны.

Прекраснейший из архитектурных памятников Ичанкалы — мавзолей Пахлавана Махмуда, человека с необыкновенной жизнью и еще более необыкновенной посмертной судьбой. Пахлаван (сокращенно — палван) — в переводе силач, богатырь. Пахлаван Махмуд был самым сильным борцом своего времени. На его выступления в Хорезме, Хорасане, Индии в XV веке стекались из далеких городов многотысячные толпы, чтобы хоть издали посмотреть на прославленного пахлавана. Вместе с тем он был крупным поэтом и музыкантом. Над решеткой надгробия Пахлавана Махмуда начертан рубай (четверостишие), принадлежащее самому пахлавану:

Сто гор кавказских истолочь пестом,
Сто лет в тюрьме томиться под замком,
Окрасить кровью сердца небо, — легче,
Чем провести мгновение с глупцом.

Два пояса, заполненные стихами рубаев, тянутся меж поливных изразцов вокруг главного помещения мавзолея. Таким образом, его купол — однотомика избранных произведений Пахлавана Махмуда. Вот только два рубаи, выбранные мною наудачу, те, что я успел списать во время посещения мавзолея:

Хоть трус усердно золото чернит,
Он в медь его вовек не обратит.
Псу — всякий трус, реке — герой подобен.
А где тот пес, что реку осквернит?

Зимой костер — прекрасней нежных роз,
Кусок кошмы — прекрасней шелка кос.
Пирьяр-Вали вам говорит: прекрасней
Клеветника — цыганский драный пес.

И это ведь стихи, строителями мавзолея выбранные, такие, что если и не совсем вяжутся с божьим храмом, то хоть мало-мальски благопристойны. Востоковеды говорят, что в «диване» Пахлавана Махмуда есть рубаи резко антирелигиозные. И его-то, этого безбожника, сделали

хивинским святым! Случилось же это так. Весь Хорезм гордился своим богатырем, которого никто в мире не мог одолеть. После смерти Пахлавана Махмуда его именем хивинцы нарекли канал, орошающий хивинский оазис: канал Палван-яб. Его именем называли они городские ворота: Палван-дарваза. А кочевавшие по соседству свободолюбивые туркмены-йомуды сделали литературный псевдоним Пахлавана Махмуда — «Пирьяр-Вали» — своим воинским кличем. Устрашая врагов этим именем, они бросались в битву. Что против такой славы могли поделать мусульманские ревнители веры?!

Тогда они стали действовать согласно правилу, которое лучше всего выражено в одной из шуток, приписываемых таджикскому поэту Мушфики. «Утверждай, что еж — это то же самое, что верблюдница, и в конце концов оно так и будет». Они объявили Пахлавана Махмуда святым. Порукой успеха им служило то, что подавляющее большинство народа было неграмотно, никто не мог сам прочесть рубаев прославленного пахлавана. И вот задушевный друг Алишера Навои, безбожник и скептик Пахлаван Махмуд, завещавший похоронить себя дома, в Хиве, внутри своей шубошвейной мастерской, превратился посмертно в святого, а его мавзолей, голубой купол которого ныне сияет в центре Хивы, — в храм.

В течение веков мавзолей Пахлавана Махмуда считался самым святым местом в Хорезме. Но пришла советская власть, и едва хивинцы стали грамотными и смогли прочесть на стенах мавзолея стихи прославленного пахлавана, всякому горожанину стало ясно: перед ним не храм, а своего рода антирелигиозный музей.

Нигде в мире, ни у нас в Средней Азии, ни на зарубежном Востоке, нет города, который в такой степени сохранил бы свой средневековый облик, как Ичанкала, — хивинский кремль. Это произошло потому, что сразу же после революции половина зданий Ичанкалы была объявлена музейной ценностью. И еще потому, что Хорезмский оазис, отделенный от страны величайшими пустынями, лежавший далеко от железной дороги развивался медленнее, чем другие оазисы Узбекистана. Наконец, потому, что когда новая жизнь, всепроникающая и всепобеждающая, ворвалась в Хиву, она прежде всего, обзаводясь современным городским дорожным хозяйством, принялась перестраивать внешнюю часть города, воздвигая в обширных кварталах вокруг Ичанкалы маслозавод и хлопкозавод, техникумы и поликлиники, стадионы (те стадионы, где проводят ныне лучшие часы своей жизни истинные наследники Пахлавана Махмуда, спортсмены Хивы), клубы, школы, наконец новые здания знаменитых хивинских художественных артелей.

Бывшее феодальное разбойничье гнездо — Хива сделалась ныне крупнейшим в Узбекистане кустарно-художественным центром, своего рода Палехом Средней Азии. Недаром в Законе о первом послевоенном пятилетнем плане Узбекской республики работа хивинских народных мастеров — восстановление и развитие кустарно-художественного промысла

в Хиве — была поставлена в один ряд с важнейшими народно-хозяйственными задачами. В артелях «Умид», «Гулистан», «Учкун» и других работают замечательные резчики по дереву и по камню, резчики и лепщики по ганчу, ювелиры, граверы, ковроделы, специалисты по изготовлению изразцов, вышивальщицы по шелку и бархату, мастера художественно-металлической посуды и керамики.

Совершите прогулку по Ичанкале в сопровождении знатока хорезмских орнаментов мастера Рузмета Машарипова, или искусной ковровщицы Бибиджан Джумабаевой — туркменки, которая из недалекого Ташауза переселилась в Хиву и обучила здесь многих узбечек ковровому мастерству, или в сопровождении резчика по ганчу Нурметова Уста, или любого другого хивинского мастера, и вы увидите хивинский кремль так, как его следует видеть: глазами художника.

Мастера будут вам показывать красочные, не блекнувшие от времени изразцы в хивинских дворцах, мечетях и мавзолеях, затейливой резьбы деревянные колонны и двери, узорные решетки, искуснейшую роспись плафонов. Все это сгусток тысячелетнего трудового опыта хорезмийцев. Спросите, однако, имена мастеров, воздвигнувших и украсивших эти дворцы. В лучшем случае спутник ваш вспомнит мастера XVIII века Уста Абдуллу, за удивительное искусство получившего у своих современников прозвище Джина. Имена остальных мастеров позабыты, да их и раньше мало кто знал.

Есть в Хиве квартал Гадайляр. В нем жили до революции профессиональные нищие. Это были нищие-богачи. Подаянием они составляли себе целые состояния. Имена самых богатых из них были широко известны в дореволюционной Хиве. Нищенство считалось здесь доблестью, освящалось религией, а труд был не в чести. Теперь в квартале Гадайляр, как и в других кварталах города, живут трудящиеся люди. Хивинские мастера строят рабочим и врачам, учителям и инженерам в Хиве и Ургенче красивые онг-айваны: особые террасы, что в знойные и душные летние дни захватывают освежающее движение воздуха и направляют его вниз. Хивинские резчики по дереву украшают эти онг-айваны деревянными резными колоннами: внизу шаровидными, чуть выше — покрытыми крупными, как бы свисающими фестонобразными резными фигурами, а сверху словно бы оплетенными наклонно идущими рельефными валиками.

Хозяевами Хивы стали теперь люди труда, и самыми именитыми людьми в городе — народные мастера художественных ремесел. Весь Хорезмский оазис знает имена лучших хивинских мастеров. А имя знаменитого мастера лауреата Сталинской премии Ата Палванова, сделавшего резные двери нового оперного театра в Ташкенте, имя тонкого орнаменталиста лауреата Сталинской премии Абдуллы Балтаева, оформившего хивинский зал в том же театре, и имя искусного резчика по камню Худайбергенова, покрывшего узором в том же зале изумительную по красоте резную каменную плиту, знает и вся республика.

5. РОЖДЕНИЕ КИШЛАКОВ

Когда выезжаешь за окраину Ургенча или Хивы, видишь на широчайшем просторе возделанных пашен, изборожденных цепями деревьев, белеющие то там, то здесь маленькие глинобитные крепости. От одной крепостцы до другой полкилометра, а то и того больше. В глухих стенах такой крепостцы, под самой кровлей, зияют провалы бойниц. Грозно вздымаются по углам четыре глинобитные башни. Еще две башни обрамляют ворота. Позади крепостцы, во фруктовой рощице, яркими пятнами рисуются плоды абрикосов, яблонь, персиков, слив. Чуть в стороне от ворот одной цельною купой стоят высокие шаровидные вязы, стерегущие пруд. Так выглядит хаули — старый дом колхозника-хорезмийца.

Войдите в ворота хаули. Вас поразит глубочайший контраст между новыми, живущими здесь людьми и древним обликом их жилища. В полумраке коридора возле вереницы хумов — больших глиняных кувшинов — играют ребятишки. В просвете двери, выходящей во внутренний дворик, виднеется корова. Из глубины жилища доносится негромкая музыка гармоника — заимствованной два века назад от русских и уже тогда получившей в Средней Азии славу «хорезмийского» инструмента. Кажется, что вы перенеслись в далекое-далекое прошлое. Однако стоит вам очутиться в кругу семьи, как всегда в Хорезме, многоколенной, огромной, состоящей из многочисленных родных и двоюродных братьев, сыновей, племянников, их жен и их чад, как вы почувствуете себя в привычной атмосфере интересов, какими живет обыкновенная советская семья.

Вы найдете тут и старика, всю жизнь проплававшего на Аму, последние годы в качестве дарго, шкипера баржи, а то и капитана парохода, вышедшего на пенсию и доживающего свой век в роли «всевидящего ока» колхоза: добровольного, сурового, неподкупного контролера колхозных дел. Найдете и колхозника, считающегося в семье великим знатоком международных вопросов, ибо он прошел пол-Европы в рядах Советской Армии. И звеньевую — живую, энергичную, деятельную комсомолку, и тракториста — бывшего танкиста, и нескольких школьников...

Хаули — это бывшая семейная крепость. Затерянный среди пустынь, откуда дикие кочевники совершали набеги, Хорезмский оазис в древности был превращен его жителями в обширный военный лагерь, состоящий из множества крепостей, в каждой из которых оборонялась многочисленная семья. Две тысячи лет пустыня была воинственной и враждебной Хорезму. Четверть века назад она стала мирной, когда Красная Армия разгромила и добила последнего кара-кумского басмача, «тигра пустыни» — кровавого Джунаид-хана. С тех пор с каждым днем теснее, сердечнее становится дружба хорезмийцев с жителями пустынь — туркменами, казахами, кара-калпаками. Однако многие колхозники здесь еще живут в хаули.

Впрочем, еще больше их уже переселяется и в новые, социалистические поселки, в такие же спроектированные советскими архитекторами удобные сельские дома, в какие переселяются из своих мазанок колхозники и других узбекских оазисов. Но переселение здесь отстало по сравнению с другими оазисами Узбекистана. Почему же не все колхозы Хорезмского оазиса уже построили у себя новые поселки? Они лишь недавно дождались того дня, когда на новой железной дороге в Хорезм открылось регулярное движение, — другими словами, того дня, когда к ним сквозь пустыню прорвался и хлынул широкий поток оконных стекол, досок, черепицы, алебаstra, электрической арматуры, клея, линолеума, масляных красок, гвоздей.

Если председателя ферганского колхоза мы привыкли видеть в легкой машине, то в Хорезме до лета 1950 года каждый литр горючего приходилось экономить для трактора и для грузовика. Поэтому председателя хорезмского колхоза мы чаще встречали объезжающим поля на коне или же на велосипеде, украшенном ковровой бахромой. Почти не видишь в Хорезмском оазисе телеграфных столбов, столь обычных для пейзажа остальных оазисов Узбекистана. Конечно же, и телеграф и районная телефонная сеть здесь есть. Но столбы везти в Хорезм было слишком дорого, дешевле обходился хлорвиниловый кабель, изоляция которого не боится влаги. Поэтому в Хорезме телефонные линии проложены глубоко в земле.

Переселение из хуторов — хаули — в новые, социалистические поселки имеет огромное значение для Хорезма.

Жизнь в родовых семейных крепостях давно стала помехой новому, колхозному быту. Колхознику, живущему в хаули, приходится совершать ежедневно десятки километров: нужно ли ему побывать в колхозном правлении или в хате-лаборатории, в амбулатории или в сельском магазине — все от его дома далеко. Далеко ходить детям в школу. Когда надо созвать срочное колхозное собрание, приходится десяткам посыльных обходить все хаули. Хаули сковывают и социалистическое переустройство колхозного быта. Пока люди живут в хуторах, их дом не электрифицируешь, не проведешь в него водопровод, не к чему строить колхозный клуб — все равно он будет пустовать. Прежде в Хорезме не было даже обычных для всего остального Узбекистана чайхан, так обособленно жили здесь люди.

Неудивительно, что создание новых, социалистических поселков стало знаменем в жизни хорезмской колхозной деревни. В новых кишлаках с первых же дней появились передвижные малые электростанции на колесах. Каждая такая электростанция освещает до пятидесяти колхозных домов. Появились магазин, баня, амбулатория, колхозный двор, хата-лаборатория, школа и, конечно, красная чайхана.

Чайхана — новость в быту хорезмийцев. Как и всюду в республике, здесь в колхозной чайхане стали проводиться собрания, начали работать кружки техминимума и политкружки. Вечером под выходной день обыч-

ное дело встретить тут работающую кинопередвижку, а то посмотреть и выездной спектакль хивинского колхозно-совхозного театра.

В чайхане можно попробовать и жареную рыбу — излюбленное блюдо хорезмийцев, можно отведать и хорезмскую дыню. На весь мир славятся узбекистанские дыни: бухарка, арбакешка, красномяска, белосемянка, кандалак и другие. По сладости, вкусу, аромату и сочности им нет равных ни в Европе, ни в Америке, ни на зарубежном Востоке. И лучшей из узбекистанских дынь всегда считалась хорезмская дыня, широко известная советским людям под названием «чарджуйской», по имени железнодорожной станции, куда из Хорезма дыни привозили на каюках и баржах и где их грузили в вагоны.

Еще в IX веке хорезмские дыни в свинцовых футлярах, обложенных снегом, вывозились ко двору багдадских халифов. Цена такой дыни в Багдаде доходила до семисот диргемов. Она стоила дороже красивой рабыни. Купить ее мог только богач. Теперь груженные дынями самолеты разлетаются из Хорезма во все концы советской земли. Хорезмскую дыню можно увидеть на обеденном столе ташкентского инструментальщика, и московского метростроевца, и уральского горняка.

Когда в Хорезме в одном из новых, социалистических кишлаков вы покидаете чайхану, чайханщик желает вам ясной дороги, безветрия и частых колодцев.

Это традиционное в Хорезме пожелание сразу заставляет вас вспомнить, что находитесь вы в самом сердце пустыни, в оазисе, окруженном кольцом сыпучих песков. Стоит лишь подумать об этом и с волнением начинаешь смотреть на поля хорезмийцев.

Как и всюду в республике, это главным образом поля хлопчатника. Кроме хлопка, здесь сеют ещё и люцерну. В Узбекистане говорят, что люцерна — родная сестра хлопка. Там, где зеленеет поле люцерны, на следующий год белеет в коробочках хлопковое волокно. Но если в хлопководстве хорезмские колхозники считают себя лишь учениками ферганцев, в люцерноводстве они славятся как учителя всей Средней Азии.

Средняя Азия — историческая родина люцерны. Именно тут, где с древнейших времен цветущие земледельческие оазисы лежали бок о бок с величайшими выжигаемыми солнцем степями, по которым кочевники гоняли стада, родилась эта изумительная кормовая трава, дающая в Узбекистане от четырех до шести укосов в год. Давным-давно люди заметили, что от травы этой жиреют не только кони и овцы, но становится «жирной», богатой земля: после посева люцерны истощенное поле вновь давало прекрасные урожаи пшеницы, и риса, и хлопка. Из Средней Азии уже в древности люцерна распространилась в Китай, Индию, Иран и Европу. Однако и раньше и теперь лучшей на свете люцерной считалась и считается «Хивинская синяя». Ее семена вывозятся из Хорезма во все республики Советского Союза и славятся на мировом рынке.

В Хорезме существует своя зональная опытная сельскохозяйственная станция. С нею тесно связаны сотни передовых колхозников, переносящих опыт станции на поля своих бригад. Как и колхозники других оазисов Узбекистана, хорезмийцы обновляют свою землю. Слова Мичурина относятся также и к ним: «В лице колхозника история земледелия всех времен и народов имеет совершенно новую фигуру земледельца, вступившего в борьбу со стихиями с чудесным техническим вооружением, воздействующего на природу со взглядом преобразователя». Это воздействие на природу со взглядами преобразователя легко увидеть и на хлопковых полях Хорезма, с которых колхозники собирают все более высокие урожаи, и на опытной плантации джута (культуры, недавно освоенной в Хорезме), наконец в том кольце молодого леса, которым опоясали хорезмийцы свой оазис, защитив хлопковые поля, сады и селения от жаркого дыхания двух величайших среднеазиатских пустынь.

6. МАТЕРИАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДРУЖБЫ

Представьте себе верблюда, у которого горб свисает набок, а голова покрыта комьями свалявшейся шерсти. На каждом верблюжьем глазе лежит потертая тюбетейка. Поверх тюбетеек вокруг головы обмотана тряпка, так что верблюд ничего не видит. Вращая огромное деревянное горизонтальное колесо, к которому он припряжен, верблюд ходит и ходит по кругу, развесив губы и широко ставя свои костлявые ноги.

Погонщик время от времени взмахивает плетью, чтобы уставшее животное подогнать. Через допотопную систему цепляющихся друг за друга деревянных колес вращение передается водоподъемному вертикальному колесу, которое черпает из канала глиняными кувшинами воду и выливает ее в жолоб; по нему вода мутными струями мчится в арык, на ближайшее поле. Это и есть среднеазиатский чигирь!

Теперь чигирей в Хорезмском оазисе раз-два — и обчелся. Их сменили горизонтально-пропеллерные насосные агрегаты, сконструированные работниками Среднеазиатского научно-исследовательского ирригационного института и выпускающиеся на одном из ташкентских заводов. Но еще лет пятнадцать назад тут было сорок тысяч чигирей. Их протяжный, унылый скрип преследовал вас всюду, он был как бы музыкой Хорезма.

В ожесточенной битве, которую тысячелетия вели хорезмийцы с «безумной» Аму, чигирь лишь одно из оружий в руках человека. Ведь в сезон маловодья Хорезмский оазис оказывается выше уровня Аму — словно на обширном холме, и воду на поля в это время приходится вычерпывать снизу. Зато в паводок и во время зимних заторов Хорезмский оазис оказывается как бы в котловине, ниже уровня могучей среднеазиатской реки. И Аму давно затопила бы, смыла весь Хорезм, если бы

в древности, обороняясь от вторжения вод, люди не отгородились здесь от реки колоссальной дамбой, а по берегам крупных каналов не возвели земляные валы. Общая длина хорезмских валов и дамбы — свыше четырехсот километров.

По стенам этой «крепости» сейчас, как и встарь, ходят дозорные. Неустанно следят они за маневрами своенравной реки. Кроме того, они травят ядами сусликов и всяческих землероек: ведь, вырывая в дамбе норы, зверьки тем самым открывают путь воде. По сигналу дозорных об опасности прорыва дамбы десятки тысяч людей: колхозники, агрономы, политработники — все оставляют свою работу и с камышовыми цыновками, кетменями, лопатами в руках устремляются к реке. Большой частью им удается заставить Аму отступить.

Но бывает, что ее бешеные воды в оазис врываются. У всех в Хорезме на памяти, как несколько лет назад Аму вторглась в Гурленский район. Весь Хорезм был в те дни мобилизован на борьбу с Дарьей. Работая в бурлящей воде, люди — целая лавина людей — в конце концов прорыв заткнули, заложили землей и дамбу восстановили.

Однако даже и в обычные дни паводка, когда ни о каком стихийном бедствии нет и помина, когда вода из хорезмских каналов течет в арыки сквозь деревянные трубы, врытые в землю поперек вала, а после того, как поле орошено, трубу затыкают пробкой, даже в такие обычные дни хорезмийцы продолжают вести с Аму напряженнейшую борьбу.

Обратите внимание на здешние кладбища. Почему характерные, сложенные из крупных камней надгробия тут так широки, а главное, так поразительно высоки? Потому, что в Хорезме умерших хоронят не в землю. Их хоронят над землей, поверх каменного основания. И виновата в этом Аму. Когда уровень реки поднимается, в оазисе грунтовые воды из-за фильтрации так близко подходят к поверхности земли, что попробуй кто-нибудь здесь хоронить в могилах, и пришлось бы покойников опускать прямо в воду.

Если бы дело касалось только кладбищ, беда была бы невелика. Гораздо хуже, что грунтовые воды выносят к поверхности земли соли. В Хорезме все время происходит засоление почв. Защищаясь от него, хорезмийцы раньше снимали на своих полях часть верхнего культурного, засоленного слоя почвы и складывали ее в кучи. Мало-помалу земля в этих кучах выщелачивалась дождями, промывалась. К ней примешивали навоз с песком и опять ее раскладывали на поля взамен снятого очередного слоя почвы. Так хорезмийцы раз в два-три года меняли всю свою землю.

Теперь об этой гигантской работе здесь вспоминают с улыбкой, словно речь идет о доисторических временах. Землю промывают при помощи дренажных канав, коллекторов и зауров и другими совершенными способами, какими обладает социалистическая мелиорация. Работа эта тоже требует хотя и не столь большого, но кропотливого труда.

И все же ни этот труд, ни даже прежняя смена всего культурного слоя земли не идет в сравнение с тем поистине титаническим трудом, который хорезмийцы еще недавно каждый год вкладывали в знаменитое казу, «поиски ушедшей реки».

Специальные глашатаи, джарчи, звонкими криками оповещали Хорезм, что пришла пора выходить на казу. И все мужское население оазиса, взяв в руки кетмени, пестрой армией двигалось к головам своих магистральных каналов.

Издревле каждый хорезмский канал — Хазават, Палван, Шават и другие — имел несколько голов. Ведь Аму все время мечется, меняет русло, то придвинется к Хорезму, то от него убежит. Человек может отыскать след убежавшего верблюда и след убежавшей реки. Он вернет верблюда, но не может вернуть реку. И хорезмийцам в погоне за «безумной» Аму пришлось пуститься на хитрость: для каждого канала они вырыли несколько голов в разных местах. Расчет простой: если река в одном месте убежит, авось к другому она как раз поднесет свои воды, и людям ее удастся поймать.

Бывало целый лес кетменей взлетал над земляной перемычкой головы, перемычку разбирали, вода устремлялась в канал. А спустя час, или три часа, или три дня Аму убежала прочь, и тогда хорезмийцы ловили реку на другой голове. Так они безустали гонялись за своею буйной рекой.

Но вот поля напоены, русла каналов осушены, однако работа не окончена. Раз Аму побывала в оазисе, за ней следовало прибрать. На очистке каналов от ила хорезмийцы ежегодно выбрасывали больше кубометров земли, чем было вынута грунта строителями Большого Ферганского канала. Еще лет десять назад на очистку и ремонт ирригационной сети у колхозника здесь уходило в год больше ста трудовых дней.

Половину жизни отнимала у человека река. И советской власти пришлось освободить хорезмийцев не только от кабалы у ханов и баев, но и от кабалы у Аму.

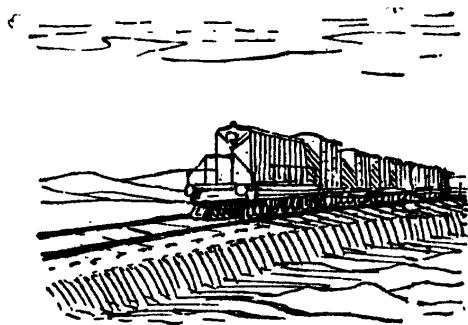
Взамен полутора десятков голов Хазавата, Палвана и Шавата советские люди построили для этих трех крупнейших каналов одну Ташсакинскую систему головного забора воды. Это инженерное сооружение со шлюзами навсегда отменило «поиски ушедшей реки». Человек с кетменем не мог вернуть реку. Мощные землессосы у шлюза и взрывники возвращают Аму, едва она пробует убежать. Остальные хорезмские каналы — Бозсу, Кипчак-арна, Клыч-Ниязбай, Совет-яб, Мангыт-арна и другие — тоже были объединены в две новые системы. Кроме того, советские гидротехники перестроили ирригационную сеть, прорыли новые сбросы, и Хорезмский оазис отгородился цепью озер от каракумских песков.

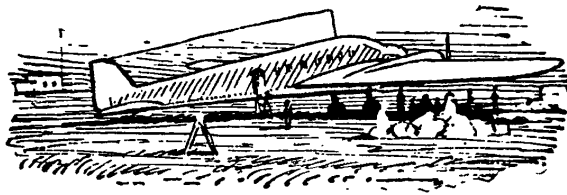
Но и это не все, что сделали советские люди, чтобы освободить колхозников от кабалы у Аму. Они создали хорезмскую экскаваторную

станцию. И магистральные каналы стали очищаться от ила экскаваторами, их зубастыми, разверстыми, скрежещущими пастями.

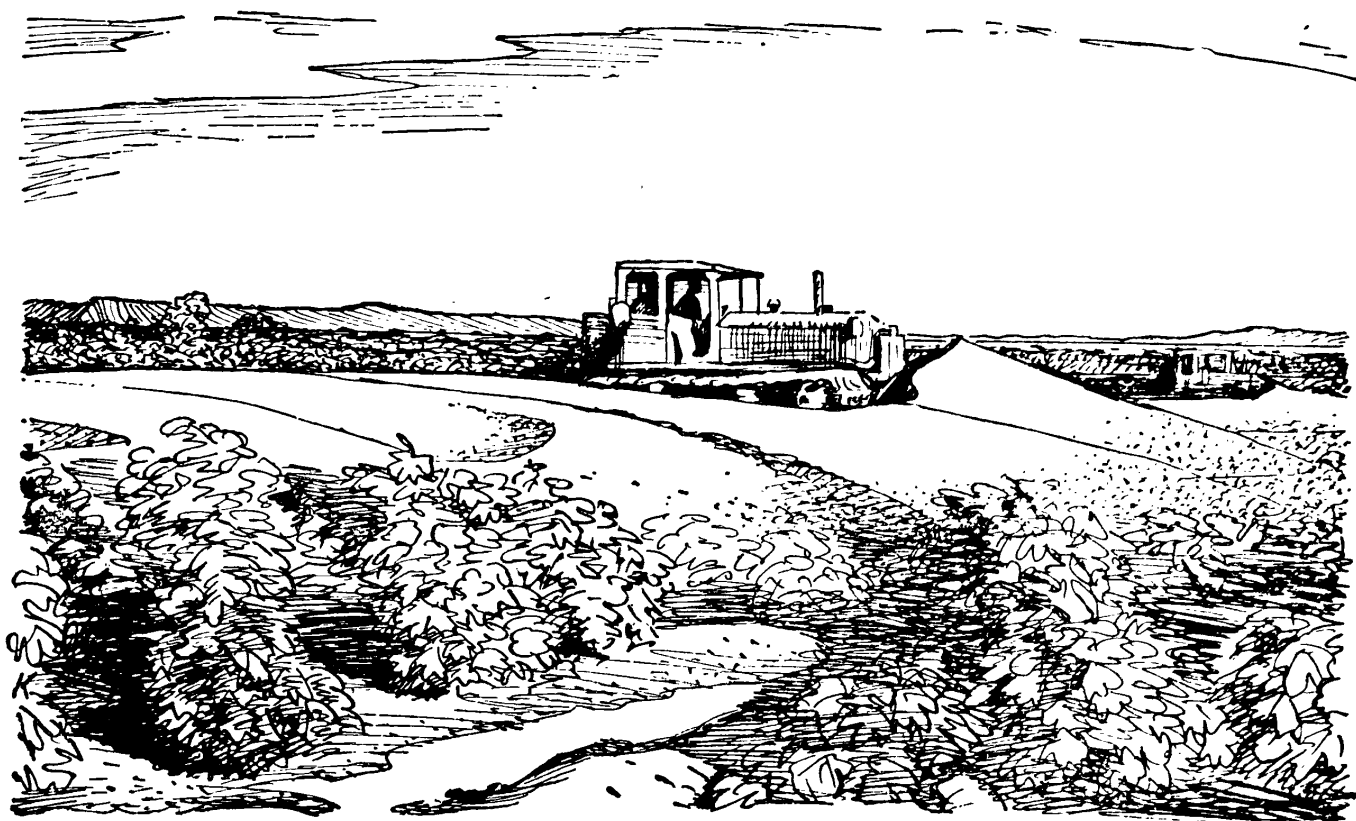
Как и всюду в Узбекистане, с каждым годом все больше становится в Хорезме хлопковых полей. А ведь хлопковое поле — душа узбекского народа, оно — его политика, и его поэзия, и его историческое место в борьбе за коммунизм. Но лучше всего о хлопке было сказано в тексте Закона о первом послевоенном пятилетнем плане Узбекской республики: «Хлопок был, есть и останется материальным выражением неразрывной связи и нерушимой дружбы узбекского народа со своим старшим братом русским народом и всеми другими народами Советского Союза».

Материальное выражение дружбы — это сказано поэтически сильно, а главное — точно. Каждому советскому человеку ясно, что дружбу, построенную на такой прочной основе, не поколебать никому.

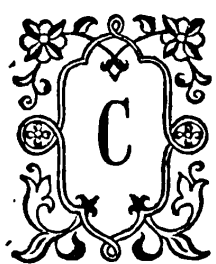

**НА ЗЕМЛЕ
КАРА-КАЛПАКОВ**

1. В НУКУСЕ

просите любого, кто бывал или жил в Кара-Калпакии, каким было его первое впечатление от столицы республики, от Нукуса? Почти каждый нарисует вам такую картину: масса воздуха, света, пространства, а где-то далеко внизу, под крылом самолета, на желтой ноздреватой земле, вставшей дыбом в момент виража, — небольшая сетка зеленых улиц и коробочки будто игрушечных зданий. Все ведь попадают в Нукус на самолете.

Ощущение миниатюрности города не покидает вас и на его улицах. Но это оттого, что Нукус молод и недостроен. Первый камень в фундамент первого здания был здесь положен лишь за пять лет до Отечественной войны. Камень этот лег посреди солнечной широкой степи.

Мы идем одной из нукусских улиц. Мимо, по булыжной мостовой, то дробно протараторит мотоцикл, то прогремит грузовик, то верблюд, глядя немигающими глазами, высокомерно протащит за собой повозку.

Мостовая обрамлена двумя трепещущими цепями деревьев. Меж одноэтажных и двухэтажных домов кое-где сереют незастроенные еще пустыри, пахнущие горечью степных трав. С пустыря выбежит ящерица, промчится поперек улицы, словно обжигаясь о раскаленные камни, и, взобравшись на телеграфный столб, открыв рот, отдыхает на его прохладной теневой стороне.

Лесо-парковая защитная полоса под Нукусом покуда так молода, что не очень хорошо защищает его от кзыл-кумских песчаных бурь. Летом случается, что из пустыни в Нукус врывается жаркий вихрь, и тогда улицы мгновенно пустеют, плотно закрываются окна. В городе становится темно от пыли и летящих песчинок. Вихрь бушует с полчаса. Потом он прекращается так же внезапно, как начался. Двери распахиваются, и в окнах появляются женщины, стирающие тряпками с подоконников пыль.

Город недостроен, поэтому пока не совсем уютен. Но это же не просто город! Это столица народа, который сравнительно недавно совсем не имел своих городов.

Приаральские степняки, потомки древних саков и массагетов, могущественные в средние века, когда они были объединены в союз печенежских племен, «черные клобуки» русских летописей — кара-калпаки столетие за столетием, кружась по степи в кольце враждующих друг с другом народов, обороняясь от казахских племен, вытесняемые на все худшие и худшие земли, превратились мало-помалу в небольшой нищий народ.

Трудные пришли времена,
Кони ржут, звенят стремена,
Льется кровь, становья горят,
Гибнут мирные племена,
Разоренный стенает край...
Догорает рдяный закат,
Кони ржут, стремена звенят,
На смолкает вороний грай.

Яркие картины освободительной борьбы кара-калпаков против жестоких завоевателей—джунгар сохранил нам кара-калпакский эпос «Қырк-кыз» («Сорок девушек»), который великолепными стихами переложил на русский язык поэт Арсений Тарковский.

Теснимые другими народами, кара-калпаки очутились на исходе XVIII века в самых бесплодных, самых гиблых местах, какие только можно отыскать в Азии: южнее Аральского моря, на границе Красных и Черных песков.

«Кочевой ордынец ранней весной торопливо и боязливо прогоняет по этим местам тощие стада и табуны свои... в Кара-Кумы, и считает сыпучие пески отрадным убежищем в сравнении с этой могилой», — писал о землях этих русский писатель Вл. Даль. Казалось, здесь, в голой, неприютной степи, кара-калпаки могли рассчитывать обрести себе

отдых после скитаний. Но хивинский хан, проведав, что к северу от Хорезма в степях появились пришлые люди, послал к ним чиновников. И кара-калпаки, бывшие в кабале у своих баев, попали в двойную, еще худшую кабалу. Ханский хаким имел право отобрать у кара-калпака жену, дочь, любую вещь, на которую упадет его взор. О положении бедняка-пастуха в том же эпосе «Қырк-кыз» говорится:

Можно было его продать,
Можно было его купить,
Можно было его прогнать,
Можно было его прибить, —
Он безропотно, точно вол,
Выносил любой произвол,
И показывали его
Как примерного раба,
И привязывали его,
Как собаку, у столба...
Иссушили его пески;
Убелили ему виски
Ранним инеем седины
Годы голода и тоски.

Обобранный, рассеянный по степи, ютящийся в нищенских мазанках и в продуваемых ветрами бедняцких юртах с «шестьюдесятью окнами-дырами», кара-калпакский народ угасал, вымирал. Еще немного времени, и от него не осталось бы и следа, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, самые первые итоги которой народ сразу же после революции подвел крылатою фразой: «Не тот умер, про которого говорили, что он умрет. А умер тот, кто носил лисью шубу».

Революция спасла от гибели кара-калпакский народ. В его степях быстро выросли новые селения, города. И кара-калпакский народ стал переселяться из юрт и из полуразрушенных мазанок в новые, культурные дома. В Нукусе и в других городах республики, выросших в пустынной степи, можно и сейчас еще увидеть во дворе дома старую юрту: дань уважения к привычкам стариков. Отпечаток юрты недавно чувствовался и внутри новых домов: сундук ли красовался на самом видном месте, узорные ли войлочные кошмы лежали на полу вместо дивана, или стол стоял так, словно его готовились вынести. Не все предметы бытового обихода сразу нашли здесь свое целесообразное, удобное место, и это на первых порах придавало комнатам необычный вид. Однако постепенно кара-калпаки, живя в новых жилищах, вырабатывали новые эстетические вкусы и навыки. Они создавали город. И город создавал их, превращая в квалифицированных рабочих, во врачей, педагогов, артистов.

Они создавали не просто город в пустыне. Они создавали город и вместе с ним новые очаги жизни — оазисы, селения, самую землю, на которой стояли эти селения.

Казалось, землю эту никогда нельзя будет сделать плодородной. Взять хотя бы такую подробность: когда в новых городах Кара-Калпакии посадили фруктовые деревья, большинство из них на первых порах не хотело приносить плодов. Здесь почти не было насекомых, необходимых для опыления садов. Тогда на самолетах сюда полетели пчелиные транспорты. В садах появились ульи, и ветви деревьев стали сгибаться под тяжестью яблок, груш, абрикосов, слив. Так, даже пчелы тут помогали людям создавать свою землю.

Интересно, что пчеловодство обещает стать здесь очень доходной статьей. Самое распространенное растение в кара-калпакской степи — янтак, верблюжья колючка. Эти невзрачные колючие кустики мог есть только верблюд. Теперь появились здесь новые любители янтака — пчелы. Верблюжья колючка — прекрасный медонос.

Главное, что нужно было кара-калпакам для создания своих оазисов и городов, — вода. «У него нет своей воды» — фраза эта означала в Средней Азии крайнюю степень бедности человека. У всего кара-калпакского народа не было своей воды. И кара-калпаки начали создавать свою землю со строительства крупных ирригационных сооружений. От Аму-Дарьи протянулись вправо и влево новые огромные каналы: канал Қыз-Кеткен и канал имени Ленина, кроме них — десятки каналов поменьше. Центр этого всенародного творческого кипения, место, где кристаллизуются люди, где они выбирают профессию, куда они съезжаются на учебу со всех сторон своей солнечной необъятной степи, — Нукус, молодая столица Кара-Калпакии.

Это столица народа, который не имел не только своих городов, но и не имел промышленности. Теперь в Нукусе работают люцерноочистительный завод (на нем очищаются семена люцерны, высеваемой во всем низовье Аму: в Кара-Калпакии и Хорезме), ремонтно-механический и мотороремонтный заводы, строится текстильная фабрика. Это лишь крупнейшие предприятия. Кроме них, здесь работают и строятся десятки заводов и фабрик, о которых, как правило, не говорят, когда описывают города, потому что обычно подразумевается: раз существует город, значит в нем есть швейно-обувной комбинат, заводы масло-молочный, кирпично-черепичный, пивоваренный, хлебозавод и другие. Но в старых городах предприятия эти выросли постепенно, незаметно, так же как выросли бани или прачечные. Здесь же, в Нукусе, и бани и эти новые заводы пришлось строить одновременно. Они стали частью «большого строительства». Вот почему нукусцы гордятся ими и порою даже показывают приезжему в качестве достопримечательности города.

Нукус — столица народа, который не имел не только своей промышленности, но у которого, по сути дела, не было даже своей письменности. Знаменитый поэт Бердах и еще несколько грамотных одиночек пользовались арабским алфавитом для записи стихов и документов на родном языке. В течение столетий творческие силы кара-калпакского

народа искали себе выход и не находили его. Лишь в устном творчестве народ мог себя проявлять. Именно поэтому у кара-калпаков такое необыкновенное богатство сказок, песен, замечательных эпических произведений. Мечта о человеке свободном и всеильном, о человеке, которому подвластна природа, родила волшебные сказки и знаменитый эпос «Кырк-кыз».

«От человеческого языка трескается даже камень», — в пословице этой кара-калпаки отразили свое понимание слова как грозного оружия. Недаром одно из первых зданий, что построили кара-калпаки в своей новой столице, в самом центре ее, был полиграфкомбинат. Отсюда в дальние уголки Кара-Калпакии широким потоком двинулись газеты, журналы, учебники, книги классиков марксизма-ленинизма, переведенные на кара-калпакский язык, книги великих художников слова и молодых кара-калпакских писателей. Из педагогического и учительского институтов кара-калпакской столицы тысячи учителей разъехались по степи, чтобы вновь созданная кара-калпакская письменность стала достоянием каждого. Вся степь превратилась в огромную школу и лабораторию.

Когда в Кара-Калпакии началась культурная революция, на первых порах здесь было широко использовано и народное творчество. Работники Кара-Калпакского научно-исследовательского института экономики и культуры Академии наук УзССР, в стенах которого родилась письменность кара-калпаков, стали изучать и записывать народный эпос, сказки, песни. С кара-калпакского фольклора и пьес русских классиков началась в Нукусе работа национального Музыкально-драматического театра имени Станиславского и Театра юного зрителя. Лучшие народные певцы, музыканты и сказители стали работать в Нукусской филармонии.

Певцы эти, еще недавно певшие, что жизнь так тесна, что у них «вместо степи — узкая постель, вместо домбры — палка», славят теперь советских ирригаторов, осуществляющих смелые мечты слагателей сказок о «богатырях, выжимающих воду из туч», славят энергетиков, покрывающих всю республику сетью ветродвигателей, осуществляющих мечту о «богатыре, который дул с такой силой, что заставил отступить вспять вражеское войско». И громче всего славят они партию коммунистов, которая помогла кара-калпакскому народу в бесплодной степи создать плодородную землю и, подобно сказочному богатырю, «в одну ночь построить на этой земле новые сады, дворцы и города».

2. НА ВОЗДУШНЫХ ТРАССАХ КАРА-КАЛПАКИИ

Есть в Кара-Калпакии место, где знакомятся люди, где встречаются и прощаются друзья, место, где в течение часа вы можете за мирной беседой составить себе картину того, что делается во всех концах Кара-

Калпакской республики. А республика велика: ее территория составляет почти половину Узбекистана. Место, о котором речь, — Нукусский аэропорт.

Кара-Калпакия — страна авиации. Авиация здесь вошла в быт глубже, чем где бы то ни было, стала обиходным средством сообщения. На самолете летит колхозник на республиканское совещание животноводов; студент — провести первомайские праздники со своей семьей; старушка — в гости к сыну, работающему в столице; пионер — купить в Нукусе новый горн для отряда. На самолете прилетает в Кара-Калпакцию янгиюльский колхозник помочь кара-калпакским колхозникам освоить культуру хлопка; московский профессор-геолог, влюбившийся в эту страну и каждый год прилетающий сюда на изыскания; ташкентский инженер-пищевик, проектирующий постройку кондитерской фабрики.

На самолете из Нукуса вылетает молодой инженер-строитель, получивший назначение в один из районов на строительство крупного масло-экспеллерного завода; археолог — на поиски новых памятников древнехорезмийской культуры в Қзыл-Кумах; больной — в грязелечебный санаторий Кегейли или на кумысолечебный курорт Тахта-Купыр; врач — срочно вызванный по радио к тяжело больному пастуху.

Кто в Кара-Калпакии не знает Уразмета Халмуратова — депутата Верховного Совета СССР и хирурга? Подобно летчикам, он насчитывает за своими плечами свыше миллиона километров, которые он налетал. Об Уразмете Халмуратове в республике говорят: «летающий врач». Многие врачи Кара-Калпакии — «летающие врачи».

Почти каждый кара-калпак знает лицо своей страны с воздуха. Ее прорезает посредине могучая коричневая артерия Аму-Дарьи; в сердце республики, чуть ниже пристани Ходжейли, она разворачивает гигантским веером свою дельту и сквозь заросли камыша добегаёт до Аральского моря. А выше Ходжейли вдоль Аму-Дарьи вправо и влево тянется узенькая зеленая полоса и позади нее — океан серых степей, океан желтых и красных песков.

Когда вылетаешь из Нукуса на юг, самолет весь путь летит над великой среднеазиатской рекой. Она вырисовывается внизу, среди песков, «то темнокрасная, кровавая, в обрывистых берегах, то окаймленная черными пространствами тугаев — зарослей, то светлая и сияющая, то сверкающая, подобно стали, с черными точками каюков» — так ее описывал академик Александр Евгеньевич Ферсман, впервые летевший над Аму еще в 1929 году.

Между Нукусом и Турткулем с воздуха видишь мощную гряду горного хребта Султан-Уиз-Даг, прорезавшего пески Қзыл-Кумов. Советские геологи — ученики А. Е. Ферсмана — называют этот хребет вместе с несколькими другими, меньшими хребтами, которые словно бы поднимаются из глубины песков, Урало-Тяньшанидами. Они доказали, что Уральский хребет и Тянь-Шань — это единый мощный горный мас-

сив, который на Южном Урале постепенно уходит под почву и выходит из-под нее в западных отрогах Тянь-Шаня. Гребень этого горного массива, кое-где выступающий из-под кзыл-кумских песков, это и есть хребет Султан-Уиз-Даг.

Геологи нашли и изучили на этом хребте месторождения гипса, мрамора, гранитов, кварцитов, мергелей, извести, асбеста, желтой и красной охры, графита. Некоторые из этих богатств начали разрабатываться еще несколько лет назад. Но пустынные горы эти совершенно преобразились в последние годы. У подножья гор вырос новый строительный район с двумя электростанциями, несколькими большими поселками, со своими автобазами и сетью новых дорог, со своими карьерами облицовочного камня, песка и гравия, с заводами известковым и гипсоалебастровым, с заводом гипсоблоков и сухой штукатурки.

За неширокой полосой вытянутых вдоль Аму-Дарьи орошенных земель, недалеко от Шаббаза и Турткуля простирается кара-калпакская часть Кзыл-Кумов. Когда летишь над Кзыл-Кумами на самолете, кажется, что вселенная состоит из двух полушарий: голубого — сверху и красновато-желтого — снизу. Но едва самолет садится около ветросиловой вышки колодца, пустыня раскрывается во всем величавом многообразии.

Подходит к колодцу отара каракульских овец, под тысячами копыт шелестит песок. Надменные верблюды подошедшего каравана складывают, словно штативы, свои длинные ноги и опускаются на землю, чтобы дать отдохнуть караванщикам. Вокруг на склонах барханов лежит наветренная рябь, отчего барханы похожи на большие раковины. Это орнамент пустыни, он нежен и прост.

Возле колодца, кроме обычного ветеринара и зоотехника, можно встретить и работника Кара-Калпакской опытной научно-исследовательской животноводческой станции, работающей над вопросами пустынного травосеяния. Семена многих трав, которые кое-где и раньше росли в пустыне, теперь высевают с самолетов: песчаный ячмень (кияк), песчаный пырей (иркек), верблюжью колючку (янтак) и многие другие травы и кустарники.

Быт кара-калпакских пастухов сделался социалистическим. Давным-давно ушли в прошлое времена, когда пастух со своею отарой бывал десятки дней оторван от всего мира. Овечьи отары имеют теперь с колхозом двустороннюю радиосвязь. По пескам от отары к отаре кочует передвижная библиотека, кинопередвижки, концертные бригады. В глубине пустыни, где электроэнергии еще нет, пастухи слушают радиопередачи, пользуясь «колхозным радиоузлом КРУ-2», в котором динамомашину заставляет работать маленький ветродвигатель. Почтовый самолет облетает пустыню. Словом, жизнь здесь так же деятельна, полна трудовых забот, страстей и общечеловеческих интересов, как и жизнь всей Советской страны.

Когда летишь из Нукуса к северо-востоку, внизу, на фоне серо-желтой степи, зелеными, неправильной формы пятнышками вырисовывается длинная цепь новых оазисов. Здесь самый крупный в Кара-Калпакии хлопковый район. Канал Кыз-Кеткен, начинающийся недалеко от Тахиа-Таша, воздвигнутый в 1938 году, превратил в Чимбайском районе шестьдесят пять тысяч гектаров бесплодной земли в плантации хлопка, люцерны и риса.

Надо сказать, что вода имеет в Кара-Калпакии еще большее значение, чем в остальной Средней Азии: в Кара-Калпакии — почти мировой минимум осадков. Дождей и снега здесь выпадает за год столько, сколько в средней полосе России выпадает во время одного обычного летнего ливня. Поэтому научным работникам Чимбайской опытной сельскохозяйственной станции приходится каждую культуру, прежде чем передать ее колхозникам, осваивать наново, применительно к местным условиям, вырабатывать новую агротехнику, проводить сызнова селекционную работу.

В Чимбайской степи, покрытой крупными кочками, похожей на потертый каракуль, стоят в старческой горделивости у дорог рыжие дувалы — остатки маленького дореволюционного кара-калпакского селения Чимбая. Теперь Чимбай превратился в город. Мимо дувалов бегут из новых оазисов колхозные грузовики на Чимбайский хлопкозавод, на новый маслозавод, к другим предприятиям города. В Чимбае много новых зданий: Дом культуры, два кинотеатра, три больницы, библиотека, жилые дома.

Поезжайте в любой чимбайский колхоз, вас сейчас же познакомят с хлопкоробами и рисоводами. Колхозники поведут вас и к какому-нибудь опытному участку виноградника или в яблоневый сад, который они сумели вырастить в своей степи, веками слывшей бесплодной.

Но для того чтобы по-настоящему оценить все значение этих первых небольших оазисов, для того чтобы каждая виноградная лоза, каждая яблоня, выращенная здесь, стала для вас тем, что она есть на самом деле, — вехой в истории кара-калпакского народа, — для этого нужно сказать еще несколько слов о кара-калпакской земле. Если все поля, все сады — словом, всю землю, которую кара-калпакский народ оросил за последние годы, собрать воедино, окажется, что эти поля и сады пока еще составляют ничтожную часть кара-калпакской земли.

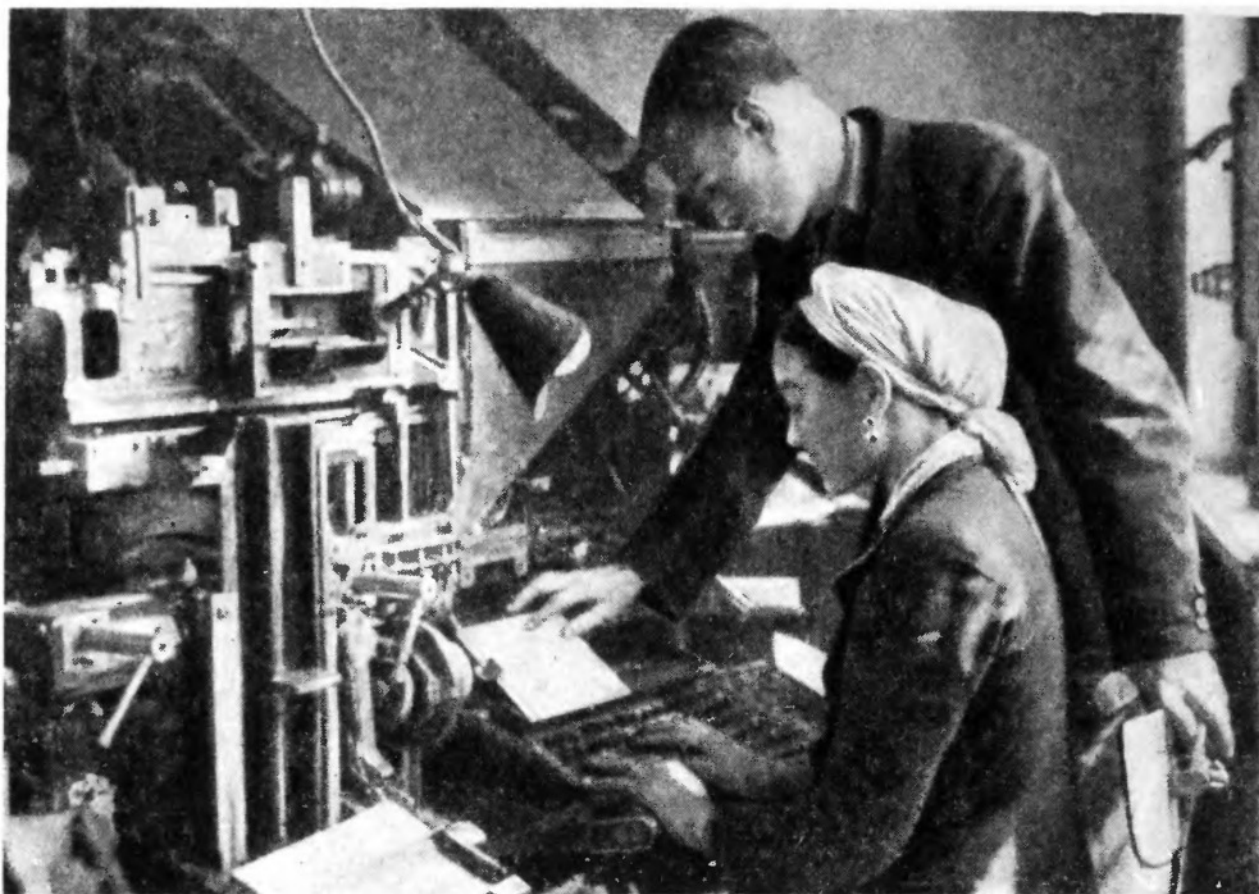
Едешь неделями по этой земле, и на пути попадаются лишь колодцы с солоноватой водой. «Только тогда, когда в течение многих знойных, палящих дней получаешь лишь по пиале затхлой, солоноватой воды, только когда целыми неделями не видишь глади этого спокойного жидкого минерала, не слышишь звонкого журчания его потоков, — только тогда понимаешь и учишься ценить это замечательное химическое соединение H_2O , без которого нет жизни, нет счастья, нет богатства, нет ничего на земле...» — написал в своей записной книжке А. Е. Ферсман, путешествуя по Кара-Калпакии.

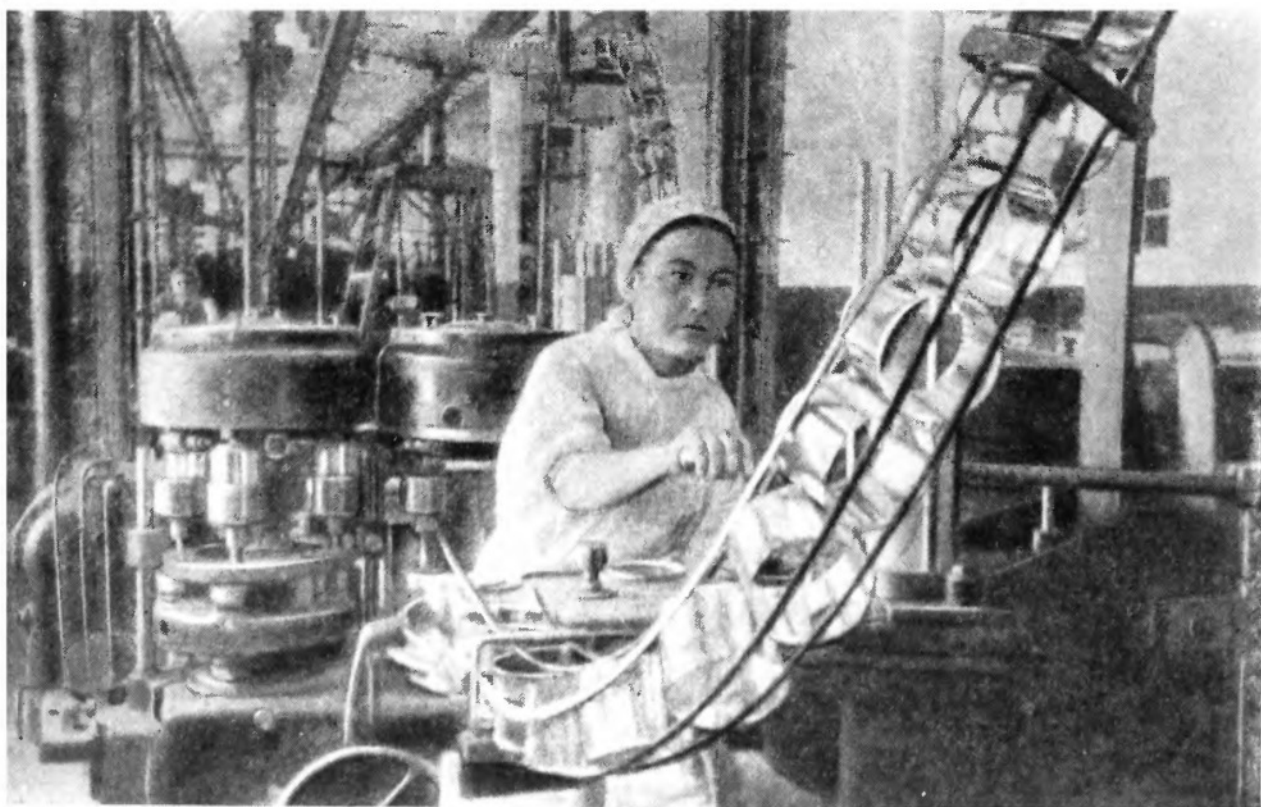
Хирург Уразмет Халмуратов после полета к больному.

Школьницы города Ходжейли.

Нукус. На полиграфическом комбинате.

Город Муйнак. На консервном комбинате.

Однако кара-калпакская земля, в особенности по левую сторону Аму-Дарьи, так называемая Шуманайская степь, не всегда была безводной, бесприютной, безлюдной. В степи этой на сотни километров тянутся еле угадываемые глазом остатки древних оросительных систем, меж которых во многих местах белеют солончаки. О солончаках этих есть легенда. Будто в давние времена, когда была здесь вода, богачи за каждую каплю ее требовали плату. Слезы нищих крестьян прожигали иссохшую землю. От слез стала соленой вода, и тогда облетела листва в садах, травы приникли к земле. И осталась на земле лишь соль людских слез.

Когда вылетаешь сюда, на запад, из Нукуса, то, перелетев через коричневую ленту Аму-Дарьи, в Шуманайской степи видишь теперь цепь новых хлопковых оазисов. Они орошены каналом имени Ленина и тянутся вплоть до Кунграда. В оазисах этих, кроме хлопка, сеют рис, выращивают сады и широко культивируют люцерну. Кара-Калпакия, как и Хорезм, знаменита на весь мир своими превосходными сортами люцерны.

Шуманайская степь расцветает. Все ближе к Кунграду движется сквозь нее укладочный поезд строителей Транскаракумской железной дороги, все дальше идет по степи рельсовая колея.

Любопытный спор довелось мне слышать однажды в Нукусском аэропорте. В ожидании самолета спорили два хозяйственника: чимбаец и кунградец. Речь шла о воде. Чимбаец доказывал, что в Кара-Калпакии выгоднее воду тратить на хлопок, кунградец — что на животноводство. После долгих подсчетов у спорщиков получилось, что один кубометр воды, израсходованный на хлопководство в пустыне, дает около ста граммов хлопка-сырца, а на животноводство — около двух с половиной килограммов шерсти, десяти литров молока и восьми килограммов мяса и жира. Разумеется, оба спорщика понимали, что важно и то и другое. В Кунградском районе, как и в Чимбайском, колхозники борются за высокие урожаи хлопка. Но большее значение в жизни Кунграда пока еще имеет животноводство.

Самое далекое от Нукуса поселение расположено у колодца Чурук. Колодец этот находится посреди Устюрта.

Устюрт — высоко поднятое над уровнем моря плато, на котором простерлась величайшая глинистая пустыня. Недавно еще он был совершенно безлюден. Кара-калпаки говорили раньше об Устюрте, что это «такая пустая пустыня, в которой даже врага не встретишь». Мрачное впечатление производит Устюрт на свежего человека. Перед ним на волнистой равнине, сколько видит глаз, сереют лишь жалкие кустарники, покрытые пылью. Солнце блестит на поверхности глины, и ветер метет песок, шурша и сгребая его в кучки.

Когда проходило национальное размежевание Средней Азии, границы вычерчивались так, что казахские селения оказывались в Казахстане, кара-калпакские — в Кара-Калпакии. На Устюрте в то время

людей вовсе не было. Поэтому Устюрт попросту разрубили прямо по пятьдесят восьмому меридиану: половина вошла в Казахстан, половина — в Кара-Калпакию. Это наглядно видно на географической карте.

Спустя несколько лет на кара-калпакском Устюрте вырос первый населенный пункт — колодец Чурук. Здесь поселились три человека, работники метеорологической станции. Это была своеобразная зимовка. Люди, жившие здесь, были связаны с миром лишь самолетом, изредка прилетавшим.

Вслед за этим на Устюрте появились первые научные экспедиции. Географы с помощью аэрофотосъемки составили карту Устюрта. Геологи нашли на Устюрте запасы соли, литографский камень, минеральные краски и признаки месторождений каменного угля и нефти. Геоботаники изучили растения на Устюрте и пришли к выводу, что здесь можно пасти два миллиона овец, если была бы вода.

Когда кончилась война, через Устюрт прошла трасса знаменитого перегона: сорок восемь тысяч овец прошли из Узбекистана через Кзыл-Кумы, пересекли всю Кара-Калпакию, Устюрт и вышли к Астрахани. Длина перегона равнялась четырем тысячам километров. Это был скот, который узбекский народ посылал украинцам и белорусам, пострадавшим в дни Отечественной войны. Отары овец сопровождали ветеринарные врачи, зоотехники, связной самолет. На самолете же вперед вылетали колодезные бригады, чтобы на пути перегона вырыть колодцы. Так на Устюрте появилась «дорога колодцев».

Потом на южном Устюрте обосновалось и выжило первое верблюдоводческое хозяйство. Зимой 1948/49 года здесь успешно прошла первая зимовка овец и появились бетонированные водопой. Летом 1952 года у колодца Чурук на целине из гипсового солончака выросла и дала урожай на первых четырех гектарах пашни засухоустойчивая пшеница, выведенная Милютинской станцией богарного земледелия. На обрывах Устюрта появились экспедиции инженеров-путейцев; скоро железная дорога пересечет весь массив Устюрта. Шаг за шагом советские люди завоевывают и эту бесплоднейшую из кара-калпакских земель.

3. В ДЕЛЬТЕ АМУ

Невдалеке от Нукуса вдоль берега Аму выстроились причалы крупной кара-калпакской речной пристани Ходжейли. Рядом с пристанью в кольце садов и хлопковых плантаций простер свои улицы маленький городок.

Подле него геологи несколько лет назад разыскали богатые запасы известняка-ракушечника. И в Ходжейли выросли новая электростанция и известковый карьер. Под городом загремели взрывы, заработала камнедробильно-сортировочная установка, заскрежетали экскаваторы, за-

гудели моторы автомобилей-самосвалов, были построены кирпичный завод и завод пеносиликатного кирпича; на нем из песков Кара-Кумов и ходжейлинской извести делают пеносиликаты — отличный материал для стен. Стала быстро разрастаться и пристань Ходжейли. Возле ее портовых сооружений по вечерам на воде заблестели, куда гуще, чем прежде, огни барж, катеров, бакенов.

Под выходной делью многие жители этого городка: служащие пристани, рабочие судоремонтных мастерских и хлопкозавода — заядлые охотники — выезжают за город с ружьями, некоторые на лодках. Они едут в один из ближайших тугаев, а то и в глубь дельты великой среднеазиатской реки.

Тугай — это среднеазиатские джунгли. Широкими полосами вытянулись тугаи вдоль Аму-Дарьи иногда на пятнадцать-двадцать километров. В тугаях растут особые тополя — туранга, джунгарские ивы, деревца джиды с мелкими оранжевыми цветами, сидящими в пазухах листьев, кусты тамарикса и кендыря — заросли их густо оплетены лианами, так что сквозь них приходится продирааться. Некоторые лианы достигают двадцати четырех метров длины. Местами в тугай вклинивается густой тростник, местами — эриантус, гигантский злак, на котором серебрятся метелки. В тугае на звериной тропе можно встретить огромного аму-дарьинского кабана-секача. Яркоперые фазаны с шумом взлетают из-под ног охотника. В густой чаще серым клубком пробежит еж, преследующий змею. А порой охотнику доводится встретиться здесь и с самим «хозяином камышей» — туранским тигром.

Тугаи переходят в дельту Аму, одну из самых больших речных дельт мира. Она в полтора раза больше дельты Нила. Но дельта Аму почти безлюдна, потому что даже и здесь, в этом море ржавого камыша, изборозжденного бесчисленными протоками, Аму все так же «безумна», все так же неожиданно меняет свои пути.

Есть возле самой западной точки дельты, под крутым обрывом Устюрта селение Урга. В Урге находится управление Аму-Дарьинского государственного заповедника. Над входом в него написано: «Где уничтожается природа — там иссякает жизнь». На территории заповедника запрещено вырубать и выжигать камыш и другие растения, запрещено охотиться, ловить рыбу. Весь смысл охраны этой могучей в своем росте дикой природы станет ясным, если наглядно представить себе роль человека в изменении географии наших растений.

Земледелец, распахивающий целину под пашню, пастух, выгоняющий стадо в поле, ирригатор, орошающий степь, агроном, борющийся с сорняками, — все они, наступая на природу, подчиняя ее себе, вместе с тем уничтожают десятки видов растений, считающихся бесполезными. Однако немало таких до поры до времени «бесполезных» растений человечество сумело освоить, открыть в них и каучук, и прекрасное волокно, и ценные лекарственные и химические вещества. Мы, советские люди, обязаны сохранить для потомков, для будущих замеча-

тельных открытий все богатство растительности, каким наделила землю природа. Вот первая задача заповедников, этих девственных островов в океане земель, изменяемых хозяйственной деятельностью человека. В Узбекистане несколько заповедников. Аму-Дарьинский — крупнейший из них.

Птицы прекрасно знают территорию Аму-Дарьинского заповедника и почти не боятся здесь человека. На легких лодках орнитологи пробираются с помощью длинных шестов сквозь заросли шуршащей о борта густой осоки и камыша. Они наблюдают жизнь птиц, собирая материал для долгой зимней лабораторной работы.

Белые цапли неторопливо шагают по воде в сторону от лодки, и только когда весло прошумит в нескольких шагах от них, цапли неохотно расправляют крылья и поднимаются в воздух. Каравайки, ближайšie родственники египетского священного ибиса — черные птицы с длинными загнутыми клювами, низко несутся над водой, и полые стебли камыша гудят от шума их крыльев. Из камышовой чащи доносится крик лысухи, похожий на звон размываемых льдинок. Жирные бакланы сидят на каирах — прибрежных косах — и обмахиваются крыльями, как веерами; они бросают на лодки презрительные, сытые взгляды и изредка испускают крики, похожие на глухое ржанье. Чомга, заметив камышового луня, накрывает своими крыльями птенцов и вместе с ними от опасности ныряет под воду. Проносится стайка уток, шум их крыльев напоминает порыв сильного ветра. Неуклюжие пеликаны, широко расправив крылья и вытянув мощные, как корабельные носы, клювы, парят в воздухе. Но вот с высоты камнем кидается вниз орел, и над горизонтом, заслонив солнце, поднимается темная туча кричащих гусей, уток, квакв, рыжих и серых цапель, колпиков. Лягушки в испуге замолкают и шлепаются в воду. Ветер разглаживает на воде расплывающиеся после них круги. А птицы долго еще не могут успокоиться и, разлетаясь окрест, верещат.

Здесь, в заповеднике, образовался как бы постоянный питомник птиц для охотничьего хозяйства всей Средней Азии. Кроме того, Аму-Дарьинский заповедник — крупная станция на пути перелета птиц. Они тут кормятся, отдыхают.

Есть у заповедника еще одна важная хозяйственная задача. Спокойные воды протоков, узяков и покрытые ряскою, заросшие водорослями озерки, не тревожимые ловецкими сетями нерестилища — заводи, где рыба мечет икру, нагульные площади, где рыба имсет богатый корм, и глубокие зимовальные ямы превратились в гигантский питомник рыб. Благодаря заповеднику количество рыбы в Аральском море не уменьшается, а с каждым годом увеличивается. Главный ее прокорм составляет вьющаяся над дельтой туча всяческих мошек. Среди рыбного населения дельты живет и аму-дарьинская «знаменитость» — скаферингус. Эта рыба водится лишь здесь и в Миссисипи — и больше нигде в мире.

Советские люди охраняют и, кроме того, обогащают природу дельты Аму. Они привезли на самолетах и выпустили десятки тысяч мальков каспийской сельди, и в Аральском море, кроме местной сельди — чехони, появился крупный каспийский залом. В девственные камышовые заросли за гранью заповедника советские ученые выпустили ондатр — мускусных крыс. Они быстро расплодились, понастроили всюду свои двухэтажные хатки с подводными ходами, хатки, конусы которых возвышаются над водой. И теперь охотники уже широко промышляют этих ценных пушных зверьков.

В дельте Аму советские люди вписали еще одну, совершенно особую, блистательную страницу в историю Средней Азии. Кто не слышал об азиатской саранче! В дореволюционном Туркестане она была народным бедствием. В течение нескольких часов саранча уничтожала труд тысяч дехкан, дочиства опустошая поля. Прожорливость саранчи вошла в поговорку. Главная масса азиатской саранчи рождалась и начинала свой истребительный полет как раз в дельте Аму, в камышах.

Советские люди решили уничтожить саранчу раз и навсегда. Насколько трудна была эта задача, станет ясным, если сказать, что саранча невероятно плодовита: на площади, величиной с обыкновенный стол, может отродиться одновременно двадцать тысяч саранчуков. В дельте Аму стала работать противосаранчовая экспедиция. Ее работники продирались в лодках сквозь камыш и выискивали места скопления саранчовых кубышек. По указанию этих работников с самолетов обливали химикатами громадные пространства камышовых зарослей. В течение нескольких лет саранча в дельте Аму была уничтожена. Чтобы быть уверенным, что саранча не возродится вновь, Советское правительство, договорившись с правительствами Ирана и Афганистана, уничтожает саранчу и на территории этих соседних государств.

4. АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

Арал — в переводе остров. Как синий остров, лежит Арал в желтом море песков. Среди озер мира Аральское море занимает по величине четвертое место: после Каспийского моря, озера Верхнего в США и озера Виктории в Африке. Площадь его — шестьдесят четыре с половиной тысячи квадратных километров, это в сто десять раз больше площади Женевского озера. Но глубина его невелика — всего десять-двадцать метров. Лишь около острова Возрождения глубина доходит до шестидесяти восьми метров.

В «Книге большого чертежа» — первой русской географии — Арал называется «Синим морем». Синева его и впрямь удивительна. Когда выезжаешь в открытое море, оно необычайно чистого цвета — в нем глубина и нежность аквамарина, но без его зеленцы, густота и яркость

бадахшанского лазурита и прозрачность сапфира — синего яхонта. Глядишь на него — не наглядисься.

Здесь, по синему Аралу, сто лет назад плавал великий украинский поэт Тарас Шевченко. Он был царским правительством сослан «в солдаты» на Южный Урал. В качестве художника «рядовой Тарас Шевченко» участвовал в первом научном описании Аральского моря, в экспедиции А. Бутакова. По его картинам и рисункам этого периода видно, что он научился смотреть на природу глазами геолога и метеоролога, ботаника и зоолога. Недаром в одном из позднейших писем Шевченко писал, что «ботанике и зоологии необходим восторг». Почувствовал он это и понял на берегах Аральского моря.

Шевченко довелось видеть «сейши» — характерные для Арала стоячие волны, возникающие от быстрого изменения атмосферного давления. Он любовался прекрасными дюнами, гордо вытянувшимися за чертой морского прибоя. Дважды экспедиция Бутакова побывала на острове Токмак-Ата, нынешнем центре рыбной промышленности Узбекистана. В те времена остров этот, расположенный против дельты Аму, отделенный от нее лишь узким проливом, был пуст и безлюден. Сейчас здесь несколько рыболовецких селений, три рыбозавода. И около нового, большого рыбоконсервного комбината, прижатый барханами песка к кромке берега, вытянулся город Муйнак — родина народного каракалпакского поэта прошлого века Бердаха.

Население этого городка смешанное: кара-калпаки, казахи и русские — «уральцы», переселившиеся сюда во второй половине прошлого века. Беленькие уральские мазанки с камышовыми двускатными кровлями перемешаны с плоскокрыхими среднеазиатскими домиками. В некоторых дворах стоят юрты. Всюду, за изгородями, на улицах сушатся сети, придавая городу романтический вид. У просмоленных причалов на воде переливаются радужные пятна мазута, кипит белая пена под бушпритами катеров, стоят баржи с солью, с рыбой. В заливе белеют треугольники наполненных ветром парусов.

В нескольких километрах от Муйнака, у того же острова, возле пристани Уч-сай, стоянка рыболовецкого флота южной части Аральского моря. Сюда приходят пассажирские и буксирные пароходы из города Аральска, с северного берега моря и с юга — из Аму-Дарьи. Поток грузов, идущий в Кара-Калпаки по Ташкентской железной дороге, поворачивает от Аральска сюда на морских судах и здесь перегружается на пароходы и баржи аму-дарьинской флотилии.

Долгое время судоходство из Аму в Арал было на редкость трудным. Ведь Аму большую часть своего ила осаждает именно в дельте. Пароходы постоянно в дельте садились на мели и неделями с них не сходили. Советские речники нашли простой и остроумный способ соединить с морем судоходное русло Аму. В самом спокойном месте дельты, где почти нет течения, они прямо сквозь камыш, поперек движения всей массы воды, прорубили узенькую дорожку. Так появилась «Муйнакская

тропа», по которой, с трудом разъезжаясь, ходят теперь пароходы с баржами.

Рыболовецкие флотилии уходят то к самой середине моря, к острову Возрождения, то ловят рыбу вдоль берегов. В Аральском море водится усач, похожий на аршинного пескаря, тарань, чехонь, сом, карп, лещ, щука, судак, окунь, голавль. На палубу сейнера возле жереха с киноварно-красной губой, из сети иногда выливается и красноперка. Но самая знаменитая из здешних рыб — шип, аральский осетр. С каждым годом ловцы все меньше вылавливали его. Тогда на лов шипа был наложен запрет. В течение нескольких лет аральский осетр вновь расплодился, снова стал промысловой рыбой, опять приносит славу Аралу.

В самые последние годы аральским рыбакам начала попадаться в сети и каспийская севрюга; живую икру этой ценной «красной» рыбы советские рыбозаводы перебросили на самолетах из Каспия в дельту Аму-Дарьи, выдержали ее здесь в специальных рыбозаводных аппаратах, и, когда из икры выклюнулись мальки, рыбозаводы выпустили их в воды великой среднеазиатской реки. Так в Арале вслед за каспийскою сельдью появилась севрюга.

Есть на Аральском море остров, который называется Барса-Кельмес — «Пойдешь — не вернешься». На острове этом устроен заповедник сайгаков — степных антилоп и джейранов. Почти истребленные в Средней Азии охотниками, они теперь живут здесь и размножаются под защитой человека.

Мудро, просто и вдохновенно обогащают и переделывают природу советские люди. Нет в Советском Союзе города, нет края, где люди не отдавали бы свои силы и сердце этой благородной работе. И у каждого города, каждого края есть свое прекрасное, ожидаемое с нетерпением будущее: близкое — выраженное в цифрах и планах очередных работ, и далекое — существующее пока лишь в мечтах. Советские люди привыкли мечтать о будущем действительно, конкретно, реально, хотя горизонты их мечтаний и беспредельны. Есть своя далекая мечта и у аральцев. Что же это за мечта?

В отдаленные тысячелетия реки Обь и Иртыш текли не на север, к студеному Ледовитому океану, а на юг, в Арало-Каспий. Горообразовательные силы постепенно подняли в центре Сибири возвышенность и опрокинули эти реки к поясу вечной мерзлоты. Воды их уходят бесплодно в океан. А Средняя Азия, лишившись этих вод, стала одним из самых засушливых мест на земном шаре. И у советских людей возникла смелая мысль: нельзя ли сибирские реки повернуть обратно на юг, в Арал, и оросить ими огромные пустынные площади в Кара-Калпакии и Казахстане? Тогда уж не пустыней, не степью пойдет поезд через Казахстан от Чкалова и до Ташкента, — он пойдет сплошными садами, виноградниками и полями.

Сейчас это кажется лишь мечтою. Но разве не такой же далекой

мечтой казался нам тридцать лет назад путь, что проделал узбекский народ за эти годы, тот путь, который был начертан Коммунистической партией, когда она поднимала узбекский народ, как и другие народы Союза, на величайшие в истории подвиги и на невиданный, самоотверженный, созидательный, творческий труд?

«...Надо учиться смотреть и в даль. Жизнь дана надолго и не только для нас, а и для потомков наших. Жизнь развивается все быстрее, и то, что вчера было далеко, завтра может подкатиться под бок нам», — говорил Алексей Максимович Горький в одном из своих писем. Сколько раз с тех пор, как были написаны эти слова, далекое «подкатывалось под бок нам»! И вот уже мы, советские люди, стоим на пороге коммунистического завтра и пытливо вглядываемся в даль, стремясь поглубже заглянуть в прекрасное будущее.

Мы не в силах разглядеть все чудесные подробности этого будущего. Но по опыту прожитых лет мы знаем: оно будет богаче, чем может представить себе самое пылкое воображение. Общие очертания этого будущего мы видим и в наших хозяйственных планах, и в том, как растет коммунистическое сознание советских людей, в коммунистическом отношении к труду.

Коммунистическому сознанию свойственна любовь к своему делу. Там, где нет этой любви, — нет будущего, нет ни ослепительных надежд, ни плодотворных мечтаний, ни борьбы за то, чтобы претворить эти мечтания в жизнь, — словом, нет ничего, что делает человека счастливым. Любовь к своему делу, охватывающая все более широкие массы трудящихся, являющая себя в гигантском размахе и росте стахановского движения, становится в нашей стране всеобщей любовью. Мы живем в великое время — когда нет мелких дел: каждая профессия, каждое дело советского человека приближает к нам прекрасное коммунистическое завтра.

Именно об этой любви, о всеобщей влюбленности в свое дело рассказывает частная, маленькая, но вместе с тем, подобно молнии, освещающая общее и большое, сценка, свидетелем которой мне пришлось быть.

Было это под Ташкентом, в разгар весеннего цветения в обширном саду плодово-ягодного института Академии наук Узбекистана. Около невысокого, усыпанного лиловато-розовыми цветами абрикосового деревца стояла группа школьников, приехавших на экскурсию. Работник сада, плодовод-ученый, рассказывал им об абрикосовом деревце. Это был немолодой человек, представитель того поколения узбекского народа, у которого была суровая юность и перед которым революция открыла дорогу к свободной, творческой жизни, — иначе говоря, это был один из тех людей, что, оглядываясь на прожитую жизнь, говорят о себе: «Я прожил жизнь более счастливую, чем, может быть, полагается человеку». Перед ним в красных пионерских галстуках стояло поколение, которое уже твердо убеждено, что человеку на земле полагается безграничное счастье.

И вот, когда ученый с воодушевлением рассказывал ребятам о поздноцветущем абрикосе, выведенном плодоводами, один из пионеров, мальчик со смуглым румянцем на пухлых щеках и густыми узбекскими бровями, усмехнулся, и шепнул что-то на ухо товарищу.

— Я вижу, — обратился к мальчикам плодовод, — вы думаете: вот чудак! Решил, что от его абрикоса судьбы всего мира зависят!

— Я так не думаю... — смущенно пробормотал второй мальчик.

— Ну, не ты, так он! — весело сказал ученый, кивая на мальчика с густыми бровями. — Не правда ли?

— Да, — просто ответил тот.

— Вот как! Может, ты даже знаешь, что я хочу сказать дальше?

— Знаю.

— А ну?

Мальчик озорно подмигнул товарищам и сказал:

— Мой дядя, архитектор, говорит, что при коммунизме все люди будут жить в красивых домах. А знакомый моего дяди, скрипач, говорит, что при коммунизме все станут музыкантами.

Плодовод рассмеялся:

— Я хотел сказать именно это. Ты угадал, мальчик. При коммунизме, дети мои, вся страна наша превратится в цветущий сад.

СОДЕРЖАНИЕ

МЫ ЕДЕМ В ТАШКЕНТ В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

1	День приезда	21
2	Наследство Ташкента	24
3	Караван Арсланова	28
4	Мост через Анхор	30
5.	Город ученых	32
6.	Цветы и деревья	39
7	Хлопковая столица	42
8	У подъезда Дома правительства	46
9	В текстильном городке	51
10	Страницы истории Сельмаша : : :	55
11	Промышленное кольцо	59
12	Когда на город опускается вечер	62
13	Об одном празднике	66
14	За городом	70
15	Теория и практика одного ученого	75
16	Чирчик	77
17.	«Кочегарка Узбекистана» : : :	80
18	На новом пути	82
19.	Творцы индустриальной деревни	87
20.	Некоторые сведения о воде	90
21.	В Голодной степи	93
22.	У скал Фархада	99

ФЕРГАНСКОЕ КОЛЬЦО

1	Ворота в Фергану	107
2.	О чем рассказывают рыбки :	109
3	В Коканде	111
4.	Город шелка	117

5. В новом селении	120
6. «Живая красавица»	123
7. На Алайском хребте	127
8. Озирая сверху долину	130
9. Колхозный базар	134
10. Родина творцов хлопка	137
11. «Белое золото»	143
12. В Намангане	146
13. Путь воды	151

ВНИЗ ПО ЗАРАФШАНУ

1. В Джизакской степи	159
2. На адырах	161
3. Здравствуй, Самарканд!	165
4. На Регистане	170
5. Слава Самарканда	173
6. В садах	178
7. История одной сливы	181
8. В виноградарском колхозе	184
9. На Мианкале	188
10. Узбекское море	191
11. Созвездие молодых поселков	196
12. Перекресток трех республик	199
13. Утро города	201
14. Наследство Абу Али Ибн-Сины	205
15. «Бухара-и-шериф»	207
16. Это было в Бухаре	213
17. Наступление на пустыню	216
18. Каракулевая пустыня	222

НА ЮГЕ

1. Долина снежной реки	229
2. В Шахрисябзе	230
3. 39°8' северной широты	233
4. Баракà	235
5. В Байсунских горах	241
6. Пещеры первобытного человека	245
7. Сухие субтропики	247
8. На границе	254

В ХОРЕЗМЕ

1. Безумная река	261
2. По следам древнехорезмийской цивилизации	266
3. В Ургенче	271
4. Город народного искусства	276
5. Рождение кишлаков	280
6. Материальное выражение дружбы	283

НА ЗЕМЛЕ ҚАРА-КАЛПАКОВ

1. В Нукусе	289
2. На воздушных трассах Кара-Калпакии.	293
3. В дельте Аму	298
4. Аральское море	301

Издательство просит прислать отзыв об этой книге. Сообщите, понравилось ли вам содержание и оформление книги и какие у вас есть пожелания. Укажите свой адрес, профессию и возраст. Отзывы присылайте по адресу: Москва, Суцеская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Цветные иллюстрации
В. Кайдалова

Рисунок на переплете, заставки,
концовки и шмуцтитулы
Ю. Коровина

Карта *Н. Клюева*

Редактор *Г. Малинина*

Худож. редактор *З. Ильинская*
Техн. редактор *М. Терюшин*

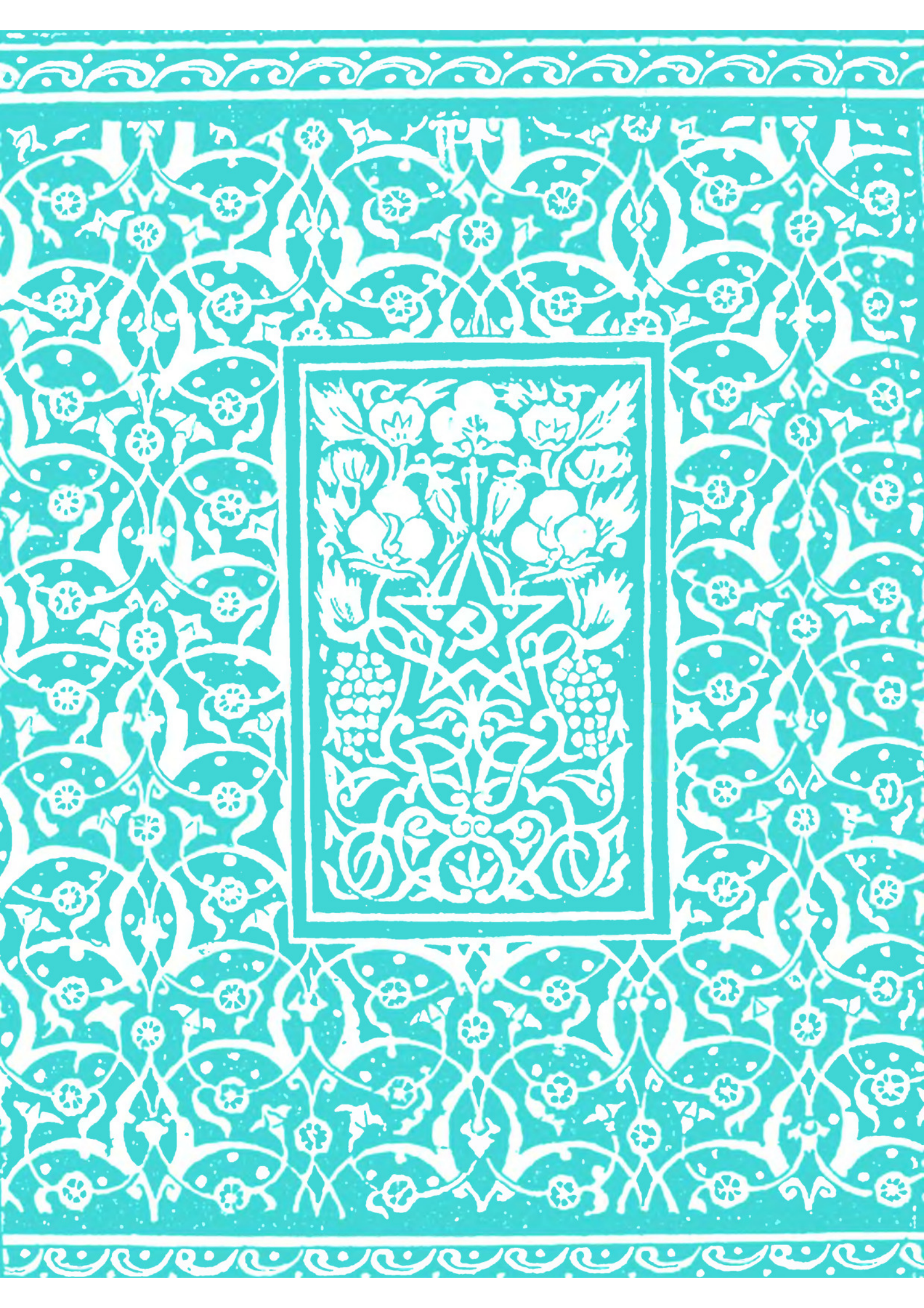
*

A06943 Подп. к печ. 27/X 1953 г.
Бумага $70 \times 92\frac{1}{16} = 9,75$ бум. л. =
22,7 печ. л. + 35 вкл. Уч.-изд. л.
20,07. Тираж 90 000 (15 000 + 75 000)-
2-й завод 60 000 экз. Заказ 1758.

Цена 10 р. 80 к.

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, Сущевская, 21.

10 р. 80 к.